

И. М. Халабаджах

ИНТЕГРИРОВАННЫЙ КУРС ЛИТЕРАТУРА

(Русская и зарубежная)

ОСНОВА
УЧЕБНИКА

8
КЛАСС

УДК 821.161.1.09+82(100).09(075.3)821.161.1.09
ББК 83.3(4Рос)72
Х17

Халабаджах И. М.

Х17 Литература (русская и зарубежная). Учебник для 8 класса общеобразовательных школ с русским языком обучения / И. М. Халабаджах. — Х. : Изд. группа «Основа», 2016. — 431, [1] с. : илл., схемы, табл.

ISBN 978-617-00-2615-6.

УДК 821.161.1.09+82(100).09(075.3)821.161.1.09
ББК 83.3(4Рос)72

Учебник содержит электронное приложение с интерактивными тестами, которые позволяют провести экспресс-контроль знаний учащихся.

<http://goo.gl/...>

ISBN 978-617-00-2615-6

© Халабаджах И. М., 2015

© ООО «Издательская группа «Основа»», 2016

ВВЕДЕНИЕ	7
Вместо предисловия	8
Книга — чудо, а писатель — маг	8
Словесность — только образ	11
РАЗДЕЛ I. ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЭЗИИ ВОСТОКА	19
Омар Хайям (1048–1131)	
«Мудрец, взрастивший в сердце росток Любви Живой»	21
О «Рубайяте» Омара Хайяма	23
Рубаи	27
О переводах рубаи Омара Хайяма	31
Запечатлённая в камне и мраморе память о персидском поэте Омаре Хайяме	33
Шота Руставели (конец XII — начало XIII веков)	
«Должно сердцу быть для сердца и дорогой, и мостом»	35
«Витязь в тигровой шкуре» — поэтическая «радуга любви»	37
Витязь в тигровой шкуре (отрывки)	41
Памятники Ш. Руставели и памятные места, связанные с жизнью поэта	51
РАЗДЕЛ II. ВЕЧНЫЕ ТЕМЫ И ОБРАЗЫ В ЛИТЕРАТУРЕ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ	55
Эпоха Возрождения	
«Какое чудо природы человек!»	57

Вильям Шекспир (1564–1616)	
«Он человек был, человек во всём»	60
О драме	64
Ромео и Джульетта (отрывки).	65
«Любовь — дитя планеты, Ромео и Джульетты в любом краю...»	87
«Не хвастай, время, властью надо мной!»	90

Мигель де Сервантес Сааведра (1547–1616)	
«Сын своих дел»	93
Алькала-де-Энарес — город, где родился	
М. Сервантес	96
Об истории создания романа «Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский»	97
Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский (избранные главы)	100
Интерпретация образа Дон Кихота в поэзии и других видах искусства	138

РАЗДЕЛ III. РАЗНООБРАЗИЕ ЖАНРОВ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX СТОЛЕТИЯ. 141

Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837)	
«Пушкин — певец свободы»	143
О лирике и лирическом герое	149
И. И. Пущину	150
Во глубине сибирских руд	151
19 октября	152
Из истории создания повести А. С. Пушкина	
«Капитанская дочка»	156
Капитанская дочка (избранные главы)	157
«И память Каменки любя...»	204

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841)	
«Я каждый день бессмертным сделать бы желал...»	207
Желание	210
Я жить хочу! хочу печали...	211
Поэт	211
Дума	213
Молитва	214

Как часто, пёстрою толпою окружён...	214
Пророк	216
Родина	217
Выхожу один я на дорогу...	217
Лермонтов и Шевченко — два гения одной эпохи	223
Николай Васильевич Гоголь (1809–1852)	
«О Гоголь, наш несравненный Гоголь»	225
Об истории создания комедии	
Н. В. Гоголя «Ревизор»	228
Ревизор (в сокращении)	230
О «Ревизоре» как драматическом произведении	266
«Театр — великая школа»	270
Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883)	
Писатель чуткой совести и просвещённой мысли	272
Об истории создания повести И. С. Тургенева «Ася»	275
Ася (в сокращении)	276
О стихотворениях в прозе	303
Порог	304
Памяти Ю. П. Вревской	305
Воробей	306
Голуби	307
Природа	308
Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин (1826–1889)	
«Он проповедовал любовь враждебным словом отрицанья»	310
Об особенностях «Сказок для детей изрядного возраста»	313
Дикий помещик (в сокращении)	315
Премудрый пискарь	320
Лев Николаевич Толстой (1828–1910)	
«Духовно живой человек»	329
О творческой истории рассказа «После бала» и его художественных особенностях	332
После бала (в сокращении)	334
Через Ясную Поляну пролёг нравственный меридиан мира	344

**РАЗДЕЛ IV. ПРОБЛЕМЫ, ВОЛНУЮЩИЕ ЧЕЛОВЕКА
МЫСЛЯЩЕГО В ЛИТЕРАТУРЕ XX СТОЛЕТИЯ 347**

Алексей Максимович Горький (1868–1936)

«Счастье быть писателем» 349

Старуха Изергиль (в сокращении) 352

Антуан де Сент-Экзюпери (1900–1944)

«Цитадель, я воздвигну тебя в сердце человека!» 366

Об особенностях повести-сказки

Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц» . . . 368

Маленький принц (в сокращении) 370

«Ваш сын жив, он среди людей!» 392

Аркадий Натанович Стругацкий (1925–1991)

Борис Натанович Стругацкий (1933–2012)

Уникальный тандем мировой фантастики 394

Трудно быть богом (в сокращении) 396

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ 423

СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЛЯ ВНЕКЛАССНОГО

И СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ 430

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРДЫ 432

Введение

Литература — сердце мира, окрылённое всеми радостями и всем горем его, мечтами и надеждами людей, отчаянием и гневом их, умилением человека перед красотой природы, страхом перед её тайнами; это сердце неутомно и бессмертно бьётся жаждой самопознания...

Литературу можно также назвать всевидящим оком мира, оком, взор которого проникает в глубочайшие тайники жизни человеческого духа.

Максим Горький

Главный читальный зал научной библиотеки Львовского
Национального Университета имени Ивана Франко

Вместо предисловия

Книга — чудо, а писатель — маг

Я люблю книгу: каждая из них мне кажется чудом, а писатель магом, я не могу говорить о книгах иначе, как с волнением, с радостным энтузиазмом.

Максим Горький

Дорогие восьмиклассники! Наступил новый учебный год, и вы приступаете к изучению нового курса литературы. А задумывались ли вы над тем, что такое литература, какую роль в жизни человека она играет, какое отношение литература имеет к науке и зачем её изучают в школе как особый предмет? Какое влияние оказывает литература на человека и почему так задевают за живое, так трогают душу литературные произведения?

Много десятилетий назад Алёша Пешков, будущий выдающийся писатель Максим Горький, живя «в людях», впервые прочитал поэмы А. С. Пушкина. «Я прочитал их все сразу, охваченный тем жадным чувством, которое испытываешь, попадая в невиданное красивое место, — всегда стремишься обежать его сразу, — вспоминал он позднее. — Так бывает после того, когда долго ходишь по моховым кочкам болотистого леса и неожиданно развернётся перед тобою сухая поляна, вся в цветах и солнце. Минуту смотришь на неё очарованный, а потом счастливо обежишь всю, и каждое прикосновение ноги к мягким травам плодородной земли тихо радуется... Полнозвучные строки стихов запоминались удивительно легко, украшая празднично всё, о чём говорили они, это делало меня счастливым, жизнь мою — лёгкой и приятной, стихи звучали, как благовест¹ новой жизни. Какое счастье — быть грамотным!»

Очевидно, и вам приходилось испытывать чувство счастья от того, что вы грамотны и можете насладиться чтением хорошей книги. И вот на уроках литературы в 8-м классе вам снова представится возможность погрузиться в удивительный мир литературы, встретиться с новыми хорошими книгами.

Однако в наши дни путь к книге не так прост, как в прошлые годы. И пролегает он не только через походы в книжный магазин или школьную библиотеку, но и через просторы интернета, «окно» телевизора, посещение театра или кинотеатра, общение

¹ *Бла́говест* — колокольный звон, извещающий о церковной службе; здесь: предвестие, предзнаменование.

с ровесниками и взрослыми. И очень непросто разобраться в потоках самой разнообразной, подчас случайной информации, которая захлёстывает вас на этом пути. Входя в сокровищницу мировой литературы, нужно уметь выбрать именно ту информацию, что может стать живительным источником энергии, будет согласовываться с личной внутренней потребностью. Нужно учиться правильному чтению, а это самый настоящий труд. Труд особого рода, несущий наслаждение и называемый *культурой чтения*.

Выдающиеся мыслители всех времён и народов, в том числе известные писатели, с искренней почтительностью высказывались об этом труде. А. П. Чехов писал, что «воспитание личности требует непрерывных, напряжённых усилий», «вечного чтения». Максим Горький, достигший энциклопедической начитанности благодаря самообразованию, утверждал: «Литература — сердце мира, окрылённое всеми радостями и всем горем его, мечтами и надеждами людей, отчаянием и гневом их, умилением человека перед красотой природы, страхом перед её тайнами; это сердце неутомно и бессмертно бьётся жаждой самопознания». Труды быть читателем учат уроки литературы, развивающие личность.

Идею непрерывного культурного роста личности через чтение как насущной потребности и неиссякаемого источника духовности немецкий поэт и философ И. В. Гёте образно сформулировал так: «...Пустился я в то плавание по морю книг, которое начал с отрочества и продолжаю до сих пор». Эта идея воспринимается сегодня как главное требование времени. За свою жизнь человек, как установили социологи, в состоянии прочесть около трёх или, при особом усердии, пяти тысяч книг! И нельзя быть равнодушным к содержанию чтения, поскольку оно обходится слишком дорого, если время потрачено на неудачно и случайно выбранные книги. Трудность выбора заключена в том, что в мир литературы каждый идёт своим маршрутом — в зависимости от личных склонностей, эстетической грамотности и умения самостоятельно работать и даже от житейских обстоятельств. Необходимы ориентиры, порядок, последовательность, продуманность, целенаправленность. Этому тоже служат уроки литературы.

Вопросы и задания

1. Какие сравнения использует Максим Горький для передачи своих чувств при чтении пушкинских строк? Какие из этих сравнений вам кажутся наиболее яркими, а какие не вполне понятны? Объясните значение слова *благовест* с точки зрения словообразования.

2. Какие книги вызывали у вас чувства, подобные тем какие вызывали поэмы А. С. Пушкина у Максима Горького?
3. Согласны ли вы с утверждением, что путь к книге сегодня стал непростым, а быть читателем — это настоящий труд? Аргументируйте своё мнение.
4. Хочется ли вам погрузиться в удивительный мир литературы, радоваться каждой новой встрече с хорошей книгой на уроках литературы в 8-м классе? С произведениями каких писателей и поэтов вы бы хотели познакомиться в новом учебном году, о каких авторах вы готовы поговорить?

Работаем творчески

- ◆ Прочитайте высказывания писателей и философов в цитатной подсказке, определите основную мысль, которая их связывает.
- ◆ Распределите цитаты на группы в зависимости от тем, которые они выражают (книга, литература, искусство, человек, человечество). Определите, все ли цитаты можно чётко разнести в отдельные группы, или некоторые могут войти одновременно в две группы.
- ◆ Напишите мини-рассуждение на основе одной из цитат.

Цитатная подсказка

1. Книга — чистейшая сущность человеческой души (*Т. Карлейль*).
2. Из всех проявлений человеческого творчества самое удивительное и достойное внимания — это книги... В книгах живут думы прошедших времён; внятно и отчётливо раздаются голоса людей, прах которых давно разлетелся, как сон... Всё, что человечество совершило, передумало, всё, чего оно достигло, — всё это сохранилось, как бы волшебством, на страницах книг. Они — драгоценное достояние человечества (*Т. Карлейль*).
3. Книги говорили мне о том, как велик человек в стремлении к лучшему, как много сделал он на земле и каких невероятных страданий стоило это ему (*Максим Горький*).
4. Мы знаем мир только в его соотношении с человеком, мы не желаем никакого искусства, кроме того, которое является отпечатком этого отношения (*И. В. Гёте*).
5. Вращается весь мир вокруг человека (*А. С. Пушкин*).
6. Человек всегда составляет центральный объект литературного творчества (*Д. С. Лихачёв*).
7. Искусство — это зеркало, отражающее того, кто в него смотрит... (*О. Уайльд*)

Словесность — только образ

Словесность (литература) не есть сумма всех познаний человеческих. <...> Она есть только образ, которым передаёт человек человеку всё им узнанное, найденное, почувствованное и открытое как в мире внешних явлений, так и в мире явлений внутренних, происходящих в собственной душе его. Её дело в том, чтобы передать это в виде яснейшем, живейшем, способном навеки остаться в памяти.

Н. В. Гоголь

В современном мире нет человека, который бы так или иначе не был причастен к искусству. Кино, театр, музыка, хореография, живопись, архитектура, скульптура — все эти виды искусства давно и прочно вошли в жизнь человека, стали важной составной частью духовной культуры человечества. Так же не найти современного человека, который бы так или иначе не соприкасался с наукой. В центре внимания и науки, и искусства находятся человек и мир, в котором человек живёт. По возможности осмысления и отображения действительности искусство не уступает науке: посмотрев художественный фильм, послушав музыку, увидев картину, человек может узнать о самом себе, о своей истории, об устройстве мира так же много, как если бы просмотрел исторические документы, прочитал параграф учебника по биологии или химии, познакомился с астрономическими фактами. Но способы отображения и осмысления мира наукой и искусством различны: наука использует для этого строгие и однозначные понятия, а искусство — художественные образы. Особые средства для воспроизведения реальной действительности в арсенале искусства: для литературы это слово, для музыки — звук, для изобразительного искусства — цвет и линия, для скульптуры — объём. Своя и форма существования искусства — это художественное произведение (поэма, картина, спектакль, кинофильм и т. д.). Поэтому и воздействие на человека способами науки и искусства разное. Наука воздействует в первую очередь на разум человека, искусство — на чувства, на душу и только потом — на разум.

Цель искусства двойственна: для творца — это художественное самовыражение, для ценителя — наслаждение красотой. Вообще красота так же тесно связана с искусством, как истина с наукой и добро — с моралью. Общение с миром искусства доставляет

людям радость и наслаждение. «Поэзия,— говорил Л. Н. Толстой,— есть огонь, загорающийся в душе человека. Огонь этот жжёт, греет и освещает». Но нельзя видеть в произведениях писателей, композиторов, художников только средство приятного времяпрепровождения и получения удовольствия, хотя мы нередко идём в кинотеатр, садимся к телевизору, берём в руки роман или повесть, чтобы отдохнуть, развлечься. Да и сами художники, писатели, композиторы так строят свои произведения, чтобы пробудить интерес и даже любопытство зрителей, читателей, слушателей. Но значение искусства в жизни человека несравненно серьёзнее и богаче. Оно помогает лучше увидеть и глубже понять окружающий мир и самих себя, формирует взгляды, чувства, вкусы человека, воспитывает готовность к борьбе за торжество добра и правды.

Писатели и художники для многих и многих своих современников и потомков становились учителями жизни, воспитателями чувств. Известнейший артист, режиссёр кукольного театра, выдающийся театральный деятель С. В. Образцов писал: «Мы никогда не узнаем, о чём каждый читатель советовался с Пушкиным, Чеховым, Горьким, но советовались все, кто их любил. А таких миллионы. Сколько человеческих душ сформировали эти писатели, сколько людей уберегли от душевного растрепания, неверия в человека, от пошлости, кривлянья! Скольких заставили задуматься о смысле жизни и направили на поиск этого смысла!». В трагических обстоятельствах и в переломные моменты жизни люди нередко обращаются к произведениям искусства как к источнику духовной силы и мужества. И в большой степени это относится к литературе как особому виду искусства — искусству слова.

Что же такое художественная литература, каковы её главные особенности, в чём секрет её особого воздействия на читателей?

Обратимся к виртуальному словарю

Литература (от лат. *litera* — буква, письменность) — вид искусства, в котором основным средством образного отражения жизни является слово.

Художественная литература — вид искусства, способный наиболее многогранно и широко раскрывать явления жизни, показывать их в движении и развитии.

Искусство — творческое воспроизведение действительности в художественных образах; творческая деятельность.

Художественная литература — это искусство слова, у неё образная природа, которая обязательно связана с представлениями автора о том, что он изображает. Что же такое художественное произведение как главная составная часть художественной литературы?

Известный учёный-литературовед М. М. Бахтин говорил, что художественное произведение — это произведение искусства, сказанное писателем или поэтом «слово о мире». В художественном произведении одновременно отражаются и реальность, и авторское понимание этой реальности. Такое единение реального и авторского в одном целом и есть художественный образ.

А. И. Куинджи. Днепр утром. 1881

Посмотрите на репродукцию картины А. И. Куинджи «Днепр утром». Как вы думаете, если бы одним ранним утром вы с фотоаппаратом в руках стояли на том самом месте, где стоял художник, и сфотографировали Днепр, была бы ваша фотография точной копией этой картины? Что отличало бы её от картины Куинджи? Возможно, на фотографии мы сможем увидеть похожий пейзаж: реку, берег, поросший травой, небо и пробивающиеся сквозь утреннюю дымку лучи солнца. Но таким был Днепр в то утро, когда его рисовал Куинджи. Такими были небо и лучи солнца, которые видел именно он. Это настроением художника проникнута его картина, это он увидел Днепр таким: теряющимся в тумане, сливающимся с небом и уходящим за горизонт в бесконечный, беспредельный простор. Фотография — это копия действительности, определённой картины. И хотя она тоже отражает

мир, живописное полотно передаёт мысли и чувства художника. Неслучайно один и тот же предмет разные художники изображают по-разному, потому что по-разному видят его и оценивают, по-разному думают и чувствуют.

Обратимся к виртуальному словарю

Художественный образ — обобщённое художественное отражение действительности в конкретной форме, картина человеческой жизни (или фрагмент такой картины), созданная при помощи творческой фантазии художника и в свете его эстетического идеала. С одной стороны, художественный образ представляет собой сугубо индивидуальное, авторское описание картины жизни, с другой — имеет обобщающий или даже символический смысл. Он создаётся с помощью типизации, обобщения, вымысла (условности) и имеет самостоятельное художественное значение.

Образность — отличительная особенность искусства и художественной литературы (в отличие от научной).

Так же и писатель, создающий в своём произведении картины жизни, не может быть беспристрастным: он всегда что-то утверждает или отрицает. Его картины всегда одушевлены мыслью и чувством. Поэтому они вызывают и у читателя вихрь сложных и разнообразных переживаний, эмоций. Чем сильнее чувство писателя, чем ярче он видит окружающий мир, чем больше знает о нём, чем искуснее и талантливее он как художник, тем ярче его образы, тем более сильный отклик находят его творения в душе читателя.

Благодаря гибкости и безграничным выразительным возможностям слова литература способна вбирать в себя элементы художественного содержания любого искусства. На язык литературы можно перевести образы других видов искусства.

Литература как искусство слова обладает удивительной способностью влиять на умы и сердца людей, помогает раскрыть подлинную красоту человеческой души.

Работаем творчески

- ♦ Прочитайте и сравните стихотворения Теофиля Готье «Чайная роза» и Булата Шалвовича Окуджавы «Я пишу исторический роман». В обоих стихотворениях воссозданы образы одного и того же цветка — розы. Определите, похожи ли они и какую роль выполняют в каждом стихотворении.

С. А. Грохотова. Чайные розы. 2008

Я пишу исторический роман

В склянке тёмного стекла
из-под импортного пива
роза красная цвела
гордо и неторопливо.

Исторический роман
сочинял я понемногу,
пробиваясь как в туман
от пролога к эпилогу.

Были дали голубы,
было вымысла в избытке,
и из собственной судьбы
я выдергивал по нитке.

В путь героев снаряжал,
наводил о прошлом справки
и поручиком в отставке
сам себя воображал.

Вымысел — не есть обман.
Замысел — ещё не точка.
Дайте дописать роман
до последнего листочка.

И пока ещё жива
роза красная в бутылке,
дайте выкрикнуть слова,
что давно лежат в копилке:

каждый пишет, как он слышит.
Каждый слышит, как он дышит.
Как он дышит, так и пишет,
не стараясь угодить...

Так природа захотела.

Почему?

Не наше дело.

Для чего?

Не нам судить.

(Б. Ш. Окуджава)

Чайная роза

Средь связки роз, весной омытой,
Прекрасней чайной розы нет.
Её бутон полураскрытый
Слегка окрашен в красный цвет.
То роза белая, так ровно
Краснеющая от стыда,
Внимая повести любовной,
Что соловей поёт всегда.
Она желанна нашим взглядам,
В ней отсвет розовый зажжён,
И пурпур вянет с нею рядом,
Иль грубым делается он.
Как цвет лица аристократки
Затмит крестьянских лиц загар,
Так и она затмила сладкий
Алеющих сестёр пожар.
Но если вы её, играя,
Приблизите рукой к щеке,
Внезапно светлый блеск теряя,
Она опустится в тоске.
В садах, раскрашенных весной,
Такой прекрасной розы нет,
Царица, чтоб идти войною
На ваши восемнадцать лет.
Ах, кожа побеждает вечно,
И крови чистая волна
Из сердца юного, конечно,
Над всякой розой взнесена.

(Т. Готье,

перевод Н. С. Гумилёва)

Вопросы и задания

1. Нарисуйте словами картины, образы, которые вы представили, читая эти стихотворения.
2. Чем отличаются образы розы в стихотворениях Б. Ш. Окуджавы и Т. Готье? Какое настроение передают эти образы? Можно ли назвать каждое из стихотворений художественным произведением? Обоснуйте ответы.
3. Для чего автор создаёт свои произведения? Как и почему он это делает? В стихотворении Б. Ш. Окуджавы «Я пишу исторический роман» найдите слова, подтверждающие ваш ответ.
4. Какова роль читателя художественного произведения? Если бы вы были авторами, для каких читателей вы хотели бы писать? При ответе пусть вам поможет цитатная подсказка.
5. Было ли у вас когда-нибудь чувство, что вы уже думали и чувствовали то, что пишет автор, но не находили слов, чтобы сказать об этом? При чтении каких произведений у вас возникало это чувство?

Цитатная подсказка

Литературе так же нужны талантливые читатели, как и талантливые писатели. Именно на них, на этих талантливых, чутких, обладающих творческим воображением читателей, и рассчитывает автор, когда напрягает все свои душевные силы в поисках верного образа, верного поворота действия, верного слова. Художник-автор берёт на себя только часть работы. Остальное должен дополнить своим воображением художник-читатель.

(С. Я. Маршак)

Работаем творчески

- ◆ Самостоятельно исследуйте жизнь и творчество персидского поэта, учёного и философа Омара Хайяма и в специально оговорённый с учителем срок составьте свой проект по одному из следующих направлений на выбор (индивидуально или в группе):
 - «Жизненный и творческий путь Омара Хайяма»;
 - «“Рубайят” Омара Хайяма»;
 - «Иллюстраторы произведений Омара Хайяма и иллюстрации к его рубайи»;
 - «Тематическое разнообразие и философские идеи рубайи Омара Хайяма»;
 - «Создание электронной презентации вклада Омара Хайяма в мировую литературу»;

- «Составление книжной выставки по творческому наследию Омара Хайяма»;
 - «Оформление альманаха рубаи Омара Хайяма в разных переводах».
- ◆ При составлении проекта строго соблюдайте этапы работы над ним:
- **информационный этап:** выбор темы, определение целей и задач проекта, общего направления работы, конечных результатов;
 - **плановый этап:** выбор структуры и формы проекта (выступление, презентация, выставка, фильм и т. п.); определение условий, необходимых для его реализации; установление собственного поля деятельности или каждого участника проекта (если он групповой);
 - **поисковый этап:** исследовательская работа с источниками, сбор и анализ информации, её систематизация;
 - **подготовка к защите и защита работы:** представление творческого продукта (выступления, презентации, выставки и др.);
 - **этап самооценки (рефлексии):** собственные выводы о достижении цели и выполнении задач по теме;
 - **сохранение папки-портфолио проекта:** все рабочие материалы проекта, планы, результаты исследований и анализа, схемы, рисунки, фотографии, электронные варианты презентации и др.

Раздел I Из средневековой поэзии Востока

Всё в мире покроется пылью забвенья.
Лишь двое не знают ни смерти, ни тленья,
Лишь дело героя да речь мудреца
Проходят столетья, не зная конца!

Фирдоуси

Дж. Арчимбольдо. Библиотекарь

Средневековье (V–XV)

Принятие
Русью
христианства
(988)

Крестовые
походы
(1095–1270)

Шота Руставели

(1172–1216)

Основание
Оксфордского и
Кембриджского
университетов в Англии,
Саламанкского в Испании,
Неаполитанского в Италии.
К концу XV века в Европе
насчитывалось
65 университетов.

Падение
Римской
империи
(476)

Омар Хайям

(1048–1131)

Изобретения

стеклянное
зеркало (1200);
очки (1280);
компас (1282)

Столетняя война
между Англией
и Францией
(1337–1453)

XV ст.
Возникновение
в Поднепровье
и Побужье
казачества
в Украине. «Казак» значит
свободный независимый
человек.

- ◆ Охарактеризуйте историческую эпоху, во время которой творили писатели.

Омар Хайям 1048–1131

«Мудрец, возрадивший в сердце росток Любви Живой»

Но раны сердца лечат «Рубайят» —
Четверостишья старого Хайяма.

С. Я. Маршак

Гийас ад-Дин Абуль-
Фатх Омар ибн Ибрахим
аль-Хайям Нишапури

Великий Омар Хайям... Человек, о котором уважительно отзывались практически все его современники, называя «Учёнейшим мужем века», «Доказательством Истины», «Царём философов Востока и Запада», «Знатком греческой науки». Которого называли словами его же стихотворения — «Мудрецом, возрадившим в сердце росток Любви Живой». Судьба этого мудреца, учёного-энциклопедиста и поэта необычна и загадочна. До сих пор Европа почитает его как поэта, а Восток — как учёного. Долгое время Хайям-поэт и Хайям-учёный даже считались разными людьми. Что же известно об Омаре Хайяме сегодня?

Полной и точной биографии Омара Хайяма не существует, о его жизни известно немного, только сведения из многочисленных легенд, свидетельств современников и сообщений позднейших историков. Даже дни его рождения и смерти — соответственно 18 мая 1048 года и 4 декабря 1131 года — определены с большой степенью вероятности по гороскопу, скорее всего составленному им же. Известно, что полное имя Хайяма — Гийас ад-Дин Абуль-Фатх Омар ибн Ибрахим аль-Хайям Нишапури — в переводе звучит так: «Совершивший паломничество в Мекку [хадж] Помощь Веры Абул Фатх Омар, сын Ибрахима Палаточного Мастера из Нишапура». По имени можно узнать, что он хорошо знал Коран, был сыном ремесленника Ибрахима, его родной город — Нишапур, а само имя Омар означает *жизнь*.

Легенды об Омаре Хайяме говорят о его мудрости и прозорливости, граничащей с ясновидением. Он предсказывал погоду,

А. Ханском.
Омар Хайям

солнечные и лунные затмения, перевёл стрелку мировых часов на дни весеннего равноденствия, перестроив исчисление времени по нуждам земледельцев, ибо он был великим звездочётom и болел сердцем за судьбы простых людей.

Омар Хайям разработал самый совершенный в мире солнечный календарь — более точный, нежели ныне действующий григорианский, принятый в Европе в XVI веке. Он возглавлял обсерваторию в Исфахане — одну из самых больших обсерваторий в мире, вывел формулу, которую спустя полтысячи лет назовут биномом Ньютона, занимался физикой и астрономией, историей и философией, политикой и музыкой.

Омар Хайям достойно прошёл все испытания, выпавшие на его долю. Ни деньги, ни власть не испортили его душу. Даже после того, как переменилась власть и обсерватория, которую он возглавлял, пришла в запустение из-за отсутствия к ней интереса правителей, Хайям не впал в отчаяние. Он продолжал приносить пользу людям, работая врачом, преподавая в медресе¹. И, по сути, дожив до старости, он не умер. Он ушёл. Незадолго до смерти Омар поведал своим ученикам не только дату своей смерти, но и где будет расположена могила для его «обветшалого тела», и даже то, что она будет покрыта розовыми и белыми лепестками от цветов груш и абрикос. Так оно и случилось.

Скончался Омар Хайям в родном Нишапуре. Благодарные потомки воздвигли ему лучший во всём Иране мавзолей. Белые и розовые лепестки плодовых деревьев падают на могилу Хайяма каждую весну, как и восемь с половиной веков тому назад.

Сегодня для многих людей Омар Хайям — прежде всего гениальный поэт, автор рубаи — мудрых, полных юмора, лукавства и дерзости особых четверостиший. Ныне эти четверостишия переведены на многие языки мира, вошли в сокровищницу мировой литературы бесценными жемчужинами истинной поэзии. А впервые о них узнали в Европе благодаря английскому поэту и переводчику Эдварду Фицджеральду, который в 1859 году выпустил

¹ *Медресе* — мусульманское учебное заведение, выполняющее роль средней школы и мусульманской духовной семинарии.

тоненькую книжечку стихов под заголовком «Рубайят Омара Хайяма». Успех этого сборника тогда был столь велик, что уже через несколько месяцев после публикации он стал букинистической редкостью.

Секрет преданной читательской любви и неослабевающего читательского интереса кроется в самой сути поэзии средневекового персидского поэта Омара Хайяма, в её простоте и изяществе, тонкости философской мысли, в её высоком гуманизме и общечеловеческом духовном потенциале.

Значение Хайяма в мировой культуре неоспоримо. Его увлекательная поэзия блестяща и глубока. 18 мая — день рождения величайшего средневекового персидско-таджикского поэта Омара Хайяма — по решению ЮНЕСКО¹ включён в календарь знаменательных дат и отмечается в более чем 55 странах мира. В этот день во всех школах Нишапура — родины великого мастера рубаи — проходят уроки на тему «День Хайяма». Вспоминать его каждый год в майские дни — значит думать и чувствовать, прожить за чтением несколько минут (или часов?) в общении с мудрецом.

Дж. Хамбридж.
На могиле Омара Хайяма

Узнаём о тайнах художественного слова

О «Рубайяте» Омара Хайяма

Бессмертные рубаи Омара Хайяма — его главная заслуга перед человечеством. Что же это за жанр — рубаи, в чём его отличие от других стихов?

Рубаи — это форма философской лирической поэзии, широко распространённая на Ближнем и Среднем Востоке. Хотя слово «рубаи» имеет арабские корни и означает дословно «четверостишие», «четверной», это исключительно персидский поэтический жанр, исконно народный (в фольклоре — дубайти или

¹ ЮНЕСКО (UNESCO — The United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization) — Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры.

Обратимся к виртуальному словарю

Рубаи (араб., букв. — *учетверённый*) — в лирической поэзии народов Ближнего Востока четверостишие преимущественно философского содержания, в котором рифмуются первая, вторая и четвёртая строки.

Рубайят — множественное число к *рубаи*; сборник рубаи.

Бейт (араб., букв. — *дом*) — двустихие в поэзии народов Ближнего Востока, выражает законченную мысль; может быть отдельным стихом, может создавать рубаи и другие формы восточной лирики; минимальная строфическая единица персидской и тюркской поэзии.

таране), не заимствованный из арабской литературы. В письменном виде рубаи существуют с IX–X вв. и сегодня являются одним из распространённых жанров устного народного творчества персов и таджиков.

Рубаи состоят из четырёх строк (двух *бейтов*), рифмующихся как *ааба*, реже — *аааа*, то есть рифмуются первая, вторая и четвёртая (иногда и все четыре) строки. Возможны рифмы — повторы одного и того же слова или словосочетания в конце всех рифмованных строчек и внутренние рифмы.

Сравните:

«Ад и рай — в небесах», — утверждают ханжи. } *а*
Я, в себя заглянув, убедился во лжи: } *а*
Ад и рай — не круги во дворце мироздания, } *б*
Ад и рай — это две половины души. } *а*
(Перевод Г. Б. Плисецкого)

В жизни сей опьянение лучше всего, } *а*
Нежной гурии пение лучше всего, } *а*
Вольной мысли кипение лучше всего, } *а*
Всех запретов забвение лучше всего. } *а*
(Перевод Г. Б. Плисецкого)

Омар Хайям утвердил внутренние законы нового философско-афористического поэтического жанра — рубаи, отшлифовал его грани, как шлифуют драгоценные камни. Каждое его четверостишие — это маленькая поэма. Некоторые исследователи полагают, что, подобно античным стихам, рубаи пелись одно за другим, отделённые паузой, — как куплеты песни. Поэтические образы и идеи развивались от четверостишия к четверостишию,

часто контрастируя и создавая парадоксы¹. На парадоксах построены и многие отдельные рубаи:

Для того, кто за внешностью видит нутро,
Зло с добром — словно золото и серебро.
Ибо то и другое — даётся на время.
Ибо кончатся скоро и зло, и добро.
(Перевод Г. В. Плисецкого)

В лирике Хайяма часто встречаются сюжетные рубаи, посвящённые определённому событию из жизни лирического героя. Такие рубаи строятся по следующей схеме: в первых двух строках изображается эпизод жизни лирического героя или описываются обычаи, законы, порядки. В третьей строке подводятся философский итог предшествующих строк, а четвёртая строка является объяснением к третьей.

Я для знаний воздвиг сокровенный чертог,
Мало тайн, что мой разум постигнуть не смог.
Только знаю одно: ничего я не знаю!
Вот моих размышлений последний итог.
(Перевод Н. Стрижкова)

Омар Хайям стремился осмыслить вечный круговорот быстротечной жизни, отстаивал права человека на личное достоинство и на все доступные людям радости. Он прославлял силу знаний, учил человека думать о собственной душе, помнить о своём назначении на земле.

Поэт восставал против безжалостной судьбы, против карающего неба, против его несправедливости и отсутствия милосердия:

Удивленья достойны поступки Творца!
Переполнены горечью наши сердца,
Мы уходим из этого мира, не зная
Ни начала, ни смысла его, ни конца.
(Перевод Г. В. Плисецкого)

Страстно протестовал против неумолимой смерти, которая по воле и желанию Творца неизбежна:

Отчего всемогущий Творец наших тел
Даровать нам бессмертия не захотел?

¹ *Парадóкс* — здесь: мнение, положение, резко расходящиеся с общепринятым, противоречащие здравому смыслу.

Если мы совершенны — зачем умираем?
Если несовершенны — то кто бракодел?

(Перевод Г. В. Плисецкого)

Однако следует понимать, что рубаи Омара Хайяма неоднозначны, они полны символического значения. Даже говоря о несправедливости судьбы, враждуя с самим Небом, рассказывая о земной любви, Хайям ищет пути к Богу, стремится к духовному озарению. Под вином у него подразумевается источник мудрости, божественная благодать. Гончар, гончарная мастерская символизируют взаимоотношения между Творцом, миром и человеком.

Рубаи Хайяма построены на метафорах и сравнениях, которые помогают глубоко осмыслить то, о чём говорит поэт. Так, в рубаи «Тот, кто в сердце своём тайны духа познал...» человек, вдохновлённый Творцом, познавший тайны духа, одновременно и море, и ныряльщик, и жемчуг:

Тот, кто в сердце своём тайны духа познал,
Тот читает в сердцах, кто б пред ним ни стоял.
Сам он — море, ныряльщик и жемчуг бесценный,
Вникни в мудрость того, что сейчас я сказал!

(Перевод Н. Г. Тенигиной)

Человек — творение Божье, и основная суть поэзии Хайяма — это прославление величия его духа, вера в его творческий разум, призыв никогда не отчаиваться:

Плеч не горби, Хайям! Не удастся и впредь
Чёрной скорби душою твоей овладеть.
До могилы глаза твои с радостью будут
На ручей, на зелёную ниву глядеть.

(Перевод Г. В. Плисецкого)

Невозможно не признать, что Хайям — это уникальная драгоценность, неиссякаемый источник мудрости. Его интересно читать, как будто нас с ним не разделяют столетия! С ним интересно думать, с ним интересно спорить.

Р. М. Фаршчян.
Иллюстрация к рубаи
Омара Хайяма

Рубаи

* 1 *

Мы цель создания, смысл его отменный,
Взор Божества и сущность зрящих глаз.
Окружность мира — перстень драгоценный,
А мы в том перстне — вправленный алмаз.
(Перевод К. Д. Бальмонта)

* 2 *

Много лет размышлял я над жизнью земной.
Непонятого нет для меня под луной.
Мне известно, что мне ничего неизвестно! —
Вот последняя правда, открытая мной.
(Перевод Г. Б. Плисецкого)

* 3 *

Откуда мы пришли? Куда свой путь вершим?
В чём нашей жизни смысл? Он нам непостижим.
Как много чистых душ под колесом лазурным
Сгорает в пепел, в прах, — а где, скажите, дым?
(Перевод О. Б. Румера)

* 4 *

Этот мир — эти горы, долины, моря —
Как волшебный фонарь.словно лампа — заря.
Жизнь твоя — на стекло нанесённый рисунок,
Неподвижно застывший внутри фонаря.
(Перевод Г. Б. Плисецкого)

* 5 *

Мудрец, взрастивший в сердце росток Любви Живой,
Бесплодно не теряет минуты ни одной:
Благоуль волю Неба стремится воплотить
Иль за хмельною чашею Любовью насладиться неземной.
(Перевод Л. А. Озерова)

* 6 *

Был ли в самом начале у мира исток?
Вот загадка, которую задал нам Бог.
Мудрецы толковали о ней, как хотели, —
Ни один разгадать её толком не смог.
(Перевод Г. Б. Плисецкого)

Тебе отраву даст мудрец — отраву выпей,
Тебе лекарство даст подлец — не принимай лекарства.

(Перевод С. И. Липкина)

*** 13 ***

Не завидуй тому, кто силён и богат.
За рассветом всегда наступает закат.
С этой жизнью короткою, равною вздоху,
Обращайся как с данной тебе напрокат.

(Перевод Г. Б. Плисецкого)

*** 14 ***

Мы источник веселья и скорби рудник.
Мы вместилище скверны — и чистый родник.
Человек, словно в зеркале мир, — многолик.
Он ничтожен — и он же безмерно велик.

(Перевод Г. Б. Плисецкого)

*** 15 ***

То, что Бог нам однажды отмерил,
друзья,
Увеличить нельзя и уменьшить нельзя.
Постараемся с толком истратить
наличность,
На чужое не зарясь, взаймы не прося.

(Перевод Г. Б. Плисецкого)

*** 16 ***

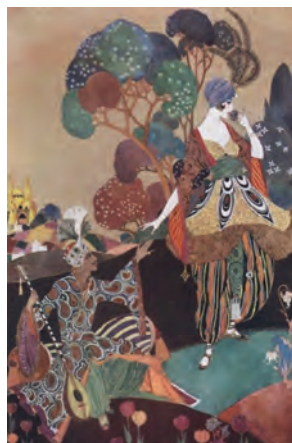
Светоч мысли, сосуд сострадания —
мы.

Средоточие высшего знания — мы.

Изречение на этом божественном
перстне,

На бесценном кольце мироздания — мы!

(Перевод Г. Б. Плисецкого)

Р. Бэлфур.

**Иллюстрация к рубай
Омара Хайяма. 1920**

*** 17 ***

Солнце пламенного небосклона — это любовь.
Птица счастья среди чаши зелёной — это любовь.
Нет, любовь не рыданья, не слёзы, не стон соловья,
Вот когда умираешь без стога, — это любовь.

(Перевод В. В. Державина)

* 18 *

Молода и чиста, безгреховна любовь,
Лишь одно в этом мире духовно — любовь.
Кто не знает любви, не пылает любовью,
Тот мертвец, ибо жизнь безусловно — любовь.
(Перевод Ш. М. Шамухамедова)

* 19 *

Если б я властелином судьбы своей стал,
Я бы всю её заново перелистал
И, безжалостно вычеркнув скорбные строки,
Головою от радости небо достал!
(Перевод Г. В. Плещеева)

* 20 *

Смысла жизни открыть не пытайся секрет,
Не постигнешь всю мудрость за тысячу лет,
Лучше рай сотвори на зелёной лужайке —
На небесный надежды особенно нет.
(Перевод Г. В. Плещеева)

Обдумываем прочитанное, делимся впечатлениями

1. Опираясь на материал статьи «О “Рубайяте” Омара Хайяма», расскажите об особенностях жанра рубаи. Свои аргументы подкрепите примерами прочитанных рубаи Хайяма.
2. Передайте главные впечатления от чтения рубаи Омара Хайяма, помещённых в данном разделе, описывая свои чувства, мысли, переживания.
3. Определите основные темы прочитанных рубаи Омара Хайяма; сгруппируйте их в соответствии с определёнными темами. Какие тематические группы наиболее понятны и близки лично вам? Почему?
4. Раскройте смысл метафор в рубаи 1 «Мы цель созданья, смысл его отменный...»: «окружность мира — перстень драгоценный», «мы в этом перстне — вправленный алмаз». В чём вы видите их оригинальность в переводе К. Д. Бальмонта? Какие ассоциации возникают в вашем сознании в связи с ними? Какие из этих ассоциаций вы могли бы использовать, чтобы выразить ту же мысль о человеке, о его месте во вселенной?

5. Установите, что объединяет рубаи 3 и 4 (в переводе Г. Б. Плисецкого). Согласны ли вы с Омаром Хайямом в его размышлениях о смысле человеческого существования?
6. Какие мысли о поисках истины учёными, мудрецами, людьми высказывает Омар Хайям в рубаи 6, 7, 11? Удачно ли, на ваш взгляд, они выражены в переводе Г. Б. Плисецкого? Какие выразительно-изобразительные средства он для этого использовал?
7. Каким следует быть человеку по убеждению Омара Хайяма? Назовите рубаи, в которых раскрывается эта тема, выскажите своё мнение о средствах её выражения.
8. В каких рубаи выражаются мысли Омара Хайяма о взаимоотношениях человека и Бога, человека и Неба, человека и судьбы? Как следует понимать эти мысли? В чём причина противоречий во взаимоотношениях лирического героя и неба?
9. Как раскрывается тема любви в рубаи Омара Хайяма? Какие из его размышлений о любви кажутся вам вечными, непреходящими, не утратившими своего значения и сегодня? Что могли бы добавить к ним лично вы?
10. Выучите наизусть 2–3 рубаи Омара Хайяма, дайте подробный комментарий к ним, указав причины вашего выбора.

Обратимся к виртуальному словарю

Метафора (от др.-греч. — перенос, переносное значение) — слово или выражение, употребляемое в переносном значении, в основе которого лежит неназванное сравнение предмета с каким-либо другим на основании их общего признака, скрытое сравнение.

Вам, любознательные!

О переводах рубаи Омара Хайяма

Читая рубаи Омара Хайяма в этой книге, вы, конечно же, заметили, что их переводчиками были разные поэты. Это объясняется огромным интересом к наследию выдающегося поэта Востока, стремлением приобщиться к нему самим и помочь приобщиться к великой культуре другим людям. Художественными переводами на русский язык рубаи Омара Хайяма занимались более сорока русских поэтов, а общее число стихотворений-переводов превысило четыре тысячи. Наиболее известные переводчики

рубаи Хайяма на русский язык — это О. Б. Румер, В. В. Державин, И. И. Тхоржевский, Г. Б. Плисецкий, Н. Стрижков. Некоторые рубаи поэта имеют только один перевод, некоторые пять-шесть переводов, таких не менее трёхсот. Четверостиший, принадлежащих к группе самых популярных, насчитывают до десяти — пятнадцати.

Обратимся к виртуальному словарю

Художественный перевод — перевод, воссозданный средствами родного языка с учётом особенностей иноязычного литературного текста в единстве его содержания и формы.

Авторский перевод — полноценный, мастерски завершённый перевод, сделанный самим автором.

Подстрочник — дословная передача средствами другого языка текста произведения по строкам (технический).

Существуют переводы-близнецы, переводы-аналоги, очень похожие лексикой, рифмой и художественными приёмами на подстрочники. Есть и такие, которые, являясь вольными переводами, стали уже оригинальными стихотворениями.

Сопоставительный анализ разных переводов одного стихотворения (произведения) в литературоведении называют *компаративным*¹. Он позволяет глубже проникнуть в идейную и художественную суть стихотворения, по достоинству оценить и само стихотворение, и сделанные другими авторами его переводы. Сравните рубаи Омара Хайяма в разных переводах, сделайте самостоятельные выводы о разных переводах и составьте полный ответ о результатах сопоставления. Опирайтесь на план компаративного анализа:

- 1) особенности формы рубаи в каждом переводе (количество строк, рифмовка);
- 2) тема и основная мысль (идея) рубаи;
- 3) художественные образы, в которых раскрывается тема и идея;
- 4) изобразительно-выразительные средства языка (метафоры, эпитеты, сравнения);
- 5) используемые синтаксические средства (предложения по цели высказывания, интонации, строению);
- 6) образ лирического героя рубаи (сходство и различие).

¹ *Компаративный* (от лат. *comparatio* — соотношение, сравнение) — сравнительный.

1) Когда пустился в бег златой небесный свод?
Когда поглотит смерть всё, что под ним живёт?
На это дать ответ людской не в силах разум:
Бесчисленным векам он потеряет счёт.
(Перевод О. Б. Румера)

Круг небес ослепляет нас блеском своим.
Ни конца, ни начала его мы не зрим.
Этот круг недоступен для логики нашей,
Меркой разума нашего неизмерим.
(Перевод Г. В. Плисецкого)

2) Не прав, кто думает, что Бог неумолим.
Нет, к нам он милосерд, хотя мы и грешим.
Ты в кабаке умри сегодня от горячки,—
Сей грех он через год простит костям твоим.
(Перевод О. Б. Румера)

Я при жизни не в силах грехов побороть;
Над душою царит ненасытная плоть.
Но я верю в великую милость Господню:
После смерти простит мои кости Господь.
(Перевод Н. Стрижкова)

- ◆ Дайте развёрнутый письменный ответ на вопрос: «Как изображена сущность человеческого бытия в поэзии Омара Хайяма?».
- ◆ Выберите рубаи Омара Хайяма, которое вам кажется наиболее интересным, и по его содержанию напишите своё рубаи, соблюдая правила написания такого четверостишия (по желанию).

Путешествуем по литературным местам

Запечатлённая в камне и мраморе память о персидском поэте Омаре Хайяме

* * *

Могила Омара Хайяма находится на родине великого поэта и учёного — в Нишапуре, недалеко от мечети памяти имама Махрука.

Х. Сейхун. Памятник Омару Хайяму в Нишапуре. Иран

Х. Сейхун. Павильон-ротонда над могилой Омара Хайяма в Нишапуре. Иран

Величественный надгробный памятник, возвышающийся над могилой Хайяма, является одним из лучших мемориальных сооружений Ирана. На этой могиле в 1934 году на средства Хайяма в разных странах, был воздвигнут обелиск. Надпись на обелиске гласит: СМЕРТЬ МУДРЕЦА 516 г. ХИДЖРЫ ПО ЛУННОМУ КАЛЕНДАРЮ.

* * *

Всемирно известен памятник Омару Хайяму в столице Таджикистана — городе Душанбе. Великий персидско-таджикский поэт дорог жителям Таджикистана как автор знаменитых четверостиший — рубаи и целого ряда произведений в самых различных сферах науки и искусства.

Памятник Хайяму в Душанбе является одной из главных достопримечательностей города и находится на его центральной улице — проспекте имени Рудаки. Автор этого памятника — украинский скульптор Анатолий Галян, удостоенный государственной премии Таджикистана.

Памятник представляет собой четырёхметровую бронзовую фигуру поэта, восседающего среди каменных глыб. В левой руке он держит глиняную табличку, чтобы нанести на неё текст одного из своих произведений. Завершает образ величественная фигура орла, который гордо сидит на плече Хайяма.

А. В. Галян. Памятник Омару Хайяму в Душанбе. Таджикистан

Обращаемся к интернету

Сайты, посвящённые Омару Хайяму

- <http://lib.ru/> (Библиотека Максима Мошкова)
- <http://ilibrary.ru/index.html> (Библиотека Алексея Комарова)

- <http://bibliogid.ru/> (Библиотека «Книги и дети»)
- <http://www.deti-book.info/> («Детская электронная библиотека»)
- <http://stroki.net/> (Электронная библиотека «Стихи классических и современных авторов»)
- <http://omar-khajyam.com/> (Сайт «Омар Хайям»)
- <http://omar-khajuam.eu/> (Сайт Омара Хайяма)

Шота Руставели

Конец XII — начало XIII веков

«Должно сердцу быть для сердца и дорогой, и мостом»

Что сберёг ты — то пропало,
Что ты отдал — то твоё.

Ш. Руставели

**И. М. Тоидзе. Портрет
Шота Руставели**

Имя Шота Руставели — выдающегося грузинского поэта и государственного деятеля, автора величайшего литературного памятника — поэмы «Витязь в тигровой шкуре» — принадлежит векам. И годы его жизненного пути, и даже само имя теряются в седой древности.

Данные о его жизни малочисленны и не подтверждены историческими документами. Считается, что родился он приблизительно в 1172 году, другие источники называют от 1160 года по 1166 год. Руставели — это, вероятнее всего, прозвище, которое было связано с его малой родиной — селом Рустави, а сёл с таким названием в Грузии того периода было несколько. Однако сам Руставели о своём происхождении в конце поэмы «Витязь в тигровой шкуре» пишет так: «Некий месх, стихотворец», то есть поэт из Месхети¹, где и находится родное село поэта Рустави.

¹ *Месхэти (Месхетия)* — историческая область в Южной Грузии на границе с Турцией.

Не исключено, что он был потомком знаменитого старинного рода и являлся владельцем Руставского майората¹.

Известно, что Шота Руставели был просвещённым представителем своего времени, получил образование сначала у себя на родине, а потом в Греции, в Афинах, где в те времена обучались многие грузины. Предания рассказывают, что поэт был широко и всесторонне образован, владел несколькими иностранными языками, в том числе греческим, хорошо знал современную ему литературу и античную философию, много путешествовал.

Установлено, что Шота Руставели служил государственным казначеем (министром финансов) при дворе царицы Тамар, о чём свидетельствует его подпись, сохранившаяся на одном из актов, относящемся к 1190 году. В то время Грузия представляла собой политически мощное государство, в котором при дворе развивалось искусство, в том числе лирическая поэзия, отмеченная печатью рыцарского служения. Стало предметом многочисленных преданий и отношение поэта к царице Тамар. Строки его поэмы «Витязь в тигровой шкуре»: «Поражённый ею в сердце, я горю в огне горнила» — говорят о любви поэта к царице. Многие учёные предполагают, что поэма — это история его любви.

Изображение Шота Руставели на древней фреске из Иерусалима

Достоверных сведений о кончине Шота Руставели, как и о многом другом в его биографии, нет. Считается, что он умер примерно в 1216 году. Одно из преданий гласит, что безответное чувство к царице Тамар заставило поэта отправиться в Иерусалим и провести остаток своей жизни в грузинском монастыре Святого Креста, где он и обрёл вечный покой. На одной из колонн монастыря обнаружена фреска, изображающая знатного человека в светской одежде. По предположению учёных, это и есть

Шота Руставели, который, будучи ещё и прекрасным реставратором и художником, расписывал иерусалимский монастырь Святого Креста.

¹ *Майорат*. Здесь: земельное владение, поместье, переходящее безраздельно к старшему в роде или к старшему сыну в семье.

Однако в мировой культуре имя Руставели ассоциируется прежде всего с его поэмой «Витязь в тигровой шкуре» — настоящим шедевром не только национальной, но и мировой литературы. Этот гимн патриотизму, служению отечеству, дружбе и любви великий грузинский поэт отдал своему народу и миру, а потому имя его сохранилось в веках.

Показательно, что в неприступных горах Грузии были и есть люди, которые знают наизусть все полторы тысячи строф поэмы Руставели. Знаменательно и то, что самым ценным приданым для невест на протяжении многих веков считался «Витязь в тигровой шкуре». Каждый грузин вместе со Святым Писанием клал у своего изголовья «Витязя в тигровой шкуре». А иностранные путешественники считали даже, что у грузин два бога — Христос и Руставели.

Вопросы и задания

1. Расскажите, что в жизни Шота Руставели особенно вас поразило? О каких фактах и событиях вы хотели бы узнать больше?
2. Объясните, как вы понимаете слова «Должно сердцу быть для сердца и дорогой, и мостом». Случайно ли эти слова стали названием статьи о великом поэте Шота Руставели?
3. С какими чувствами и ожиданиями вы обратитесь к поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре»?

Узнаём о тайнах художественного слова

«Витязь в тигровой шкуре» — поэтическая «радуга любви»

Это древнее сказанье, я, чьё имя Руставели,
Нанизал, как цепь жемчужин, чтоб его
стихами пели.

Поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» — подлинный шедевр поэтического мастерства, непревзойдённый образец искусства слова. Это большое философско-поэтическое произведение, написанное в жанре романа в стихах и ставшее героическим эпосом грузинского народа. Оно вошло в число самых удивительных творений, созданных человеческим гением, и стало достоянием всего человечества.

В течение веков произведение Руставели, написанное на неведомом миру языке, жило лишь в родной стране поэта — Грузии,

Обложка книги
Ш. Руставели «Витязь
в тигровой шкуре».
Иллюстрация
из рукописи
М. Тавакарашвили. 1646

и его появление для мировой культуры стало грандиозным открытием лишь в конце XIX века.

Залог бессмертия этого гениального творения средневекового грузинского поэта заключается в глубоко прогрессивном для своего времени идейном содержании произведения, воплощённом в блистательной художественной форме. Руставели создал первое в средневековом мире глубоко гуманистическое произведение, пронизанное чувством любви и сострадания к человеку, воспевающее возвышенные человеческие чувства и утверждающее идею торжества свободы и правды над миром рабства, насилия и угнетения. Не мифологические персонажи и небесные силы

стоят в центре поэмы, а живые люди с их чувствами, стремлениями, люди исключительной физической и духовной силы.

Давно установлено, что в поэме отражена современная Руставели жизнь грузинского народа, хотя в ней и повествуется о событиях, происшедших в Аравии, Индии, Хорезме и других странах Востока. Учёными доказано, что основные сюжетные мотивы поэмы полностью совпадают с историческими событиями того времени. Например, «Витязь в тигровой шкуре» начинается сказанием о том, как царь Аравии Ростеван, не имевший сына-наследника, чувствуя приближение смерти, возвёл на престол единственную дочь — прославленную красотой и умом Тинатину. Такое событие имело место только в Грузии в конце XII столетия. Царь Георгий III, обеспокоенный отсутствием у него сына-наследника, ещё при жизни сделал царицей свою единственную дочь Тамару.

В основе поэмы лежит повествование о победоносной борьбе трёх друзей-витязей — Тариеэла, Автандила и Фридона — за освобождение пленённой каджами¹ прекрасной Нестан-Дареджан, возлюбленной Тариеэла, томившейся в суровой и мрачной крепости Каджети. Причём Автандил помогает своему другу Тариеэлу по просьбе своей возлюбленной — царицы Тинатины.

¹ *Каджи* — духи ветра, бурь и войны; основным источником описания каджей в грузинском фольклоре и мифологии является поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Противоборство между воодушевлёнными высокими человеческими чувствами любви, дружбы и свободолюбия витязями и каджетами составляет главный конфликт поэмы. В этой неравной борьбе между добром и злом, светом и тьмой, свободой и рабством побеждают боровшиеся за торжество свободы и справедливости витязи: они разгромили неприступную крепость Каджети и освободили прекрасную Нестан-Дареджан — воплощённый символ красоты и добра. Основная жизнеутверждающая идея поэмы:

Зло мгновенно в этом мире,
Неизбывна доброта.

Таризэл, Автандил и Фридон — сыны разных народов, люди разных вероисповеданий, но это не мешает им быть настоящими друзьями, в чём проявляется актуальная для того времени идея дружбы и солидарности народов.

Ещё одна из прогрессивных черт поэмы Руставели — ярко выраженная в ней идея равенства и равноправия мужчины и женщины. Героини поэмы Нестан-Дареджан и Тинатина наделены такими же высокими достоинствами, как и Таризэл, Автандил и Фридон, они ни в чём не уступают им. Это утверждается в ставшем афоризмом изречении Руставели:

Дети льва равны друг другу,
Будь то львёнок или львица.

Нестан-Дареджан и Таризэл, Тинатина и Автандил любят друг друга искренней, чистой, возвышенной любовью, вдохновляющей человека на самые благородные подвиги. Любовь же Руставели считал первым признаком человечности. Его бессмертная поэма — это гимн любви, и её философский лейтмотив, вечная истина — «Возвышает человека лишь любовь». Мир сотворён Богом для людей, и человек его частица, без которой немислимы единство и гармония мира. Любовь способна приобщить человека к высшей гармонии, а разум дан человеку, чтобы он мог познать сотворённый для него мир. Неслучайно известный поэт Константин Дмитриевич Бальмонт, один из самых талантливых русских переводчиков «Витязя в тигровой шкуре», сказал о ней: «Это лучшая поэма любви, какая когда-либо была создана в Европе, раду-га любви, огневой мост, связующий небо и землю».

Поэма «Витязь в тигровой шкуре» написана стихотворным размером шаири, который господствовал в те времена в древней Грузии. Это шестнадцатислоговый стих, законодателем и непревзойдённым мастером которого сам Руставели и был. Причём поэт

пользуется двумя видами этого стихотворного размера: высоким (4 + 4) (4 + 4) и низким (5 + 3) (5 + 3), что придаёт поэме динамизм и особую ритмичность. Поэтом тщательно подобраны благозвучные рифмы.

В художественную ткань произведения мастерски вплетены метафоры и сравнения, эпитеты и символы, характерные для грузинского фольклора и средневековой поэзии Востока. Например, образы света, солнца, розы, драгоценных камней широко используются при изображении положительных героев: Тинатин, Нестан-Дареджан, Тариэла, Автандила, Фридона.

Язык поэмы Руставели богат и афористичен. Чаще всего афоризмом заканчивается четвёртая строка строфы, которая представляет собой своеобразный логический вывод из предыдущего рассуждения:

Стихотворство — род познания, возвышающего дух.
Речь божественная с пользой улаживает людям слух.
Мерным словом упиваться может каждый, кто не глух....
Речь обычная пространна, стих же краток и упруг.

Обратимся к виртуальному словарю

Эпос (др.-греч. *ἔπος* — слово, повествование, стих) — героическое повествование о прошлом, содержащее целостную картину народной жизни и представляющее в гармоническом единстве некий эпический мир героев-богатырей.

Героический эпос — повествование о героях прошлого, их подвигах, важных исторических событиях; его основу составляют реальные события или легенды.

Поэма (от греч. *ποίημα* — творение) — лиро-эпический жанр: крупное или среднее по объёму стихотворное произведение (стихотворная повесть, роман в стихах), основными чертами которого являются наличие сюжета (как в эпосе) и образа лирического героя (как в лирике).

Шаури (*груз.*) — форма классического стиха в грузинской поэзии, по четыре стиха в строфе с однозвучными рифмами.

Вопросы и задания

1. Опираясь на содержание статьи, назовите основные идеи поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Какая из них кажется вам наиболее привлекательной?

2. Раскройте смысл метафоры К. Д. Бальмонта, описавшего поэму Шота Руставели как «радугу любви, огневой мост, связующий небо и землю».
3. Вспомните, какие произведения, относящиеся к героическому эпосу, вы читали. Расскажите о том, которое произвело на вас особое впечатление.

Пришло время читать

Витязь в тигровой шкуре (Отрывки)

Вступление

Тот, кто силою своею основал чертог вселенной,
Ради нас украсил землю красотою несравненной.
Животворное дыханье даровал он твари брэнной.
Отражён в земных владыках лик благословенный.

Боже, Ты единый создал образ
каждого творенья!
Укрепи меня, Владыка, сатане
на посрамленья!
Дай гореть огнём миджнура¹
до последнего мгновенья!
Не карай меня по смерти за былые
прегрешенья!

Лев, служа Тамар-царице, держит
меч её и цит.
Мне ж, певцу, каким деяньем
послужить ей надлежит?
Косы царственной — агаты, ярче
лалов² жар ланит.
Упивается нектаром тот,
кто солнце лицезрит.

И. М. Тоидзе.
Коронавание Тинатин.
Иллюстрация к поэме
Шота Руставели «Витязь
в тигровой шкуре»

¹ *Миджнур* (или *меджнун*) (от араб. — *безумец*) — прозвище главного героя поэмы Низами Гянджеви «Лейли и Меджнун», который обезумел от любви; стало нарицательным именем, обозначающим страстно влюблённого человека.

² *Лал* — устаревшее собирательное название для большинства драгоценных камней красного или кроваво-красного цвета.

Воспоём Тамар-царицу, почитаемую свято!
Дивно сложенные гимны посвящал я ей когда-то.
Мне пером была тростинка, тушью — озеро агата.
Кто внимал моим твореньям, был сражён клинком булата.

Мне приказано царицу славословить новым словом,
Описать ресницы, очи на лице агатобровом,
Перлы уст её румяных под рубиновым покровом —
Даже камень разбивают мягким молотом свинцовым!

Мастерство, язык и сердце мне нужны, чтоб петь о ней.
Дай мне силы, вдохновенье! Разум сам послужит ей.
Мы прославим Тариэла, утешителя людей,
Трёх героев лучезарных, трёх испытанных друзей.

Сядем, братья, и восплачем о несчастном Тариэле!
Скорбь о нём копьём печали ранит сердце мне доселе.
Это древнее сказанье я, чьё имя Руставели,
Нанизал, как цепь жемчужин, чтоб его стихами пели.

Страсть любви меня, миджнура, к этой повести склонила:
Та, кому подвластны рати, для меня светлей светила.
Поражённый ею в сердце, я горю в огне горнила.
Коль не сжалится светило, ждёт безумного могила.

Эта повесть, из Ирана занесённая давно,
По рукам людей катилась, как жемчужное зерно.
Спеть её грузинским складом было мне лишь суждено
Ради той, из-за которой сердце горестью полно.

Ослеплённый взор безумца к ней стремится поневоле.
Сердце, сделавшись миджнуром, в отдалённом бродит поле.
Пусть она спасёт мне душу, предавая плотской боли!
Как воспеть мне трёх героев, если сил не станет боле?

Что кому дано судьбою — то ему и утешенье:
Пусть работает работник, воин рубится в сраженье.
Пусть, безумствуя, влюблённый познаёт любви лишенья —
Не суди других, коль скоро сам боишься поношенья!

Стихотворство — род познания, возвышающего дух.
Речь божественная с пользой услаждает людям слух.
Мерным словом упиваться может каждый, кто не глух...
Речь обычная пространна, стих же краток и упрug.

<...>

Надо, чтобы стихотворец свой талант не расточал,
Чтоб единственно любимой труд упорный посвящал.
Пусть она в стихах искусных, пламенея, как кристалл,
Удостоится созвучий музыкальных и похвал.

Той, кого я раньше славил, продолжаю я гордиться.
Я пою её усердно, мне ли этого стыдиться!
Мне она дороже жизни, беспощадная тигрица.
Пусть, не названная мною, здесь она отобразится!

Есть любовь высоких духом, отблеск высшего начала.
Чтобы дать о ней понятие, языка земного мало.
Дар небес, она нередко нас, людей, преображала
И терзала тех несчастных, чья душа её взалкала¹.

Авандил уезжает на поиски витязя в тигровой шкуре

Всю Аравию проехав за четыре перехода,
Авандил скитался в землях чужестранного народа.
И твердил печальный витязь, увядая год от года:
«Если б я вернулся к деве, миновала бы невзгода!»
<...>

Свежий иней пал на розу,
и цветок утратил цвет,
Уж хотел себя кинжалом заколоть
он в цвете лет...
«Возложил мне мир на плечи
не одну, но сотни бед!
Нет, увы, со мною арфы, и свирели
больше нет!»

Вяла роза, увядала, не согретая
светилом,
Но крепился он, чтоб сердцу были
горести по силам,
И расспрашивал он встречных,
по местам бродя унылым,
И немало их в дороге говорило
с Авандилом.

И. М. Тоидзе. Авандил
пишет завещание.
Иллюстрация к поэме
Шота Руставели «Витязь
в тигровой шкуре»

И неслись к морям далёким слёзы витязя рекою.
Спать на землю он ложился, подперев щеку рукою.

¹ *Взалка́ть* — сильно захотеть, возжелать.

«Сердце с милой неразлучно, — рассуждал он сам с собою, —
За неё умру без страха, если велено судьбою!»

Лишь на третий день под вечер, в горной местности далёкой,
Добрались они, скитальцы, до пещеры одинокой.
Под горой река шумела, окружённая осокой,
Подпирая свод небесный, рядом лес стоял высокий.

Витязь, речку переехав, поскакал
по горным склонам.
Автандил коня поспешно привязал
под старым клёном,
Сам на дерево взобрался и, припав
к листьям зелёным,
Стал следить из-за укрытья
за скитальцем истомлённым.

Только витязь в шкуре тигра чащу
леса миновал,
Дева в чёрном одеянье появилась
возле скал.
Слёз поток неудержимый из очей
её бежал.
Витязь спешился и деву, наклонясь,
поцеловал.

**И. М. Тоидзе. Тариэл
у реки. Иллюстрация
к поэме Шота Руставели
«Витязь в тигровой
шкуре»**

Он сказал: «Асमत, сестрица, мост надежды рухнул в море.
Не найти нам больше девы, безутешно наше горе!».
Витязь в грудь себя ударил и замолк с тоской во взоре,
И в ответ ему рыдала дева в траурном уборе.

Рвали волосы безумцы, чаща пасмурнее стала,
Утешал скиталец деву, дева друга утешала,
Эхо сотней отголосков их стенанья повторяло, —
Автандил следил за ними и дивился им немало.

Успокоившись, девица снова сделалась бодрa,
Отвела коня в пещеру, где не мучила жара,
Расстегнула панцирь другу, как любимая сестра,
И в пещеру с незнакомцем удалилась до утра.

Автандил тревожно думал: «Как от них добиться слова?».
Дева в чёрном одеянье на рассвете вышла снова
И обмыла на дорогу и взнуздавала вороного,
Принесла вооруженье незнакомца молодого.

Эти яростные звери, столь беззлые вначале,
Вдруг напали друг на друга и от злобы зарычали.
И отпрянула тигрица, словно женщина в печали.
Лев почуял запах крови и за ней пустился дале.

Рассердился я на зверя и сказал: «Умалишённый!
Разве с милою подругой может ссориться влюблённый?».
И пронзил его мечом я, сам на муки обречённый,
И свалился лев, от жизни навсегда освобождённый.

Меч я бросил и тигрицу, спрыгнув на землю, схватил.
Я искал её лобзаний ради той, кого любил.
Но она рвала мне кожу и рычала что есть сил.
Распалился я от боли и прекрасную убил.

Ничего не мог я сделать с тварью той неукротимой,
Я её ударил оземь, гневом яростным палимый.
И припомнил я внезапно, как я ссорился с любимой,
И едва в тот миг не умер от тоски невыносимой.

Вот, мой брат, какие беды должен я претерпевать!
Почему же ты дивишься, что решил я умирать?
Я уже простился с жизнью, мне не жаль её отдать...».
И замолк печальный витязь, и заплакал он опять.

Возвращение витязей в пещеру и свидание их с Аснат

Есть ли что на свете лучше, чем разумная беседа?
Не пройдёт она бесследно, коль послушаешь соседа.
Сердце стихнет понемногу, дружелюбием согрето.
Сладко горем поделиться, если можно сделать это!

Львам подобные герои продолжали разговор,
Поверяли то друг другу, что скрывали до сих пор,
И, когда наутро солнце засияло из-за гор,
Новой клятвой подтвердили стародавний уговор.

Тариэл сказал: «Не нужно тратить лишние слова нам!
Бог воздаст тебе за дружбу с побратимом чужестранным.
Разве, дав друг другу клятву, были мы подобны пьяным?
Буду помнить я до смерти о тебе, моём желанном!

Чтоб уменьшить пламень сердца, поразмысли терпеливо,
Ведь огонь, во мне горящий, зажигало не огниво!
Потушить его желая, самому сгореть не диво!
Возвращайся же к царице, путешествуй счастливо!

Облегчить мои страданья не сумеет
даже Бог,
Потому я и блуждаю без путей
и без дорог.
Посреди мужей разумных жил
и я немалый срок,
Но пришёл черёд безумью —
и теперь я изнемог».

Автандил ему ответил: «Что сказать
тебе на это!
Ты и сам судить умеешь, как мудрец
и муж совета.
Но неужто Бог бессилен, если Он
создатель света,
Если всё, что здесь мы видим,
вращено Им и согрето?»

**И. М. Тоидзе. Встреча
Тариэла с Автандилом.
Иллюстрация к поэме
Шота Руставели «Витязь
в тигровой шкуре»**

Для чего же вас Он создал, если вы, Его создання,
Умираете, расставшись, от великого страданья?
Пусть миджнур пока не может утолить свои желанья, —
Заколи меня, коль снова не дождётся он свиданья!

Разве муж достоин чести, коль он бед не поборол?
Неприлично от несчастий убежать в соседний дол!
Вседержитель милосерден, это мир исполнен зол?
Помни это изречение, ибо неуч есть осёл.

Я сказал тебе довольно, чтобы мог ты поучиться.
Я молил моё светило перед тем, как отлучиться:
“Если друга не увижу, сердце в пепел обратится!
Чем тебя, испепелённый, я обрадую, царица?”

“Эта речь достойна мужа, — отвечала мне подруга, —
Ибо помощь Тариэлу — перед милою заслуга!”
Не без спроса я уехал, как какой-нибудь пьянчуга.
“Трус!” — в лицо мне скажет дева, если я покину друга.

Чем вести пустые речи, ты прислушайся к моим:
Для разумного создання труд земной необходим.
Для чего нам цвет увядший? Кто утешен будет им?
Коль ты сам себе не нужен, будь другому побратим.

Странствуй, где тебе угодно —
по пустыням и по чащам,
Если хочешь — с мудрым сердцем,
нет — так с разумом болящим,
Но, всегда учтивый, стройный,
будь ты мужем настоящим,
Не давай погибнуть сердцу в лютом
пламени палящем».

Свадьба Тариэла и Нестан-Дареджан

Позвала детей царица, руки
их соединила
И на трон земли индийской
в царском зале посадила,
Истрадавшееся сердце новой силой
укрепила,
Позабыв свои печали, светлой
радости вкусила.

На высоком царском троне Тариэл воссел с женою,
Оба равные друг другу и любимые строною.
Кто сумел бы в полной мере возвеличить их хвалою?
Кто из всех сынов Адама спорил с ними красотою?

Мать-царица нарядилась, траур горестный сняла,
Всех вельмож в парчу одеда, всем подарки раздала.
Веселилась, говорила: «Позабудем время зла!
Для чего нам убиваться, если радость к нам пришла!».

Семь престолов Индостана — все отцовские владенья —
Получили там супруги, утолив свои стремленья.
Наконец они, страдальцы, позабыли про мученья:
Только тот оценит радость, кто познает огорченья.

Даже солнце ликовало, отражаясь в тех героях!
Люди били там в литавры, громыхали на гобоях.
Принесли ключи хранилищ и, собравшись в тех покоях,
«Вот наш царь с своей царицей», — говорили про обоих.

На отдельных сели тронах там Фридон и Автандил.
Хор вельмож, представ пред ними, их деяния хвалил.
Бог подобных им героев на земле не сотворил,
И любой из них о прошлом там с гостями говорил.

И. М. Тоидзе. Автандил
в пути. Иллюстрация
к поэме Шота Руставели
«Витязь в тигровой
шкуре»

Были преданы друг другу
три державные собрата:
Часто все они встречались,
победивши супостата.
Нарушители их воли исчезали
без возврата,
И росли их государства вместе
с мощью их булата.

Милосердные дела их всюду
сыпались, как снег.
Вдов, сирот они кормили,
престарелых и калек.
Усмирён был в их владеньях
недостойный человек
И на пастбище с козю волк
не ссорился вовек.

И. М. Тоидзе.
Освобождение Нестан-
Дареджан. Иллюстрация
к поэме Шота Руставели
«Витязь в тигровой
шкуре»

Заключение

Пронеслась их жизнь земная, как ночное сновиденье,
И ушли они из мира — таково Его веленье!
Даже тот, кто долговечен, проживёт одно мгновенье!
Месх безвестный из Рустави, кончил я моё творенье.

Божеству грузин — Давиду, что грядёт путём светила,
Чья с Восхода до Заката на земле известна сила,
Кто для преданных — опора, для изменников — могила,—
Написал я эту повесть, чтоб досуг его делила.

Мне ли петь дела Давида, возглашая славу слав?
Я служил ему стихами, эту повесть отыскав.
В ней прославлены владыки многочисленных держав,
Их чудесные деянья и величественный нрав.

<...>

(Перевод Н. А. Заболоцкого)

Вопросы и задания

1. Поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» открывается «Вступлением», в первых строфах которого поэт воспекает Всевышнего. Как вы думаете, что в этом проявляется: искренняя вера автора, дань традиции или побуждение читателя подумать о назначении человека в жизни, о том, каким ему следует быть? Своё мнение докажите содержанием текста.

2. Какой вы представляете царицу Тамару? Определите, какие изобразительно-выразительные средства помогают поэту нарисовать этот образ.
3. Как понимает Шота Руставели служение высокому чувству любви? Почему поэт и себя называет миджнуром и что для него значит безумие миджнура?
4. Как определяет Шота Руставели понятие стихотворства? В чём он видит особую роль поэта-стихотворца? Подтвердите свои выводы афористичными строками из «Вступления».
5. Объясните, почему Шота Руставели, рассуждая о любви, связывает её с печалью, очень часто говорит о слезах и стенаниях своих героев. Каково ваше отношение к такому изображению этого чувства?
6. Подготовьте рассказ об Автандиле, опираясь на содержание поэтического текста, включите в свой рассказ подходящие цитаты. Что в этом герое кажется вам наиболее привлекательным, а что вызывает противоречивые чувства? Объясните причины вашего отношения к нему.
7. Опираясь на факты из текста поэмы, охарактеризуйте её главного героя — Тариэла. Какие качества его характера позволили автору назвать поэму в честь героя? Какую роль в раскрытии характера Тариэла играет тигровая шкура? Ко всем ли его поступкам вы одинаково относитесь? Почему?
8. В поэме несколько основных женских образов. Назовите их и выделите тот образ, который вам больше понравился, подготовьте устное высказывание о нём.
9. Сформулируйте основные философские идеи поэмы, подтвердите свои мысли цитатами из текста.
10. Подготовьте выразительное чтение завершённого отрывка поэмы, постарайтесь передать в своём чтении ваши чувства и переживания.

Работаем творчески

1. В своей рабочей тетради отведите страницу, на которой запишите афоризмы из поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Они помогут вам красиво выражать собственные мысли и обогатят вашу речь.
2. Подготовьте мини-исследование о характерных признаках героического эпоса, проявившихся в поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», оформите его в виде доклада, приведите примеры использования приёмов устного народного творчества в поэме.

**К. М. Мерабишвили.
Памятник Шота
Руставели. Грузия.
Тбилиси**

ментской библиотеки Грузии. В библиотеке хранятся все грузинские издания и переводы поэмы «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели. Скульптура великого грузинского поэта со старинным свитком в правой руке, расположенная в арке перед входом в библиотеку, — красноречивое свидетельство непреходящего значения древнего произведения и вечной славы его автора.

Памятник Шота Руставели, грузинскому государственному деятелю и поэту, жившему в конце XII — начале XIII вв., автору поэмы «Витязь в тигровой шкуре», в Киеве является частью скульптурного ансамбля «Парк имени Шота Руставели». Автор проекта и скульптор — В. Имерлишвили, скульптор — П. Гигаури, архитектор — Д. Якобшвили.

Парк Руставели был открыт в июне 2007 года. Он расположен в центре Киева, на пересечении улиц Саксаганского и Шота

Памятники Ш. Руставели и памятные места, связанные с жизнью поэта

Памятник великому грузинскому поэту Шота Руставели, важный памятник для всех грузин, установлен в Тбилиси на проспекте, который носит его имя.

Он выполнен в камне и мраморе в 1942 году скульптором К. Мерабишвили и архитектором Ш. Тулашвили. Работа скульптора была удостоена первой премии на Всесоюзном конкурсе эскизов памятника великому грузинскому поэту.

Ещё один памятник Шота Руставели на его родине расположен в Тбилиси перед зданием Национальной парла-

**Памятник Шота
Руставели. Грузия.
Тбилиси**

**В. С. Имерлишвили
и П. Е. Гигаури. Парк Шота
Руставели. Украина. Киев**

Руставели, и состоит из нескольких каменных фигур, на одной из которых изображён сам поэт.

Территорию парка украшают каменные скульптуры-скамейки. Центральная фигура парка — барельеф из вишневого гранита с изображением Шота Руставели с фрески монастыря Святого Креста в Иерусалиме. Гранит для изготовления скульптур был добыт в карьере, который также назван именем

поэта. Вечером скульптуры парка подсвечиваются, а на центральный барельеф проецируется цветное изображение фрески из монастыря Святого Креста, находящегося в Иерусалиме.

Краеведы уверяют, что возле памятника можно получить вдохновение и ответы на многие вопросы — атмосфера в этом месте необычная, заряжающая творческой энергией.

Обращаемся к интернету

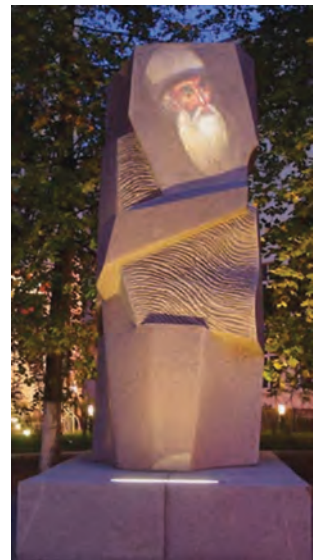
Сайты, посвящённые Шота Руставели

- <https://wikipedia.org> (Википедия)
- http://letter.com.ua/Shota_Rustaveli_1.html (Афоризмы Шота Руставели)
- <http://history-persons.ru/2012/05/rustaveli-shota/> (Великие исторические личности)
- <http://stroki.net/> (Электронная библиотека «Стихи классических и современных авторов»)

Бросим мышку, возьмём книжку

- ◆ Прочитайте книги, рекомендованные для самостоятельного чтения, оформите дневник читателя:

**В. С. Имерлишвили
и П. Е. Гигаури.
Памятник Шота
Руставели. Украина. Киев**

- Низами. Газели;
- Хафиз. Газели;
- Алишер Навои «Фархад и Ширин»;
- Сайгё. Танка.

Памятка «Как оформить дневник читателя»

Дневник читателя — это тетрадь, в которую вы можете записывать, какие книги прочитали, давать краткую информацию об этих книгах и их авторах, включать собственные иллюстрации или клеивать напечатанные.

Дневник читателя вы можете оформить в электронном виде и представить в виде презентации или её распечатки.

В описание каждой книги целесообразно включить следующие пункты:

- фотографию обложки прочитанной книги; запись её названия и автора; краткую биографическую справку об авторе;
- описание ключевых событий; перечень главных героев; характеристики персонажей;
- сообщение о личном мнении (что больше всего понравилось / удивило / возмутило / заставило задуматься); предположение, каким бы могло быть продолжение у книги

Тренируем память, развиваем мышление

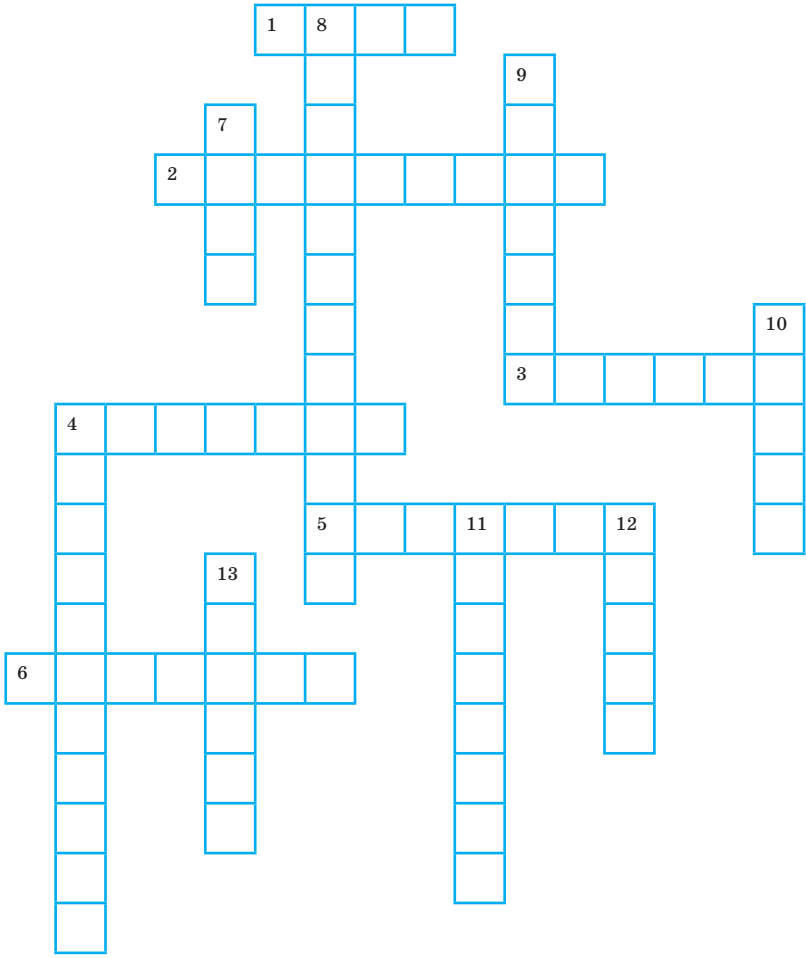
- ◆ Разгадайте кроссворд «Жизнь и творчество Омара Хайяма».

По горизонтали

1. Кто такой Омар Хайям? 2. Какой жанр поэзии изобрёл Омар Хайям? 3. Где родился Омар Хайям? 4. Как называют человека, размышляющего над законами бытия? 5. Каково одно из имён Омара Хайяма? 6. Где учился Омар Хайям?

По вертикали

4. Кто открыл Омара Хайяма для европейского читателя? 7. Как называется то, что совершил Хайям в Мекку? 8. Что было создано специально для научных изысканий О. Хайяма? 9. Каково название одного из городов, где жил Омар Хайям? 10. В каком жанре написаны произведения Омара Хайяма? 11. Где преподавал Омар Хайям? 12. Кто из правителей покровительствовал Омару Хайяму? 13. Как называют человека, занимающегося научными исследованиями?

Раздел II

Вечные темы и образы в литературе эпохи Возрождения

Это, несомненно, золотой век, который
вернул свет свободным искусствам.

М. Фичино

Ф. Хайец. Ромео и Джульетта

Возрождение (XIV–XVII)

Печатный станок
Иоганна
Гутенберга
(1440)

Открытие
Америки
Христофором
Колумбом
(1492)

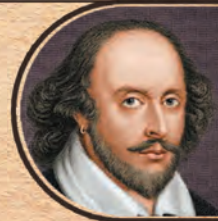
Открытие
Индии
Васко да Гама
(1498)

Первое
кругосветное
путешествие
Фернана Магеллана
(1519–1522)

Мигель де
Сервантес
Сааведра
(1547–1616)

Вильям
Шекспир
(1564–1616)

Создание
первой высшей
школы
и выдающегося
культурно-
образовательного центра
в Украине —
Киево-Могилянской академии

Восстание
украинского
казачества под
руководством
Богдана
Хмельницкого
(1648)

Закон
всемирного
тяготения
Исаака Ньютона
(1666)

- ◆ Охарактеризуйте историческую эпоху, во время которой творили писатели.

Эпоха Возрождения

«Какое чудо природы человек!»

Вот глыба камня. Сильными руками
я высекаю человека в ней,
И оживает камень перед нами,
сверкая тёплым мрамором очей.
Он не обманет лживыми словами,
он вызван к жизни волею моей...
Но раз искусство властно над камнями,
оно способно изменять людей.
И. Бехер

Завершение периода средневековой цивилизации в истории человечества связано с блестящим периодом культуры и литературы, который носит название Возрождения или, если использовать общепринятый французский термин, Ренессанса¹. Это гораздо более короткая, чем античность или Средневековье, эпоха. Она носит переходный характер, но именно культурные достижения этого времени заставляют выделять его как особый этап в развитии человечества, когда преодолеваются средневековая замкнутость, религиозный взгляд на человека как на греховное существо, беспомощную пешку в руках Бога.

Происходит новое открытие мира и человека. Гамлет, герой одной из самых знаменитых трагедий В. Шекспира, восклицает: «Какое чудо природы человек!». А сонет Иоганнеса Бехера, выдающегося немецкого писателя и поэта XX века, о великом художнике Возрождения Микеланджело заканчивается словами:

«Взгляни! Во мне раскрыт твой образ гордый!» —
Пусть человеку скажет камень твёрдый.

Петрарка и Леонардо да Винчи, Боттичелли и Микеланджело, Шекспир и Сервантес — лишь немногие имена гениев этой эпохи, часто и справедливо именуемых титанами Возрождения за универсальность и мощь их дарования. Леонардо да Винчи был гениальным скульптором и художником, выдающимся математиком и механиком, незаурядным философом, талантливым сочинителем поучительных притч и басен, изобретателем станков и машин.

¹ *Ренессанс* (от фр. *Renaissance*) — период в культурном и идейном развитии ряда стран Европы (в Италии XIV–XVI вв., в других странах — XV–XVI вв.), наступивший после Средневековья.

**Л. да Винчи.
Предполагаемый
автопортрет**

Великолепным памятником ренессансной архитектуры является собор Святого Петра в Риме Микеланджело, образцом живописного совершенства до сих пор остаётся знаменитая картина Рафаэля «Сикстинская Мадонна». Именно эпохе Возрождения мы обязаны созданием таких ставших для нас привычными жанров музыкально-драматического искусства, как опера и балет.

Многие художественные образы, получившие название вечных, появились в период Возрождения. Это знаменитые шекспировские герои, едва ли не самые известные среди которых Ромео и Джульетта, и не менее знаменитый Дон Кихот Сервантеса. Именно с этими героями вам предстоит познакомиться в этом разделе.

Бурный расцвет литературы в этот период в значительной степени связан с особым отношением к античному наследию. Античное наследие не просто изучается в это время, а «восстанавливается». Любителям древних литературных памятников эпохи Ренессанса мы обязаны тем, что имеем возможность читать сегодня письма древнеримского политика и философа, блестящего оратора Цицерона, пьесы выдающегося римского комедиографа Плавта. Эрудиты Возрождения основали библиотеки, создали музеи, учредили школы для изучения классической древности, предприняли специальные путешествия.

Период культурных изменений в Западной Европе, названный эпохой Возрождения, длился со второй половины XV века до XVI века, а в Италии — на родине Возрождения — он начался на век раньше — в XIV веке. Возрождение — время великих географических открытий, развития мореплавания, торговли, зарождения крупной промышленности. Это период формирования европейских наций и национальных государств, развития отношений между государствами, образования политических союзов и возникновения дипломатии.

Одним из важнейших событий в духовной жизни Европы того времени стало изобретение немцем Иоганном Гутенбергом в XV веке книгопечатного станка. Это позволило сделать книгу доступной более широкому кругу людей, а следовательно — значительно увеличить количество грамотных, образованных людей.

Новая духовная атмосфера прославляет свободу и мощь человека как земного, природного существа. Оптимистическая убежденность в могуществе человека, его способности к совершенствованию рождает желание и необходимость соотносить поведение отдельного человека, своё собственное поведение со своеобразным образцом «идеальной личности», жажду самосовершенствования. Так в западноевропейской культуре Возрождения формируется центральное движение этой культуры, получившее название гуманизма.

Значение этого понятия не совпадает с общеупотребительными сегодня словами «гуманизм», «гуманный», означающими «человеколюбие», «милосердие», «доброта», хотя их современное значение в конечном счёте восходит к ренессансным временам. **Гуманизм эпохи Возрождения — это особый комплекс нравственно-философских представлений.** Он имел непосредственное отношение к воспитанию, образованию человека на основе преимущественного внимания к гуманитарным наукам: филологии, истории, этике. Как писал замечательный итальянский поэт Возрождения Франческо Петрарка, именно «через слово человеческое лицо становится прекрасным». Престиж гуманистических познаний был в эпоху Возрождения чрезвычайно высок.

В эпоху Возрождения меняется способ мышления человека. Диалог — один из популярных литературных жанров эпохи Возрождения. Расцвет этого жанра, как и расцвет трагедии, комедии, — одно из проявлений внимания литературы Возрождения к античным жанрам.

Ярчайшим представителем эпохи Возрождения является английский писатель-драматург Вильям Шекспир. Его творчество — это вершина английского Возрождения.

Рафаэль. Сикстинская мадонна

Вопросы и задания

1. Что вы узнали об эпохе Возрождения? Как соотносятся понятия «Возрождение» и «Ренессанс»?
2. Как вы понимаете смысл термина «гуманизм эпохи Возрождения»? Чем он отличается от современного понимания слова «гуманизм»?

3. Расскажите, какие принципы гуманизма эпохи Возрождения вам понятны и близки?
4. Сообщите одноклассникам об одном из открытий эпохи Возрождения, которое вам запомнилось больше всех.
5. Подготовьте презентационное сообщение на выбор (или по вариантам), дайте сообщению своё название:
 - о жизни и творчестве великого английского драматурга эпохи Возрождения В. Шекспира;
 - об английском театре времён В. Шекспира и о театре «Глобус»;
 - об истории создания и постановок трагедии В. Шекспира «Ромео и Джульетта».

Вильям Шекспир 1564–1616

«Он человек был, человек во всём»

Для нас Шекспир не одно только громкое имя, которому преклоняются лишь изредка и издали: он сделался нашим достоянием, он вошёл в нашу кровь и плоть. ...Каждому знакомы и дороги созданные им образы, понятны и близки мудрые и правдивые слова, вытекшие из сокровищницы его всеобъемлющей души!

И. С. Тургенев

Неизвестный художник.
В. Шекспир

Английский поэт и драматург Вильям Шекспир — одна из самых загадочных и самых гениальных личностей в мировой литературе и истории.

Более полутора веков учёные многих стран, разделившись на два лагеря, ожесточённо спорят о том, был ли Шекспир из Стратфорда-на-Эйвоне автором бесчисленных, непревзойдённых трагедий, комедий и сонетов, которыми зачитываются люди уже в течение пяти веков. Спорят, потому что многие факты биографии Шекспира скрыты плотной завесой тайны, потому что нет достоверных данных ни о его хорошем образовании,

ни о богатом жизненном опыте, а между тем пьесы Шекспира, по мнению многих исследователей, говорят о выдающемся знании античной литературы, географии, ряда иностранных языков. Претендентов на место автора «шекспировских произведений» насчитывается около шестидесяти. Среди них — и жена Шекспира, и Кристофер Марло, и граф Ратленд, и даже королева Елизавета I. Марк Твен, тоже не веривший в это авторство, называл Шекспира самым знаменитым из всех никогда не существовавших на свете людей. Однако поклонники Шекспира, вдохновлённые необъятной гениальностью его литературного наследия, каждый год устраивают шекспировские чтения, проводят симпозиумы и конференции, посвящённые его творчеству.

Точных сведений о жизни Вильяма Шекспира действительно мало. Известно, что родился он в 1564 году в крошечном провинциальном городке Стратфорде-на-Эйвоне, расположенном в графстве Уорикшир, в семье ремесленника и торговца Джона Шекспира и Мэри Арден, дворянки, принадлежавшей к одной из старейших саксонских семей. Точная дата его рождения неизвестна, но принято считать, что это — 23 апреля. Именно в этот день англичане вспоминают святого Георгия, покровителя Англии, и к этому дню предание могло приурочить рождение величайшего национального поэта.

Впрочем, день рождения Шекспиру «назначили» уже спустя много лет после его смерти. А вот фамилия драматурга заслуживает внимания. Она произошла от двух английских слов *shake* (потрясать) и *spear* (копье), то есть означает «потрясающий копьем». Значению фамилии соответствует символика герба дома Вильяма Шекспира, мечтавшего о высоком социальном статусе. Герб имеет форму щита, пересекаемого по диагонали копьем; поверх щита на венке стоит сокол, держащий одной поднятой лапой копье. Сокол является символом близости к королевской семье. К гербу был присоединён девиз «*Non sanz droict*» (фр. «Не без права»).

Как все тогдашние дети, Вильям Шекспир посещал так называемую грамматическую школу в Стратфорде, которая была отменной. Он вынужден был сам зарабатывать себе на жизнь, а около 1580 года ему пришлось и вовсе бросить её и начать работать в качестве подмастерья у отца.

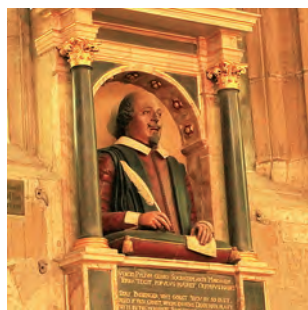

Герб Шекспира

Восемнадцатилетний Шекспир женился на женщине, старшей его на восемь лет. У них родились трое детей: дочь Сусанна и близнецы сын Гамлет и дочь Джудит. Кажется, теперь его судьба решена и жизнь чётко определена. Но внезапно всё стремительно изменилось: он оставил родной город и уехал в Лондон.

Семилетний период между 1585-м и 1592 годом в жизни Шекспира принято называть потерянными годами, потому что нет никаких достоверных сведений о его местонахождении в это время, а также о том, почему он покинул Стратфорд. Однако известно, что приблизительно с 1590 года Шекспир оказался в лондонской театральной труппе, с которой колесил по Англии. Театр эпохи Шекспира был одним из излюбленных развлечений того времени, представляя подлинно народное искусство. Труппы были невелики, их ядро обычно составляли 6–8 актёров. Актрис во времена Шекспира ещё не было, да и профессия актёра была сравнительно новой. Шекспир писал пьесы и активно участвовал в театральных постановках, исполняя самые разные роли.

В 1599 году в Лондоне открылся только что построенный театр «Глобус», который до сих пор считается лучшим театром времён королевы Елизаветы. Вильям Шекспир стал одним из его владельцев, актёром и драматургом. Около пятнадцати лет он играл на сцене «Глобуса» и писал пьесы для знаменитого театра. Здесь были впервые поставлены великие трагедии «Ромео и Джульетта», «Гамлет», «Отелло», «Король Лир», «Макбет».

Надгробный памятник В. Шекспиру на стене неподалёку от могилы.

Каждый год в день рождения Шекспира гусиное перо в его руке заменяют новым

Здание театра «Глобус» было круглым, с башней, над которой поднимался флаг, означающий, что представление начнётся ровно в два часа дня. У входа установлено панно, изображающее Геркулеса, держащего на плечах небесную сферу. Сцена выступала далеко в зал, декораций почти не было. Пол устилали камышом, сбоку шла стена с альковом (нишей), прикрытым занавесом. В нужные моменты действия занавес поднимался, и альков предстал перед зрителями то комнатой замка, то кладбищенским склепом, то кельей учёного монаха.

Умер Вильям Шекспир 23 апреля 1616 года в возрасте 52 лет и был похоронен у алтаря церкви Святой Троицы

в Стратфорде-на-Эйвоне. Такой чести он был удостоен не потому, что был великим драматургом, а потому, что ещё при жизни уплатил церкви 440 фунтов.

Созданные Шекспиром четыре столетия назад пьесы и сегодня волнуют и потрясают воображение зрителей и читателей. Лучшие театры мира и выдающиеся актёры считают для себя честью и счастьем поставить и сыграть шекспировский спектакль. Великий немецкий писатель-просветитель И. В. Гёте гово-

рил об особом влиянии на него творчества Шекспира: «Первая же страница Шекспира, которую я прочитал, покорила меня на всю жизнь, а одолев первую его вещь, я стал как слепорождённый, которому чудотворная рука вдруг даровала зрение». Пусть же во всей полноте и красоте откроется перед вами духовный мир великого драматурга и его героев.

**Театр «Глобус»
в Лондоне**

Вопросы и задания

1. Личность В. Шекспира называют загадочной. В чём вы видите загадку, тайну личности великого английского драматурга и поэта? Хорошо или плохо то, что разгадать эту тайну не удаётся до сих пор?
2. Расскажите об основных фактах творческой биографии В. Шекспира. Выделите в них те, которые вызвали у вас особые размышления или чувства.
3. Если бы вам поручили нарисовать герб В. Шекспира, что бы вы поместили на него? Расскажите об этом или нарисуйте эскиз герба.
4. Представьте, что вы скульптор и должны создать памятник В. Шекспиру. Каким бы вы создали и в каком месте мира захотели бы его расположить?

Вам, любознательные!

Театр «Глобус» сегодня

В лондонском театре «Глобус», построенном на месте того самого, где впервые увидели свет многие пьесы В. Шекспира, сегодня каждый желающий может сыграть роль в одной из пьес знаменитого драматурга. После реконструкции здесь установлены

интерактивные кабинки караоке с видеосуфлёром. Посетитель выбирает себе одну из восьми самых известных сцен, на экране появляется соответствующий текст, и нужно лишь своевременно декламировать слова «своего» героя. Другие роли исполняют актёры, чьи реплики записаны заранее. Когда сцена кончится, можно прослушать, как вы и ваши «коллеги» справились с поставленной задачей. Новая услуга пользуется огромным спросом, и это неудивительно, ведь сам В. Шекспир заметил: весь мир — театр, и люди в нём — актёры.

Узнаём о тайнах художественного слова

О драме

Со времён античности существуют три рода литературы, о которых говорится в трактате «Поэтика» древнегреческого философа Аристотеля (335 г. до н. э.): эпос, лирика и драма. Драма как род литературы представляет собой произведения, построенные обычно в форме диалога и предназначенные для исполнения актёрами на сцене.

Драматическое произведение, которое, как правило, не предназначено для чтения, создаётся для постановки на сцене, и в нём есть своеобразные посредники между автором и зрителем (читателем) — актёры, режиссёр. От них во многом зависит то, как будет понята пьеса. Неслучайно драма кроме творческой истории имеет ещё и сценическую историю.

Обратимся к виртуальному словарю

Драма (греч.— действие) — 1) один из трёх основных родов литературы, представляющий собою произведения, построенные обычно в форме диалога и предназначенные для исполнения актёрами на сцене; 2) один из основных жанров литературы, изображающий жизнь человека в его остроконфликтных, но не безысходных отношениях с обществом или с самим собой; пьеса.

Жанрами драмы как литературного рода являются *трагедия*, *комедия* и собственно *драма*.

Драма состоит из актов или действий, которые в свою очередь делятся на сцены и явления.

Драма, как и эпические произведения, обязательно имеет сюжет: в ней есть завязка, развитие действия, кульминация,

развязка. Но из-за разделения пьесы на акты, прерывающие действие, этот сюжет строится по-особому. В каждом действии может изображаться такое событие, которое служит отдельной кульминацией, заинтриговывающей зрителей (читателей).

Драматургический текст начинается с афиши — списка действующих лиц.

Авторское отношение к событиям, авторская позиция в драме выражаются в ремарках, содержащих пояснение автора к тексту, описание обстановки, поведения актёров и т. п.

Вопросы и задания

1. Дайте определение драмы как литературного рода.
2. Назовите структурные части пьесы как жанра драмы.
3. Расскажите о роли актёров и режиссёра в постановке пьесы.

Пришло время читать

Ромео и Джульетта (Отрывки)

Действующие лица

- Эскал, герцог Веронский.
Парис, молодой дворянин, родственник герцога.
Монтеки, Капулетти, главы двух враждебных домов.
Старик, родственник Капулетти.
Ромео, сын Монтеки.
Меркуцио, родственник герцога и друг Ромео.
Бенволио, племянник Монтеки и друг Ромео.
Тибальт, племянник синьоры Капулетти,
Брат Лоренцо, брат Джованни, францисканские монахи.
Бальтазар, слуга Ромео.
Самсон, Грегори, слуги Капулетти.
Пьетро, слуга кормилицы Джульетты.
Абрам, слуга Монтеки.
Аптекарь.
Три музыканта.
Паж Меркуцио.
Паж Париса.
Пристав.

Синьора Монтеки, жена Монтеки.

Синьора Капулетти, жена Капулетти

Джульетта, дочь Капулетти.

Кормилица Джульетты.

Горожане Вероны, родственники обоих домов, мужчины и женщины, маски, стража, часовые и слуги.

Хор.

Место действия — Верона и Мантуя.

Пролог

Входит Хор.

Хор

В двух семьях, равных знатностью и славой,
В Вероне пышной разгорелся вновь
Вражды минувших дней раздор кровавый,
Заставил литься мирных граждан кровь.
Из чресел враждебных, под звездой злосчастной,
Любовников чета произошла.
По совершенью их судьбы ужасной
Вражда отцов с их смертью умерла.
Весь ход любви их, смерти обречённой,
И ярый гнев их близких, что угас
Лишь после гибели четы влюблённой,—
Часа на два займут, быть может, вас.
Коль подарите нас своим вниманьем,
Изъяны все загладим мы стараньем.
(Уходит.)

Акт I

Сцена II

Улица. Входят Капулетти, Парис и слуга.

Капулетти

Мы оба одинаково с Монтеки
Наказаны; и, думаю, не трудно
Нам, старым людям, было б в мире жить.

Парис

Достоинствами вы равны друг другу;
И жаль, что ваш раздор так долго длится.
Но что вы мне ответите, синьор?

Капулетти

Я повторю, что говорил
и раньше:
Мое дитя ещё не знает
жизни;
Ей нет ещё четырнадцати лет;
Пускай умрут ещё
два пышных лета —
Тогда женою сможет
стать Джульетта.

Парис. Я матерей счастливых знал
моложе.

Д. А. Шмаринов.
Площадь в Вероне

Капулетти

Созрев так рано, раньше увядают.
Земля мои надежды поглотила,
И дочь — одна наследница моя.
Но попытайтесь, граф мой благородный, —
Пусть вам любовь отдаст она свободно;
В её согласии моё — лишь часть;
Я ей решение отдаю во власть.
Сегодня праздник в доме у меня:
Друзья мои сойдутся и родня;
Кого люблю, тот зван на торжество:
Вы к их числу прибавьте одного.
Земные звёзды озарят мой дом,
Заставив ночь казаться ярким днём.
Ту радость, что апрель несёт нам милый,
Явившись следом за зимою хилой,
Вам приготовит мой смиренный кров
Средь девушек, среди живых цветов.
Смотрите, слушайте и наблюдайте,
И лучшей предпочтению отдайте.
Одной из многих будет и она,
Хоть, может быть, ценой им не равна.
Пойдём со мною, граф. — А ты, любезный,
Верону всю обегай, всех найди,
Кто здесь записан,
(даёт слуге бумагу)
И проси потом
Мне сделать честь — пожаловать в мой дом.

Капулетти и Парис уходят.

Сцена V

Зал в доме Капулетти.
Музыканты ждут. Входят слуги с салфетками.

Ромео

Она затмила факелов лучи!
Сияет красота её в ночи,
Как в ухе мавра жемчуг несравненный.
Редчайший дар, для мира слишком ценный?
Как белый голубь в стае воронья —
Среди подруг красавица моя.
Как кончат танец, улучу мгновенье —
Коснусь её руки в благоговенье.
И я любил? Нет, отрекайся взор:
Я красоты не видел до сих пор!

Вам, любознательные!

Смысл имён шекспировских персонажей

В имена действующих персонажей В. Шекспир вложил особый смысл.

- **Тибальты** — в ирландской культуре так называли котов; персонаж и ведёт себя как воинственный кот.
- **Ромео** — в переводе с латыни «паломник»; у Шекспира, вероятно, «паломник любви».
- **Меркуцио** — от латинского «ртуть»; друг Ромео так же непоседлив и всегда в движении, как и этот жидкий металл.
- **Джульетта** — от английского «июль»; рождённая в Петров день, 12 июля.

Тибальт

Как, этот голос! Среди нас — Монтекки!
Эй, паж, мой меч! Как! Негодяй посмел
Сюда явиться под прикрытьем маски,
Чтобы над нашим празднеством глумиться?
О нет, клянусь я честью предков всех,
Убить его я не сочту за грех!

Капулетти. Что ты, племянник, так разбушевался?

Тибальт

Но, дядя, здесь Монтекки! Здесь наш враг!
К нам этот негодяй прокрался в дом:
Над нашим он глумится торжеством.

Капулетти. Ромео здесь?
Тибальт. Да, негодяй Ромео!

Капулетти

Друг, успокойся и оставь
его.

Себя он держит истым
дворянином;

Сказать по правде —
вся Верона хвалит

Его за добродетель
и учтивость.

Не дам его здесь в доме
оскорблять я.

Не обращай вниманья
на него.

Когда мою ты волю уважаешь,
Прими спокойный вид, брось хмурить брови:
На празднике так неуместна злость.

Тибальт

Она уместна, коль нам мерзок гость.
Я не стерплю его!

Капулетти

Ого! Не стерпишь?
Отлично стерпишь — слышишь ты, мальчишка?
Я здесь хозяин или ты? Ступай!
Не стерпит он! А? Бог меня прости!
Ты средь моих гостей заводишь смуту.
Ишь, вздумал петушиться! Я тебя!

Тибальт. Но, дядя, это срам.

Капулетти

Да, как же, как же!
Мальчишка дерзкий ты! Вот как! Смотри,
Чтоб пожалеть потом не привелось!
Не повреди себе — я знаю чем...
Сердить меня — как раз тебе пристало. —
Отлично, детки. — Дерзкий ты мальчишка!
Веди себя прилично, а не то... —
Побольше света, света! — Стыд какой!
Притихнешь у меня. — Живей, дружки!

Д. А. Шмаринов.
Ромео в костюме монаха
в доме Капулетти

Тибальт

Мой гнев и принуждённое терпенье
Вступили в бой. Дрожу я от волненья.
Пока уйду я, но его приход
Ему не радость — горе принесёт.
(Уходит.)

Ромео (*Джюльетте*)

Когда рукою недостойной грубо
Я осквернил святой алтарь — прости.
Как два смиренных пилигрима, губы
Лобзаньем смогут след греха смести.

Джюльетта

Любезный пилигрим, ты строг чрезмерно
К своей руке: лишь благочестье в ней.
Есть руки у святых: их может, верно,
Коснуться пилигрим рукою своей.

Ромео. Даны ль уста святым и пилигримам?

Джюльетта. Да, — для молитвы, добрый пилигрим.

Ромео

Святая! Так позволь устам моим
Прильнуть к твоим — не будь неумолима.

Джюльетта. Не двигаясь, святые внемлют нам.

Ромео

Недвижно дай ответ моим мольбам.
(Целует её.)

Твои уста с моих весь грех снимают.

Джюльетта. Так приняли твой грех мои уста?

Ромео

Мой грех... О, твой упрек меня смущает!
Верни ж мой грех.

Джюльетта. Вина с тебя снята.

Кормилица. Синьора, ваша матушка вас просит.

Джюльетта уходит.

Ромео. Кто мать её?

Кормилица

Как, молодой синьор?
Хозяйка дома этого ей мать —

Достойная и мудрая синьора.
А я вскормила дочь, с которой здесь
Вы говорили. Кто её получит,
Тому достанется и вся казна.
(Уходит.)

Ромео

Дочь Капулетти!
Так в долг врагу вся жизнь моя дана.

Бенволио. Идём. Забава славно удалась.

Ромео. Боюсь, моя беда лишь началась.

Все, кроме Джульетты и кормилицы, уходят.

Джульетта. Кормилица, скажи, кто тот синьор?

Кормилица. Сын и наследник старого Тиберно.

Джульетта. А этот, что сейчас выходит в дверь?

Кормилица. Как будто это молодой Петруччо.

Джульетта. А тот, за ним, тот, кто не танцевал?

Кормилица. Не знаю я.

Джульетта

Поди узнай. — И если он женат,
То мне могила будет брачным ложем.

Кормилица (*возвращаясь*)

Зовут его Ромео, он Монтекки,

Сын вашего врага, — один наследник.

Джульетта

Одна лишь в сердце ненависть была —

И жизнь любви единственной дала.

Не зная, слишком рано увидала

И слишком поздно я, увы, узнала.

Но победить я чувство не могу:

Горю любовью к злейшему врагу.

Акт II

Сцена II

Сад Капулетти.

Входит Ромео.

Джульетта появляется на балконе.

Ромео

Но тише! Что за свет блеснул в окне?

О, там восток! Джульетта — это солнце.

Встань, солнце ясное,
убей луну —
Завистницу: она и без того
Совсем больна, бледна
от огорченья,
Что, ей служа, ты всё ж
её прекрасней.
Не будь служанкою луны
ревнивой!
Цвет девственных одежд
зелёно-бледный
Одни шуты лишь носят:

Д. А. Шмаринов. Ромео
в саду Капулетти

брось его.
О, вот моя любовь,
моя царица!
Ах, знай она, что это так!
Она заговорила? Нет, молчит.
Взор говорит. Я на него отвечаю!
Я слишком дерзок: эта речь — не мне.
Прекраснейшие в небе две звезды,
Принуждены на время отлучиться,
Глазам её своё моление шлют —
Сиять за них, пока они вернутся.
Но будь её глаза на небесах,
А звёзды на её лице останься, —
Затмил бы звёзды блеск её ланит,
Как свет дневной лампаду затмевает;
Глаза ж её с небес струили б в воздух
Такие лучезарные потоки,
Что птицы бы запели, в ночь не веря.
Вот подперла рукой прекрасной щёку.
О, если бы я был её перчаткой,
Чтобы коснуться мне её щеки!

Джульетта. О, горе мне!

Ромео

Она сказала что-то.
О, говори, мой светозарный ангел!
Ты надо мной сияешь в мраке ночи,
Как легкокрылый посланец небес
Пред изумлёнными глазами смертных,
Глядящих, головы закинув ввысь,

Как в медленных парит он облаках
И плавает по воздуху.

Джульетта

Ромео!

Ромео, о зачем же ты Ромео!

Покинь отца и отрекись навеки

От имени родного, а не хочешь —

Так поклянись, что любишь ты меня,—

И больше я не буду Капулетти.

Ромео. Ждать мне ещё иль сразу ей ответить?

Джульетта

Одно ведь имя лишь твоё — мне враг,

А ты — ведь это ты, а не Монтекки.

Монтекки — что такое это значит?

Ведь это не рука, и не нога,

И не лицо твоё, и не любая

Часть тела. О, возьми другое имя!

Что в имени? То, что зовём мы розой,—

И под другим названьем сохраняло б

Свой сладкий запах! Так, когда Ромео

Не звался бы Ромео, он хранил бы

Все милые достоинства свои

Без имени. Так сбрось же это имя!

Оно ведь даже и не часть тебя.

Взамен его меня возьми ты всю!

Ромео

Ловлю тебя на слове: назови

Меня любовью — вновь

меня окрестишь,

И с той поры

не буду я Ромео.

Джульетта

Ах, кто же ты,

что под покровом ночи

Подслушал тайну сердца?

Ромео

Я не знаю,

Как мне себя по имени

назвать.

Д. А. Шмаринов.

Джульетта на балконе

Мне это имя стало ненавистно,
Моя святыня: ведь оно — твой враг.
Когда б его написанным я видел,
Я б это слово тотчас разорвал.

Джюльетта

Мой слух ещё и сотни слов твоих
Не уловил, а я узнала голос:
Ведь ты Ромео? Правда? Ты Монтекки?

Ромео

Не то и не другое, о святая,
Когда тебе не нравятся они.

Джюльетта

Как ты попал сюда? Скажи, зачем?
Ведь стены высоки и неприступны.
Смерть ждёт тебя, когда хоть кто-нибудь
Тебя здесь встретит из моих родных.

Ромео

Я перенёсся на крылах любви:
Ей не преграда — каменные стены.
Любовь на всё дерзает, что возможно,
И не помеха мне твои родные.

Джюльетта. Но, встретив здесь, они тебя убьют.

Ромео

В твоих глазах страшнее мне опасность,
Чем в двадцати мечях. Взгляни лишь нежно —
И перед их враждой я устою.

Джюльетта. О, только бы тебя не увидали!

Ромео

Меня укроет ночь своим плащом.
Но коль не любишь — пусть меня увидят.
Мне легче жизнь от их вражды окончить,
Чем смерть отсрочить без твоей любви.

Джюльетта. Кто указал тебе сюда дорогу?

Ромео

Любовь! Она к расспросам понудила,
Совет дала, а я ей дал глаза.
Не кормчий я, но будь ты так далёко,

Как самый дальний берег океана,—
Я б за такой отважился добычей.

Джульетта

Моё лицо под маской ночи скрыто,
Но всё оно пылает от стыда
За то, что ты подслушал нынче ночью.
Хотела б я приличья соблюсти,
От слов своих хотела б отказаться,
Хотела бы... но нет, прочь лицемерье!
Меня ты любишь? Знаю, скажешь: «Да».
Тебе я верю. Но, хоть и поклявшись,
Ты можешь обмануть: ведь сам Юпитер
Над клятвами любовников смеётся.
О милый мой Ромео, если любишь —
Скажи мне честно. Если ж ты находишь,
Что слишком быстро победил меня, —
Нахмурюсь я, скажу капризно: «Нет»,
Чтоб ты молил. Иначе — ни за что!
Да, мой Монтекки, да, я безрассудна,
И ветреной меня ты вправе счесть.
Но верь мне, друг, — и буду я верней
Всех, кто себя вести хитро умеет.
И я могла б казаться равнодушной,
Когда б ты не застал меня врасплох
И не подслушал бы моих признаний.
Прости ж меня, прошу, и не считай
За легкомыслие порыв мой страстный,
Который ночи мрак тебе открыл.

Ромео

Клянусь тебе священной
луной,
Что серебрит цветущие
деревья...

Джульетта

О, не клянись луной
непостоянной,
Луной, свой вид
меняющей так часто.
Чтоб и твоя любовь
не изменилась.

Д. А. Шмаринов. Ромео
и Джульетта

Ромео. Так чем поклясться?

Джульетта

Вовсе не клянись;
Иль, если хочешь, поклянись собою,
Самим собой — души моей кумиром,—
И я поверю.

Ромео. Если чувство сердца...

Джульетта

Нет, не клянись! Хоть радость ты моя,
Но сговор наш ночной мне не на радость.
Он слишком скор, внезапен, необдуман —
Как молния, что исчезает раньше,
Чем скажем мы: «Вот молния». О милый,
Спокойной ночи! Пусть росток любви
В дыханье тёплом лета расцветает
Цветком прекрасным в миг, когда мы снова
Увидимся. Друг, доброй, доброй ночи!
В своей душе покой и мир найди,
Какой сейчас царит в моей груди.

Ромео. Ужель, не уплатив, меня покинешь?

Джульетта. Какой же платы хочешь ты сегодня?

Ромео. Любовной клятвы за мою в обмен.

Джульетта

Её дала я раньше, чем просил ты,
Но хорошо б её обратно взять.

Ромео. Обратно взять! Зачем, любовь моя?

Джульетта

Чтоб искренне опять отдать тебе.
Но я хочу того, чем я владею:
Моя, как море, безгранична нежность
И глубока любовь. Чем больше я
Тебе даю, тем больше остаётся:
Ведь обе — бесконечны.
(*Кормилица зовёт за сценой.*)
В доме шум!
Прости, мой друг. — Кормилица, иду! —
Прекрасный мой Монтекки, будь мне верен.
Но подожди немного, — я вернусь.
(*Уходит.*)

Ромео

Счастливая, счастливейшая ночь!
Но, если ночь — боюсь, не сон ли это?
Сон, слишком для действительности сладкой!

Входит снова Джульетта.

Джульетта

Три слова, мой Ромео, и тогда уж
Простимся. Если искренне ты любишь
И думаешь о браке — завтра утром
Ты с посланной моею дай мне знать,
Где и когда обряд свершить ты хочешь, —
И я сложу всю жизнь к твоим ногам
И за тобой пойду на край вселенной.
(Голос кормилицы за сценой: «Синьора!».)
Сейчас иду! — Но если ты замыслил
Дурное, то молю...
(Голос кормилицы за сценой: «Синьора!».)
Иду, иду! —
Тогда, молю, оставь свои исканья
И предоставь меня моей тоске.
Так завтра я пришлю.

Ромео. Души спасеньем...

Джульетта. Желаю доброй ночи сотню раз. (Уходит.)

Ромео

Ночь не добра без света милых глаз.
Как школьники от книг, спешим мы к милой;
Как в школу, от неё бредем уныло...

Акт V

Сцена III

Кладбище, склеп Капулетти.

Ромео

Нередко люди в свой
последний час
Бывают веселы.
Зовут сиделки
Веселье это «молнией
пред смертью»,
Ужели это «молния»
моя? —

Д. А. Шмаринов. Ромео
убивает Тибальта

О ты, любовь моя, моя супруга?
 Смерть выпила мёд твоего дыханья,
 Но красотой твоей не овладела.
 Ты не побеждена. Ещё румянец
 Красой уста и щёки озаряет,
 И смерти знамя бледное не веет. —
 И ты, Тибальт, здесь в саване кровавом.
 Что больше мог бы для тебя я сделать,
 Чем этой же рукой, убившей юность
 Твою, убить и твоего врага?
 Прости мне, брат! О милая Джульетта!
 Зачем ты так прекрасна? Можно думать,
 Что смерть бесплотная в тебя влюбилась,
 Что страшное чудовище здесь прячет
 Во мраке, как любовницу, тебя!
 Так лучше я останусь здесь с тобой:
 Из этого дворца зловещей ночи
 Я больше не уйду; здесь, здесь останусь,
 С могильными червями, что отныне —
 Прислужники твои. О, здесь себе
 Найду покой, навеки нерушимый;
 Стряхну я иго несчастливых звёзд
 С моей усталой плоти! — Ну, взгляните —
 В последний раз, глаза мои! Вы, руки,
 В последний раз объятия раскройте!
 А вы, мои уста, врата дыханья, —
 Священным поцелуем закрепите
 Союз бессрочный со скупой
 смертью!
 Сюда, мой горький спутник,
 проводник
 Зловещий мой, отчаянный
 мой кормчий!
 Разбей о скалы мой усталый
 чёлн! —
 Любовь моя, пью за тебя!
 (Пьёт.)
 О честный
 Аптекарь! Быстро действует
 твой яд.
 Вот так я умираю с поцелуем.
 (Умирает.)

Д. А. Шмаринов.
 Очнувшаяся Джульетта
 видит мёртвого Ромео

Входит с другой стороны кладбища брат Лоренцо с фонарём,
ломом и заступом.

Брат Лоренцо (*входит в склеп*)

Ромео — бледный как мертвец! Парис!
И весь в крови! Какой недобрый час
Виною этих роковых событий?
(*Джульетта просыпается.*)
Она пошевелилась.

Джульетта

Ах, отец мой!
Мой утешитель! Где же мой супруг?
Я помню всё, и где я быть должна.
И вот я здесь. Но где же мой Ромео?
Шум за сценой.

Брат Лоренцо

Шум слышу я. Уйдём же из гнезда
Заразы, смерти, тягостного сна.
Противиться нельзя нам высшей воле:
Надежды все разрушены. Идём!
У ног твоих лежит супруг твой, мёртвый;
И с ним Парис. Идём, идём, я скрою
Тебя в обители святых монахинь.
Не спрашивай, бежим, уж близко стража.
Бежим, Джульетта, медлить мне нельзя.

Джульетта

Иди, иди же. Здесь останусь я.
(*Брат Лоренцо уходит.*)
Что вижу я! В руке Ромео склянка!
Так яд принёс безвременную смерть.
О жадный! Выпил всё и не оставил
Ни капли милосердной мне на помощь!
Тебя я прямо в губы поцелую.
Быть может, яд на них ещё остался, —
Он мне поможет умереть блаженно.
(*Целует Ромео.*)
Уста твои теплы.

Первый стражник (*за сценой*). Веди нас, мальчик.

Джульетта

Сюда идут? Я поспешу. Как кстати —
Кинжал Ромео!

(Хватает кинжал Ромео.)
Вот твои ножны!
(Закалывает себя.)
Останься в них и дай мне
умереть.
(Падает на труп Ромео
и умирает.)

Д. А. Шмаринов. Мёртвые
Ромео и Джульетта

Входит стража с пажом Париса.

Паж. Здесь это было — где пылает факел.

Первый стражник

Кровь на земле! — Эй, обыскать кладбище!
Ступайте. Всех, кто встретится, хватайте.
(Несколько стражников уходят.)
Нашли мы место страшных происшествий;
Но верную причину всех несчастий
Без следствия узнать нам невозможно.

Часть стражи возвращается с Бальтазаром.

Второй стражник. Вот, мы слугу Ромео здесь нашли.

Первый стражник. Пока его под стражею держите.

Другая часть стражи возвращается с братом Лоренцо.

Третий стражник

Вот тут монах — дрожит, вздыхает, плачет.
При нём нашли и взяли заступ с ломом,
Когда он шёл с того конца кладбища.

Первый стражник. Да, здесь улика. Задержать монаха.

Входят герцог и свита.

Герцог

Что за несчастье рано так случилось,
Чтобы смутить наш утренний покой?

Входят Капулетти, синьора Капулетти и другие.

Капулетти. Что тут за шум и крики? Что случилось?

Синьора Капулетти

На улицах народ кричит: «Ромео!» —
«Джульетта!» — «Граф Парис!» — и все бегут
В ту сторону, где наш фамильный склеп.

Герцог. Какой здесь ужас нам смущает слух?

Первый стражник
Вот, государь; здесь граф лежит убитый,
Ромео мёртвый и Джульетта рядом.
Покойница ещё совсем тепла,
Она, как видно, только что убита.

Герцог
Немедленно ищите, разузнайте,
Как страшные убийства совершились!

Первый стражник
Вот здесь монах; а здесь — слуга Ромео,
При них нашли орудия для взлома.

Капулетти
О небеса! Взгляни, жена моя,
Как наша дочь здесь истекает кровью!
Кинжал ошибся! Вот его жилище.
Висит пустым на поясе Ромео,
А он попал в грудь дочери моей!

Синьора Капулетти
О, эта смерть, как погребальный звон,
Зовёт меня в холодную могилу!

Входят Монтекки и другие.

Герцог
Сюда, Монтекки! Встал ты нынче рано,
Чтоб увидеть, как рано лёг твой сын.

Монтекки
Сегодня в ночь жена моя скончалась —
О сыне грусть свела её в могилу.
Какая скорбь ещё мне угрожает
На склоне лет?

Герцог. Взгляни — и ты увидишь.

Монтекки
Мой сын! Зачем же ты забыл приличие
И ранее отца спешишь в могилу?

Герцог
Замкни уста отчаянью на время,
Пока не разъяснили мы событий —
Источник их, начало и конец.

Тогда вождём я стану вашей скорби,
Опорой вам до смерти; а пока
Пускай печаль терпенью покорится.
Я допрошу всех тех, кто в подозренье.

Брат Лоренцо

Я больше всех быть должен в подозренье,
Хоть меньше всех для этого гожусь.
Но час и место — всё против меня
В убийствах этих. Я стою пред вами,
Чтоб обвинять себя и оправдаться,—
Свой обвинитель и защитник вместе.

Герцог. Так говори скорее всё, что знаешь.

Брат Лоренцо

Я буду кратким. Дней моих остаток
Короче, чем рассказ об их несчатьях.
Ромео, что лежит здесь мёртвый, был
С покойною Джульеттою обвенчан:
Она была ему женой законной;
Я их венчал. День тайного их брака
Был для Тибальта роковым; в тот день
Был из Вероны изгнан новобрачный;
О нём — не о Тибальте — были слёзы.
Вы, чтоб её избавить от печали,
Решили с графом обвенчать насильно;
Тогда она пришла ко мне в тоске,
С безумным взором и меня молила
От двоюмужия спасти её —
Не то себя убить грозила тут же.
Тогда я ей, руководясь наукой,
Дал сонного питья; его лишь выпив,
Она мгновенно погрузилась в сон,
Подобный смерти. Я послал к Ромео,
Чтоб он её из временной могилы
Освободить явился к той минуте,
Как перестанет действовать питьё.
Но мой посол случайно был задержан
И возвратил вчера моё письмо.
Тогда один, в тот час, когда проснуться
Должна была она, сюда пришёл я,
Чтобы её из склепа увести;

Хотел её в своей я спрятать келье
И отвезти её потом к Ромео.
Когда ж сюда пришёл я — за минуту
До пробуждения её, — увидел,
Что мёртвыми лежат передо мной
Ромео верный и Парис достойный.
Она проснулась. Я её молил
Уйти со мной и покориться небу.
Но шум меня заставил склеп покинуть,
Она ж в отчаянье не захотела
Пойти со мной и, как я полагаю,
Покончила с собой. Вот всё, что знаю.
Кормилице был брак её известен.
И если я отчасти хоть виновен
Во всё, — пускай жизнь старая моя
Падёт немного раньше срока жертвой
Суровейшего нашего закона.

Герцог

Твоё всегда мы знали благочестье, —
Но где слуга Ромео? Что он скажет?

Бальтазар

Я господину весть принёс о смерти
Джульетты, и из Мантуи тогда же
Он кинулся сюда — и прямо к склепу.
Письмо отцу велел вручить он утром,
А в склеп спускаясь, угрожал мне смертью,
Коль одного его я не оставлю.

Герцог

Дай мне письмо — я сам его прочту, —
Где графа паж, сюда приведший стражу?
(*Паж Париса подходит к герцогу.*)
Скажи, что делал здесь твой господин?

Паж

Принёс цветов на гроб своей невесты,
А мне велел подальше отойти,
Вдруг кто-то с факелом явился к склепу.
Тут господин мой выхватил свой меч —
И я скорее побежал за стражей.

Герцог

Письмо рассказ монаха подтверждает,
Течение их любви и весть о смерти;
И дальше пишет он о том, что яду
У нищего аптекаря купил
И в склеп пришёл, чтоб лечь с Джульеттой рядом.—
А где ж враги — Монтекки, Капулетти?
Вас бич небес за ненависть карает,
Лишив вас счастья силою любви!
А я за то, что ваш раздор терпел,
Утратою родных наказан также.

Капулетти

О брат Монтекки, дай свою мне руку.
Вот вдовья часть Джульетты; я другой
Просить не стану.

Монтекки

Дам тебе я больше:
Из золота ей статую воздвигну.
Пусть людям всем, пока стоит Верона,
Та статуя напоминает вновь
Джульетты бедной верность и любовь.

Капулетти

Ромео статую воздвигну рядом:
Ведь оба нашим сгублены разладом.

Герцог

Нам грустный мир приносит дня светило —
Лик прячет с горя в облаках густых.
Идём, рассудим обо всём, что было.
Одних — прощенье, кара ждёт других.
Но нет печальней повести на свете,
Чем повесть о Ромео и Джульетте.

Уходят.

(Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник)

Обдумываем прочитанное, делимся впечатлениями

1. Какое впечатление произвела на вас, современных читателей, история любви Ромео и Джульетты? Подготовьте пересказ содержания трагедии, зачитывая самые значительные, на ваш взгляд, эпизоды.

2. Какими вы представляете членов семей Монтеки и Капулетти? Найдите факты, которые свидетельствуют о том, что вражда семей тяготит их представителей. Подумайте, почему эти семьи не прекращают вражду?
3. Почему Ромео и Джульетта понравились друг другу? Как вы отнеслись к чувствам, которые вспыхнули между ними?
4. О каких качествах характера Ромео говорят его слова, адресованные Джульетте в сцене на балконе? Отвечая на вопрос, прокомментируйте:
 - обращение к Джульетте;
 - сравнение Джульетты с солнцем, звёздами, царицей и др.;
 - мечты Ромео;
 - смысл используемой метафоры «быть бы на её руке перчаткой».
5. По воле автора Джульетта вступает в разговор с Ромео, ещё не зная, что он её слышит. О чём она просит его? Смогла ли бы она об этом попросить, если бы открыто говорила с Ромео?
6. Постарайтесь объяснить размышления Джульетты об имени. Согласны ли вы с этими мыслями девушки?
7. Как раскрываются душевное состояние и нравственный облик Джульетты в её монологе «Моё лицо скрывает темнота»?
8. Какое впечатление производит весь диалог Ромео и Джульетты в саду Капулетти? Как реплики героев характеризуют каждого из них?
9. В чём вы видите силу и красоту чувств Ромео и Джульетты? Обратите внимание на слова Джульетты:

Моя, как море, безгранична нежность
И глубока любовь. Чем больше я
Тебе даю, тем больше остаётся:
Ведь обе — бесконечны.

10. В начале XVII века в библиотеке Оксфордского университета в Англии был один экземпляр однотомного издания пьес В. Шекспира, который постоянно читали студенты. Особенно затёртыми оказались страницы, где описывалась последняя встреча Ромео и Джульетты перед его отъездом в Мантую. Как вы думаете, почему именно эти страницы привлекали молодых людей? А какие страницы трагедии больше всего привлекли вас?
11. Опишите ваши чувства и мысли о роковой случайности, помешавшей влюблённым Ромео и Джульетте быть счастливыми, обрести возможность стать семьёй, жить в мире без вражды и ссор. Кому вы готовы выдвинуть главные обвинения?

12. Какие силы противостоят любви Ромео и Джульетты? Могло ли осуществиться их счастье, если бы всё произошло так, как предполагал брат Лоренцо?
13. Каково, по вашему мнению, отношение автора к личности и поступкам герцога Эскала? Какую роль играет образ герцога в последних сценах трагедии? Почему именно в его уста вкладывает Шекспир слова:

Нам грустный мир приносит дня светило —
Лик прячет с горя в облаках густых.
Идём, рассудим обо всём, что было.
Одних — прощенье, кара ждёт других.
Но нет печальней повести на свете,
Чем повесть о Ромео и Джульетте.

14. Выучите наизусть:
 - мальчики — монолог Ромео от слов «Но тише! Что за свет блеснул в окне?» до слов «Чтобы коснуться мне её щеки!» (акт II, сцена II);
 - девочки — монолог Джульетты от слов «Моё лицо под маской ночи скрыто» до слов «Который ночи мрак тебе открыл» (акт II, сцена II).
15. Объединитесь в группы и обсудите один из заданных ниже вопросов; свои ответы представьте одноклассникам, выслушайте их мнения.
 - 1) Все привыкли к словам, завершающим трагедию: «Но повести печальней нет на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте» (в переводе Т. П. Щепкиной-Куперник). Но в оригинале у Шекспира сказано иначе: «Никогда не бывало более печальной повести, чем повесть о Джульетте и её Ромео». В чём отличие этих двух вариантов? Как вы объясните, что Шекспир поставил имя Джульетты на первое место?
 - 2) Литературовед К. М. Нартов отметил: «Похоже, что Ромео слабее Джульетты... Его страсть прямолинейнее... В поступках своих он менее изобретателен и целеустремлён, разумеется, лишь в сравнении с Джульеттой. Ромео ждёт поддержки от монаха Лоренцо, а Джульетта одна, без друга и наставника, находит в себе силы побороть и собственную слабость, и сопротивление окружающих». Согласны ли вы с ним? Мотивируйте свой ответ.
 - 3) Одни читатели считают, что гибель Ромео и Джульетты — это случайность, другие — что закономерность. А как считаете вы? Выскажите и докажите своё мнение.

- 4) Какое общее впечатление возникает у зрителя (читателя) после прочтения последней сцены трагедии, несмотря на гибель героев? Согласны ли вы, что «Ромео и Джульетту» можно назвать оптимистической трагедией?
16. Выберите из предложенных цитат ту, которая, на ваш взгляд, больше подходит к трагедии В. Шекспира «Ромео и Джульетта» в качестве эпиграфа. Объясните свой выбор.

1) Почему настоящая любовь и трагедия — это два каторжника, скованные одной цепью? Потому что любовь есть такое совершенство мира, которому завидует всё несовершенство и стремится его задушить (Е. А. Евтушенко).

2) Любовь — дитя планеты,
Ромео и Джульетты
в любом краю...
(Е. А. Евтушенко)

3) Сохрани убор венчальный,
Сохрани цветы твои:
В жизни краткой и печальной
Светит только безначальный,
Непорочный свет любви!
(И. А. Бунин)

Узнаём о тайнах художественного слова

«Любовь — дитя планеты, Ромео и Джульетты в любом краю...»¹

Шекспировский театр — это чудесный ящик редкостей, здесь мировая история, как бы по невидимой нити времени, шествует перед нашими глазами... ..Что может быть большей природой, чем люди Шекспира!

И. В. Гёте

Трагедия — вид драмы, противоположный комедии, возникший в Древней Греции из религиозно-культовых обрядов, посвящённых богу Дионису. Центральными понятиями древнегреческой трагедии были понятия «страх», «сострадание», «очищение» (катарсис). Греки, смотревшие трагедию, погружались в поток действия, жили в нём все вместе и, сообщая пережив страдание и потрясение, через

¹ Е. А. Евтушенко.

слёзы проходили этап нравственного очищения, озарения. Такое облагораживающее, возвышающее воздействие трагедии на душу человека в литературоведении называется *катарсисом*.

В трагедии всегда изображаются события жестокой, мрачной и печальной действительности, для неё характерны резкие переходы от счастья к несчастью и гибель героев. Трагедия ставила и ставит самые глубинные вопросы жизни, вскрывала и вскрывает самые острые противоречия действительности.

Обратимся к виртуальному словарю

Трагедия (греч., букв.— козлиная песнь) — драматургический жанр, основанный на трагической коллизии героических персонажей, вскрывает глубочайшие конфликты реальности в предельно напряжённой и насыщенной форме, обретающей значение художественного символа; не случайно большинство трагедий написано стихами.

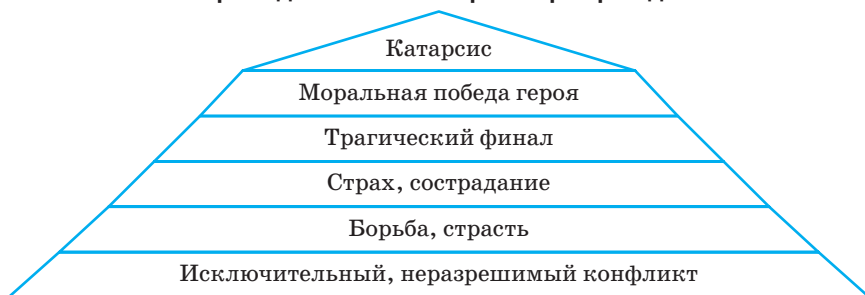
Конфликт — противоборство характеров, идей, настроений в художественном произведении.

Коллизия — изображение жизненных конфликтов и борьбы в художественном произведении.

Трагедия Шекспира соотносит человека и мир, человека и историю, человека и общественные традиции сложным художественным путём. В ней часто переплетается трагическое и комическое.

Трагедии В. Шекспира вообще и трагедия «Ромео и Джульетта» в частности — это образец жанра трагедии по форме и новое слово в искусстве по содержанию и исполнению. Острый конфликт героев с действительностью в трагедии предопределяет её композицию и основные черты, схематично изображённые на рисунке в форме пирамиды.

Пирамида основных черт жанра трагедии

Оригинальность Шекспира как драматурга и автора трагедии «Ромео и Джульетта» проявилась не столько в остроте конфликта, сколько в слиянии поэзии с драматическим действием.

Для поэтического воплощения страсти Ромео и Джульетты Шекспир находит сравнения, метафоры, обладающие магической силой воздействия на зрителей и читателей. В. Г. Белинский писал, что «пафос «Ромео и Джульетты» — «идея любви», и потому пламенными волнами, сверкающими ярким светом звёзд, льются из уст любовников восторженные патетические речи». К юным Ромео и Джульетте приходит настоящая любовь, которую не в силах погасить ни вражда семей, ни сложившиеся не в их пользу жизненные обстоятельства. И пусть примирение враждующих семей Монтекки и Капулетти состоялось только над гробом влюблённых, но надежды Лоренцо, отражающего мысли самого Шекспира, оправдались: победили светлые чувства любви и добра. Поэтому трагедия заставляет верить в большую любовь, в очищающую красоту человеческих отношений. А её герои Ромео и Джульетта известны во всём мире как вечные герои.

Работаем творчески

- ◆ Опираясь на схему «Пирамида основных черт жанра трагедии» и заданные ниже вопросы, подготовьте связный рассказ об особенностях трагедии В. Шекспира «Ромео и Джульетта».
- 1) Что лежит в основе трагедии В. Шекспира «Ромео и Джульетта» как драматического жанра?
- 2) Какими действиями и чувствами сопровождается развитие конфликта между влюблёнными Ромео и Джульеттой и представителями их враждующих семейств?
- 3) Какие чувства испытывает зритель (читатель) в процессе развития действия трагедии «Ромео и Джульетта»?
- 4) Согласно какому главному закону заканчивается трагедия «Ромео и Джульетта»?
- 5) В соответствии с какими законами жанра трагедии изображаются её главные герои и их судьбы?
- 6) Что переживает зритель (читатель) трагедии В. Шекспира «Ромео и Джульетта»? К чему это приводит?
- ◆ **Вечные образы** — это герои мировой литературы, которые благодаря высокохудожественному обобщению стали общечеловеческим духовным приобретением, воспринимаются как общечеловеческие типы, образы-символы, к которым обращаются новые и новые поколения писателей, художников, музыкантов,

придавая им черты своего времени. Докажите в устном высказывании, что образы Ромео и Джульетты действительно являются вечными образами. Для приведения доказательств обратитесь к списку произведений искусства, созданных по мотивам трагедии В. Шекспира «Ромео и Джульетта».

- ◆ Посмотрите художественные и телевизионные фильмы, поставленные по мотивам трагедии «Ромео и Джульетта». Сопоставьте шекспировских героев со сценическими и кинематографическими их интерпретациями и подготовьте небольшое сообщение о результатах сопоставления.

Путешествуем по литературным местам

«Не хвастай, время, властью надо мной!»

* * *

К числу достопримечательностей английского города Стратфорд-на-Эйвоне, родины великого драматурга Вильяма Шекспира, относится монументальный скульптурный ансамбль, открытый 10 октября 1888 года (скульптор Рональд Сатерленд Гауэр) в садах Банкрофт.

Скульптурный ансамбль памятников В. Шекспиру и его героям.
Англия. Стратфорд-на-Эйвоне

В центре композиции, на огромном постаменте, возвышается фигура Шекспира. По углам площадки вокруг центральной фигуры на постаментах значительно меньшего размера расположены фигуры четырёх героев знаменитых шекспировских пьес. Это с головой закутавшаяся в плащ леди Макбет, рыцарь-шут сэр Джон Фальстаф, юный принц — будущий король Генрих V, примеряющий корону, и Гамлет, в глубоких раздумьях склонившийся над

**Памятник В. Шекспиру.
Стратфорд-на-Эйвоне**

черепом. Выбор именно этих героев был обусловлен стремлением скульптора показать разные стороны шекспировского гения: они символизируют трагедию, комедию, историю и философию.

Памятник, воздвигнутый в Стратфорде в 1623 году, содержит надпись на латыни: «В суждениях Пилосец¹, в гениальности Сократ², в искусстве Марон³. Земля покрывает его, народ плачет о нём, Олимп имеет его».

На земле украинской

В центре Львова на улице Банной напротив отеля «Львов» есть уникальный памятник — музыкальный Фонтан влюблённых. Бронзовые статуи юноши и девушки в натуральную величину, окружённые струями воды, протягивают друг к другу руки. Автор проекта скульптор Мирослав Гоца.

Мало кто знает, что в этих статуях воплощены черты реальных людей. Это Ромуальдо и Пелагея, итальянец и украинка, жившие во Львове в далёком XVI веке. Несмотря на то что родители были против их любви из религиозных соображений, ведь юноша был католиком, а девушка — православной, они остались преданными друг другу до конца своих дней. Во время эпидемии чумы Пелагея заразилась, а Ромуальдо ухаживал за ней и утешал как мог. Умершую Пелагею как православную похоронили возле церкви Благовещенья. Через несколько дней скончался и сам Миккеллини, и его как католика похоронили в костёле Святого Станислава. Перед смертью он успел попросить, чтобы на их могилах установили одинаковые надгробные плиты с выбитыми на камне двумя сердцами, соединёнными ветвью лавра. А вскоре внизу сделали надпись, для которой взяли слова из стихотворения львовского поэта Шимона Шимоновича: «Що любов сполучить, і смерть не розлучить».

¹ *Пилосец* — житель древнего города Пилоса в Мессении, некогда столицы царя Нестора, славившегося опытностью и рассудительностью и пользовавшегося всеобщей любовью и уважением. *Здесь*: качества царя Нестора переносятся на Шекспира.

² *Сократ* — античный мыслитель, первый афинский философ.

³ *Публий Вергилий Марон* — древнеримский поэт.

Музыкальный Фонтан влюблённых. Львов

Существует легенда, что именно эта романтическая любовь итальянца и украинки вдохновила Шекспира на создание знаменитой трагедии «Ромео и Джульетта».

Обращаемся к интернету

Сайты, посвящённые В. Шекспиру

- <http://world-shake.ru/> (Электронная энциклопедия «Мир Шекспира»)
- <http://rus-shake.ru/> (Информационно-исследовательская база данных «Русский Шекспир»)
- <http://shakespeare.ouc.ru/> (Сайт «Шекспир»)
- <http://willmshakespeare.com/> (Сайт «Уильям Шекспир»)
- www.romeo-juliet-club.ru (Сайт «Ромео и Джульетта»)

Взаимодействие искусств

Музыка. Ш. Гуно. Опера «Ромео и Джульетта»; П. И. Чайковский. Увертюра-фантазия «Ромео и Джульетта»; С. С. Прокофьев. Балет «Ромео и Джульетта» и др.

Кино. Фильм-балет «Ромео и Джульетта» (реж. П. Циннер, 1966), художественный фильм «Ромео и Джульетта» (реж. Ф. Дзеффирелли, 1968), телефильм «Ромео и Джульетта» (реж. А. В. Эфрос, 1983), художественный фильм «Письма к Джульетте» (реж. Г. С. Виник, 2010).

Мигель де Сервантес Сааведра 1547–1616

«Сын своих дел»

Сервантес вечно жив в памяти людей, так же, как живы и бессмертные герои — рыцарь и оруженосец, по-прежнему странствующие в поисках добра, справедливости и красоты по необъятным равнинам своей многострадальной родины.

Ф. В. Кельин

В январе 1605 года в книжных лавках Мадрида появился роман мало кому известного пожилого писателя, да к тому же инвалида. Называлось это произведение «Хитроумный идалго¹ Дон Кихот Ламанчский». В это время Испания, империя короля Карла V, где «никогда не заходило солнце», играла важную роль в мировой политике. Однако громкие события не смогли сравниться по своей важности с событием на первый взгляд скромным и незначительным — выходом в свет романа Сервантеса о мудром безумце Дон Кихоте. С момента появления этой книги прошло уже более 400 лет. Бессмертное произведение продолжает жить полнокровной жизнью и находит всё больше и больше поклонников. Кем же был его автор, что известно о нём?

**Х. де Хуарега.
Портрет Сервантеса**

Мигель де Сервантес Сааведра, испанский поэт, писатель и драматург. Этого человека нужда преследовала с его появления на свет и до самой могилы. Сам писатель в своей поэме «Путешествие на Парнас» говорит о себе как о человеке, измученном проклятой нищетой. Даже когда он уже был в зените славы, о нём говорили, что он старик, солдат, идалго и бедняк.

¹ *Идальго* — мелкопоместный рыцарь, дворянин в средневековой Испании.

Сервантес родился 29 сентября 1547 года в семье хирурга Родриго де Сервантеса в городе Алькала-де-Энаресе, пригороде Мадрида. В семье он был четвёртым ребёнком из шести — трёх девочек и трёх мальчиков.

По отцу будущий великий писатель имел знатное дворянское происхождение. Но в XVI веке род обнищал и пришёл в упадок. Мать писателя также принадлежала к бедному дворянскому роду.

Вечная нужда не внесла в семейный быт раздоров и скандалов, родители и дети жили дружно, любили друг друга.

В десятилетнем возрасте Мигель поступил в коллегию иезуитов, проучившись в которой четыре года он получил среднее образование. Дальнейшая учёба проходила в Мадриде у известного испанского педагога и гуманиста Хуана Лопеса де Ойоса. А тем временем семья юноши окончательно разорилась.

У бедных дворян в то время было три дороги: идти в церковь, служить при дворе или в армии. Будущий великий писатель сначала пошёл по первому пути. Благодаря рекомендательному письму Хуана Лопеса де Ойоса Сервантес устроился на службу к чрезвычайному послу папы Пия V Джулио Аквавиву-и-Арагону и в 1569 году вместе с ним уехал из Мадрида в Рим в должности ключника. На службе у Аквавивы будущий писатель пробыл год, а в 1570 году поступил на службу в испанский полк, дислоцированный в Италии.

7 октября 1571 года произошла морская битва при Лепанто. Сервантес командовал абордажной командой на галере «Маркеза». Однако, хотя флот Священной лиги (Испания, Ватикан и Венеция) наголову разгромил турецкую эскадру, для Мигеля это сражение закончилось печально. Он получил три огнестрельных ранения: два в грудь и одно в левое предплечье. После лечения в госпитале Сервантес военную службу не оставил и участвовал в нескольких других морских сражениях.

20 сентября 1575 года Мигель вместе со своим младшим братом Родриго, который также служил в армии, отбыл в Испанию. Галеру «Солнце» взяли на абордаж пираты и доставили пленённых братьев в Алжир. У Сервантеса были с собой рекомендательные письма, и пираты посчитали его важной и богатой персоной. Они запросили за него огромный выкуп в размере 500 золотых эскудо¹.

¹ Эскудо — испанские и португальские золотые монеты XV–XVIII вв., а также денежная единица ряда стран в XIX–XX вв.

Прошло долгих 5 лет. За это время молодой Сервантес показал себя человеком благородным, честным и стойким, своим мужественным поведением он заслужил уважение даже у алжирского паши¹ и его приспешников.

Четырежды Сервантес пытался бежать, за что был отправлен гребцом на галеры. За бунт на одной из галер он чуть не был казнён пашой, но в последний момент его выкупили миссионеры.

В 1580 году Сервантес вернулся на родину. Поступил на государственную службу сборщиком налогов, но доверил деньги купцу, который обанкротился. В результате и Сервантес, и купец оказались в тюрьме.

В 1602 году в севильской тюрьме он начал роман о Дон Кихоте, герой которого стал символом Испании. Первая часть романа вышла в 1605 году, вторая — в 1615 году.

Последние годы жизни великий писатель жил в Мадриде, где продолжал работать, невзирая на тяжёлую болезнь. За несколько дней до смерти 69-летний Сервантес постригся в монахи. Умер Сервантес 23 апреля 1616 года в нищете. Похоронили его на средства Братства рабов святейшего причастия, членом которого он состоял с 1609 года.

В предисловии к своему последнему творению гениальный испанец обратился к читателям с такими словами: «Простите, радости! Простите, забавы! Простите, весёлые друзья! Я умираю в надежде на скорую и радостную встречу с вами в мире ином».

Похоронить себя Сервантес велел в мадридском монастыре Ордена Пресвятой Троицы, находившемся недалеко от последнего его места жительства. Эта честь была оказана ему за особые заслуги, за долгие годы пребывания на королевской службе.

Церковь, где автор «Дон Кихота» был похоронен в 1616 году, впоследствии перестраивалась. В ходе реконструкции в конце XVII века останки Сервантеса были перенесены в новое здание

**Барнетто. Сервантес в тюрьме.
Гравюра из мадридского издания
«Дон Кихота». 1877**

¹ *Паша́* — титул высших военных и гражданских чиновников в бывшей султанской Турции, в Египте и некоторых других мусульманских странах; лицо, носящее этот титул.

и утеряны на несколько столетий. В январе — марте 2015 года учёные, участвующие в ведущихся несколько лет поисковых работах в Мадриде, объявили об обнаружении могилы писателя и его останков.

Вопросы и задания

1. Прочитав биографическую статью о М. де Сервантесе Сааведре, выделите её основные части, составьте и запишите план к ней.
2. Расскажите, было ли вам что-то известно о Сервантесе и его главном произведении — романе «Дон Кихот Ламанчский» до знакомства с этой статьёй. Что в эпиграфе, в словах Ф. В. Кельина, кроме утверждения бессмертия писателя Сервантеса, напоминает о его жизни?
3. Подготовьте подробный рассказ об одном из этапов жизни Сервантеса, который вызвал у вас особый интерес.
4. Ответьте устно на вопросы анкеты.
 - 1) Как давно известно вам имя Сервантеса?
 - 2) Знали ли вы до изучения творчества Сервантеса о существовании его героя Дон Кихота?
 - 3) Смотрели ли вы фильмы о Дон Кихоте? Всё ли было понятно в них?
 - 4) Что вы открыли для себя раньше — книгу или фильм?
 - 5) Знаете ли вы, в каких видах искусства нашёл отражение роман Сервантеса о Дон Кихоте?

Памятник Сервантесу
в Мадриде

Путешествуем по литературным местам

Алькала-де-Энарес — город, где родился М. Сервантес

Алькала-де-Энарес — небольшой городок — пригород Мадрида, внесённый в список всемирного наследия ЮНЕСКО. Здесь в XV веке был основан университет, здесь появилась испанская грамматика, здесь родился Сервантес.

Память о Мигеле Сервантесе запечатлена и в доме-музее писателя, расположенном в его родном городе. Здание музея находится

в историческом районе города Алкала-де-Энарес, на том же месте, где стоял дом, в котором согласно исследованиям историков родился писатель. Современное здание музея было построено в 1956 году по традиционным канонам, присущим кастильским домам. Старое здание было полностью отреставрировано и расширено.

Здесь можно увидеть спальни, кухню, столовую и даже кабинет отца Мигеля де Сервантеса, а также стол, на котором в открытом доступе находятся наброски произведений, сделанные Сервантесом 400 лет назад.

**Дом-музей Сервантеса.
Алькала-де-Энарес**

**Площадь Сервантеса.
Алькала-де-Энарес**

В настоящее время открыт доступ к выставке, где с помощью аудиовизуальной программы можно познакомиться с жизнью Мигеля де Сервантеса. Посетители могут также при помощи специальной установки, воссоздающей знаменитый кукольный Алтарь Педро из «Дон Кихота», познакомиться и со многими сценами книги.

Узнаём о тайнах художественного слова

Об истории создания романа «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский»

Для меня одного родился Дон Кихот,
а я родился для него.

М. Сервантес

Свой самый знаменитый роман Сервантес, нищий и бесправный ветеран, униженный ложным обвинением в растрате, начал писать в темнице — в так называемой долговой тюрьме. В то время ему было пятьдесят с лишним лет и он фактически являлся ровесником своего героя, Рыцаря Печального Образа, черты которого

Титульный лист романа Сервантеса «Дон Кихот»

вым в рыцарских романах». Однако значение этого произведения вышло далеко за рамки пародии на рыцарский роман. «Дон Кихот» — стал книгой для философских размышлений на все века, а главный герой — героем «вечным», олицетворением лучших рыцарских качеств.

Обратимся к виртуальному словарю

Роман (фр. *roman*) — литературный жанр, эпическое произведение большой формы, в котором повествование сосредоточено на судьбе отдельной личности, её отношении к миру, развитии её характера и самосознания чаще всего в кризисный, нестандартный период её жизни. Содержание романа охватывает значительный временной отрезок, в нём описываются судьбы многих персонажей.

Рыцарский роман — эпический жанр литературы, в котором поэтизировалось рыцарство, его подвиги во имя славы, любви и нравственного совершенства.

Интересна история выхода в свет романа Сервантеса. Рукопись первой части писатель передал печатнику летом 1604 года. Книга вышла в Мадриде в январе 1605 года. Не слишком веря в успех романа у читателей, книгопродавец Франсиско де Роблес выпустил

¹ *Пародия* (греч. *parodia* — перепев) — комическое подражание художественному произведению с целью его вышучивания, осмеяния.

его в свет на бумаге весьма невысокого качества; книга была набрана со множеством типографских ошибок и опечаток старым сбитым шрифтом. Успех книги был колоссальным. В первый же год вышло шесть тиражей.

Вторая часть «Дон Кихота» была написана в 1613 году и появилась в продаже в ноябре 1615 года. Но ей предшествовал подложный второй том «Дон Кихота» некоего Алонсо Авельянеды, вышедший в свет летом или осенью 1614 года. Однако именно появление фальшивого «Дон Кихота» оказало огромную услугу мировой литературе, так как заставило Сервантеса написать второй том своего романа.

Роман «Дон Кихот» признан самым совершенным романом эпохи Возрождения и переведён почти на все языки мира.

В середине XX века журнал «Великобритания сегодня» провёл международное анкетирование, предлагая назвать сорок лучших книг начиная с I века нашей эры. Ответы пришли со всего света, и на первом месте оказался «Дон Кихот» Сервантеса. В 2002 году, подводя итоги ушедшего тысячелетия, Нобелевский комитет собрал авторитетное жюри, в которое вошли сто известных писателей из пятидесяти четырёх стран мира. Их попросили определить лучшее произведение мировой литературы. «Книгой всех времён и народов» тоже был назван «Дон Кихот».

Так за 400 лет существования автор знаменитого романа и его герой стали единым целым и превратились в мировое культурное достояние.

Первая страница первого издания «Дон Кихота»

Вопросы и задания

1. Что характерно для романа как литературного жанра? Каковы отличительные черты рыцарского романа?
2. Где и каким образом у Сервантеса зародилась мысль написать пародию на рыцарский роман?
3. Чем интересна история выхода в свет романа Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский»?
4. Какой след в мировой литературе и культуре оставил роман Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский»?

Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский (Избранные главы)

Часть первая

Глава I, повествующая о нраве и образе жизни славного идалго Дон Кихота Ламанчского

В некоем селе Ламанчском¹, которого название у меня нет охоты припоминать, не так давно жил-был один из тех идалго, чье имущество заключается в фамильном копье, древнем щите, тощей кляче и борзой собаке. Оляя² чаще с говядиной, нежели с бараниной, винегрет, почти всегда заменявший ему ужин, яичница с салом по субботам, чечевича по пятницам, голубь, в виде добавочного блюда, по воскресеньям, — всё это поглощало три четверти его доходов. Остальное тратилось на тонкого сукна полукафтанье, бархатные штаны и такие же туфли, что составляло праздничный его наряд, а в будни он щеголял в камзоле из дешёвого, но весьма добротного сукна. При нём находились ключница, коей перевалило за сорок, племянница, коей не исполнилось и двадцати, и слуга для домашних дел и полевых работ, умевший и лошадь седлать, и с садовыми ножницами обращаться. Возраст нашего идалго приближался к пятидесяти годам; был он крепкого сложения, телом сухопар, лицом худощав, любитель вставать спозаранку и заядлый охотник. Иные утверждают, что он носил фамилию Кихада, иные — Кесада³. В сём случае авторы, писавшие о нём, расходятся; однако ж у нас есть все основания полагать, что фамилия его была Кехана. Впрочем, для нашего рассказа это не имеет существенного значения; важно, чтобы, повествуя о нём, мы ни на шаг не отступали от истины.

Надобно знать, что вышеупомянутый идалго в часы досуга, — а досуг длился у него чуть ли не весь год, — отдавался чтению рыцарских романов с таким жаром и увлечением, что почти совсем забросил не только охоту, но даже своё хозяйство; и так далеко зашли его любознательность и его помешательство на этих книгах, что, дабы приобрести их, он продал несколько десятин пахотной земли и таким образом собрал у себя все романы,

¹ *В некоем селе Ламанчском...* — строка из испанского народного романа.

² *Оляя* — так называемая оляя подрида, испанское национальное блюдо.

³ *Кихада* — челюсть; *кесада* — пирог с сыром.

какие только ему удалось достать; больше же всего любил он сочинения знаменитого Фельсьяно де Сильва¹, ибо блестящий его слог и замысловатость его выражений казались ему верхом совершенства, особливо в любовных посланиях и в вызовах на поединок, где нередко можно было прочесть: «Благоразумие вашего неблагоразумия по отношению к моим разумным доводам до того помрачает мой разум, что я почитаю вполне разумным принести жалобу на ваше великолепие». Или, например, такое: «...всемогущие небеса, при помощи звёзд божественно возвышающие вашу божественность, соделывают вас достойно тех достоинств, коих удостоилось ваше величие». <...>

Одним словом, идальго наш с головой ушёл в чтение, и сидел он над книгами с утра до ночи и с ночи до утра; и вот оттого, что он мало спал и много читал, мозг у него стал иссыхать, так что в конце концов он и вовсе потерял рассудок. Воображение его было поглощено всем тем, о чём он читал в книгах: чародейством, распрями, битвами, вызовами на поединок, ранениями, объяснениями в любви, любовными похождениями, сердечными муками и разной невероятной чепухой, и до того прочно засела у него в голове мысль, будто всё это нагромождение вздорных небылиц — истинная правда, что для него в целом мире не было уже ничего более достоверного. <...>

И вот, когда он уже окончательно свихнулся, в голову ему пришла такая странная мысль, какая ещё не приходила ни одному безумцу на свете, а именно: он почёл благоразумным и даже необходимым как для собственной славы, так и для пользы отечества сделаться странствующим рыцарем, сесть на коня и, с оружием в руках отправившись на поиски приключений, начать заниматься тем же, чем, как это ему было известно из книг, все странствующие рыцари, скитаясь по свету, обыкновенно занимались, то есть искоренять всякого рода неправду и в борении со всевозможными случайностями и опасностями стяжать себе бессмертное имя и почёт. Бедняга уже представлял себя увенчанным за свои подвиги, по малой мере, короной Трапезундского царства; и, весь

Г. Доре. Иллюстрация к роману Сервантеса «Дон Кихот». 1863

¹ Фелисьяно де Сильва — автор многих рыцарских романов (XVI в.).

отдавшись во власть столь отрадных мечтаний, доставлявших ему наслаждение неизъяснимое, поспешил он достигнуть цели своих стремлений. Первым делом принялся он за чистку принадлежавших его предкам доспехов, некогда сваленных как попало в угол и покрывшихся ржавчиной и плесенью. Когда же он с крайним тщанием вычистил их и привёл в исправность, то заметил, что недостает одной весьма важной вещи, а именно: вместо шлема с забралом он обнаружил обыкновенный шишак; но тут ему пришла на выручку его изобретательность: смастерив из картона полушлем, он прикрепил его к шишаку, и получилось нечто вроде закрытого шлема. Не скроем, однако ж, что когда он, намереваясь испытать его прочность и устойчивость, выхватил меч и нанёс два удара, то первым же ударом в одно мгновение уничтожил труд целой недели; лёгкость же, с какою забрало разлетелось на куски, особого удовольствия ему не доставила, и, чтобы предотвратить подобную опасность, он сделал его заново, подложив внутрь железные пластинки, так что в конце концов остался доволен его прочностью и, найдя дальнейшие испытания излишними, признал его вполне годным к употреблению и решил, что это настоящий шлем с забралом удивительно тонкой работы.

Затем он осмотрел свою клячу и, хотя она хромала на все четыре ноги и недостатков у неё было больше, чем у лошади Гонеллы¹, нашёл, что ни Буцефал² Александра Македонского, ни Бабьёка Сида не могли бы с нею тягаться. Несколько дней раздумывал он, как её назвать, ибо, говорил он себе, коню столь доблестного рыцаря, да ещё такому доброму коню, нельзя не дать какого-нибудь достойного имени. Наш идальго твёрдо держался того мнения, что если произошла перемена в положении хозяина, то и конь должен переменить имя и получить новое, славное и громкое, соответствующее новому сану и новому поприщу хозяина; вот он и старался найти такое, которое само показывало бы, что представлял собой этот конь до того, как стал конём странствующего рыцаря, и что он собой представляет теперь; итак, он долго придумывал разные имена, роясь в памяти и напрягая воображение, — отвергал, отменял, переделывал, пускал насмарку, сызнова принимался составлять, — и в конце концов остановился на Росинанте³, имени, по его

¹ *Гонелла* — шут одного из герцогов феррарских (XV в.); у него был необыкновенно худой конь, который служил предметом шуток.

² *Буцефал* — по преданию, любимый конь Александра Македонского.

³ *Росинант* — составное слово: «росин» — кляча, «анте» — прежде и впереди, то есть то, что было клячей когда-то, а также кляча, идущая впереди всех остальных.

мнению, благородном и звучном, поясяющем, что прежде конь этот был обыкновенной клячей, ныне же, опередив всех остальных, стал первой клячей в мире.

Столь удачно, как ему казалось, назвав своего коня, решил он подыскать имя и для себя самого и, потратив на это ещё неделю, назвался наконец Дон Кихотом, — отсюда, повторяем, и сделали вывод авторы правдивой этой истории, что настоящая его фамилия, вне всякого сомнения, была Кихада, а вовсе не Кесада, как уверяли иные. Вспомнив, однако ж, что доблестный Амадис не пожелал именоваться просто Амадисом, но присовокупил к этому имени название своего королевства и отечества, дабы тем прославить его, и назвался Амадисом Галльским, решил он, что и ему, как истинному рыцарю, надлежит присовокупить к своему имени название своей родины и стать Дон Кихотом Ламанчским, чем, по его мнению, он сразу даст понять, из какого он рода и из какого края, и при этом окажет честь своей отчизне.

Вычистив же доспехи, сделал из шишака настоящий шлем, выбрав имя для своей лошадёнки и окрестив самого себя, он пришёл к заключению, что ему остаётся лишь найти даму, в которую он мог бы влюбиться, ибо странствующий рыцарь без любви — это всё равно что дерево без плодов и листьев или же тело без души.

<...> Должно заметить, что, сколько нам известно, в ближайшем селении жила весьма миловидная деревенская девушка, в которую он одно время был влюблён, хотя она, само собою разумеется, об этом не подозревала и не обращала на него никакого внимания. Звали ее Альдонсою Лоренсо, и вот она-то и показалась ему достойною титула владычицы его помыслов; и, выбирая для неё имя, которое не слишком резко отличалось бы от её собственного и в то же время напоминало и приближалось бы к имени какой-нибудь принцессы или знатной сеньоры, положил он назвать её Дульсинеей¹ Тобоскою — ибо родом она была из Тобосо², — именем, по его мнению, приятным для слуха, изысканным и глубокомысленным, как и все ранее придуманные им имена.

¹ *Дульсинёя* — имя Дульсинея происходит от слова «dulce» (сладкая, нежная).

² *Тобосо* — город в Ламанче, в ста километрах к юго-востоку от Толедо.

О. Домье.
Дон Кихот. 1868

**Глава II,
повествующая о первом выезде
хитроумного Дон Кихота из его владений**

Покончив со всеми этими приготовлениями, наш идальго решил тотчас же осуществить свой замысел, ибо он полагал, что всякое промедление с его стороны может пагубно отозваться на человеческом роде: сколько беззаконий предстоит ему устранить, сколько кривды выпрямить, несправедливостей загладить, злоупотреблений искоренить, скольких обездоленных удовлетворить! И вот, чуть свет, в один из июльских дней, обещавший быть весьма жарким, никому ни слова не сказав о своём намерении и оставшись незамеченным, облачился он во все свои доспехи, сел на Росинанта, кое-как приладил нескладный свой шлем, взял щит, прихватил копьё и, безмерно счастливый и довольный тем, что никто не помешал ему приступить к исполнению благих его желаний, через ворота скотного двора выехал в поле. Но как скоро он очутился за воротами, в голову ему пришла страшная мысль, до того страшная, что он уже готов был отказаться от задуманного предприятия, и вот почему: он вспомнил, что ещё не посвящён в рыцари и что, следственно, по законам рыцарства, ему нельзя и не должно вступать в бой ни с одним рыцарем; а если б даже и был посвящён, то ему как новичку подобает носить белые доспехи, без девиза на щите, до тех пор, пока он не заслужит его своею храбростью. Эти размышления поколебали его решимость; однако ж безумие взяло верх над всеми доводами, и по примеру многих рыцарей, о которых он читал в тех самых романах, что довели его до такого состояния, вознамерился он обратиться с просьбой о посвящении к первому встречному. Что же касается белых доспехов, то он дал себе слово на досуге так начистить свои латы, чтобы они казались белее горноста, и, порешив на том, продолжал свой путь, — вернее, путь, который избрал его конь, ибо Дон Кихот полагал, что именно так и надлежит искать приключений.

Ехал путём-дорогой наш новоявленный рыцарь и сам с собой рассуждал:

— Когда-нибудь увидит свет правдивая повесть о моих славных деяниях, и тот учёный муж, который станет их описывать, дойдя до первого моего и столь раннего выезда, вне всякого сомнения, начнёт свой рассказ так: «Златокудрый Феб только ещё распускал по лицу широкой и просторной земли светлые нити своих роскошных волос, а пёстрые птички нежной и сладкой гармонией арфоподобных своих голосов только ещё встречали румяную Аврору, покинувшую мягкое ложе ревнивого супруга, распахнувшую

врата и окна ламанчского горизонта и обратившую взор на смертных, когда славный рыцарь Дон Кихот Ламанчский презрел негу пуховиков и, вскочив на славного своего коня Росинанта, пустился в путь по древней и знаменитой Монтельской равнине».

В самом деле, именно по этой равнине он и ехал.

Глава III, в коей рассказывается о том, каким забавным способом Дон Кихот был посвящён в рыцари

<...> Дон Кихот, быстро покончив со своим скудным трактирным ужином, подозвал хозяина, удалился с ним в конюшню, пал на колени и сказал:

— Доблестный рыцарь! Я не двинусь с места до тех пор, пока ваша любезность не соизволит исполнить мою просьбу, — исполнение же того, о чём я прошу, покроет вас неувядаемою славой, а также послужит на пользу всему человеческому роду.

Увидев, что гость опустил перед ним на колени, и услышав такие речи, хозяин оторопел: он не знал, что делать и что говорить, а затем стал убеждать его подняться с колен, но тот поднялся лишь после того, как хозяин дал слово исполнить его просьбу.

— Меньшего, государь мой, я и не ожидал от вашего несказанного великодушия, — заметил Дон Кихот. — Итак, да будет вам известно, что просьба, с которой я к вам обратился и которую ваше человеколюбие обещало исполнить, состоит в том, чтобы завтра утром вы посвятили меня в рыцари; ночь я проведу в часовне вашего замка, в бдении над оружием, а завтра, повторяю, сбудется то, чего я так жажду, и я обрету законное право объезжать все четыре страны света, искать приключений и защищать обиженных, тем самым исполняя долг всего рыцарства, а также долг рыцаря странствующего, каковым я являюсь и каковой обязан стремиться к совершению указанных мною подвигов.

Перепуганный владелец замка, не будь дурак, тотчас сбегал за книгой, где он записывал, сколько овса и соломы выдано погонщикам, и вместе со слугой, державшим в руке огарок свечи, и двумя помянутыми девицами подошёл к Дон Кихоту, велел ему преклонить колена, сделал вид, что читает некую священную молитву, и тут же изо всех сил треснул его по затылку, а затем, всё ещё бормоча себе под нос что-то вроде молитвы, славно огрел рыцаря по спине его же собственным мечом. После этого он велел одной из женщин препоясать этим мечом рыцаря, что та и исполнила, выказав при этом чрезвычайную ловкость и деликатность: в самом деле, немалое искусство требовалось для того, чтобы во время этой

церемонии в любую минуту не лопнуть от смеха; впрочем, при одном воспоминании о недавних подвигах новонаречённого рыцаря смех невольно замирал на устах у присутствовавших. <...>

Дон Кихот не чаял, как дожидаться минуты, когда можно будет снова сесть на коня и отправиться на поиски приключений, и, после того как были закончены все эти доселе невиданные церемонии, совершённые с такою быстротою и поспешностью, он тот же час оседлал Росинанта, сел верхом и, обняв хозяина, в столь мудрёных выражениях изъявил ему свою благодарность за посвящение в рыцари, что передать их нам было бы не под силу. В ответ хозяин на радостях, что отделался от него, произнёс не менее высокопарную, хотя и не столь пространную речь и, ничего не взяв за ночлег, отпустил его с миром.

Глава IV

о том, что случилось с рыцарем нашим, когда он выехал с постоялого двора

Уже занималась заря, когда Дон Кихот, ликующий, счастливый и гордый сознанием, что его посвятили в рыцари, от радости подсакивая в седле, выехал с постоялого двора. Но как скоро пришли ему на память наставления хозяина, положил он возвратиться домой, чтобы запастись всем необходимым, главное — деньгами и сорочками; в оруженосцы же себе прочил он одного хлебопашца, своего односельчанина, бедного, многодетного, однако ж для таковых обязанностей как нельзя более подходившего. С этою целью он поворотил Росинанта в сторону своего села, и Росинант, словно почуяв родное стойло, обнаружил такую резвость, что казалось, будто копыта его не касаются земли.

Только успел Дон Кихот немного отъехать, как вдруг справа, из чащи леса, до него донеслись тихие жалобы, точно кто-то стонал, и, едва заслышав их, он тотчас воскликнул:

— Хвала небесам за ту милость, какую они мне явили, — за то, что так скоро предоставили они мне возможность исполнить мой рыцарский долг и пожать плоды моих благих желаний! Не подлежит сомнению, что это стонет какой-нибудь беззащитный или же беззащитная, нуждающиеся в помощи моей и защите.

Г. Доре. Иллюстрация
к роману Сервантеса
«Дон Кихот». 1863

С этими словами он дёрнул поводья и устремился туда, откуда долетали стоны. Проехав же несколько шагов по лесу, увидел он кобылу, привязанную к дубу, а рядом, к другому дубу, привязан был голый до пояса мальчуган лет пятнадцати, и вот этот-то мальчуган и стонал, и стонал не зря, ибо некий дюжий сельчанин нещадно стегал его ремнём, сопровождая каждый удар пощёлками и нравочениями.

— Смотри в оба, а язык держи за зубами,— приговаривал он.

А мальчуган причитал:

— Больше не буду, хозяин, Христом-Богом клянусь, не буду, обещаю вам глаз не спускать со стада!

Увидев, что здесь происходит, Дон Кихот грозно воскликнул:

— Неучтивый рыцарь! Как вам не стыдно нападать на того, кто не в силах себя защитить! Садитесь на коня, возьмите копьё,— надобно заметить, что у сельчанина тоже было копьё: он прислонил его к тому дубу, к коему была привязана кобыла,— и я вам докажу всю низость вашего поступка.

Сельчанин, обнаружив у себя над головой увешанную доспехами фигуру, перед самым его носом размахивающую копьём, подумал, что пришла его смерть.

— Сеньор кавальеро! — вкрадчивым голосом заговорил он.— Я наказываю мальчишку, моего слугу, который пасёт здесь отару моих овец; из-за этого ротозея я каждый день недосчитываюсь овцы. И наказываю я его за разгильдяйство, вернее, за плутовство, а он говорит, что я из скупости возвожу на него напраслину, чтобы не платить ему жалованья, но я клянусь Богом и спасением души, что он врёт.

— Как вы смеете, мерзкий грубиян, говорить в моём присутствии, что он врёт? — воскликнул рыцарь.— Клянусь солнцем, всех нас освещающим, что я сию минуту вот этим самым копьём проткну вас насквозь. Без всяких разговоров уплатите ему, не то, да будет мне свидетелем Всевышний, я с вами разделаюсь и уложу на месте. Ну, отвязывайте его, живо!

Сельчанин, понурив голову, молча отвязал своего слугу; тогда Дон Кихот спросил мальчика, сколько ему должен хозяин. Мальчик ответил, что всего за девять месяцев, считая по семи реалов¹ за месяц. Дон Кихот высчитал, что в сумме это составляет шестьдесят три реала, и сказал сельчанину, чтоб он немедленно раскошеллился, если только ему дорога жизнь. На это испуганный

¹ *Реал* — старинная испанская серебряная или медная монета. Один серебряный реал равнялся двум медным.

сельчанин ответил так: он, дескать, уже клялся, — хотя до сих пор об этом не было и речи, — и теперь говорит, как на духу, что долг его вовсе не так велик, ибо надлежит принять в расчёт и сбросить со счетов стоимость трёх пар обуви, которые износил пастух, да ещё один реал за два кровопускания, которые были ему сделаны, когда он занемог.

— Это всё так, — возразил Дон Кихот, — однако вы ни за что ни про что отхлестали его ремнём, — пусть же это пойдёт в уплату за обувь и кровопускания: ведь если он порвал кожу на башмаках, которые вы ему купили, то вы, в свою очередь, порвали ему собственную его кожу. И если цирюльник пускал ему кровь, когда он был болен, то вы пускаете ему кровь, когда он находится в добром здравии. Таким образом, тут вы с ним в расчёте.

— Беда в том, сеньор кавалеро, что я не взял с собой денег, — придётся Андресу пойти со мной, и дома я уплачу ему всё до последнего реала.

— Чтобы я с ним пошёл? — воскликнул мальчуган. — Час от часу не легче! Нет, сеньор, ни за что на свете. Если я останусь с ним наедине, то он сдерёт с меня кожу, вроде как со святого Варфоломея или с кого-то там ещё.

— Он этого не сделает, — возразил Дон Кихот, — я ему прикажу, и он не посмеет меня послушаться. Пусть только он поклянётся тем рыцарским орденом, к которому он принадлежит, и я отпущу его на все четыре стороны и поручусь, что он тебе заплатит.

— Помилуйте, сеньор, что вы говорите! — воскликнул мальчуган. — Мой хозяин — вовсе не рыцарь, и ни к какому рыцарскому ордену он не принадлежит, — это Хуан Альдудо, богатый крестьянин из деревни Кинтанар.

— Это ничего не значит, — возразил Дон Кихот, — и Альдудо могут быть рыцарями. Тем более что каждого человека должно судить по его делам.

— Это верно, — согласился Андрес, — но в таком случае как же прикажете судить моего хозяина, коли он отказывается платить мне жалованье, которое я заработал в поте лица?

— Брат мой Андрес, да разве я отказываюсь? — снова заговорил сельчанин. — Сделай милость, пойдём со мной, — клянусь всеми рыцарскими орденами, сколько их ни развелось на свете, что уплачу тебе, как я уже сказал, всё до последнего реала, с радостью уплачу.

— Можно и без радости, — сказал Дон Кихот, — уплатите лишь ту сумму, которую вы ему задолжали: это всё, что от вас требуется. Но бойтесь нарушить клятву, иначе, клянусь тою же самою

клятвою, я разыщу вас и накажу: будь вы проворнее ящерицы, я всё равно вас найду, куда бы вы ни спрятались. Если же вы хотите знать, от кого получили вы этот приказ, дабы тем ревностнее приняться за его исполнение, то знайте, что я — доблестный Дон Кихот Ламанчский, заступник обиженных и утеснённых, засим оставайтесь с Богом и под страхом грозящей вам страшной кары не забывайте обещанного и скреплённого клятвою.

С этими словами он пришпорил Росинанта и стал быстро удаляться. Сельчанин посмотрел ему вслед и, удостоверившись, что он миновал рощу и скрылся из виду, повернулся к слуге своему Андресу и сказал:

— Поди-ка сюда, сынок! Сейчас я исполню повеление этого заступника обиженных и уплачу тебе долг.

— Я в этом нимало не сомневаюсь, ваша милость, — заметил Андрес. — В ваших же интересах исполнить повеление доброго рыцаря, дай Бог ему прожить тысячу лет; он такой храбрый и такой справедливый, что, если вы мне не уплатите, клянусь святым Роке, он непременно вернётся и приведёт угрозу свою в исполнение.

— Я тоже в этом не сомневаюсь, — сказал сельчанин, — но я так люблю тебя, желанный мой, что желаю ещё больше тебе задолжать, чтобы затем побольше заплатить.

Тут он схватил мальчугана за руку и, снова привязав его к дубу, всыпал ему столько горячих, что тот остался чуть жив.

— Теперь зовите заступника обиженных, сеньор Андрес, посмотрим, как он за вас заступится, — сказал сельчанин. — Полагаю, впрочем, что я вас ещё недостаточно обидел, — у меня чешутся руки спустить с вас шкуру, чего вы как раз и опасались.

Однако ж в конце концов он отвязал его и позволил отправиться на поиски своего судьи, дабы тот претворил в жизнь вынесенное им решение. Пастушонок с кислою миною удалился, поклявшись сыскать доблестного Дон Кихота Ламанчского и во всех подробностях рассказать ему о том, что произошло, дабы он принудил хозяина заплатить сторицей. <...>

Глава VII **о втором выезде доброго нашего рыцаря** **Дон Кихота Ламанчского**

<...> Одновременно Дон Кихот вступил в переговоры с одним своим односельчанином: это был человек добропорядочный (если только подобное определение применимо к людям, которые не могут похвастаться порядочным количеством всякого добра), однако ж мозги у него были сильно набекрень. Дон Кихот такого

ему наговорил, такого наобещал и так сумел его убедить, что в конце концов бедный хлебопашец дал слово отправиться вместе с ним в качестве его оруженосца. Между прочим, Дон Кихот советовал ему особенно не мешкать, ибо вполне, дескать, может случиться, что он, Дон Кихот, в мгновение ока завоюет какой-нибудь остров и сделает его губернатором такового. Подобные обещания соблазнили Санчо Пансу — так звали нашего хлебопашца, — и он согласился покинуть жену и детей и стать оруженосцем своего односельчанина.

Г. Доре. Иллюстрация к роману Сервантеса «Дон Кихот». 1863

Затем Дон Кихот принялся раздобывать деньги: кое-что продал, кое-что заложил с большим для себя убытком и в конце концов собрал значительную сумму. Кроме того, он взял на время у одного из своих приятелей круглый щит и, починив, как мог, разбитый свой шлем, предупредил оруженосца Санчо о дне и часе выезда, чтобы тот успел запастись всем необходимым, а главное, не забыл взять с собой дорожную суму. Санчо дал слово, что не забудет, но, сославшись на то, что он не мастак ходить пешком, объявил, что у него есть очень хороший осёл и что он поедет на нём. Это обстоятельство слегка озадачило Дон Кихота: он перебирал

в памяти, был ли у кого-нибудь из странствующих рыцарей такой оруженосец, который прибежал к ослиному способу передвижения, но так и не припомнил; однако в надежде, что ему не замедлит представиться случай отбить коня у первого же неучтивого рыцаря, который встретится ему на пути, и передать это куда более почтенное четвероногое во владение своему оруженосцу, он позволил Санчо Пансе взять осла. По совету хозяина постоялого двора Дон Кихот запасся сорочками и всем, чем только мог. Когда же всё было готово и приведено в надлежащий вид, Дон Кихот, не простившись ни с племянницей, ни с ключницей, в сопровождении Санчо Пансы, который тоже не простился ни с женой, ни с детьми, однажды ночью тайком выехал из села; и за ночь им удалось отъехать на весьма значительное расстояние, так что, когда рассвело, они почувствовали себя в полной безопасности: если бы и снарядили за ними погоню, то всё равно уже не настигли бы их.

Санчо Панса не забыл приторочить суму и бурдюк¹, и теперь он, горя желанием сделаться губернатором обещанного острова, как некий патриарх, восседая на осле. Между тем Дон Кихот избрал тот же самый путь и двинулся по той же дороге, по какой ехал он в прошлый раз, то есть по Монтельской равнине, только теперь он чувствовал себя несравненно бодрее, ибо время было ещё раннее и косые лучи солнца не очень его беспокоили. Тут-то и обратился Санчо Панса к своему господину:

— Смотрите же, ваша милость, сеньор странствующий рыцарь, не забудьте, что вы мне обещали насчёт острова, а уж я с каким угодно островом управлюсь.

Глава VIII

о славной победе, одержанной доблестным Дон Кихотом в страшной и доселе неслыханной битве с ветряными мельницами, равно как и о других событиях, о которых мы не без приятности упомянем

Тут глазам их открылось не то тридцать, не то сорок ветряных мельниц, стоявших среди поля, и как скоро увидел их Дон Кихот, то обратился к своему оруженосцу с такими словами:

— Судьба руководит нами как нельзя лучше. Посмотри, друг Санчо Панса: вон там виднеются тридцать, если не больше, чудовищных великанов, — я намерен вступить с ними в бой и перебить их всех до единого, трофеи же, которые нам достанутся, явятся основой нашего благосостояния. Это война справедливая: стереть дурное семя с лица земли — значит верой и правдой послужить Богу.

— Где вы видите великанов? — спросил Санчо Панса.

— Да вон они, с громадными руками, — отвечал его господин. — У некоторых из них длина рук достигает почти двух миль.

— Помилуйте, сеньор, — возразил Санчо, — то, что там виднеется, вовсе не великаны, а ветряные мельницы; то же, что вы принимаете за их руки, — это крылья: они кружатся от ветра и приводят в движение мельничные жернова.

— Сейчас видно неопытного искателя приключений, — заметил Дон Кихот, — это великаны. И если ты боишься, то отъезжай в сторону и помолись, а я тем временем вступлю с ними в жестокий и неравный бой.

С последним словом, не внемля голосу Санчо, который предупреждал его, что не с великанами едет он сражаться, а, вне всякого

¹ *Бурдюк* — мешок из шкуры животного для хранения и перевозки вина и других жидкостей и сыпучих веществ.

сомнения, с ветряными мельницами, Дон Кихот дал Росинанту шпоры. Он был совершенно уверен, что это великаны, а потому, не обращая внимания на крики оруженосца и не видя, что перед ним, хотя находился совсем близко от мельниц, громко восклицал:

Г. Доре. Иллюстрация к роману Сервантеса «Дон Кихот». 1863

— Стойте, трусливые и подлые твари! Ведь на вас нападает только один рыцарь.

В это время подул лёгкий ветерок, и, заметив, что огромные крылья мельниц начинают кружиться, Дон Кихот воскликнул:

— Машите, машите руками! Если б у вас их было больше, чем у великана Бриарея¹, и тогда пришлось бы вам заплатить!

Сказавши это, он всецело отдался под покровительство госпожи своей Дульсины, обратился к ней с мольбою помочь ему выдержать столь тяжкое испытание и, заградившись щитом и пустив Росинанта в галоп, вонзил копьё в крыло ближайшей мельницы; но в это время ветер с такой бешеной силой повернул крыло, что от копья остались одни щепки, а крыло, подхватив и коня и всадника, оказавшегося в весьма жалком положении, сбросило Дон Кихота на землю. На помощь ему во весь ослиный мах поскакал Санчо Панса и, приблизившись, удостоверился, что господин его не может пошевелиться — так тяжело упал он с Росинанта.

— Ах ты, Господи! — воскликнул Санчо. — Не говорил ли я вашей милости, чтобы вы были осторожнее и что это всего-навсего ветряные мельницы? Их никто бы не спутал, разве тот, у кого ветряные мельницы кружатся в голове.

— Помолчи, друг Санчо, — сказал Дон Кихот. — Должно заметить, что нет ничего изменчивее военных обстоятельств. К тому же, я полагаю, и не без основания, что мудрый Фрестон, тот самый, который похитил у меня книги вместе с помещением, превратил великанов в ветряные мельницы, дабы лишить меня плодов победы, — так он меня ненавидит. Но рано или поздно злые его чары не устоят пред силою моего меча.

— Это уж как Бог даст, — заметил Санчо Панса.

¹ Бриарей (миф.) — сторукий великан.

Он помог Дон Кихоту встать и усадил его на Росинанта, который тоже был чуть жив.

— Твоя правда,— сказал Дон Кихот,— и если я не стону от боли, то единственно потому, что странствующим рыцарям в случае какого-либо ранения стонать не положено, хотя бы у них вываливались кишки.

— Коли так, то мне возразить нечего,— сказал Санчо,— но одному Богу известно, как бы я был рад, если б вы, ваша милость, пожаловались, когда у вас что-нибудь заболит. А уж доведись до меня, так я начну стонать от самой пустячной боли, если только этот закон не распространяется и на оруженосцев странствующих рыцарей.

Дон Кихот не мог не посмеяться простодушию своего оруженосца, а затем объявил, что тот волен стонать, когда и сколько ему вздумается, как по необходимости, так и без всякой необходимости, ибо в рыцарском уставе ничего на сей предмет не сказано. Санчо напомнил Дон Кихоту, что пора закусить. <...>

Глава XIX
о глубокомысленных замечаниях,
коими Санчо поделился со своим господином,
о приключении с мёртвым телом,
равно как и о других необычайных происшествиях

<...> Меж тем как они всё ещё вели этот разговор, по дороге их застигла ночь, прежде нежели они успели найти или хотя бы заприметить какое-нибудь пристанище; на беду, обоих мучил голод, ибо вместе с дорожной сумой исчезли их съестные припасы. И к довершению всего их ожидало на сей раз уже не воображаемое, а самое доподлинное приключение. Вот как было дело. Ночь выдалась довольно тёмная, но, несмотря на это, они продолжали свой путь, ибо Санчо был совершенно уверен, что на больших дорогах постоялые дворы попадаются не реже чем через каждые две мили. Итак, ехали-ехали голодный оруженосец и его господин, который тоже хотел есть, и вдруг заметили, что к ним приближается бесчисленное множество огней, похожих на движущиеся звёзды. При виде их Санчо оторопел, а Дон Кихот не поверил собственным глазам; и тот и другой натянули поводья и стали зорко вглядываться, пытаясь уяснить себе, что бы это могло быть; наконец оба увидели, что огни идут прямо на них и по мере своего приближения всё увеличиваются в размерах; тут Санчо задрожал как лист, а у Дон Кихота волосы встали дыбом; затем, слегка приободрившись, он сказал:

— Сомнений нет, Санчо: это одно из величайших и опаснейших приключений, и я должен буду напрячь все свои силы и выказать всё своё мужество.

— Что я за несчастный! — воскликнул Санчо. — По всему видно, что это опять призраки, а коли так, то где же я возьму рёбра, чтобы расплатиться и за это приключение?

<...> Оба отъехали в сторону и стали зорко вглядываться, сясь понять, что собой представляют эти блуждающие огни, и немного погодя им удалось различить множество фигур в белых балахонах; это страшное зрелище так подействовало на Санчо Пансу, что он совершенно потерял самообладание: у него зуб на зуб не попадал, точно его трясла лихорадка. Но как же он задрожал и как застучали у него зубы, когда оба они наконец явственно различили, что это такое! Ибо они увидели до двадцати всадников в балахонах, ехавших с зажжёнными факелами в руках впереди похоронных дрог, а за дрогами следовали ещё шесть всадников в длинном траурном одеянии, ниспадавшем чуть ли не до копыт мулов, — судя по их медленному шагу, это были именно мулы, а не лошади. Балахоны словно переговаривались между собой голосами тихими и жалобными. Необычайное зрелище, явившееся взорам наших путешественников в столь поздний час и в таком пустынном месте, способно было навести страх не только на Санчо, но и на его господина. Дело было за Дон Кихотом, а у Санчо давно уже душа в пятки ушла, но, к сожалению, Дон Кихот испытывал противоположное чувство, ибо в эту самую минуту ему живо представилось одно из тех приключений, которые описываются в его любимых романах.

Он вообразил, что похоронные дроги — это траурная колесница, на которой везут тяжело раненного или же убитого рыцаря, и что отомстить за него суждено не кому-либо, а именно ему, Дон Кихоту; и вот, недолго думая, он выпрямился в седле и, полный отваги и решимости, выехал на середину дороги, по которой неминуемо должны были проехать балахоны, и, как скоро они приблизились, заговорил громким голосом:

С. Г. Бродский. Дон Кихот

— Рыцари вы или не рыцари, — всё равно, остановитесь и доложите мне, кто вы такие, откуда и куда путь держите и кого везёте вы на этой колеснице. По всем признакам вы являетесь обидчиками или же,

наоборот, обиженными, и мне должно и необходимо это знать для того, чтобы наказать вас за совершённое вами злодеяние или же отомстить тем, кто совершил по отношению к вам какую-либо несправедливость.

— Мы торопимся, — отвечал один из балахонов, — а до постылого двора далеко, и нам недосуг давать столь подробные объяснения.

С этими словами он хлестнул мула и хотел было проехать мимо. Но Дон Кихот, до глубины души оскорблённый таким ответом, схватил мула за узду и сказал:

— Остановитесь, будьте пожеливее и отвечайте на мои вопросы, не то я всех вас вызову на бой.

Мул был пугливый, и, когда его схватили за узду, он до того испугался, что взвился на дыбы и сбросил седока наземь. Шедший пешком слуга, видя, что один из балахонов упал с коня,

С. Г. Бродский. Санчо Панса

принялся осыпать Дон Кихота бранью; тогда Дон Кихот, и так уже раздражённый, без дальних размышлений взял копьёцо наперевес и, ринувшись на одного из облачённых в траур, тяжело ранил его и вышиб из седла; затем он бросился на его спутников, и нужно было видеть, как стремительно он на них нападал и обращал вспять! Казалось, у Росинанта выросли крылья — столь резвый и горделивый скок неожиданно появился у него. Люди в балахонах, народ боязливый и к тому же ещё безоружный, мгновенно, не оказав ни малейшего сопротивления, покинули поле битвы и с горящими факелами в руках помчались в разные стороны, так что, глядя на них, можно было подумать, что это ряженые затеяли весёлую игру в праздничную ночь. Что же касается облачённых в траур, то они, запутавшись в долгополом своём одеянии, не могли сдвинуться с места, вследствие чего Дон Кихот совершенно безнаказанно и отколотил их всех до единого, и они волей-неволей принуждены были отступить в полной уверенности, что это не человек, а сам дьявол, явившийся из преисподней, дабы похитить у них мёртвое тело, лежавшее на дрогах.

Санчо смотрел на всё это и, дивясь смелости своего господина, говорил себе: «Стало быть, мой господин и на деле так же храбр и силен, как на словах».

— Коль скоро вы духовная особа, то какой же чёрт вас сюда занёс? — спросил Дон Кихот.

— Сейчас я вам всё объясню, мы сопровождаем мёртвое тело, лежащее на этих дрогах, — тело некоего кавальеро, который умер в Баэсе и там же был похоронен, а теперь, как я уже сказал, мы перевозим его останки в Сеговию, откуда он родом и где находится его фамильный склеп.

— А кто его умертвил? — спросил Дон Кихот.

— Господь Бог при помощи гнилой горячки, которая его и доконала, — отвечал бакалавр.

— Значит, Господь избавил меня от обязанности мстить за его смерть, — заключил Дон Кихот, — обязанности, которую я вынужден был бы принять на себя, в случае если б его убили. Но коли он умер именно так, как вы рассказываете, то мне остаётся лишь молча развести руками, ибо если бы мне самому была послана такая смерть, то я поступил бы точно так же. Надобно вам знать, ваше преподобие, что я рыцарь Ламанчский, а зовут меня Дон Кихот, и мой образ действий заключается в том, что я странствую по свету, выпрямляя кривду и заступаясь за обиженных. <...>

Он сейчас же позвал Санчо Пансу, но тот и ухом не повёл: его внимание было поглощено разгрузкой обозного мула, которого эти добрые люди основательно навьючили съестными припасами. Санчо сделал из своего пыльника мешок, напихал в него всё, что только могло туда войти, навьючил своего осла и только после этого, явившись на зов Дон Кихота, помог сеньору бакалавру выбраться из-под мула и сесть на него верхом, а затем вложил ему в руку факел. Дон Кихот посоветовал бакалавру отправиться вслед за его спутниками и попросил принести им от его имени извинения за то зло, которое он им сделал по не зависящим от него причинам, а Санчо к этому ещё прибавил:

— В случае, если эти сеньоры пожелают узнать, кто таков этот удалец, который нагнал на них такого страха, то скажите, ваша милость, что это Дон Кихот Ламанчский, по прозванию *Рыцарь Печального Образа*.

Когда же бакалавр удалился, Дон Кихот спросил Санчо, что ему вздумалось вдруг, ни с того ни с сего, назвать его *Рыцарем Печального Образа*.

— Сейчас вам скажу, — отвечал Санчо. — Потому я вам дал это название, что когда я взглянул на вас при свете факела, который увёз с собой этот горемыка, то у вас был такой жалкий вид, какого я что-то ни у кого не замечал. Верно, вас утомило сражение, а может, это оттого, что вам выбили коренные и передние зубы.

— Не в этом дело, — возразил Дон Кихот. — По-видимому, тот учёный муж, коему вменено в обязанность написать историю

моих деяний, почёл за нужное, чтобы я выбрал себе какое-нибудь прозвище, ибо так поступали все прежние рыцари: один именовался *Рыцарем Пламенного Меча*, другой — *Рыцарем Единорога*, кто — *Рыцарем Дев*, кто — *Рыцарем Птицы Феникс*, кто — *Рыцарем Грифа*, кто — *Рыцарем Смерти*, и под этими именами и прозвищами они и пользуются известностью во всём подлунном мире. Вот я и думаю, что именно он, этот учёный муж, внушил тебе мысль как-нибудь меня назвать и подсказал самое название: *Рыцарь Печального Образа*, и так я и буду именоваться впредь. <...>

Часть вторая

Глава XVII,

из коей явствует, каких вершин и пределов могло достигнуть и достигло неслыханное мужество Дон Кихота, и в коей речь идёт о приключении со львами, которое Дон Кихоту удалось счастливо завершить

<...>

— Друг мой! Подай мне шлем,— или я мало смыслю в приключениях, или же то, что там виднеется, представляет собою такое приключение, которое долженствует принудить меня и уже принуждает взяться за оружие.

Тем временем повозка с флажками подъехала ближе, и тут оказалось, что, кроме погонщика верхом на одном из мулов и ещё одного человека на передке повозки, никто больше её не сопровождал. Дон Кихот выехал вперёд и молвил:

— Куда, братцы, путь держите? Что это за повозка, что вы в ней везёте и что это за стяги?

Погонщик же ему на это ответил так:

— Повозка моя, а везу я клетку с двумя свирепыми львами, которых губернатор Оранский отсылает ко двору в подарок его величеству, флаги же — государя нашего короля в знак того, что везём мы его достояние.

— А как велики эти львы? — осведомился Дон Кихот.

— Столь велики,— отвечал человек, сидевший на передке,— что крупнее их или даже таких, как они, ещё ни разу из Африки в Испанию не привозили. Я — львиный сторож, много львов перевёз на своем веку, но таких, как эти, ещё не приходилось. Это лев и львица — лев в передней клетке, а львица в задней, и сейчас они голодные, потому с утра ещё ничего не ели, так что, ваша милость, уж вы нас пропустите, нам надобно поскорее добраться до какого-нибудь селения и покормить их.

Дон Кихот же, чуть заметно усмехнувшись, ему на это сказал:

— Львят — против меня? Теперь против меня — львят? Ну так эти сеньоры, пославшие их сюда, вот как перед Богом говорю, сейчас увидят, такой ли я человек, чтобы устрашиться львов! Слезай с повозки, добрый человек, и если ты сторож, то открой клетки и выпусти зверей, — назло и наперекор тем волшебникам, которые их на меня натравили, я сейчас покажу, кто таков Дон Кихот Ламанчский...

— Сеньор кавальеро! Странствующим рыцарям подобает искать только таких приключений, которые подают надежду на благополучный исход, а не таких, которые решительно никакой надежды не подают, ибо смелость, граничащая с безрассудством, заключает в себе более безумия, нежели стойкости. А кроме всего прочего, львы и не помышляют о том, чтобы на вашу милость совершить нападение: их посылают в подарок его величеству, и не должны задерживать их и преграждать им дорогу.

— Это вы, сеньор идальго, подите расскажите своей ручной куропатке и свирепому хорьку, а в чужие дела не вмешивайтесь, — заметил Дон Кихот. — Это моё дело, я сам знаю, натравили на меня этих сеньоров львов или нет.

И, обратясь к сторожу, крикнул:

— Эй ты, такой-сякой, мерзавец из мерзавцев! Если ты сей же час не откроешь клеток, я вот этим самым копьём пришил тебя к повозке!

Возница, видя, что это вооружённое пугало преисполнено решимости, молвил:

— Государь мой! Будьте настолько любезны, сжальтесь вы надо мной и велите выпустить львов не прежде, чем я распрягу мулов и отведу их в безопасное место, а то если львы их растерзают, то мне тогда всю жизнь придётся терзаться: ведь мулы и повозка — это всё мое достояние.

<...> Едва сторож увидел, что Дон Кихот уже наготове и что, из боязни навлечь на себя гнев вспыльчивого и дерзкого кавальеро, ему не миновать выпустить льва, он настежь распахнул дверцу первой клетки, где, повторяем, находился лев величины, как оказалось, непомерной, — чудовищный и страховидный лев. Прежде всего лев повернулся в своей клетке, выставил лапы и потянулся всем телом, засим разинул пасть, сладко зевнул и языком почти в две пяди длиною протёр себе глаза и облизал морду; после этого он высунулся из клетки и горящими, как угли, глазами повёл во все стороны; при этом вид его и движения могли бы, кажется, навести страх на самоё смелость. Дон Кихот, однако, смотрел на него в упор, — он

с нетерпением ждал, когда же наконец лев спрыгнет с повозки и вступит с ним в рукопашную, а он изрубит льва на куски.

Вот до какой крайности дошло его доселе невиданное безумие. Однако благородный лев, не столь дерзновенный, сколь учтивый, оглядевшись, как уже было сказано, по сторонам и не обращая внимания на Дон-Кихотово ребячество и молодечество, повернулся и, показав Дон Кихоту зад, прехладнокровно и не торопясь снова вытянулся в клетке; тогда Дон Кихот велел сторожу ударить его, чтобы разозлить и выгнать из клетки.

— Этого я делать не стану, — возразил сторож, — ведь коли я его раздражу, так он первым делом разорвёт в клочки меня. Пусть ваша милость, сеньор кавальеро, удовольствуется уже сделанным, ибо по части храбрости лучшего и желать невозможно, испытывать же судьбу дважды не годится. В клетке у льва дверца отворена: он волен выходить или не выходить, но ежели он до сей поры не вышел, стало быть, и до вечера не выйдет. Твёрдость духа вашей милости уже доказана, — от самого храброго бойца, сколько я понимаю, требуется лишь вызвать недруга на поединок и ожидать его на поле брани, если же неприятель не явился, то позор на нём, а победный венок достаётся ожидавшему.

— И то правда, — молвил Дон Кихот, — закрой, приятель, дверцу и в наилучшей форме засвидетельствуй всё, что здесь на твоих глазах произошло, а именно: как ты открыл льву, как я его ждал, а он не вышел, как я его снова стал ждать, а он опять не вышел и снова улёгся. Мой долг исполнен, прочь колдовские чары, и да поможет Господь разуму, истине и истинному рыцарству, ты же закрой, повторяю, клетку, а я тем временем знаками подзову бежавших и отсутствовавших, дабы они услышали из твоих уст о моём подвиге. <...>

— Что ты на это скажешь, Санчо? — спросил Дон Кихот. — Какое чародейство устоит против истинной отваги? Чародеи вольны обрекать меня на неудачи, но сломить моё упорство и мужество они не властны.

Санчо выдал деньги, возница запряг мулов, а сторож поцеловал Дон Кихоту руки за оказанное благодеяние и обещал рассказать о славном этом подвиге самому королю, когда приедет в столицу.

— Буде же его величество спросит, кто этот подвиг совершил, скажите — что *Рыцарь Львов*, ибо я хочу, чтобы прежнее мое прозвание, *Рыцарь Печального Образа*, изменили, переменяли, заменили и сменили на это, и тут я следую старинному обычаю странствующих рыцарей, которые меняли имена, когда им этого хотелось или же когда это напрашивалось само собой.

Глава XXXI, повествующая о многих великих событиях

Далее в истории говорится, что ещё до того, как все приблизилась к летнему дворцу, иначе говоря к замку, герцог поехал вперёд и отдал распоряжение всем своим слугам, как должно обходиться с Дон Кихотом. <...>

Дон Кихот переоделся, препоясался мечом, накинул на плечи алую мантию, на голову надел зелёного атласа берет, который ему подали прислужницы, и в таком виде вышел в обширную залу, где его уже ожидали девушки, выстроившиеся в два ряда и державшие сосуды для омовения рук; весь этот обряд был совершён с множеством поклонов и разных церемоний. Затем явились двенадцать пажей, и с ними дворецкий, дабы отвести Дон Кихота в столовую, где его дожидались владельцы замка. Обступив Дон Кихота, пажи торжественно и весьма почтительно провели его в другую залу, где стоял роскошно убранный стол, накрытый всего лишь на четыре прибора. У порога встретили его герцог, герцогиня и некий важный священник из числа тех, которые у владетельных князей состоят в духовниках¹; из числа тех, которые, не будучи князьями по рождению, оказываются бесцельны научить природных князей, как должно вести себя в этом звании; из числа тех, которые стремятся к тому, чтобы величие высокопоставленных лиц мерилось их собственным духовным убожеством; из числа тех, которые, желая научить духовных чад своих умеренности, делают из них скупцов,— вот что, по всей вероятности, представлял собою этот важный священник, который вместе с герцогскою четой вышел навстречу Дон Кихоту. Герцог предложил Дон Кихоту занять почётное место, тот сначала было отнекивался, но в конце концов сдался на уговоры. Духовник сел напротив Дон Кихота, герцог же и герцогиня — справа и слева от него. <...>

Духовник, слышавший весь этот разговор про великанов, дупегубов и колдовство, догадался, что это и есть Дон Кихот Ламанчский, которого историю герцог читал постоянно, между тем духовник порицал его за это многократно и уверял, что глупо с его стороны читать подобные глупости. И вот теперь, совершенно удостоверившись в правильности своих предположений, он в превеликом гневе заговорил с герцогом:

¹ *Духовник* — священник христианской церкви, совершающий таинство покаяния, духовный отец христианина; он принимает исповеди, наставляет, даёт советы, благословляет.

— Ваша светлость! Вам, государь мой, придётся давать ответ Богу за выходки этого молодца. Я склонен думать, что этот самый Дон Кихот, Дон Остолоп или как его там, не столь уж слабоумен, каким ваша светлость себе его представляет, а потому и не след вам потворствовать его дурачествам и сумасбродствам.

Затем он обратился непосредственно к Дон Кихоту и сказал:

— Послушайте вы, пустая голова: кто это вам втемяшил, что вы странствующий рыцарь и что вы побеждаете великанов и берёте в плен лиходеев? Опомнитесь и попомните мое слово: возвращайтесь к себе домой, растите детей, если у вас есть таковые, занимайтесь хозяйством и перестаньте мыкаться по свету, ловить в небе журавля и смешить всех добрых людей, знакомых и незнакомых. Откуда вы взяли, что были на свете и сейчас ещё существуют странствующие рыцари, не к ночи будь они помянуты? Где же это в Испании водятся великаны или в Ламанче — душегубы, и где эти заколдованные Дульсинеи и вся эта уйма чепухи, которая про вас написана?

Дон Кихот со вниманием выслушал почтенного сего мужа, а когда тот умолк, он, несмотря на своё уважение к герцогской чете, вскочил с места и, всем своим видом выражая гнев и возмущение, заговорил...

Впрочем, ответ его заслуживает особой главы.

Глава XXXII

о том, как Дон Кихот ответил своему хулителю¹, а равно и о других происшествиях, и важных, и забавных

Итак, Дон Кихот вскочил, весь затрясся и, задыхаясь от волнения, заговорил:

— То место, где я нахожусь, присутствие высоких особ и уважение, которое я всегда питал и питаю ныне к сану вашей милости, сковывают и удерживают в границах правый мой гнев. Так вот, в силу того, о чём я сейчас говорил, и памятуя о том, что известно всем, а именно, что люди учёные не владеют никаким другим оружием, кроме оружия женщин, то есть языка, я как раз к этому оружию и прибегну и на равных основаниях вступлю в бой с вашей милостью, от которой, кстати сказать, не грубой брани, но благих советов должно было бы ожидать. Порицания душеспасительные и исходящие из добрых побуждений выражаются при совершенно иных обстоятельствах и в иное время, — во всяком слу-

¹ *Хулитель* (книжн.) — тот, кто хулит, ругает, поносит кого-либо, что-либо.

чае, порицая меня во всеуслышание и притом столь сурово, вы тем самым вышли за пределы благого порицания, ибо оно зиждется не столько на суровости, сколько на мягкости, и нехорошо, обличая грехи, о которых вы понятия не имеете, ни с того ни с сего обзывать грешника слабоумным и остолопом. В самом деле, я прошу вашу милость ответить: какие такие вы нашли во мне дурачества, которые дают вам право бичевать меня, клеймить и посылать домой заниматься хозяйством и заботиться о жене и детях, хотя вы даже не знаете, есть ли они у меня? Неужели достаточно на правах духовника втереться в чужую семью, неужели достаточно получить воспитание в каком-нибудь дешёвом пансионе, видеть свет не далее, чем на двадцать-тридцать миль в окружности, чтобы так, с налёту, диктовать законы странствующему рыцарству и судить о странствующих рыцарях? Или, по-вашему, это бесплодное занятие и праздное времяпрепровождение — странствовать по миру, чуждаясь его веселий и взбираясь по крутизнам, по которым доблестные восходят к обители бессмертья? Когда б меня признали за слабоумного рыцари или же блестящие и великодушные вельможи, я почёл бы это за несмываемое для себя бесчестие, а коли меня обзывают глупцом разные буквоеды, которые никогда не вступали на путь странствующего рыцарства, то я не придаю этому ровно никакого значения: я — рыцарь и, коли будет на то воля Всевышнего, рыцарем и умру. Одни шествуют по широкому полю надутого честолюбия, другие идут путём низкой и рабьей угодливости, третьи — дорогою лукавого лицемерия, четвёртые — стезёю истинной веры, я же, ведомый своею звездою, иду узкой тропой странствующего рыцарства, ради которого я презрел житейские блага, но не честь. Я вступался за униженных, выпрямлял кривду, карал дерзость, побеждал великанов и попирал чудовищ. Я влюблён единственно потому, что так странствующим рыцарям положено, но я не из числа влюблённых сластолюбцев, моя любовь — платоническая и непорочная. Я неизменно устремляюсь к благим целям, а именно: всем делать добро и никому не делать зла. Судите же теперь, ваши светлости, высокородные герцог и герцогиня, можно ли обзывать глупцом того, кто так думает, так поступает и так говорит.

— Ей-богу, здорово сказано! — воскликнул Санчо. — И больше вы, сеньор и господин мой, ничего не говорите в своё оправдание, всё равно лучше не скажешь, не придумаешь и не убедишь. И потом, если этот сеньор уверяет, будто странствующих рыцарей прежде не было и сейчас нет, то разве он хоть что-нибудь в этих делах смыслит?

— А ты, любезный, уж не Санчо ли Панса, о котором пишут, будто Дон Кихот обещал пожаловать ему остров? — спросил духовник.

— Я самый, — отвечал Санчо, — и заслужил я этот остров не хуже всякого другого. Про таких, как я, говорят: «К добрым людям пристанешь, сам добрым станешь», а потом ещё: «С кем поведёшься, от того и наберёшься», и ещё: «Доброго дерева сень сулит тебе добрую тень». Вот я к доброму сеньору и прилепился, уже несколько месяцев, как я при нём состою, и, Господь даст, скоро сам стану вроде него, и ему хорошо, и мне хорошо: что там ни говори, быть ему императором, а мне — губернатором.

— Разумеется, друг Санчо, — прервал его тут герцог, — из уважения к сеньору Дон Кихоту я передам тебе во владение один свободный остров довольно хорошего качества.

— На колени, Санчо! — сказал Дон Кихот. — Припади к стопам его светлости за оказанную тебе милость.

Санчо повиновался; тут священник вскипел и, встав из-за стола, обратился к герцогу с такими словами:

— Мой сан повелевает мне сказать вам, ваша светлость, что вы так же точно помешаны, как и эти греховодники. Да как же им и не быть безумными, когда люди здравомыслящие потакают их безумствам! Принимайте их у себя, ваша светлость, а я, пока они будут у вас, побуду у себя и перестану порицать то, что исправление не поддаётся.

И, не прибавив более ни слова и так и не кончив обеда, духовник удалился, невзирая на уговоры герцога; впрочем, герцог особенно не настаивал, оттого что нелепая эта вспышка сильно его смешила.

Глава XLII

о советах, которые Дон Кихот преподавал Санчо Пансе перед тем, как тот отправился управлять островом, а равно и о других весьма важных вещах

Герцог и герцогиня, видя, что шутки их без малейших колебаний принимаются за правду, вознамерились шутить и дальше; того ради герцог указал и отдал распоряжения слугам своим и вассалам, как должно вести себя с Санчо, когда он начнёт управлять обещанным островом, и объявил Санчо, чтобы он привёл себя в надлежащий порядок и был готов занять пост губернатора, ибо островитяне ждут его, дескать, как майского дождичка. Санчо низко ему поклонился и сказал:

— Я постараюсь быть таким губернатором, чтобы назло всем мошенникам душа моя попала на небо. И это я не из корысти мечу

в высокие начальники и залетаю в барские хоромы, — просто мне хочется попробовать, какое оно, это губернаторство. <...>

В это время вошёл Дон Кихот и, узнав, о чём идёт речь и что Санчо спешно принимает бразды правления, взял его за руку и с дозволения герцога увёл к себе, дабы преподать советы, как ему в той должности подобает себя вести. Итак, войдя в свой покой, он запер дверь, почти насильно усадил Санчо рядом с собою и нарочито медленно заговорил:

— Я возношу бесконечные благодарения Богу, друг Санчо, за то, что прежде и раньше, чем счастье улыбнулось мне, на тебя свалилась и на твою долю выпала такая удача. Я надеялся, что счастливый случай поможет мне вознаградить тебя за верную службу, и вот я только-только начинаю преуспевать, а твои чаяния прежде времени вопреки здравому смыслу уже сбылись...

Прежде всего, сын мой, тебе надлежит бояться Бога, ибо в страхе Господнем заключается мудрость, будучи же мудрым, ты избежишь ошибок.

Во-вторых, загляни внутрь себя и постарайся себя познать, познание же это есть наитруднейшее из всех, какие только могут быть. Познавши самого себя, ты уже не станешь надуваться, точно лягушка, пожелавшая сравняться с волом, если же станешь, то, подобно павлину, смущённо прячущему свой пышный хвост при взгляде на уродливые свои ноги, ты невольно будешь прятать хвост безрассудного своего тщеславия при мысли о том, что в родном краю ты некогда пас свиней...

О своём худородстве, Санчо, говори с гордостью и признавайся, не краснея, что ты из крестьян, ибо никому не придёт в голову тебя этим стыдить, коль скоро ты сам этого не стыдишься; вообще стремись к тому, чтобы стать смиренным праведником, а не надменным грешником...

Помни, Санчо: если ты вступишь на путь добродетели и будешь стараться делать добрые дела, то тебе не придётся завидовать делам князей и сеньоров, ибо кровь наследуется, а добродетель приобретается, и она имеет ценность самостоятельную, в отличие от крови, которая таковой ценности не имеет...

Ни в коем случае не руководствуйся законом личного произвола: этот закон весьма распространён среди невежд, которые выдают себя за умников.

Пусть слёзы бедняка вызовут в тебе при одинаково сильном чувстве справедливости больше сострадания, чем жалобы богача.

Всячески старайся обнаружить истину, что бы тебе ни сулил и ни преподносил богач и как бы ни рыдал и ни молил бедняк.

В тех случаях, когда может и должно иметь место снисхождение, не суди виновного по всей строгости закона, ибо слава судьи сурового ничем не лучше славы судьи милостивого.

Если когда-нибудь жезл правосудия согнётся у тебя в руке, то пусть это произойдёт не под тяжестью даров, но под давлением сострадания.

Если тебе когда-нибудь случится разбирать тяжбу недруга твоего, то гони от себя всякую мысль о причинённой тебе обиде и думай лишь о том, на чьей стороне правда. <...>

Все эти назидания должны послужить к украшению твоей души, а теперь послушай назидания, имеющие свою целью украшение тела.

Глава XLIII о второй части советов, преподанных Дон Кихотом Санчо Пансе

Кто бы из тех, кто слышал вышеприведённые рассуждения Дон Кихота, не признал бы его за человека совершенно здравомыслящего и преисполненного самых благих намерений? Но, как это на протяжении великой нашей истории не раз было замечено, он начинал нести околёсную, только когда речь заходила о рыцарстве, рассуждая же о любом другом предмете, он выказывал ум ясный и обширный, так что поступки его неизменно расходились с его суждениями, а суждения с поступками; что же касается второй части правил, коим он обучал Санчо, то здесь он выказал остроумие чрезвычайное и в рассудительности своей и в своём помешательстве дошёл до наивысшей точки. Санчо слушал его с ослабленным вниманием и старался удержать в памяти его советы: видно было, что он намерен хорошенько запомнить их, дабы с их помощью рождение нового губернатора протекло благополучно. Дон Кихот между тем продолжал:

— Касательно того, как надлежит держать свой дом и самого себя, Санчо, то прежде всего я советую тебе соблюдать чистоту и стричь ногти, а ни в коем случае не отращивать их, как это делают некоторые, по невежеству своему воображающие, будто длинные ногти составляют украшение рук, меж тем как если не обстригать грязные эти наросты, то они смахивают на когти хищной птицы: это чудовищное безобразие и нечистоплотность.

Никогда не ходи, Санчо, распоясанным и неопрятным: беспорядок в одежде есть признак расслабленности духа. <...>

Не потребляй ни чеснока, ни лука, дабы по запаху нельзя было догадаться, что ты из мужиков.

Ходи медленно, говори отдельно, но не до такой степени, чтобы можно было подумать, будто ты сам себя слушаешь, ибо всякая напыщенность противна.

За обедом ешь мало, а за ужином ещё меньше, ибо здоровье всего тела куётся в кузнице нашего желудка.

Будь умерен в питье из тех соображений, что человек, выпивший лишнее, не хранит тайн и не исполняет обещаний. <...>

У тебя, Санчо, доброе сердце, а ведь без этого никакая наука впрок не пойдёт. Поручи себя Господу Богу и старайся не уклоняться от первоначального своего решения: я хочу сказать, что ты должен поставить себе за правило и твёрдо наметить себе цель — добиваться своего в любом деле, а небо всегда споспешествует благим желаниям. <...>

Глава XLV

о том, как премудрый Санчо Панса вступил во владение своим островом и как он начал им управлять

<...> Наконец Санчо выехал; его окружала многочисленная свита; на нём был костюм, какой носят важные судейские; верхняя одежда, весьма широкая, была сшита из рыжеватого с разводами камлота¹, а на голове у него красовалась такой же материи шапочка; восседал он на муле, а за мулом, по особому распоряжению герцога, шёл серый в новенькой шёлковой сбруе и соответствующих ослиному его званию украшениях. Время от времени Санчо оглядывался на осла, коего общество доставляло ему такое большое удовольствие, что он не поменялся бы местами с самим императором германским. Прощаясь с герцогом и герцогиней, он поцеловал им руки, а затем попросил своего господина благословить его, и тот благословил его со слезами. Санчо же принял его благословение, вот-вот готовый расплакаться.

<...> Итак, Санчо со всею своею свитою прибыл в городок, насчитывавший до тысячи жителей и являвшийся одним из лучших владений герцога. Санчо Пансе сообщили, что остров называется Баратария²: быть может, название это было образовано от названия городка, а быть может, оно намекало на то, что губернаторство досталось Санчо Пансе дёшево. Как скоро губернатор со свитою приблизился к воротам обнесённого стеною города, навстречу вышли местные власти, зазвонили колокола, жители, едино-

¹ *Камлót* — шерстяная или полушерстяная ткань обычно тёмного цвета, название от *camelot* — ткань из шерсти ангорской козы.

² *Баратария* — от испанского слова *barato*, то есть дешёвый.

душно изъявлявшие свой восторг, с великою торжественностью повели Санчо в собор, и там было совершенно благодарственное молебствие, а засим с уморительными церемониями вручили ему ключи от города и объявили его пожизненным губернатором острова Баратарии. Одевание, борода, брюшко и низкорослость нового губернатора приводили в изумление не только тех, кто понятия не имел, в чём здесь загвоздка, но даже и людей, осведомлённых обо всем, а таких было множество. Наконец из собора Санчо Пансу провели в судебную палату, усадили в кресло, и тут герцогский домоправитель сказал:

— На нашем острове, сеньор губернатор, издревле ведётся обычай: кто вступает во владение славным этим островом, тому задают некоторые вопросы, иногда довольно запутанные и трудные, он же обязан на них ответить, и по его ответам горожане составляют себе мнение о сметливости нового своего губернатора и радуются его прибытию или же, напротив, приунывают. <...>

В это время в судебную палату вошли два человека: один из них был одет крестьянином, другой был одет портным и держал в руках ножницы; он-то и повёл речь:

— Сеньор губернатор! Мы с этим сельчанином явились к вашей милости вот из-за чего. Вчера этот молодец пришёл ко мне в мастерскую (я, извините за выражение, портной и, слава Тебе Господи, мастер своего дела), суёт мне в руки кусок сукна и спрашивает: «Сеньор! Выйдет мне колпак из этого куска?» Я прикинул, говорю: «Выйдет». Тут, думается мне, он, наверно, подумал, и подумал неспроста, что я, конечно, хочу толику малую сукна у него украсть, — либо это он судил по себе, либо уж такая дурная слава идёт про портных, и вот он мне и говорит: погляди, мол, не выйдет ли двух колпаков. Я смекнул, что он обо мне подумал. «Выйдет», — говорю. Он же, утвердившись в первоначальной своей и оскорбительной для меня мысли, стал все прибавлять да прибавлять колпаки, а я все: «Выйдет» да «Выйдет», и, наконец, дошли мы до пяти. Нынче он за ними явился, я ему их выдал, а он отказывается платить за работу да ещё требует, чтобы я ему заплатил или же вернул сукно.

— Так ли всё это было, братец? — спросил Санчо.

— Да, сеньор, — подтвердил крестьянин, — но только велите ему, ваша милость, показать все пять колпаков, которые он мне сшил.

— С моим удовольствием, — молвил портной.

Нимало не медля, он высвободил из-под плаща руку, на каждом пальце которой было надето по колпачку, и сказал:

— Вот все пять колпачков, которые мне заказал этот человек, и больше у меня, клянусь Богом и совестью, ни клочка сукна не осталось, я готов представить мою работу на рассмотрение цеховых старшин.

Количество колпачков и необычность самой тяжбы насмешили всех присутствовавших, Санчо же, немного подумав, сказал:

— Я полагаю, что нам с этим делом долго задерживаться не приходится: решим его сей же час, как нам подсказывает здравый смысл. Вот каков будет мой приговор: портному за работу не платить ничего, крестьянину сукна не возвращать, колпачки пожертвовать заключённым, и дело с концом.

Если нижеследующий приговор по делу о кошельке скотовода вызвал у окружающих удивление, то этот приговор заставил их рассмеяться, однако же всё было сделано так, как распорядился губернатор. Засим к губернатору явились два старика; одному из них трость заменяла посох, другой же, совсем без посоха, повёл такую речь:

— Сеньор! Я дал взаймы этому человеку десять золотых — я хотел уважить покорнейшую его просьбу, с условием, однако ж, что он мне их возвратит по первому требованию. Время идёт, а я у него долга не требую: боюсь поставить его этим в ещё более затруднительное положение, нежели в каком он находился, когда у меня занимал; наконец вижу, что он и не собирается платить долг, ну и стал ему напоминать, а он мало того что не возвращает, но ещё и отпирается, говорит, будто никогда я ему этих десяти эскудо взаймы не давал, а если, дескать, и был такой случай, то он мне их давным-давно возвратил. У меня нет свидетелей ни займа, ни отдачи, да и не думал он отдавать мне долг. Нельзя ли, ваша милость, привести его к присяге, и вот если он и под присягой скажет, что отдал мне деньги, то я его прощу немедленно, вот здесь, перед лицом Господа Бога.

— Что ты на это скажешь, старикан с посохом? — спросил Санчо.

Старик же ему ответил так:

— Сеньор! Я признаю, что он дал мне взаймы эту сумму, — опустите жезл, ваша милость, пониже. И коли он полагается на мою клятву, то я клянусь в том, что воистину и вправду возвратил и уплатил ему долг.

Губернатор опустил жезл, после чего старик с посохом попросил другого старика подержать посох, пока он будет приносить присягу, как будто бы посох ему очень мешал, а затем положил руку на крест губернаторского жезла и объявил, что ему, точно,

ссудили десять эскудо, ныне с него взыскиваемые, но что он их передал заимодавцу из рук в руки, заимодавец же, мол, по ошибке несколько раз потом требовал с него долг. Тогда великий губернатор спросил заимодавца, что тот имеет возразить противной стороне, а заимодавец сказал, что должник, вне всякого сомнения, говорит правду, ибо он, заимодавец, почитает его за человека порядочного и за доброго христианина, что, по-видимому, он запомнил, когда и как тот возвратил ему десять эскудо, и что больше он их у него не потребует. Должник взял свой посох и, отвесив поклон, направился к выходу; тогда Санчо, видя, что должник, как ни в чём не бывало, удаляется, а истец покорно на это смотрит, опустил голову на грудь и, приставив указательный палец правой руки к бровям и переносице, погрузился в раздумье, но очень скоро поднял голову и велел вернуть старика с посохом, который уже успел выйти из судебной палаты. Старика привели, Санчо же, увидев его, сказал:

— Дай-ка мне, добрый человек, твой посох, он мне нужен.

— С великим удовольствием, — сказал старик, — нате, сеньор.

И он отдал ему посох. Санчо взял посох, передал его другому старику и сказал:

— Ступай с Богом, тебе заплачено.

— Как так, сеньор? — спросил старик. — Разве эта палка стоит десять золотых?

— Стоит, — отвечал губернатор, — а если не стоит, значит, глупее меня никого на свете нет. Сейчас вы увидите, гожусь я управлять целым королевством или не гожусь.

И тут он велел на глазах у всех сломать и расколоть трость. Как сказано, так и сделано, и внутри оказалось десять золотых; все пришли в изумление и признали губернатора за новоявленного Соломона. К Санчо обратились с вопросом, как он догадался, что десять эскудо спрятаны в этой палке. Санчо же ответил так: видя, что старик, коему надлежало принести присягу, дал подержать посох на время присяги истцу, а поклявшись, что воистину и вправду возвратил долг, снова взял посох, он, Санчо, заподозрил, что взыскиваемый долг находится внутри трости. Отсюда, мол, следствие, что сколько бы правители сами по себе ни были бестолковы, однако вершить суд помогает им, видно, никто как Бог; притом о подобном случае он, Санчо, слышал от своего священника, память же у него изрядная, и если б только он не имел привычки забывать как раз то, о чём ему подчас нужно бывает вспомнить, то другой такой памяти нельзя было бы сыскать на всём острове. Наконец старик устыжённый и старик удовлетворённый вышли из

судебной палаты, оставшиеся были изумлены, тот же, кому было поручено записывать слова, действия и движения Санчо, всё ещё не мог решить: признавать и почитать Санчо за дурака или же за умника. <...>

**Глава LXIV,
повествующая о приключении,
которое принесло Дон Кихоту больше горя, нежели все,
какие до сих пор у него были**

<...> Однажды утром Дон Кихот, облачённый во все свои доспехи, ибо он любил повторять, что его наряд — это его доспехи, а в лютой битве его покой, и оттого не расставался с ними ни на мгновение, выехал прогуляться по набережной и вдруг увидел, что навстречу ему едет рыцарь, вооружённый, как и он, с головы до ног, при этом на щите у него была нарисована сияющая луна; приблизившись на такое расстояние, откуда его должно было быть слышно, рыцарь возвысил голос и обратился к Дон Кихоту с такою речью:

— Преславный и неocenённый рыцарь Дон Кихот Ламанчский! Я тот самый Рыцарь Белой Луны, коего беспримерные деяния, уж верно, тебе памятны. Я намерен сразиться с тобою и испытать мощь твоих дланей¹, дабы ты признал и подтвердил, что моя госпожа, кто бы она ни была, бесконечно прекраснее твоей Дульсинеи Тобосской, и если ты открыто в этом признаешься, то себя самого избавишь от смерти, меня же — от труда умерщвлять тебя. Если же ты пожелаешь со мной биться и я тебя одолею, то в виде удовлетворения я потребую лишь, чтобы ты сложил оружие и, отказавшись от дальнейших поисков приключений, удалился и уединился в родное своё село сроком на один год и, не притрагиваясь к мечу, стал проводить свои дни в мирной тишине и благодетельном спокойствии, ибо того требуют приумножение достоинства твоего и спасение твоей души. Буде же ты меня одолеешь, то в сём случае ты волен отсечь мне голову, доспехи мои и конь достанутся тебе, слава же о моих подвигах прибавится к твоей славе. Итак, выбирай любую и с ответом не медли, потому что я намерен нынче же с этим делом покончить.

Дон Кихот был поражён и озадачен как дерзким тоном Рыцаря Белой Луны, так и причиною вызова, и он строго, впрочем сохраняя наружное спокойствие, ему ответил:

¹ Длань — здесь: рука.

— Рыцарь Белой Луны! О подвигах ваших я доселе не был слышан, и я готов поклясться, что вы никогда не видели сиятельнейшую Дульсинею Тобосскую; я уверен, что если б вы её видели, то воздержались бы от подобного вызова, ибо, улицезрев её, вы тот же час удостоверились бы, что не было и не может быть на свете красавицы, которая сравнялась бы с Дульсинеей. Поэтому я не стану говорить, что вы лжёте, а скажу, что вы заблуждаетесь, вызов же, который вы мне сделали, я на указанных вами условиях принимаю и предлагаю сразиться сей же час, не откладывая до другого дня. Единственно, на что я не могу согласиться, это чтобы слава о ваших подвигах перешла ко мне, ибо мне неизвестно, каковы они и что они собой представляют,— с меня довольно моих, каковы бы они ни были. Выбирайте же себе любое место на поле битвы, я выберу себе, а там что Господь даст.

В городе уже заметили Рыцаря Белой Луны и уведомили вице-короля¹ как о самом рыцаре, так и о том, что он вступил в разговор с Дон Кихотом Ламанчским. Вице-король, полагая, что это какое-нибудь новое приключение, подстроенное <...> кем-либо из барселонских дворян, вместе с доном Антоньо и множеством других кавальеро поспешил на набережную и прибыл туда как раз в ту минуту, когда Дон Кихот поворачивал Росинанта, чтобы взять разбег. Увидев, что всадники вот-вот налетят друг на друга, вице-король стал между ними и спросил, что за причина столь внезапной битвы. Рыцарь Белой Луны ответил, что спор у них зашёл о том, кто первая красавица в мире, и, вкратце повторив всё то, о чём он уже говорил Дон Кихоту, перечислил условия поединка, принятые обеими сторонами. Вице-король приблизился к дону Антоньо и тихо спросил, знает ли он, кто таков Рыцарь Белой Луны, и не намерен ли он подшутить над Дон Кихотом. Дон Антоньо ему ответил, что рыцаря он не знает и не знает также, в шутку или по-настоящему вызывает он Дон Кихота на поединок. Ответ дона Антоньо привёл вице-короля в замешательство, и он заколебался: позволить или воспретить единоборство; и все же он не мог допустить мысли, что это не шуточный поединок, а потому отъехал в сторону и сказал:

— Сеньоры кавальеро! Коль скоро у каждого из вас нет иного выхода, кроме как признать правоту своего противника или же умереть, между тем сеньор Дон Кихот продолжает стоять на своём, а ваша милость, Рыцарь Белой Луны, на своём, то начинайте с Богом.

¹ *Вице-король* — наместник испанского короля в Каталонии.

**О. Окампо. Дон Кихот
и Санчо Панса. 1970-е**

Рыцарь Белой Луны в изысканных и остроумных выражениях поблагодарил вице-короля за то, что он им позволил сразиться, и с такою же речью обратился к вице-королю Дон Кихот; затем, всецело отдавшись под покровительство сил небесных, а равно и под покровительство Дульсинеи (как это он имел обыкновение делать перед началом всякого боя), Дон Кихот снова взял небольшой разбег, ибо заметил, что его противник также берёт разгон, после чего без трубного звука и без какого-либо другого сигнала к бою рыцари одновременно поворотили коней и ринулись навстречу друг другу, но конь

Рыцаря Белой Луны оказался проворнее и успел пробежать две трети разделявшего их расстояния, и тут Рыцарь Белой Луны, не пуская в ход копьё (которое он, видимо, нарочно поднял вверх), с такой бешеной силой налетел на Дон Кихота, что тот вместе с Росинантом совершил рискованное падение. Рыцарь Белой Луны мгновенно очутился подле него и, приставив к его забралу копьё, молвил:

— Вы побеждены, рыцарь, и вы умрёте, если не пожелаете соблюсти условия нашего поединка.

Дон Кихот, ушибленный и оглушённый падением, не поднимая забрала, голосом слабым и глухим, как бы доносившимся из подземелья, произнёс:

— Дульсинея Тобосская — самая прекрасная женщина в мире, а я самый несчастный рыцарь на свете, но моё бессилие не должно поколебать эту истину. Вонзай же копьё своё, рыцарь, и отними у меня жизнь, ибо честь ты у меня уже отнял.

— Ни в коем случае, — объявил Рыцарь Белой Луны, — пусть всё так же идёт по миру слава о красоте сеньоры Дульсинеи Тобосской. Я удовольствуюсь тем, что досточтимый Дон Кихот удалится в своё имение на год, словом, впредь до особого моего распоряжения, о чём у нас было условлено перед началом схватки.

Всё это слышали вице-король, дон Антонио и многие другие, при сём присутствовавшие, и слышали они также ответ Дон Кихота, который объявил, что копьё скоро ничего оскорбительного для Дульсинеи с него не требуют, то он, будучи рыцарем добросовестным и честным, всё остальное готов исполнить. Выслушав это признание, Рыцарь Белой Луны поворотил коня и, поклонившись вице-королю, поскакал коротким галопом в город.

Глава LXXIV

о том, как Дон Кихот занемог, о составленном им завещании и о его кончине

Ничто на земле не вечно, всё с самого начала и до последнего мгновения клонится к закату, в особенности жизнь человеческая, а как небо не наделило жизнь Дон Кихота особым даром замедлять своё течение, то смерть его и кончина последовала совершенно для него неожиданно; может статься, он сильно затосковал после своего поражения, или уж так предуготовило и распорядилось небо, но только он заболел горячкой, продержавшей его шесть дней в постели, и всё это время его навещали друзья: священник, бакалавр и цирюльник, добрый же оруженосец Санчо Панса не отходил от его изголовья...

— Поздравьте меня, дорогие мои: я уже не Дон Кихот Ламанчский, а Алонсо Кихано, за свой нрав и обычай прозванный *Добрым*. Ныне я враг Амадиса Галльского и тьмы-тьмущей его потомков, ныне мне претят богомерзкие книги о странствующем рыцарстве, ныне я уразумел свое недомыслие, уразумел, сколь пагубно эти книги на меня повлияли, ныне я по милости Божией научен горьким опытом и предаю их проклятию. <...>

Священник попросил всех удалиться и, оставшись с Дон Кихотом наедине, исповедал его. Бакалавр пошёл за писарем и не в долгом времени возвратился вместе с ним и с Санчо Пансой; Санчо же ещё раньше узнал от бакалавра, в каком состоянии находится его господин, и теперь он, видя, что ключница и племянница плачут, искривил лицо и залился слезами. <...>

Мы не станем описывать, как плакали Санчо, племянница и ключница Дон Кихота, равно как не будем приводить новые эпитафии, ему посвящённые, за исключением лишь следующей, сочинённой Самсоном Карраско:

Под плитою сей замшелой
Спит идалго, до того
Телом мощный, духом смелый,
Что бессмертья не сумела
Даже смерть лишить его.
Он по всей стране скитался,
Всем посмешищем служил,
С мнением света не считался,
Но, хотя безумцем жил,
С жизнью, как мудрец, расстался.

(Перевод Н. М. Любимова)

С. Дали. Дон Кихот.
Литография. 1957

Обдумываем прочитанное, делимся впечатлениями

1. Что вы узнали о нраве и образе жизни главного героя романа Дон Кихота из I главы первой части? Расскажите, какое впечатление на вас произвело описание его внешности и то, как он выбирал имя себе, как обдумывал имя для коня, как определил для себя даму сердца.
2. Почему Дон Кихот решил стать странствующим рыцарем? Как проходила его подготовка к первому выезду? Как Сервантес объясняет желание Дон Кихота пуститься в путь без промедления? В чём проявляется насмешливое отношение автора к своему сумасбродному герою и его намерениям? Каким образом автор создаёт комичные ситуации во II главе первой части?
3. Как происходит посвящение Дон Кихота в рыцари? Какие качества характера главного героя проявляются в сцене посвящения? В чём вы видите комизм этой ситуации? Над кем вы больше смеётесь — над самим героем или людьми, которые его окружают? Кому сочувствуете?
4. Обратитесь к содержанию III главы первой части, которая повествует о первом выезде Дон Кихота. Расскажите подробно об истории с пастушкой. Как вы думаете, почему автор заканчивает историю Андреаса так печально? О чём вы подумали, когда узнали, как разрешилась ситуация?
5. Опираясь на содержание VII главы первой части, объясните, почему Дон Кихот в оруженосцы выбрал именно Санчо Пансу и почему бедный землепашец согласился на предложение своего хозяина. Какое впечатление произвёл на вас Санчо Панса?
6. Прочитав текст VIII главы первой части, обсудите в группе следующие вопросы.
 - Кем вам кажется Дон Кихот в описанных приключениях: сумасшедшим; ребёнком, играющим в рыцаря; фантазёром и выдумщиком или ещё кем-то? Почему?
 - Какие ситуации вам показались смешными?
 - Почему автор, на ваш взгляд, соединяет комическое и совсем не смешное, драматическое начало, рассказывая читателям эту историю?
 - Если бы вам пришлось нарисовать Дон Кихота в этой ситуации, как бы вы изобразили его? (Словесно или рисунком.)
7. Выскажите своё мнение о поведении Дон Кихота в отношении похоронной процессии (XIX глава первой части). Какие мысли и чувства вызвало у вас предложение Санчо Пансы называть Дон Кихота Рыцарем Печально Образа? Как это характеризует Санчо Пансу?

8. Прочитайте главы XXXI и XXXII второй части романа и охарактеризуйте поведение духовника герцога и Дон Кихота. Кто, на ваш взгляд, одерживает победу в этой словесной дуэли? На чьей стороне вы?
9. Опираясь на содержание XLII и XLIII глав второй части, расскажите о советах, которые дал Дон Кихот Санчо Пансе перед вступлением последнего на должность губернатора. Какие из них вы бы и сами приняли во внимание? Запишите в тетрадь несколько советов, которым, как вы считаете, необходимо следовать каждому человеку, тем более вступающему на государственную службу.
10. Подготовьте подробный пересказ содержания XLV главы второй части о том, как Санчо Панса вступил в должность губернатора острова и как он вершил суд. Дайте характеристику Санчо Пансе и определите, каких из советов Дон Кихота он твёрдо придерживается.
11. Прочитав текст LXIV и LXV глав второй части, обсудите в группе следующие вопросы.
 - Как вы думаете, в чём причина поединка Дон Кихота с Рыцарем Белой Луны?
 - Как вы оцениваете поведение рыцарей во время поединка? Каким образом проявляется благородство обоих?
 - Как бы вы определили состояние Дон Кихота после поединка?
 - Почему, по-вашему, автор приводит героя к поражению?
 - Если бы вам пришлось нарисовать Дон Кихота в этой ситуации, как бы вы изобразили его? (Словесно или рисунком.)
12. Прочитав текст LXXIV главы второй части, выполните задания и обсудите в группе следующие вопросы.
 - Подберите слова, выражающие ваши ощущения после прочтения данной сцены, и запишите их.
 - Как вы относитесь к отказу умирающего Дон Кихота от звания странствующего рыцаря и возвращению к своему исконному имени?
 - Почему автор приводит Дон Кихота к смерти?

Поразмышляем и поговорим о прочитанном

1. В первом мадридском издании книги М. де Сервантеса «Дон Кихот» была помещена карта странствий «хитроумного идадьго». Маршрут странствующего рыцаря графически удивителен: с виду никуда не ведущая, «мотающаяся» кривая, которая постепенно замыкается в петлю, возвращаясь к исходной точке. На карте изображено собственно три маршрута по количеству выездов рыцаря из дома и возвращений домой. Охарактеризуйте

каждый из маршрутов Дон Кихота и составьте их схему, возможно, используя контурную карту Испании.

- 1) Каким был первый маршрут Дон Кихота и что он успел тогда сделать?
 - 2) Почему Сервантес решил продолжить своё произведение, хотя есть предположения, что первыми шестью главами он поначалу думал ограничиться?
 - 3) В чём заключается особенность второго путешествия Дон Кихота? Насколько расширились границы второго маршрута?
 - 4) Почему, отправляя своих героев в третье путешествие, автор романа о Дон Кихоте заставляет их пройти не только по Ламанче, но почти по всей Испании?
2. Поразмышляйте, для чего человеку нужен друг. А для чего в литературных произведениях изображаются друзья главных героев? вспомните, например, Тома Сойера и Гекльберри Финна, Робинзона и Пятницу, Шерлока Холмса и доктора Ватсона. Зачем же Сервантесу понадобилось дать в спутники Дон Кихоту именно такого героя, как Санчо Панса? Что в характерах героев общее и что их различает?
3. Объединитесь в группы и, внимательно прочитав диалог Дон Кихота и Санчо Пансы о свободе, подготовьте его чтение по ролям и ответы на вопросы.

— Свобода, Санчо, есть одна из самых драгоценных щедрот, которые небо изливает на людей; с нею не могут сравниться никакие сокровища. <...> Ради свободы, так же точно, как и ради чести, можно и должно рисковать жизнью, и, напротив того, неволя есть величайшее из всех несчастий, какие только могут случиться с человеком. <...> Блажен тот, кому небо посылает кусок хлеба, за который он не обязан никого благодарить, кроме самого неба!

— А всё-таки, — отозвался Санчо, — что бы вы ни говорили, нехорошо это будет с нашей стороны, если мы не почувствуем благодарности за кошелек с двумя сотнями золотых, который преподнёс мне герцогский домоправитель; я его, вроде как успокаивающий пластырь, ношу возле самого сердца, — мало ли что может быть: ведь не всегда нам попадаются замки, где за нами ухаживают, случается заезжать и на постоянные дворы, где нас колотят...

- 1) Кто из собеседников больше похож на автора? Что роднит Дон Кихота с Сервантесом?
- 2) Что делает Санчо Пансу одной из ипостасей¹ автора?

¹ *Ипостась* — здесь: одна из форм проявления, воплощения кого-либо, чего-либо; одной из ипостасей — в качестве, в роли.

4. Рассмотрите иллюстрации художников разных эпох к роману М. де Сервантеса «Дон Кихот» (в тексте или подобранные самостоятельно), сравните их, постарайтесь почувствовать и понять различие в интерпретациях¹ образа Дон Кихота. Подготовьте небольшое высказывание по одной из них или по нескольким, используя следующие фразы: «Французский художник XIX века Гюстав Доре изображает Дон Кихота в самых известных сценах романа...», «На иллюстрации ... Доре Дон Кихот изображён безумным стариком, окружённым видениями из рыцарских романов...», «Многие художники обращались к сцене битвы Дон Кихота с ветряными мельницами, но у Гюстава Доре иллюстрация к этой сцене поражает...», «У французского художника XIX века Оноре Домье комическая внешность Дон Кихота лишь подчёркивает его духовное величие и подчёркивает трагичность судьбы искателя правды», «Художник-график XX века Савва Бродский, изображая Дон Кихота и Санчо Пансу, подчёркивает в их внешности ...», «Работы испанского художника XX века Сальвадора Дали отличаются красочностью и своеобразием...», «У Дали Дон Кихот — герой, который...», «Образ, созданный иллюстрацией современного мексиканского художника Октавио Окампо, поражает своей необычностью, объёмностью и многомерностью. В нём мы видим слияние образов Дон Кихота, Санчо и даже самого Сервантеса...»

Работаем творчески

- ◆ Прочитайте высказывания известных людей о Дон Кихоте в цитатной подсказке, выберите наиболее понравившуюся вам цитату и, опираясь на неё, напишите сочинение-рассуждение на одну из предложенных тем:
- «Вылиняли ли от времени сердце Дон Кихота и смекалка Санчо Пансы?»;
 - «Каждый ли человек может быть немножко Дон Кихотом?»;
 - «Что случится, если переведутся такие люди, как Дон Кихот?»;
 - «Что же выражает собой Дон Кихот?».

Цитатная подсказка

1. Декорации устарели, костюмы вышли из моды, нравы изменились. Но сердце Дон Кихота и смекалка простодушного Санчо Пансы не вылиняли от времени (*И. Г. Эренбург*).

¹ *Интерпретация* (лат. *interpretatio* — разъяснение, истолкование) — творческое раскрытие образа или темы произведения, основанное на собственном ощущении автора; трактовка.

2. Каждый человек есть немножко Дон Кихот, но более всего бывают Дон Кихотами люди с пламенным воображением, любящею душою, благородным сердцем, даже сильною волею и с умом... (В. Г. Белинский)
3. Когда переведутся такие люди, как Дон Кихот, пускай закроется навсегда книга истории: в ней нечего будет читать (И. С. Тургенев).
4. Что выражает собой Дон Кихот? — Веру, прежде всего; веру в нечто вечное, незабываемое, в истину (И. С. Тургенев).

Вам, любознательные!

Интерпретация образа Дон Кихота в поэзии и других видах искусства

- ◆ Прочитайте представленные в этой рубрике стихи русского, английского и украинского поэтов о Дон Кихоте. Сравните изображение Дон Кихота в них и в романе М. де Сервантеса, сделайте выводы о восприятии этого образа представителями разных литератур.
- ◆ Обратитесь к интерпретации романа М. де Сервантеса «Дон Кихот» в других видах искусства, воспользовавшись списком произведений в рубрике «Взаимодействие искусств».

Дон Кіхот

В уламках од зброї з іржавим мечем
Він гордою їде ходою,
І погляд у нього сіяє вогнем,
І серце аж рветься до бою.
Меча не пускає він з лицарських рук
І страху ніколи не знає,
Життя його — низка і горя, і мук,
Та іншого він не бажає.
На діло лицарське себе він оддав —
Ставать за малих, в обороні,
І де він неправду і зло зустрічав,
Там сміло він брався до броні.
Що нині не те, як колись, він не знав,
У дивні закоханий мрії,
І давні страшила по світу шукав,
Дракони, і велетні, й змії.
Не відав, що тії страшила в наш час
Вже нашу придбали подобу.

І в сыйві злота і пишних окрас
Мордують людей, мов худобу...
(Б. Д. Грінченко)

* * *

...Всего грустнее в грустной сей истории,
Что мы смеемся, а герой ведь прав,
Провозглашая славные теории
Борьбы с насильем и защиты прав.

Но мир его относит к категории
Безумцев, ничего не разобрал;
Весьма печальный вывод получился
Для тех, кто размышлять не разучился.

Святая месть, преследованье зла.
Защита слабых, сирых, оскорблённых,
Неукротимой доблести дела,
Туземцев избавленье угнетённых.

Ужель насмешка дерзкая могла
Коснуться этих истин просветлённых?
Где идеала нравственный оплот?
Тогда Сократ ведь тоже Дон Кихот!
(Дж. Г. Н. Байрон,
перевод Т. Г. Гнедич)

Обращаемся к интернету

Сайты, посвящённые М. де Сервантесу

- <http://itmydream.com> (Сайт «ItMyDream» «Мигель де Сервантес Сааведра. Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский»)
- <http://ruspain.net> (Сайт Института Сервантеса — Instituto Cervantes)
- <http://letter.com.ua> (Сайт «Биографии известных людей»)
- <http://www.sky-art.com> (Сайт «Небесное искусство»)

Взаимодействие искусств

Музыка. Л. Минкус. Балет «Дон Кихот»; Ж. Массне. Опера «Дон Кихот».

Театр, кино, мультипликация. Фильм-балет «Дон Кихот» (реж. Б. Лардж, М. Барышников, США, 1984); художественный фильм «Дон Кихот» (реж. Г. М. Козинцев, СССР, 1957); мультипликационный фильм «Дон Кихот» (реж. Х. Позо, Италия—Испания, 2007) и др.

Бросим мышку, возьмём книжку

- ◆ Прочитайте книги, рекомендованные для внеклассного и семейного чтения, оформите дневник читателя.
 - Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (отрывки).
 - К. Марло «Доктор Фауст».

Тренируем память, развиваем мышление

- ◆ Организуйте игру «Литературное лото». Сделайте несколько заготовок карт с характеристиками, относящимися к Дон Кихоту или Санчо Пансе, и карточки с их именами по количеству заготовок. Один участник игры зачитывает характеристики героев вразброс, остальные закрывают их карточками с именами. Выигрывает тот, кто правильно закрыл все ячейки. Выигравшими могут быть несколько участников.

Чрезмерная подвижность, энергичность	Практицизм, в основе которого лежит народная мудрость	Обжорство, страсти ко сну, лень	Мечтательность вследствие книжной мудрости
Бескорыстие, щедрость	Маленький, толстый	Человеческое достоинство	Антипатия ко сну, приёму пищи и т. п.
Худой, высокий	Восприятие мира сквозь призму рыцарской идеи	Здоровая крестьянская рассудительность	Весёлый характер, смешливость
Уважение к женщине	Необразованность	Красноречие	Простая крестьянская речь

Раздел III Разнообразие жанров в русской литературе XIX столетия

До безумной гордости волнует не только обилие талантов, рождённых Россией в XIX веке, но и поражающее разнообразие их.

Максим Горький

П. П. Кончаловский. Пушкин в Михайловском

XIX столетие (1801–1900)

Александр
Сергеевич
Пушкин
(1799–1837)

Наполеоновские
войны
(1803–1815)

Николай
Васильевич
Гоголь
(1809–1852)

Открытие первого
университета
в Харькове
(1805)

Михаил
Юрьевич
Лермонтов
(1814–1841)

Отечественная
война в России
(1812)

Иван
Сергеевич
Тургенев
(1818–1883)

Формирование новой
украинской
литературы.
Иван Петрович
Котляревский
(1769–1838)

Михаил
Евграфович
Салтыков-
Щедрин
(1826–1889)

Восстание
декабристов
(1825)

Лев
Николаевич
Толстой
(1828–1910)

Деятельность
Кирило-Мефодиевского
братства.
Николай Иванович
Костомаров
(1817-1885)

◆ Проследите, какие события происходили в мире и в Украине.

Александр Сергеевич Пушкин 1799–1837

«Пушкин — певец свободы»¹

Произведения Пушкина мы читаем с такой живостью и интересом, как будто они теперь были написаны. Ничего не устарело в языке, в течении речи, в душевном отношении автора к людям, вещам, общественным отношениям. Это — чудо. Пушкин нисколько не состарился.

В. В. Розанов

**В. А. Тропинин. Портрет
А. С. Пушкина. 1827**

Александр Сергеевич Пушкин — какое знакомое и родное имя! Имя, которое ассоциируется прежде всего с понятием свободы, веселья, оптимизма. Выражая чувства всех читателей и почитателей таланта Пушкина, «солнца русской поэзии», как назвал его Владимир Фёдорович Одоевский, другой великий русский поэт Александр Александрович Блок писал: «Наша память хранит с малолетства весёлое имя: Пушкин. Это имя, этот звук наполняет собою многие дни нашей жизни. ...Это лёгкое имя: Пушкин».

На долю этого самого вольнолюбивого поэта, самозабвенно воспевавшего свободу, выпало немало горьких минут в ссылке, вдали от друзей, единомышленников, родных. Это были две ссылки, в которые его отправило царское правительство, не желавшее распространения произведений непокорного гения. Первая — южная ссылка и вторая — ссылка в Михайловское, последовавшая сразу вслед за первой.

В период южной ссылки литературная слава Пушкина постоянно росла. Каждое новое произведение вызывало живейший отклик. По всей стране ходили его запретные «вольные стихи». Царь Александр I и его окружение всё настороженнее следили за ним. В дружеском стихотворном послании «К Языкову» Пушкин пишет:

¹ А. Т. Твардовский (1910–1971) — русский советский поэт, общественный деятель.

Но злобно мной играет счастье:
Давно без крова я ношусь,
Куда подует самовластье;
Уснув, не знаю, где проснусь.
Всегда гоним, теперь в изгнание,
Влачу закованные дни...

В июне 1824 года Пушкина с юга, из Одессы, по непосредственному распоряжению царя, ссылают в Новоржевский уезд Псковской губернии, в имение его матери — вотчину Ганнибалов село Михайловское. «В присутствии

Дом-музей А. С. Пушкина.
Михайловское

псковского губернатора коллежский секретарь Александр Пушкин дал подписку о том, что он обязуется жить безотлучно в поместье родителя своего, вести себя благонравно, не заниматься никакими неприличными сочинениями и суждениями, предосудительными и вредными общественной жизни, и не распространять оных никуда».

Над поэтом был установлен двойной надзор: со стороны церковной власти за ним должен был следить настоятель Святогорского монастыря, со стороны светской — отец поэта Сергей Львович.

Михайловское особо дорого памятью о Пушкине. Здесь до сих пор всё связано с ним. Вопреки заточенью, о котором сам поэт говорил: «В глуши, во мраке заточенья», — наступает пора расцвета его духовных и творческих сил. В эти годы Пушкин написал свыше ста лирических стихотворений, множество политических эпитграмм, историческую драму «Борис Годунов», «деревенские» главы романа в стихах «Евгений Онегин». Здесь поэт после долгих лет разлуки встретился со своими лицейскими друзьями Дельвигом и Пуцциным, здесь познакомился с Анной Петровной Керн, которой посвятил одно из лучших лирических стихотворений — «Я помню чудное мгновенье...», здесь, как в детстве,

Домик няни А. С. Пушкина.
Михайловское

**Кабинет А. С. Пушкина.
Михайловское**

рядом с ним была его любимая няня — Арина Родионовна. Тема дружбы в поэзии Пушкина достигает новой глубины, пополняется вольнолюбивая лирика, вся поэзия становится удивительно проникновенной.

В летнюю пору Пушкин просыпался рано и, сойдя с балкона своего дома, по старым деревянным ступеням спускался с холма к неширокой, прозрач-

ной, студёной реке Сороти. Быстро доплывал до другого берега и возвращался. На завтрак Арина Родионовна приносила в кабинет кофе и простую деревенскую еду — яйца всмятку, масло, чёрный хлеб, печёный картофель, который поэт особенно любил.

Зимой принимал ледяную ванну. Всё утро и день посвящал литературным занятиям. Обедал поздно. Нередко, прервав занятия, на коне или пешком совершал далёкие прогулки. А в долгие зимние вечера единственным развлечением служили книги да сказки и песни няни. «Вечером слушаю сказки, — писал он брату, — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!»

Однако рядом с внешне неприглядным, тоскливым существованием в глуши для Пушкина шла другая жизнь — напряжённая, творческая. Она укрепляла силы, бодрила, давала удовлетворение и радость. Пушкин об этом времени говорил: «Поэзия спасла меня, и я воскрес душой». Кроме того, в своём михайловском заточении, как и в период южной ссылки, Пушкин жил напряжённой интеллектуальной жизнью передового человека того времени.

Недалеко от Михайловского, в селе Тригорском, жила помещица П. А. Осипова со своими дочерьми. Пушкин почти ежедневно бывал в Тригорском. Девушки бросали работу, фортепьяно, книжки, бежали навстречу поэту, и начинались весёлые игры, забавные рассказы. Он пишет девушкам альбомные стихи, иногда полшутливые любовные признанья.

Но ссылка Пушкина тяготила, в его жизни было мало светлых дней. В январский день

Усадьба Осиповых. Тригорское

Н. Н. Ге. Пушкин в гостях
у Пушкина в Михайловском. 1893

1825 года кибитка Пущина, прыгая на ухабах, подъехала к Михайловскому. На крыльце Пущин увидел Пушкина, босого, в одной рубашке, со вскинутыми вверх руками. Пущин схватил поэта в охапку и втащил в комнату. «Смотрим друг на друга, целуемся, молчим».

Друзья, не видевшиеся пять лет, не могли наговориться. Пушкин рассказывал другу об Одессе, о своей деревенской

жизни, о литературных занятиях. Затем прочёл отрывки из своих сочинений. Поэт живо интересовался, что о нём говорят в обществе. «На это я ему ответил, — вспоминал Пущин, — что читающая наша публика благодарит его за всякий литературный подарок, что стихи его приобрели народность по всей России».

Настала ночь. Ямщик подал лошадей. Было три часа ночи. Пушкин стоял со свечкой на крыльце. Сани тронулись. «Прощай, друг!» — услышал Пущин. Больше им никогда не пришлось свидеться. Вскорости Пущин был сослан на долгие годы по делу декабристов.

В декабре 1825 года вышла в свет книга «Стихотворения Александра Пушкина». Пессимизм, отчаяние ему были чужды, и Пушкин создаёт знаменитую «Вакхическую¹ песню» — гимн любви, радости, поэзии, разуму, в которой есть такие строки:

Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

В конце декабря 1825 года до Пушкина дошла весть о восстании декабристов против царя Николая I в Петербурге. Поэт уничтожает свои записки, которые могли бы, если б их обнаружили, дать правительству дополнительный обвинительный материал

¹ *Вакхический* — относящийся к культуре бога вина и веселья Вакха; связанный с безудержным весельем. *Вакхические песни* — воспевающие веселье, земные радости, любовь.

о многих друзьях. В. А. Жуковский писал поэту в апреле 1826 года: «В бумагах каждого из действовавших [то есть декабристов] находятся стихи твои».

В июле 1826 года по приговору Верховного уголовного суда были повешены пять декабристов: К. Ф. Рылеев, П. И. Пестель, П. Г. Каховский, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин. Со всеми Пушкин был знаком. Сохранился рисунок поэта: виселица, пять повешенных фигур и начало фразы: «И я бы мог...».

В сентябре 1826 года молодой император Николай I приказал Пушкину приехать в Москву «в своём экипаже свободно... не в виде арестанта». Михайловская ссылка А. С. Пушкина закончилась, он перестал быть ссылкой, но свободы для него по-прежнему не было: цензором его произведений стал сам царь, который больше не отпускал поэта от себя. Единственное, что разрешалось «свободному» Пушкину, — время от времени брать отпуск для поездки в деревню.

Пушкин посещал Михайловское трижды. Весной и осенью 1835 года он провёл в деревне по нескольку дней в надежде поработать. Но работать не мог — одолевали тревоги, заботы. А ранней весной 1836 года Пушкин привёз в Святогорский монастырь тело своей матери, чтобы похоронить на родовом кладбище Ганнибалов. После похорон матери Пушкин недолго задержался в деревне, перед отъездом поэт купил в Святогорском монастыре, рядом с могилой матери, место для себя.

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.

Не прошло и года, как на этом месте похоронили и А. С. Пушкина.

Могила А. С. Пушкина.
Святогорский монастырь

Вопросы и задания

1. Что нового вы узнали об А. С. Пушкине из статьи о его пребывании в Михайловском? Изменилось ли ваше представление о Пушкине как поэте и человеке после её прочтения? Самостоятельно подберите дополнительный материал об этом периоде биографии поэта, оформите его в виде реферата или электронной презентации, представьте его одноклассникам.

2. Подготовьте выразительное чтение ваших любимых стихотворений А. С. Пушкина или отрывков из его произведений, расскажите, чем они вас привлекают.
3. Рассмотрите портреты А. С. Пушкина работы художников В. А. Тропинина, О. А. Кипренского и Н. И. Уткина и сопоставьте их с воспоминаниями современников поэта о нём. Каким предстаёт перед вами Пушкин? Что подчеркнули художники в его внешности? Какой портрет вам нравится больше и почему?

О. А. Кипренский.
Портрет А. С. Пушкина.
1827

Цитатная подсказка

«С первого взгляда наружность его казалась невзрачною. Среднего роста, худощавый, с мелкими чертами смуглого лица. Только когда взглядишься пристально в глаза, увидишь задумчивую глубину и какое-то благородство в этих глазах, которых потом не забудешь. В позе, в жестах, сопровождающих его речь, была сдержанность светского благовоспитанного человека. Лучше всего, по-моему, напоминает его гравюра Уткина с портрета Кипренского... У него было небольшое лицо

Н. И. Уткин. Портрет
А. С. Пушкина. Гравюра

и прекрасная, пропорциональная лицу голова, с негустыми кудрявыми волосами» (*Иван Александрович Гончаров, писатель*).

«Как теперь вижу его, живого, простого в обращении... очень подвижного... с великолепными большими, чистыми и ясными глазами, в которых, казалось, отражалось всё прекрасное в природе, с белыми, блестящими зубами, о которых он очень заботился... Он вовсе не был смугл, ни черноволос, как утверждают некоторые, а был вполне белокож с вьющимися волосами каштанового цвета... Черты лица у него были приятные, и общее выражение очень симпатичное. Его портрет, работы Кипренского, похож безукоризненно» (*Михаил Владимирович Юзефович, друг Льва Пушкина, археолог*).

«Пушкин был невысоок ростом, шатен¹, с сильно вьющимися волосами, с голубыми глазами необыкновенной привлекательности... Это были особые, поэтические, задушевные глаза, в которых отражалась вся бездна дум и ощущений, переживаемых душою великого поэта. Других таких глаз я во всю мою долгую жизнь ни у кого не видела» (*Вера Александровна Нащокина, жена друга А. С. Пушкина*).

Узнаём о тайнах художественного слова

О лирике и лирическом герое

Лирика — один из основных родов литературы наряду с драмой и эпосом. Название рода происходит от греческого слова *lyrikos* — произносимый под звуки лиры (струнного музыкального инструмента), музыкальный, волнующий. В лирике воплощаются самые глубокие, задушевные переживания личности, вызывающие у читателя обязательное чувство сопереживания, выражаемые чаще всего в стихотворной форме. Лирика отражает жизнь при помощи изображения определённых состояний, мыслей, чувств, впечатлений и переживаний человека, вызванных теми или иными обстоятельствами. В центре художественного внимания лирического произведения находится образ-переживание лирического героя, собственное «я» поэта. Лирический герой не является полным отражением автора, хотя может быть ему очень близким.

Обратимся к виртуальному словарю

Лирика (греч. *lyrikos*) — это один из основных родов литературы, отражающий жизнь при помощи изображения отдельных состояний, мыслей, чувств, впечатлений и переживаний человека, вызванных теми или иными обстоятельствами.

Лирический герой — персонаж лирического произведения, одна из форм проявления сознания автора, образ поэта, выражающий его мысли и чувства, но не равный его реальной личности.

Характерные особенности лирики — стихотворная форма, ритмичность, отсутствие сюжета, небольшой размер, ясное отражение переживаний лирического героя.

В лирических произведениях часто используются описания природы, вещей, интерьера, которые служат средством раскрытия

¹ *Шатён* — человек с тёмно-руссыми волосами.

внутреннего мира человека, много средств художественной выразительности: эпитетов, метафор, сравнений.

К лирике относятся стихотворение, сонет, ода, романс, элегия, послание.

Обратимся к виртуальному словарю

Послание (греч. *epistole*) — литературный жанр в поэзии и публицистике; стихотворное произведение, написанное в форме письма или обращения к какому-нибудь лицу (лицам).

Изучая лирику А. С. Пушкина, вы изучали стихотворения поэта, в этом году вы познакомитесь с жанром стихотворения-послания — произведением, написанным в форме письма или обращения. Послание — самый любимый жанр Пушкина начиная с лицейского периода. Известны многочисленные послания поэта к учителям, другим поэтам, друзьям. В обращениях к друзьям («Товарищам», «В альбом Пушину», «Кюхельбекеру») очень часто звучит тема Лицея, которая встречается и в более поздних стихотворениях поэта.

Жанру послания Пушкин придаёт особое значение, поскольку здесь меньше всего действуют литературные влияния и традиции и можно быть совершенно свободным в выборе языковых средств. В жанре послания Пушкин, как всегда, шёл собственным путём. Послание у Пушкина не только свободный жанр, но и наиболее лирический: оно полно искренних признаний, признаний души.

Вопросы и задания

1. Дайте определение лирики как литературного рода, назовите её характерные признаки, перечислите известные вам лирические жанры.
2. Расскажите о послании как лирическом жанре. Почему для А. С. Пушкина жанр послания был самым любимым?

Пришло время читать

И. И. Пушину

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,

Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Молю святое провиденье¹:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье!
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!
(1826)

Ф. Берне.
И. И. Пущин. 1817

Во глубине сибирских руд

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придёт желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.
(1827)

Вам, любознательные!

Ответ на послание Пушкина

Стихотворение «Во глубине сибирских руд...» распространилось в списках. А. С. Пушкин передал его А. Г. Муравьевой, отъезжавшей из Москвы к мужу-декабристу на каторгу в начале января 1827 года.

Известен стихотворный ответ А. И. Одоевского на послание А. С. Пушкина:

¹ *Провиденье* — высшая божественная сила, судьба.

Струн вещей пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.

Но будь спокоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
В душе смеёмся над царями.

Наш скорбный труд не пропадёт:
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберётся под святое знамя.

Мечи скуём мы из цепей
И вновь зажжём огонь свободы,
И с нею грянем на царей.
И радостно вздохнут народы.

19 октября¹

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружных гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог позвать от сердца руку
И пожелать весёлых много лет.

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

¹ 19 октября — день основания Царскосельского лицея, постоянно отмечавшийся лицеистами первого выпуска.

А. М. Горчаков

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных выюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнания день печальный,
Ты в день его лица превратил.

Ты, Горчаков¹, счастливцев с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Всё тот же ты для чести и друзей.

Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай просёлочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурю главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришёл, сын лени вдохновенный,
О Дельви² мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм³, не то ль
и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;

А. А. Дельви²

¹ А. М. Горчаков встретился с А. С. Пушкиным у своего дяди в имении Лямоново, недалеко от Михайловского, летом 1825 года.

² А. А. Дельви² — поэт, критик, журналист, гостил у А. С. Пушкина в Михайловском в апреле 1825 года.

³ В. К. Кюхельбекер — поэт, писатель и общественный деятель.

В. К. Кюхельбекер

Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!
О сколько слёз и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!

Пируйте же, пока ещё мы тут!
Увы, наш круг час от часу редеет;
Кто в гробе спит, кто, дальный, сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день лица
Торжествовать придётся одному?

Несчастный друг!¹ среди новых поколений
Докучный гость и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...
Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведёт,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провёл без горя и забот.

Обдумываем прочитанное, делимся впечатлениями

1. Какие картины возникали в вашем воображении, когда вы читали стихотворение А. С. Пушкина «И. И. Пущину»? Каковы ваши впечатления от его первого чтения?
2. Внимательно перечитав первую строфу стихотворения «И. И. Пущину», определите, благодаря каким художественным средствам передаёт поэт отношение к своему другу. Как он рисует своё собственное состояние поэта-невольника? Подумайте, на какие слова следует поставить логическое ударение при чтении этой строфы?
3. Перечитав вторую строфу, скажите, как изменились жизненные обстоятельства каждого из друзей. О чём вынужден молить провиденье Пушкин? На что он надеется? Раскройте смысл метафоры «лучом лицейских ясных дней». Установите, какие слова соединяют первую и вторую строфы. С каким настроением нужно читать вторую строфу?

¹ Пережил всех товарищей по выпуску А. М. Горчаков, умерший в возрасте 84 лет.

4. Приведите доказательства того, что жанр стихотворения «И. И. Пущину» — дружеское послание.
5. Подготовьте выразительное чтение стихотворения «И. И. Пущину», по желанию выучите наизусть.
6. О чём вы думали и что чувствовали, когда читали стихотворение А. С. Пушкина «Во глубине сибирских руд...»? Поняли ли вы, что жанр этого стихотворения — тоже послание? Какие слова свидетельствуют об этом? В чём отличие этого послания от послания И. И. Пущину?
7. Как вы себе представляете край изгнанников: «сибирские руды», «мрачное подземелье» и «каторжные норы», «оковы», «темницы»?
8. Что противопоставляется изображению темниц? Какие чувства помогут невольникам перенести тяготы заключения?
9. Раскройте роль эпитетов «гордое терпенье», «скорбный труд», «высокое стремленье». Какое переносное значение имеют слова *оковы*, *темницы*? С какой целью поэт заменяет слово *шпага*, личное оружие офицеров, которое у них отобрали при разжаловании, на слово *меч*? Какова роль в стихотворении слов, которые употребляют чаще всего в высоком стиле: *любовь*, *дружество*, *глас*, *падут*?
10. Каким предстаёт лирический герой стихотворения «Во глубине сибирских руд...»? Что общего он имеет с самим поэтом?
11. Какова, по вашему мнению, идея стихотворения «Во глубине сибирских руд...» и каково его главное настроение?
12. Подготовьте выразительное чтение стихотворения «Во глубине сибирских руд...», по желанию выучите наизусть.
13. Лицей навсегда остался в памяти Пушкина как колыбель вольномыслия и свободолюбия, как «лицейская республика», сплотившая лицеистов в «святое братство». Выпускники Лицея постановили ежегодно собираться 19 октября, в день его торжественного открытия в 1811 году. В годы, когда А. С. Пушкин был в ссылке и не мог в день годовщины быть вместе с товарищами, он присылал собравшимся своё приветствие. Не стал исключением и 1825 год: поэт обращается к лицейским друзьям с большим посланием — стихотворением «19 октября». Какие чувства вы испытывали при его чтении? Что вы узнали о товарищах Пушкина? Что нового открыли для себя в личности поэта?
14. Определите идею стихотворения «19 октября», выделите в нём смысловые части, составьте и запишите цитатный план к нему.
15. В стихотворении «19 октября» есть строки, которые стали афоризмами: «Печален я: со мною друга нет», «Друзья мои!

Прекрасен наш союз», «Служенье муз не терпит суеты; прекрасное должно быть величаво». Выберите один из этих афоризмов и раскройте его смысл в небольшом сочинении-эссе¹.

Узнаём о тайнах художественного слова

Из истории создания повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка»

Повесть «Капитанская дочка», опубликованная в 1836 году, за месяц до гибели А. С. Пушкина, — последнее произведение писателя. Путь к нему Пушкин начал с того момента, когда заинтересовался историей самого крупного события эпохи императрицы Екатерины II — крестьянского бунта под предводительством Емельяна Пугачёва 1773–1774 годов. Ещё находясь в ссылке в Михайловском, Пушкин просит брата Льва Сергеевича прислать ему биографию Пугачёва, а с середины 1832 года царём А. С. Пушкину была предоставлена возможность ознакомиться с секретными материалами о восстании и действиях властей по его подавлению в семейных архивах и частных собраниях. В его «Архивных тетрадях» сохранились копии именных указов и писем Пугачёва, выписки из донесений о боевых действиях с отрядами Пугачёва. Так неожиданно для себя и своих читателей А. С. Пушкин становится первым исследователем событий крестьянской войны, а её вождь и вдохновитель оказывается в центре литературных и научно-исследовательских интересов Пушкина.

В 1833 году Пушкин совершает поездку в те места Поволжья и Приуралья, где происходило восстание, чтобы встретиться с очевидцами событий. Он посещает Казань, Симбирск, Оренбург, Уральск, Бердскую слободу, беседует с современниками и свидетелями восстания, записывает рассказы и песни о его предводителе.

Обратимся к виртуальному словарю

Повесть — эпический жанр, художественное повествовательное произведение, по характеру построения сходное с романом, но меньше по объёму.

¹ Эссе́ (фр. *essai* — попытка, проба, очерк) — литературный жанр, прозаическое сочинение небольшого объёма и свободной композиции, которое выражает индивидуальные впечатления и мысли автора по конкретному поводу или предмету.

Из материалов о бунте сложилась «История Пугачёва», по требованию царя названная позже «Историей Пугачёвского бунта». В ней Пушкин писал: «Уральские казаки (особливо стары люди) доньне привязаны к памяти Пугачёва. “Трех сказать,— говорила мне 80-летняя казачка,— на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал”.— “Расскажи мне,— говорил я Д. Пьянову,— как Пугачёв был у тебя посажёным отцом¹”.— “Он для тебя Пугачёв,— отвечал мне сердито старик,— а для меня он был великий государь Пётр Фёдорович²”».

Когда исторический материал был собран и освоен, Пушкин обратился к работе над давно задуманной повестью о дворянах, попавших в круговорот крестьянского восстания, и о его предводителе — Пугачёве. Назвал писатель своё произведение «Капитанская дочка». Почему повесть названа в честь героини, вы узнаете, прочитав это произведение.

Пришло время читать

Капитанская дочка (Избранные главы)

Береги честь смолоду.
Пословица

Глава I Сержант гвардии³

— Был бы гвардии он завтра ж капитан.
— Того не надобно; пусть в армии послужит.
— Изрядно сказано! поужай его потужит...
.....
Да кто его отец?

Княжнин⁴

¹ *Посажённый отец* — заменяющий родителей жениха или невесты при свадебном обряде.

² Пугачёв объявил себя царём Петром III, который был убит во время дворцового переворота в 1762 году.

³ *Гвардия* — специальные отборные войска. Первые гвардейские полки (Семёновский, Преображенский) появились в России при Петре I. Пользовались преимуществами в сравнении с остальным составом армии.

⁴ *Я. Б. Княжнин (1742–1791)* — русский писатель, драматург.

Отец мой, Андрей Петрович Гринёв, в молодости своей служил при графе Минихе¹ и вышел в отставку премьер-майором² в 17... году. С тех пор жил он в своей Симбирской деревне, где и женился на девице Авдотье Васильевне Ю., дочери бедного тамошнего дворянина. Нас было девять человек детей. Все мои братья и сёстры умерли во младенчестве.

Матушка была ещё мною брюхата, как уже я был записан в Семёновский полк сержантом³, по милости майора гвардии князя Б., близкого нашего родственника. Если б паче всякого чаяния матушка родила дочь, то батюшка объявил бы куда следовало о смерти неявившегося сержанта, и дело тем бы и кончилось. Я считался в отпуску до окончания наук. В то время воспитывались мы не по-нонешнему. С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному⁴ Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки⁵. Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля. В это время батюшка нанял для меня француза, мосье Бопре, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом вина и прованского масла. Приезд его сильно не понравился Савельичу. «Слава Богу, — ворчал он про себя, — кажется, дитя умыт, причёсан, накормлен. Куда как нужно тратить лишние деньги и нанимать мусье, как будто и своих людей не стало!»

Бопре в отечестве своём был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию <...> Он был добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности <...> Мы тотчас поладили, и хотя по контракту обязан он был учить меня *по-французски, по-немецки и всем наукам*, но он предпочёл наскоро выучиться от меня кое-как болтать по-русски, — и потом каждый из нас занимался уже своим делом. Мы жили душа в душу. Другого ментора я и не желал. Но вскоре судьба нас разлучила, и вот по какому случаю.

<...> Батюшка пошёл в мою комнату. В это время Бопре спал на кровати сном невинности. Я был занят делом. Надобно знать, что для меня выписана была из Москвы географическая карта. Она висела на стене безо всякого употребления и давно соблазняла

¹ Б. Х. Миних (1683–1767) — военачальник и политический деятель, командовал русскими войсками в войне с Турцией в 1735–1739 годах.

² Премьер-майор — старинный офицерский чин (приблизительно соответствует должности командира батальона).

³ В XVIII веке дворянские дети с малых лет приписывались к какому-либо полку. Пока они росли, их повышали в чинах.

⁴ Стремянной — слуга, сопровождавший барина во время псовой охоты.

⁵ Дядька — слуга, приставленный к мальчику в дворянской семье.

меня шириною и добротой бумаги. Я решился сделать из неё змей и, пользуясь сном Бопре, принялся за работу. Батюшка вошёл в то самое время, как я прилаживал мочальный хвост к Мысу Доброй Надежды. Увидя мои упражнения в географии, батюшка дёрнул меня за ухо, потом подбежал к Бопре, разбудил его очень неосторожно и стал осыпать укоризнами. Бопре в смятении хотел было привстать и не мог: несчастный француз был мёртво пьян. Семь бед, один ответ. Батюшка за ворот приподнял его с кровати, вытолкал из дверей и в тот же день прогнал со двора, к неописанной радости Савельича. Тем и кончилось моё воспитание.

Я жил недорослем, гоняя голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками. Между тем минуло мне шестнадцать лет. Тут судьба моя переменялась.

Однажды осенью матушка варила в гостиной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрел на кипучие пенки. Батюшка у окна читал Придворный календарь¹, ежегодно им получаемый. Эта книга имела всегда сильное на него влияние: никогда не перечитывал он её без особенного участия, и чтение это производило в нём всегда удивительное волнение жёлчи. Матушка, зная наизусть все его свычай и обычай, всегда старалась засунуть несчастную книгу как можно подальше, и таким образом Придворный календарь не попадался ему на глаза иногда по целым месяцам. Зато, когда он случайно его находил, то, бывало, по целым часам не выпускал уж из своих рук. Итак, батюшка читал Придворный календарь, изредка пожимая плечами и повторяя вполголоса: «Генерал-поручик!.. Он у меня в роте был сержантом!.. Обоих российских орденных кавалер!.. А давно ли мы...». Наконец батюшка швырнул календарь на диван и погрузился в задумчивость, не предвещавшую ничего доброго.

Вдруг он обратился к матушке: «Авдотья Васильевна, а сколько лет Петруше?»

— Да вот пошёл семнадцатый годок, — отвечала матушка. — Петруша родился в тот самый год, как окривела тетушка Настасья Герасимовна, и когда ещё...

«Добро, — прервал батюшка, — пора его в службу. Полно ему бегать по девичьим да лазить на голубятни».

Мысль о скорой разлуке со мною так поразила матушку, что она уронила ложку в кастрюльку и слёзы потекли по её лицу. Напротив того, трудно описать моё восхищение. Мысль о службе

¹ *Придворный календарь* (годы издания 1735–1917), помимо календарных и других сведений, содержал списки высших военных и гражданских чинов, роспись дворцовых приёмов и пр.

сливалась во мне с мыслями о свободе, об удовольствиях петербургской жизни. Я воображал себя офицером гвардии, что, по мнению моему, было верхом благополучия человеческого.

Батюшка не любил ни переменять свои намерения, ни откладывать их исполнение. День отъезду моему был назначен. Накануне батюшка объявил, что намерен писать со мною к будущему моему начальнику, и потребовал пера и бумаги.

— Не забудь, Андрей Петрович, — сказала матушка, — поклониться и от меня князю Б.; я, дескать, надеюсь, что он не оставит Петрушу своими милостями.

— Что за вздор! — отвечал батюшка нахмурясь. — К какой стати стану я писать к князю Б.?

— Да ведь ты сказал, что изволишь писать к начальнику Петруши.

— Ну, а там что?

— Да ведь начальник Петрушин — князь Б. Ведь Петруша записан в Семёновский полк.

— Записан! А мне какое дело, что он записан? Петруша в Петербург не поедет. Чему научится он, служа в Петербурге? мотать да повесничать? Нет, пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает пороху, да будет солдат, а не шаматон. Записан в гвардии! Где его пашпорт? Подай его сюда.

Матушка отыскала мой паспорт, хранившийся в её шкатулке вместе с сорочкою, в которой меня крестили, и вручила его батюшке дрожащею рукою. Батюшка прочёл его со вниманием, положил перед собою на стол и начал своё письмо.

Любопытство меня мучило: куда ж отправляют меня, если уж не в Петербург? Я не сводил глаз с пера батюшкина, которое двигалось довольно медленно. Наконец он кончил, запечатал письмо в одном пакете с паспортом, снял очки и, подозвав меня, сказал: «Вот тебе письмо к Андрею Карловичу Р., моему старинному товарищу и другу. Ты едешь в Оренбург служить под его начальством».

Итак, все мои блестящие надежды рушились! Вместо весёлой петербургской жизни ожидала меня скука в стороне глухой и отдалённой. Служба, о которой за минуту думал я с таким восторгом, показалась мне тяжким несчастьем. Но спорить было нечего! На другой день поутру подвезена была к крыльцу дорожная кибитка; уложили в неё чемодан, погребец с чайным прибором и узлы с булками и пирогами, последними знаками домашнего баловства. Родители мои благословили меня. Батюшка сказал мне: «Прощай, Пётр. Служи верно, кому присягнёшь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся;

от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду». Матушка в слезах наказывала мне беречь моё здоровье, а Савельичу смотреть за дитятей. Недели на меня заячий тулуп, а сверху лисью шубу. Я сел в кибитку с Савельичем и отправился в дорогу, обливаясь слезами.

<...>

Глава II Вожатый

Сторона ль моя, сторонушка,
Сторона незнакомая!
Что не сам ли я на тебя зашёл,
Что не добрый ли да меня конь завёз:
Завезла меня, доброго молодца,
Прытость, бодрость молодецкая
И хмелинушка кабацкая.

Старинная песня

Дорожные размышления мои были не очень приятны. Проигрыш мой, по тогдашним ценам, был немаловажен. Я не мог не признаться в душе, что поведение моё в симбирском трактире было глупо, и чувствовал себя виноватым перед Савельичем. Всё это меня мучило. Старик угрюмо сидел на облучке, отворотясь от меня, и молчал, изредка только покрюкивая. Я непременно хотел с ним помириться и не знал, с чего начать. Наконец я сказал ему: «Ну, ну, Савельич! полно, помиримся, виноват; вижу сам, что виноват. Я вчера напроказил, а тебя напрасно обидел. Обещаюсь вперед вести себя умнее и слушаться тебя. Ну, не сердись; помиримся».

— Эх, батюшка Пётр Андреич! — отвечал он с глубоким вздохом. — Сержусь-то я на самого себя; сам я кругом виноват. Как мне было оставлять тебя одного в трактире! Что делать? Грех попутал: вздумал забрести к дьячихе, повидаться с кумою. Так-то: зашёл к куме, да засел в тюрьме. Беда да и только! Как покажусь я на глаза господам? Что скажут они, как узнают, что дитя пьёт и играет.

Чтоб утешить бедного Савельича, я дал ему слово впредь без его согласия не располагать ни одною копейкою. Он мало-помалу успокоился, хотя всё ещё изредка ворчал про себя, качая головою: «Сто рублей! легко ли дело!».

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересечённые холмами и оврагами. Всё покрыто было снегом. Солнце садилось. Кибитка ехала по

узкой дороге, или точнее по следу, проложенному крестьянскими санями. Вдруг ямщик стал посматривать в сторону и, наконец, сняв шапку, оборотился ко мне и сказал: «Барин, не прикажешь ли воротиться?».

— Это зачем?

— Время ненадёжно: ветер слегка подымается; вишь, как он сметает порошу.

— Что ж за беда!

— А видишь там что? (Ямщик указал кнутом на восток.)

— Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба.

— А вон-вон: это облачко.

Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое принял было сперва за отдалённый холмик. Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещало буран.

Я слышал о тамошних метелях и знал, что целые обозы бывали ими занесены. Савельич, согласно со мнением ямщика, советовал воротиться. Но ветер показался мне не силён; я понадеялся добраться заблаговременно до следующей станции и велел ехать скорее.

Ямщик поскакал; но всё поглядывал на восток. Лошади бежали дружно. Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегалась небо. Пошёл мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение тёмное небо смешалось со снежным морем. Всё исчезло. «Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран!..»

Я выглянул из кибитки: всё было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевлённым; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом — и скоро стали. «Что же ты не едешь?» — спросил я ямщика с нетерпением. «Да что ехать? — отвечал он, слезая с облучка, — невесть и так куда заехали: дороги нет, и мгла кругом». Я стал было его бранить. Савельич за него заступился: «И охота было не слушаться, — говорил он сердито, — воротился бы на постоялый двор, накушался бы чаю, почивал бы себе до утра, буря б утихла, отправились бы далее. И куда спешим? Добро бы на свадьбу!». Савельич был прав. Делать было нечего. Снег так и валил. Около кибитки подымался сугроб. Лошади стояли, понуря голову и изредка вздрагивая. Ямщик ходил кругом, от нечего делать улаживая упряжь. Савельич ворчал; я глядел во все стороны, надеясь увидеть хоть признак жила или дороги, но ничего не мог различить, кроме мутного кружения метели... Вдруг увидел я что-то чёрное. «Эй, ямщик! — закричал я, — смотри: что там такое чернеется?» Ямщик стал всматриваться.

«А Бог знает, барин,— сказал он, садясь на своё место,— воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волк, или человек». Я приказал ехать на незнакомый предмет, который тотчас и стал подвигаться нам навстречу. Через две минуты мы поровнялись с человеком. «Гей, добрый человек! — закричал ему ямщик. — Скажи, не знаешь ли, где дорога?»

— Дорога-то здесь; я стою на твёрдой полосе,— отвечал дорожный,— да что толку?

— Послушай, мужичок,— сказал я ему,— знаешь ли ты эту сторону? Возьмёшься ли ты довести меня до ночлега?

— Сторона мне знакомая,— отвечал дорожный,— слава Богу, исхожена и изъезжена вдоль и поперёк. Да вишь какая погода: как раз собьёшься с дороги. Лучше здесь остановиться да переждать, авось буран утихнет да небо прояснится: тогда найдём дорогу по звёздам.

Его хладнокровие ободрило меня. Я уж решился, предав себя Божией воле, ночевать посреди степи, как вдруг дорожный сел проворно на облучок и сказал ямщику: «Ну, слава Богу, жило недалеко; сворачивай вправо да поезжай».

— А почему ехать мне вправо? — спросил ямщик с неудовольствием. — Где ты видишь дорогу? Небось, лошади чужие, хомут не свой, погоняй не стой. — Ямщик казался мне прав. «В самом деле,— сказал я,— почему думаешь ты, что жило недалече?» — «А потому, что ветер отголе потянул,— отвечал дорожный,— и я слышу, дымом пахнуло; знать, деревня близко». Сметливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велел ямщику ехать. Лошади тяжело ступали по глубокому снегу. Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь в овраг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плавание судна по бурному морю. Савельич охал, поминутно толкаясь о мой бока. Я опустил циновку, закутался в шубу и задремал, убаюканный пением бури и качкою тихой езды.

Мне приснился сон, которого никогда не мог я позабыть и в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда соображаю¹ с ним странные обстоятельства моей жизни. Читатель извинит меня: ибо, вероятно, знает по опыту, как сродно человеку предаваться суеверию, несмотря на всевозможное презрение к предрассудкам.

Я находился в том состоянии чувств и души, когда существенность, уступая мечтаньям, сливается с ними в неясных видениях первосония. Мне казалось, буран ещё свирепствовал и мы ещё

¹ *Соображаю* — здесь: сопоставляю, согласую.

Емельян Пугачёв.
Портрет, приложенный
к изданию «Истории
Пугачёвского бунта»
А. С. Пушкина. 1834

блуждали по снежной пустыне... Вдруг увидел я ворота и въехал на барский двор нашей усадьбы. Первою мыслию моею было опасение, чтоб батюшка не прогневался на меня за невольное возвращение под кровлю родительскую и не пошёл бы его умышленным послушанием. С беспокойством я выпрыгнул из кибитки и вижу: матушка встречает меня на крыльце с видом глубокого огорчения. «Тише, — говорит она мне, — отец болен при смерти и желает с тобою проститься». Поражённый страхом, я иду за нею в спальню. Вижу, комната слабо освещена; у постели стоят люди с печальными лицами. Я тихонько подхожу к постеле; матушка приподымает полог и говорит: «Андрей Петрович, Петруша приехал; он воротился, узнав о твоей болезни; благослови его». Я стал на колени и устремил глаза мои на больного. Что ж?.. Вместо отца моего, вижу в постеле лежит мужик с чёрной бородою, весело на меня поглядывая. Я в недоумении оборотился к матушке, говоря ей: «Что это значит? Это не батюшка. И с какой мне стати просить благословения у мужика?» — «Всё равно, Петруша, — отвечала мне матушка, — это твой посажёный отец; поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит...» Я не соглашался. Тогда мужик вскочил с постели, выхватил топор из-за спины и стал махать во все стороны. Я хотел бежать... и не мог; комната наполнилась мёртвыми телами; я спотыкался о тела и скользил в кровавых лужах... Страшный мужик ласково меня кликал, говоря: «Не бойсь, подойди под моё благословение...». Ужас и недоумение овладели мною... И в эту минуту я проснулся; лошади стояли; Савельич дёргал меня за руку, говоря: «Выходи, сударь: приехали».

— Куда приехали? — спросил я, протирая глаза.

— На постоялый двор. Господь помог, наткнулись прямо на забор. Выходи, сударь, скорее да обогрейся.

Я вышел из кибитки. Буран ещё продолжался, хотя с меньшею силою. Было так темно, что хоть глаз выколи. Хозяин встретил нас у ворот, держа фонарь под полою, и ввёл меня в горницу, тесную, но довольно чистую; лучина освещала её. На стене висела винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяин, родом яицкий казак, казался мужик лет шестидесяти, ещё свежий и бодрый. Савельич внёс за мною погребец, потребовал огня, чтоб готовить чай, который никогда так не казался мне нужен. Хозяин пошёл хлопотать.

— Где же вожатый? — спросил я у Савельича. «Здесь, ваше благородие», — отвечал мне голос сверху. Я взглянул на полати и увидел чёрную бороду и два сверкающие глаза. «Что, брат, прозяб?» — «Как не прозябнуть в одном худеньком армяке! Был тулуп, да что греха таить? заложил вечер у целовальника¹: мороз показался не велик». В эту минуту хозяин вошёл с кипящим самоваром; я предложил вожатому нашему чашку чаю; мужик слез с полатей. Наружность его показалась мне замечательна: он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В чёрной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бежали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. Волоса были обстрижены в кружок; на нём был оборванный армяк и татарские шаровары. Я поднёс ему чашку чаю; он отведал и поморщился. «Ваше благородие, сделайте мне такую милость, — прикажите поднести стакан вина; чай не наше казацкое питьё». Я с охотой исполнил его желание. Хозяин вынул из ставца² штоф³ и стакан, подошёл к нему и, взглянув ему в лицо: «Эхе, — сказал он, — опять ты в нашем краю! Отколе Бог принёс?». Вожатый мой мигнул значительно и отвечал поговоркою: «В огород летал, конопля клевал; швырнула бабушка камушком — да мимо. Ну, а что ваши?».

— Да что наши! — отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. — Стали было к вечерне звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте.

— Молчи, дядя, — возразил мой бродяга, — будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит. Ваше благородие! за ваше здоровье! — При сих словах он взял стакан, перекрестился и выпил одним духом. Потом поклонился мне и воротился на полати.

Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора; но после уж догадался, что дело шло о делах Яицкого войска, в то время только что усмирённого после бунта 1772 года. Савельич слушал с видом большого неудовольствия. Он посматривал

¹ *Целовальник* (устар.) — продавец вина в питейных домах, кабаках.

² *Ставец* (устар.) — высокий шкаф для посуды.

³ *Штоф* — бутылка (объёмом 1/10 ведра, примерно 1,3 л).

с подозрением то на хозяина, то на вожатого. Постоялый двор, или, по-тамошнему, умёт, находился в стороне, в степи, далече от всякого селения, и очень походил на разбойническую пристань. Но делать было нечего. Нельзя было и подумать о продолжении пути. Беспокойство Савельича очень меня забавляло. Между тем я расположился ночевать и лёг на лавку. Савельич решил убраться на печь; хозяин лёг на полу. Скоро вся изба захрапела, и я заснул как убитый.

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидел, что буря утихла. Солнце сияло. Снег лежал ослепительной пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился с хозяином, который взял с нас такую умеренную плату, что даже Савельич с ним не заспорил и не стал торговаться по своему обыкновению, и вчерашние подозрения изгладились совершенно из головы его. Я позвал вожатого, благодарил за оказанную помощь и велел Савельичу дать ему полтину на водку. Савельич нахмурился. «Полтину на водку! — сказал он, — за что это? За то, что ты же изволил подвести его к постоялому двору? Воля твоя, сударь: нет у нас лишних полтин. Всякому давать на водку, так самому скоро придётся голодать». Я не мог спорить с Савельичем. Деньги, по моему обещанию, находились в полном его распоряжении. Мне было досадно, однако ж, что не мог отблагодарить человека, выручившего меня если не из беды, то по крайней мере из очень неприятного положения. «Хорошо, — сказал я хладнокровно, — если не хочешь дать полтину, то вынь ему что-нибудь из моего платья. Он одет слишком легко. Дай ему мой заячий тулуп».

— Помилуй, батюшка Пётр Андреич! — сказал Савельич. — Зачем ему твой заячий тулуп? Он его пропьёт, собака, в первом кабаке.

— Это, старинушка, уж не твоя печаль, — сказал мой бродяга, — пропью ли я, или нет. Его благородие мне жалуется шубу со своего плеча: его на то барская воля, а твоё холопье дело не спорить и слушаться.

— Бога ты не боишься, разбойник! — отвечал ему Савельич сердитым голосом. — Ты видишь, что дитя ещё не смыслит, а ты и рад его обобрать, простоты его ради. Зачем тебе барский тулупчик? Ты и не напаялишь его на свои окаянные плечища.

— Прошу не умничать, — сказал я своему дядьке, — сейчас неси сюда тулуп.

— Господи владыко! — простонал мой Савельич. — Заячий тулуп почти новёшенький! И добро бы кому, а то пьянице оголтелому!

Однако заячий тулуп явился. Мужичок тут же стал его при- меривать. В самом деле, тулуп, из которого успел и я вырасти, был немножко для него узок. Однако он кое-как умудрился и на- дел его, расправ по швам. Савельич чуть не завыл, услышав, как нитки затрещали. Бродяга был чрезвычайно доволен моим подар- ком. Он проводил меня до кибитки и сказал с низким поклоном: «Спасибо, ваше благородие! Награди вас Господь за вашу добродетель. Век не забуду ваших милостей». — Он пошёл в свою сторону, а я отправился далее, не обращая внимания на досаду Савельича, и скоро позабыл о вчерашней вьюге, о своём вожатом и о заячьем тулупе.

Глава III Крепость

Мы в фортеции живём,
Хлеб едим и воду пьём;
А как лютые враги
Придут к нам на пироги,
Зададим гостям пирушку:
Зарядим картечью пушку.

Солдатская песня

Старинные люди, мой батюшка.

Недоросль

Белогорская крепость находилась в сорока верстах от Оренбур- га. Дорога шла по крутому берегу Яика. Река ещё не замерзала, и её свинцовые волны грустно чернели в однообразных берегах, покрытых белым снегом. За ними простирались киргизские сте- пи. Я погрузился в размышления, большею частью печальные. Гарнизонная жизнь мало имела для меня привлекательности. Я старался вообразить себе капитана Миронова, моего будуще- го начальника, и представлял его строгим, сердитым стариком, не знающим ничего, кроме своей службы, и готовым за всякую безделицу сажать меня под арест на хлеб и на воду. Между тем начало смеркаться. Мы ехали довольно скоро. «Далече ли до крепости?» — спросил я у своего ямщика. «Недалече, — отвечал он. — Вон уж видна». — Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы, башни и вал; но ничего не видал, кроме дере- вушки, окружённой бревенчатым забором. С одной стороны сто- яли три или четыре скирда сена, полузанесённые снегом; с дру- гой — скривившаяся мельница, с лубочными крыльями, лениво

опущенными. «Где же крепость?» — спросил я с удивлением. «Да вот она», — отвечал ямщик, указывая на деревушку, и с этим словом мы в неё въехали. У ворот увидел я старую чугунную пушку; улицы были тесны и кривы; избы низки и большею частию покрыты соломой. Я велел ехать к коменданту, и через минуту кибитка остановилась перед деревянным домиком, выстроенным на высоком месте, близ деревянной же церкви.

Никто не встретил меня. Я пошёл в сени и отворил дверь в переднюю. Старый инвалид, сидя на столе, нашивал синюю заплату на локоть зелёного мундира. Я велел ему доложить обо мне. «Войди, батюшка, — отвечал инвалид, — наши дома». Я вошёл в чистенькую комнатку, убранную по-старинному. В углу стоял шкаф с посудой; на стене висел диплом офицерский за стеклом и в рамке; около него красовались лубочные картинки, представляющие взятие Кистрина и Очакова¹, также выбор невесты и погребение кота. У окна сидела старушка в телогрейке и с платком на голове. Она разматывала нитки, которые держал, распялив на руках, кривой старичок в офицерском мундире. «Что вам угодно, батюшка?» — спросила она, продолжая своё занятие. Я отвечал, что приехал на службу и явился по долгу своему к господину капитану, и с этим словом обратился было к кривому старичку, принимая его за коменданта; но хозяйка перебила затверженную мною речь. «Ивана Кузмича дома нет, — сказала она, — он пошёл в гости к отцу Герасиму; да всё равно, батюшка, я его хозяйка. Прошу любить и жаловать. Садись, батюшка». Она кликнула девуку и велела ей позвать урядника. Старичок своим одиноким глазом поглядывал на меня с любопытством. «Смею спросить, — сказал он, — вы в каком полку изволили служить?» Я удовлетворил его любопытству. «А смею спросить, — продолжал он, — зачем изволили вы перейти из гвардии в гарнизон?» Я отвечал, что такова была воля начальства. «Чаятельно, за неприличные гвардии офицеру поступки», — продолжал неумолимый вопрошатель. «Полно врать пустяки, — сказала ему капитанша, — ты видишь, молодой человек с дороги устал; ему не до тебя... (держи-ка руки прямее...)). А ты, мой батюшка, — продолжала она, обращаясь ко мне, — не печалься, что тебя уекли в наше захолустье. Не ты первый, не ты последний. Стерпится, слюбится. Швабрин Алексей Иваныч вот уж пятый год как к нам переведён за смертоубийство. Бог знает, какой грех его попутал; он, изволишь видеть, поехал за город

¹ *Кистрин (Кюстрин)* — русская крепость. *Очаков* — турецкая крепость. Взята русскими войсками; первая — в 1758 году, вторая — в 1737 году.

с одним поручиком, да взяли с собою шпаги, да и ну друг в друга пырять; а Алексей Иваныч и заколол поручика, да ещё при двух свидетелях! Что прикажешь делать? На грех мастера нет».

В эту минуту вошёл урядник, молодой и статный казак. «Максимыч! — сказала ему капитанша. — Отведи господину офицеру квартиру, да почище». — «Слушаю, Василиса Егоровна, — отвечал урядник. — Не поместить ли его благородие к Ивану Полежаеву?» — «Врёшь, Максимыч, — сказала капитанша, — у Полежаева и так тесно; он же мне кум и помнит, что мы его начальники. Отведи господина офицера... как ваше имя и отчество, мой батюшка? Пётр Андреич?.. Отведи Петра Андреича к Семёну Кузову...»

Я откланялся. Урядник привёл меня в избу, стоящую на высоком берегу реки, на самом краю крепости. Половина избы занята была семьёю Семена Кузова, другую отвели мне. Она состояла из одной горницы довольно опрятной, разделённой надвое перегородкой. Савельич стал в ней распоряжаться; я стал глядеть в узенькое окошко. Передо мною простиралась печальная степь. Наискось стояло несколько избышек; по улице бродило несколько куриц. Старуха, стоя на крыльце с корытом, кликала свиней, которые отвечали ей дружелюбным хрюканьем. И вот в какой стороне осуждён я был проводить мою молодость! Тоска взяла меня; я отошёл от окошка и лёг спать без ужина, несмотря на увещания Савельича, который повторял с сокрушением: «Господи владыко! ничего кушать не изволит! Что скажет барыня, коли дитя занеможет?».

На другой день поутру я только что стал одеваться, как дверь отворилась, и ко мне вошёл молодой офицер невысокого роста, с лицом смуглым и отменно некрасивым, но чрезвычайно живым. «Извините меня, — сказал он мне по-французски, — что я без церемонии прихожу с вами познакомиться. Вчера узнал я о вашем приезде; желание увидеть, наконец, человеческое лицо так овладело мною, что я не вытерпел. Вы это поймёте, когда проживёте здесь ещё несколько времени». Я догадался, что это был офицер, выписанный из гвардии за поединок. Мы тотчас познакомились. Швабрин был очень не глуп. Разговор его был остр и занимателен. Он с большой веселостию описал мне семейство коменданта, его общество и край, куда завела меня судьба. Я смеялся от чистого сердца, как вошёл ко мне тот самый инвалид, который чинил мундир в передней коменданта, и от имени Василисы Егоровны позвал меня к ним обедать. Швабрин вызвался идти со мною вместе.

Подходя к комендантскому дому, мы увидели на площадке человек двадцать стареньких инвалидов с длинными косами и в треугольных шляпах. Они выстроены были во фронт. Впереди стоял

комендант, старик бодрый и высокого роста, в колпаке и в китайчатом халате. Увидя нас, он к нам подошёл, сказал мне несколько ласковых слов и стал опять командовать. Мы остановились было смотреть на учение; но он просил нас идти к Василисе Егоровне, обещаясь быть вслед за нами. «А здесь,— прибавил он,— нечего нам смотреть».

Василиса Егоровна приняла нас запросто и радушно и обошлась со мною как бы век была знакома. <...> Тут вошла девушка лет осьмнадцати, круглолицая, румяная, с светло-русыми волосами, гладко зачёсанными за уши, которые у неё так и горели. С первого взгляда она не очень мне понравилась. Я смотрел на неё с предубеждением: Швабрин описал мне Машу, капитанскую дочь, совершенно дурочкою. Марья Ивановна села в угол и стала шить...

Мы сели обедать. Василиса Егоровна не умолкала ни на минуту и осыпала меня вопросами: кто мои родители, живы ли они, где живут и каково их состояние? Услыша, что у батюшки триста душ крестьян, «легко ли! — сказала она,— ведь есть же на свете богатые люди! А у нас, мой батюшка, всего-то душ одна девка Палашка, да слава Богу, живём помаленьку. Одна беда: Маша; девка на выданье, а какое у ней приданое? частый гребень, да веник, да алтын денег (прости Бог!), с чем в баню сходить. Хорошо, коли найдётся добрый человек; а то сиди себе в девках вековечной невестою». — Я взглянул на Марью Ивановну; она вся покраснела, и даже слёзы капнули на её тарелку. Мне стало жаль её, и я спешил переменить разговор. «Я слышал,— сказал я довольно некстати,— что на вашу крепость собираются напасть башкирцы». — «От кого, батюшка, ты изволил это слышать?» — спросил Иван Кузмич. «Мне так сказывали в Оренбурге», — отвечал я. «Пустяки! — сказал комендант.— У нас давно ничего не слышать. Башкирцы — народ напуганный, да и киргизцы проучены. Небось на нас не сунутся; а насунутся, так я такую задам острастку, что лет на десять угомою». — «И вам не страшно,— продолжал я, обращаясь к капитанше,— оставаться в крепости, подверженной таким опасностям?» — «Привычка, мой батюшка,— отвечала она.— Тому лет двадцать как нас из полка перевели сюда, и не приведи Господи, как я боялась проклятых этих нехристей! Как завижу, бывало, рысьи шапки, да как заслышу их визг, веришь ли, отец мой, сердце так и замрёт! А теперь так привыкла, что и с места не тронусь, как придут нам сказать, что злодеи около крепости рыщут».

— Василиса Егоровна прехрабрая дама,— заметил важно Швабрин.— Иван Кузмич может это засвидетельствовать.

— Да, слышь ты,— сказал Иван Кузмич,— баба-то не робкого десятка.

— А Марья Ивановна? — спросил я,— так же ли смела, как и вы?

— Смела ли Маша? — отвечала её мать.— Нет, Маша трусиха. До сих пор не может слышать выстрела из ружья: так и затрепещется. А как тому два года Иван Кузмич выдумал в мои именины палить из нашей пушки, так она, моя голубушка, чуть со страха на тот свет не отправилась. С тех пор уж и не палим из проклятой пушки.

Мы встали из-за стола. Капитан с капитаншею отправились спать; а я пошёл к Швабрину, с которым и провёл целый вечер.

Глава IV Поединок

— Ин изволь, и стань же в позитуру¹.
Посмотришь, проколю как я твою фигуру!
Княжнин

Прошло несколько недель, и жизнь моя в Белогорской крепости сделалась для меня не только сносною, но даже и приятною. В доме коменданта был я принят как родной. Муж и жена были люди самые почтенные. Иван Кузмич, вышедший в офицеры из солдатских детей, был человек необразованный и простой, но самый честный и добрый. Жена его им управляла, что согласовалось с его беспечною. Василиса Егоровна и на дела службы смотрела, как на свои хозяйские, и управляла крепостию так точно, как и своим домком. Марья Ивановна скоро перестала со мною дичиться. Мы познакомились. Я в ней нашёл благоразумную и чувствительную девушку. Незаметным образом я привязался к доброму семейству, даже к Ивану Игнатьичу, кривому гарнизонному поручику <...>

Я был произведён в офицеры. Служба меня не отягощала. В богоспасаемой крепости не было ни смотров, ни учений, ни караулов. Комендант по собственной охоте учил иногда своих солдат; но ещё не мог добиться, чтобы все они знали, которая сторона правая, которая левая, хотя многие из них, дабы в том не ошибиться, перед каждым оборотом клали на себя знамение креста. У Швабринна было несколько французских книг. Я стал читать, и во мне пробудилась охота к литературе. По утрам я читал,

¹ *Позиту́ра* — поза, положение, принимаемое при дуэли на шпагах.

упражнялся в переводах, а иногда и в сочинении стихов. Обедал почти всегда у коменданта, где обыкновенно проводил остаток дня <...> С А. И. Швабриным, разумеется, виделся я каждый день; но час от часу беседа его становилась для меня менее приятною. Всегдашние шутки его насчёт семьи коменданта мне очень не нравились, особенно колкие замечания о Марье Ивановне. Другого общества в крепости не было, но я другого и не желал.

Несмотря на предсказания, башкирцы не возмущались. Спокойствие царствовало вокруг нашей крепости. Но мир был прерван незапным междуусобием.

Я уже сказывал, что я занимался литературою <...> Однажды удалось мне написать песенку, которой был я доволен. Известно, что сочинители иногда, под видом требования советов, ищут благосклонного слушателя. Итак, переписав мою песенку, я понёс её к Швабрину, который один во всей крепости мог оценить произведения стихотворца. После маленького предисловия вынул я из кармана свою тетрадку и прочёл ему следующие стишки:

Мысль любовну истребляя,
Тщусь¹ прекрасную забыть,
И ах, Машу избегая,
Мышлю вольность получить!
Но глаза, что мя пленили,
Всемигнута предо мной;
Они дух во мне смутили,
Сокрушили мой покой.

Ты, узнав мои напасти,
Сжался, Маша, надо мной;
Зря² меня в сей лютой части
И что я пленён тобой.

— Как ты это находишь? — спросил я Швабрина, ожидая похвалы, как дани, мне непременно следуемой. Но, к великой моей досаде, Швабрин, обыкновенно снисходительный, решительно объявил, что песня моя нехороша.

— Почему так? — спросил я его, скрывая свою досаду.

Тут он взял от меня тетрадку и начал немилосердно разбирать каждый стих и каждое слово, издеваясь надо мной самым колким образом. Я не вытерпел, вырвал из рук его мою тетрадку и сказал, что уж отроду не покажу ему своих сочинений. Швабрин

¹ *Тщусь* (устар.) — напрасно стараюсь.

² *Зря* (устар.) — видя.

посмеялся и над этой угрозой. «Посмотрим,— сказал он,— выдержишь ли ты своё слово: стихотворцам нужен слушатель, как Ивану Кузмичу графинчик водки перед обедом. А кто эта Маша, перед которой изъясняешься в нежной страсти и в любовной напасти? Уж не Марья ль Ивановна?»

— Не твоё дело,— отвечал я нахмурясь,— кто бы ни была эта Маша. Не требую ни твоего мнения, ни твоих догадок.

— Ого! Самолюбивый стихотворец и скромный любовник! — продолжал Швабрин, час от часу более раздражая меня,— но послушай дружеского совета: коли ты хочешь успеть, то советую действовать не песенками.

— Что это, сударь, значит? Изволь объясниться.

— С охотою. Это значит, что ежели хочешь, чтоб Маша Мироннова ходила к тебе в сумерки, то вместо нежных стишков подари ей пару серёг.

Кровь моя закипела. «А почему ты об ней такого мнения?» — спросил я, с трудом удерживая свое негодование.

— А потому,— отвечал он с адской усмешкою,— что знаю по опыту её нрав и обычай.

— Ты лжёшь, мерзавец! — вскричал я в бешенстве,— ты лжёшь самым бесстыдным образом.

Швабрин переменялся в лице. «Это тебе так не пройдёт,— сказал он, стиснув мне руку.— Вы мне дадите сатисфакцию».

— Изволь; когда хочешь! — отвечал я, обрадовавшись. В эту минуту я готов был растерзать его <...>

Вечер провёл я, по обыкновению своему, у коменданта. Я старался казаться весёлым и равнодушным, дабы не подать никакого подозрения и избегнуть докучных вопросов; но признаюсь, я не имел того хладнокровия, которым хвалятся почти всегда те, которые находились в моём положении. В этот вечер я расположен был к нежности и к умилению. Марья Ивановна нравилась мне более обыкновенного. Мысль, что, может быть, вижу её в последний раз, придавала ей в моих глазах что-то трогательное. Швабрин явился тут же. Я отвёл его в сторону <...> Мы условились драться за скирдами, что находились подле крепости, и явиться туда на другой день в седьмом часу утра. <...>

На другой день в назначенное время я стоял уже за скирдами, ожидая моего противника. Вскоре и он явился. «Нас могут застать,— сказал он мне,— надобно поспешить». Мы сняли мундиры, остались в одних камзолах и обнажили шпаги. В эту минуту из-за скирда вдруг появился Иван Игнатьич и человек пять инвалидов. Он потребовал нас к коменданту. Мы повиновались

С. В. Герасимов. Поединок.
Иллюстрация к повести
«Капитанская дочка»

с досадою; солдаты нас окружили, и мы отправились в крепость вслед за Иваном Игнатьичем, который вел нас в торжестве, шагая с удивительной важно-стью. <...>

Иван Кузмич не знал, на что решиться. Марья Ивановна была чрезвычайно бледна. Мало-помалу буря утихла; ко-

мендантша успокоилась и заставила нас друг друга поцеловать. Палашка принесла нам наши шпаги. Мы вышли от коменданта по-видимому примирённые. <...> Швабрин и я остались наедине. «Наше дело этим кончиться не может», — сказал я ему. «Конечно, — отвечал Швабрин, — вы своею кровью будете отвечать мне за вашу дерзость; но за нами, вероятно, станут присматривать. Несколько дней нам должно будет притворяться. До свидания!» И мы расстались, как ни в чём не бывали.

Возвратясь к коменданту, я, по обыкновению своему, подсел к Марье Ивановне. Ивана Кузмича не было дома; Василиса Егоровна занята была хозяйством. Мы разговаривали вполголоса. Марья Ивановна с нежностью выговаривала мне за беспокойство, причинённое всем моею ссорю с Швабриным. «Я так и обмерла, — сказала она, — когда сказали нам, что вы намерены биться на шпагах. Как мужчины странны! За одно слово, о котором через неделю верно б они позабыли, они готовы резаться и жертвовать не только жизнью, но и совестью, и благополучием тех, которые... Но я уверена, что не вы зачинщик ссоры. Верно, виноват Алексей Иваныч».

— А почему же вы так думаете, Марья Ивановна?

— Да так... он такой насмешник! Я не люблю Алексея Иваныча. Он очень мне противен; а странно: ни за что б я не хотела, чтоб и я ему так же не нравилась. Это меня беспокоило бы страх.

— А как вы думаете, Марья Ивановна? Нравится ли вы ему или нет?

Марья Ивановна заикнулась и покраснела.

— Мне кажется, — сказала она, — я думаю, что нравлюсь.

— Почему же вам так кажется?

— Потому что он за меня сватался.

— Сватался! Он за вас сватался? Когда же?

— В прошлом году. Месяца два до вашего приезда.

— И вы не пошли?

— Как изволите видеть. Алексей Иваныч, конечно, человек умный, и хорошей фамилии, и имеет состояние; но как подумаю, что надобно будет под венцом при всех с ним поцеловаться... Ни за что! ни за какие благополучия!

Слова Марьи Ивановны открыли мне глаза и объяснили мне многое. Я понял упорное злоречие, которым Швабрин её преследовал. Вероятно, замечал он нашу взаимную склонность и старался отвлечь нас друг от друга. Слова, подавшие повод к нашей ссоре, показались мне ещё более гнусными, когда, вместо грубой и непристойной насмешки, увидел я в них обдуманную клевету. Желание наказать дерзкого злоязычника сделалось во мне ещё сильнее, и я с нетерпением стал ожидать удобного случая.

Я дождался недолго. На другой день, когда сидел я за элегией и грыз перо в ожидании рифмы, Швабрин постучал под моим окошком. Я оставил перо, взял шпагу и к нему вышел. «Зачем откладывать? — сказал мне Швабрин, — за нами не смотрят. Сойдём к реке. Там никто нам не помешает». Мы отправились молча. Спустясь по крутой тропинке, мы остановились у самой реки и обнажили шпаги. Швабрин был искуснее меня, но я сильнее и смелее, и monsieur Бопре, бывший некогда солдатом, дал мне несколько уроков в фехтовании, которыми я и воспользовался. Швабрин не ожидал найти во мне столь опасного противника. Долго мы не могли сделать друг другу никакого вреда; наконец, приметя, что Швабрин ослабевает, я стал с живостию на него наступать и загнал его почти в самую реку. Вдруг услышал я своё имя, громко произнесённое. Я оглянулся и увидел Савельича, сбегającego ко мне по нагорной тропинке... В это самое время меня сильно кольнуло в грудь пониже правого плеча; я упал и лишился чувств.

Глава V Любовь

Ах ты, девка, девка красная!
Не ходи, девка, молода замуж;
Ты спроси, девка, отца, матери,
Отца, матери, роду-племени;
Накопи, девка, ума-разума,
Ума-разума, приданова.

Песня народная

Буде лучше меня найдёшь, позабудешь,
Если хуже меня найдёшь, вспомянешь.

То же

Очнувшись, я несколько времени не мог опомниться и не понимал, что со мною сделалось. Я лежал на кровати, в незнакомой горнице, и чувствовал большую слабость. Передо мною стоял Савельич со свечкою в руках. Кто-то бережно развивал перевязи, которыми грудь и плечо были у меня стянуты. Мало-помалу мысли мои прояснились. Я вспомнил свой поединок и догадался, что был ранен. В эту минуту скрипнула дверь. «Что? Каков?» — произнёс пошепту голос, от которого я затрепетал. «Всё в одном положении, — отвечал Савельич со вздохом, — всё без памяти, вот уже пятые сутки». Я хотел оборотиться, но не мог. «Где я? кто здесь?» — сказал я с усилием. Марья Ивановна подошла к моей кровати и наклонилась ко мне. «Что? как вы себя чувствуете?» — сказала она. «Слава Богу, — отвечал я слабым голосом. — Это вы, Марья Ивановна? скажите мне...» — я не в силах был продолжать и замолчал. Савельич ахнул. Радость изобразилась на его лице. «Опомнился! опомнился! — повторял он. — Слава тебе, Владыко! Ну, батюшка Пётр Андреич! напугал ты меня! легко ли? пятые сутки!..» Марья Ивановна перервала его речь. «Не говори с ним много, Савельич, — сказала она. — Он ещё слаб». Она вышла и тихонько притворила дверь. Мысли мои волновались. Итак, я был в доме коменданта, Марья Ивановна входила ко мне. Я хотел сделать Савельичу некоторые вопросы, но старик замотал головою и заткнул себе уши. Я с досадою закрыл глаза и вскоре забылся сном.

Проснувшись, подозвал я Савельича и вместо его увидел перед собою Марью Ивановну; ангельский голос её меня приветствовал. Не могу выразить сладостного чувства, овладевшего мною в эту минуту. Я схватил её руку и прильнул к ней, обливая слезами умиления. Маша не отрывала её... и вдруг её губки коснулись моей щеки, и я почувствовал их жаркий и свежий поцелуй. Огонь пробежал по мне. «Милая, добрая Марья Ивановна, — сказал я ей, — будь моею женою, согласись на моё счастье». — Она опомнилась. «Ради Бога успокойтесь, — сказала она, отняв у меня свою руку. — Вы ещё в опасности: рана может открыться. Поберегите себя хоть для меня». С этим словом она ушла, оставя меня в упоении восторга. Счастье воскресило меня. Она будет моя! она меня любит! Эта мысль наполняла всё моё существование.

С той поры мне час от часу становилось лучше. Меня лечил полковой цирюльник, ибо в крепости другого лекаря не было, и, слава Богу, не умничал. Молодость и природа ускорили моё выздоровление. Всё семейство коменданта за мною ухаживало. Марья Ивановна от меня не отходила. Разумеется, при первом удобном случае я принялся за прерванное объяснение, и Марья Ивановна

выслушала меня терпеливее. Она безо всякого жеманства призналась мне в сердечной склонности и сказала, что её родители, конечно, рады будут её счастью. «Но подумай хорошенько,— прибавила она,— со стороны твоих родных не будет ли препятствия?» <...>

Наконец однажды утром Савельич вошёл ко мне, держа в руках письмо. Я схватил его с трепетом. Адрес был написан рукою батюшки. Это приуготовило меня к чему-то важному, ибо обыкновенно письма писала ко мне матушка, а он в конце приписывал несколько строк. Долго не распечатывал я пакета и перечитывал торжественную надпись: «Сыну моему Петру Андреевичу Гринёву, в Оренбургскую губернию, в Белогорскую крепость». Я старался по почерку угадать расположение духа, в котором писано было письмо; наконец решился его распечатать и с первых строк увидел, что всё дело пошло к чёрту. Содержание письма было следующее:

«Сын мой Пётр! Письмо твоё, в котором просишь ты нас о родительском нашем благословении и согласи на брак с Марьей Ивановой дочерью Мироновой, мы получили 15-го сего месяца, и не только ни моего благословения, ни моего согласия дать я тебе не намерен, но ещё и собираюсь до тебя добратся да за проказы твои проучить тебя путём, как мальчишку, несмотря на твой офицерский чин: ибо ты доказал, что шпагу носить ещё недостойн, которая пожалована тебе на защиту отечества, а не для дуэлей с такими же сорванцами, каков ты сам. Немедленно буду писать к Андрею Карловичу, прося его перевести тебя из Белогорской крепости куда-нибудь подальше, где бы дурь у тебя прошла. Матушка твоя, узнав о твоём поединке и о том, что ты ранен, с горести занемогла и теперь лежит. Что из тебя будет? Молю Бога, чтоб ты исправился, хоть и не смею надеяться на Его великую милость.

Отец твой А. Г.»

<...> Я пошёл объявить обо всём Марье Ивановне. Она встретила меня на крыльце. «Что это с вами случилось? — сказала она, увидев меня.— Как вы бледны!» — «Всё кончено!» — отвечал я и отдал ей батюшкино письмо. Она побледнела в свою очередь. Прочитав, она возвратила мне письмо дрожащею рукою и сказала дрожащим голосом: «Видно, мне не судьба... Родные ваши не хотят меня в свою семью. Буди во всём воля Господня! Бог лучше нашего знает, что нам надобно. Делать нечего, Пётр Андреич; будьте хоть вы счастливы...» — «Этому не бывать! — вскричал я, схватив её за руку,— ты меня любишь; я готов на всё. Пойдём, кинемся

в ноги к твоим родителям; они люди простые, не жестокосердые гордецы... Они нас благословят; мы обвенчаемся... а там, со временем, я уверен, мы умолим отца моего; матушка будет за нас; он меня простит...» — «Нет, Пётр Андреич, — отвечала Маша, — я не выйду за тебя без благословения твоих родителей. Без их благословения не будет тебе счастья. Покоримся воле Божией. Коли найдёшь себе суженую, коли полюбишь другую — Бог с тобою, Пётр Андреич; а я за вас обоих...». Тут она заплакала и ушла от меня; я хотел было войти за нею в комнату, но чувствовал, что был не в состоянии владеть самим собою, и воротился домой. <...>

С той поры положение моё переменялось. Марья Ивановна почти со мною не говорила и всячески старалась избежать меня. Дом коменданта стал для меня постыл. Мало-помалу приучился я сидеть один у себя дома. Василиса Егоровна сначала за то мне пеняла; но, видя мое упрямство, оставила меня в покое. С Иваном Кузмичём виделся я только, когда того требовала служба. Со Швабриным встречался редко и неохотно, тем более что замечал в нём скрытую к себе неприязнь, что и утверждало меня в моих подозрениях. Жизнь моя сделалась мне несносна. Я впал в мрачную задумчивость, которую питали одиночество и бездействие. Любовь моя разгоралась в уединении и час от часу становилась мне тягостнее. Я потерял охоту к чтению и словесности. Дух мой упал. Я боялся или сойти с ума, или удариться в распутство. Неожиданные происшествия, имевшие важное влияние на всю мою жизнь, дали вдруг моей душе сильное и благое потрясение. <...>

Глава VII Приступ

Голова моя, головушка,
Голова послуживая!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лет и три года.
Ах, не выслужила головушка
Ни корысти себе, ни радости,
Как ни слова себе доброго
И ни рангу себе высокого;
Только выслужила головушка
Два высокие столбика,
Перекладинку кленовую,
Ещё петельку шелковую.

Народная песня

Мы пошли на вал, возвышение, образованное природой и укреплённое частоколом. Там уже толпились все жители крепости. Гарнизон стоял в ружьё. Пушку туда перетащили накануне. Комендант расхаживал перед своим малочисленным строем. Близость опасности одушевляла старого воина бодростью необыкновенной. По степи, не в дальнем расстоянии от крепости, разъезжали человек двадцать верхами. Они, казалось, казаки, но между ими находились и башкирцы, которых легко можно было распознать по их рысьим шапкам и по колчанам. Комендант обошёл своё войско, говоря солдатам: «Ну, детушки, постоим сегодня за матушку государыню и докажем всему свету, что мы люди brave и присяжные!». Солдаты громко изъявили усердие. Швабрин стоял подле меня и пристально глядел на неприятеля. Люди, разъезжающие в степи, заметя движение в крепости, съехались в кучку и стали между собою толковать. Комендант велел Ивану Игнатьичу навести пушку на их толпу и сам приставил фитиль. Ядро зажужжало и пролетело над ними, не сделав никакого вреда. Наездники, рассеяв, тотчас ускакали из виду, и степь опустела.

Тут явилась на валу Василиса Егоровна и с нею Маша, не хотевшая отстать от неё. «Ну, что? — сказала комендантша. — Каково идёт баталья? Где же неприятель?» — «Неприятель недалече, — отвечал Иван Кузмич. — Бог даст, всё будет ладно. Что, Маша, страшно тебе?» — «Нет, папенька, — отвечала Марья Ивановна, — дома одной страшнее». Тут она взглянула на меня и с усилием улыбнулась. Я невольно стиснул рукоять моей шпаги, вспомя, что накануне получил её из её рук, как бы на защиту моей любезной. Сердце моё горело. Я воображал себя её рыцарем. Я жаждал доказать, что был достоин её доверенности, и с нетерпением стал ожидать решительной минуты.

В это время из-за высоты, находившейся в полверсте от крепости, показались новые конные толпы, и вскоре степь усеялась множеством людей, вооружённых копьями и сайдаками¹. Между ими на белом коне ехал человек в красном кафтане, с обнажённой саблею в руке: это был сам Пугачёв. Он остановился; его окружили, и, как видно, по его повелению, четыре человека отделились и во весь опор подскакали под самую крепость. Мы в них узнали своих изменников. Один из них держал под шапкою лист бумаги; у другого на копьё воткнута была голова Юлая, которую, стряхнув, перекинул он к нам чрез частокол. Голова бедного калмыка упала к ногам коменданта. Изменники кричали: «Не стреляйте: выходите вон к государю. Государь здесь!».

¹ *Сайдак* — лук с колчаном и стрелами.

«Вот я вас! — закричал Иван Кузмич. — Ребята! стреляй!» Солдаты наши дали залп. Казак, державший письмо, зашатался и свалился с лошади; другие поскакали назад. Я взглянул на Машу Ивановну. Поражённая видом окровавленной головы Юлая, оглушённая залпом, она казалась без памяти. Комендант подозвал капрала и велел ему взять лист из рук убитого казака. Капрал вышел в поле и возвратился, ведя под уздцы лошадь убитого. Он вручил коменданту письмо. Иван Кузмич прочёл его про себя и разорвал потом в клочки. Между тем мятежники, видимо, приготовлялись к действию. Вскоре пули начали свистать около наших ушей, и несколько стрел воткнулись около нас в землю и в частокол. «Василиса Егоровна! — сказал комендант. — Здесь не бабе дело; уведи Машу; видишь: девка ни жива ни мертва».

Василиса Егоровна, присмирившая под пулями, взглянула на степь, на которой заметно было большое движение; потом оборотилась к мужу и сказала ему: «Иван Кузмич, в животе и смерти Бог волен: благослови Машу. Маша, подойди к отцу».

Маша, бледная и трепещущая, подошла к Ивану Кузмичу, стала на колени и поклонилась ему в землю. Старый комендант перекрестил её трижды; потом поднял и, поцеловав, сказал ей изменившимся голосом: «Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: Он тебя не оставит. Коли найдётся добрый человек, дай Бог вам любовь да совет. Живите, как жили мы с Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же её поскорее». (Маша кинулась ему на шею и зарыдала.) «Поцелуемся ж и мы, — сказала, заплакав, комендантша. — Прощай, мой Иван Кузмич. Отпусти мне, коли в чём я тебе досадила!» — «Прощай, прощай, матушка! — сказал комендант, обняв свою старуху. — Ну, довольно! Ступайте, ступайте домой; да, коли успеешь, надень на Машу сарафан». Комендантша с дочерью удалились. Я глядел вослед Марьи Ивановны; она оглянулась и кивнула мне головой. Тут Иван Кузмич оборотился к нам, и всё внимание его устремилось на неприятеля. Мятежники съезжались около своего предводителя и вдруг начали слезать с лошадей. «Теперь стойте крепко, — сказал комендант, — будет приступ...» В эту минуту раздался страшный визг и крики; мятежники бегом бежали к крепости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендант подпустил их на самое близкое расстояние и вдруг выпалил опять. Картечь хватила в самую средину толпы. Мятежники отхлынули в обе стороны и попятнулись. Предводитель их остался один впереди... Он махал саблею и, казалось, с жаром их уговаривал... Крик и визг, умолкнувшие на минуту, тотчас снова возобновились. «Ну, ребята, — сказал

комендант, — теперь отворяй ворота, бей в барабан. Ребята! вперёд, на вылазку, за мною!».

Комендант, Иван Игнатъич и я мигом очутились за крепостным валом; но обробелый гарнизон не тронулся. «Что ж вы, детушки, стоите? — закричал Иван Кузмич. — Умирать так умирать: дело служивое!» В эту минуту мятежники набежали

на нас и ворвались в крепость. Барабан умолк; гарнизон бросил ружья; меня сшибли было с ног, но я встал и вместе с мятежниками вошёл в крепость. Комендант, раненный в голову, стоял в кучке злодеев, которые требовали от него ключей. Я бросился было к нему на помощь; несколько дюжих казаков схватили меня и связали кушаками, приговаривая: «Вот ужо вам будет, государевым послушникам!». Нас потащили по улицам; жители выходили из домов с хлебом и солью. Раздавался колокольный звон. Вдруг закричали в толпе, что государь на площади ожидает пленных и принимает присягу. Народ повалил на площадь; нас погна-ли туда же.

Пугачёв сидел в креслах на крыльце комендантского дома. На нём был красный казацкий кафтан, обшитый галунами. Высокая соболя шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза. Лицо его показалось мне знакомо. Казацкие старшины окружали его. Отец Герасим, бледный и дрожащий, стоял у крыльца, с крестом в руках, и, казалось, молча умолял его за предстоящие жертвы. На площади ставили наскоро виселицу. Когда мы приблизились, башкирцы разогнали народ и нас представили Пугачёву. Колокольный звон утих; настала глубокая тишина. «Который комендант?» — спросил самозванец. Наш урядник выступил из толпы и указал на Ивана Кузмича. Пугачёв грозно взглянул на старика и сказал ему: «Как ты смел противиться мне, своему государю?». Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твёрдым голосом: «Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!». Пугачёв мрачно нахмурился и махнул белым платком. Несколько казаков подхватили старого капитана и потащили к виселице. На её перекладине очутился верхом изувеченный башкирец, которого допрашивали мы накануне. Он держал в руке верёвку, и через минуту увидел я бедного Ивана Кузмича, вздёрнутого в воздух. Тогда привели к Пугачёву

В. Г. Перов. Суд Пугачёва. 1875

Ивана Игнатъича. «Присягай,— сказал ему Пугачёв,— государю Петру Фёдоровичу!» — «Ты нам не государь,— отвечал Иван Игнатъич, повторяя слова своего капитана.— Ты, дядюшка, вор и самозванец!» Пугачёв махнул опять платком, и добрый поручик повис подле своего старого начальника.

Очередь была за мною. Я глядел смело на Пугачёва, готовясь повторить ответ великодушных моих товарищей. Тогда, к неопи- санному моему изумлению, увидел я среди мятежных старшин Швабрина, обстриженного в кружок и в казацком кафтане. Он подошёл к Пугачёву и сказал ему на ухо несколько слов. «Вешать его!» — сказал Пугачёв, не взглянув уже на меня. Мне накинули на шею петлю. Я стал читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяние во всех моих прегрешениях и моля Его о спасении всех близких моему сердцу. Меня притащили под виселицу. «Не бось, не бось», — повторяли мне губители, может быть и вправду желая меня ободрить. Вдруг услышал я крик: «Постойте, окаянные! погодите!..». Палачи остановились. Гляжу: Савельич лежит в ногах у Пугачёва. «Отец родной! — говорил бедный дядька. — Что тебе в смерти барского дитяти? Отпусти его; за него тебе выкуп дадут; а для примера и страха ради вели повесить хоть меня старика!» Пугачёв дал знак, и меня тотчас развязали и оставили. «Батюшка наш тебя милует», — говорили мне. В эту минуту не могу сказать, чтоб я обрадовался своему избавлению, не скажу, однако ж, чтоб я о нём и сожалел. Чувствования мои были слишком смутны. Меня снова повели к самозванцу и поставили перед ним на колени. Пугачёв протянул мне жилистую свою руку. «Целуй руку, целуй руку!» — говорили около меня. Но я предпочёл бы самую лютую казнь такому подлому унижению. «Батюшка Пётр Андреич! — шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня. — Не упрямясь! что тебе стоит? плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!) поцелуй у него ручку». Я не шевелился. Пугачёв опустил руку, сказав с усмешкою: «Его благородие, знать, одурел от радости. Подымите его!» — Меня подняли и оставили на свободе. Я стал смотреть на продолжение ужасной комедии.

Жители начали присягать. Они подходили один за другим, целуя распятие и потом кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тут же. Ротный портной, вооружённый тупыми своими ножницами, резал у них косы¹. Они, отряхиваясь, подходили к руке Пугачёва, который объявлял им прощение и принимал

¹ Солдаты в XVIII веке носили парики с туго заплетёнными косами. Пугачёвцы резали косы солдатам в знак освобождения от службы в царской армии.

в свою шайку. Всё это продолжалось около трёх часов. Наконец Пугачёв встал с кресел и сошёл с крыльца в сопровождении своих старшин. Ему подвели белого коня, украшенного богатой сбруей. Два казака взяли его под руки и посадили на седло. Он объявлял отцу Герасиму, что будет обедать у него. В эту минуту раздался женский крик. Несколько разбойников вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрёпанную и раздетую донага. Один из них успел уже нарядиться в её душегрейку. Другие таскали перины, сундуки, чайную посуду, бельё и всю рухлядь. «Батюшки мои! — кричала бедная старушка. — Отпустите душу на покаяние. Отцы родные, отведите меня к Ивану Кузмичу». Вдруг она взглянула на виселицу и узнала своего мужа. «Злодеи! — закричала она в иступлении. — Что это вы с ним сделали? Свет ты мой, Иван Кузмич, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; не в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от беглого каторжника!» — «Унять старую ведьму!» — сказал Пугачёв. Тут молодой казак ударил её саблею по голове, и она упала мёртвая на ступени крыльца. Пугачёв уехал; народ бросился за ним.

Глава VIII Незванный гость

Незванный гость хуже татарина.

Пословица

Площадь опустела. Я всё стоял на одном месте и не мог привести в порядок мысли, смущённые столь ужасными впечатлениями. <...>

Я пришёл домой. Савельич встретил меня у порога. «Слава Богу! — вскричал он, увидя меня. — Я было думал, что злодеи опять тебя подхватили. Ну, батюшка Пётр Андреич! веришь ли? всё у нас разграбили, мошенники: платье, бельё, вещи, посуду — ничего не оставили. Да что уж! Слава Богу, что тебя живого отпустили! А узнал ли ты, сударь, атамана?»

— Нет, не узнал; а кто ж он такой?

— Как, батюшка? Ты и позабыл того пьяницу, который выманил у тебя тулуп на постоялом дворе? Заячий тулупчик совсем новёшенький, а он, бестия, его так и распорол, напяливая на себя!

Я изумился. В самом деле сходство Пугачёва с моим вожатым было разительно. Я удостоверился, что Пугачёв и он были одно и то же лицо, и понял тогда причину пощады, мне оказанной. Я не

мог не подивиться странному сцеплению обстоятельств: детский тулуп, подаренный бродяге, избавлял меня от петли, и пьяница, шатавшийся по постоялым дворам, осаждал крепости и потрясал государством! <...>

Размышления мои были прерваны приходом одного из казаков, который прибежал с объявлением, «что-де великий государь требует тебя к себе». <...>

Необыкновенная картина мне представилась: за столом, накрытым скатертью и установленным штофами и стаканами, Пугачёв и человек десять казацких старшин сидели, в шапках и цветных рубашках, разгорячённые вином, с красными рожамми и блистающими глазами. Между ими не было ни Швабина, ни нашего урядника, новобраных изменников. «А, ваше благородие! — сказал Пугачёв, увидя меня. — Добро пожаловать; честь и место, милости просим». Собеседники потеснились. Я молча сел на краю стола. Сосед мой, молодой казак, стройный и красивый, налил мне стакан простого вина, до которого я не коснулся. С любопытством стал я рассматривать сборище. Пугачёв на первом месте сидел, облокотясь на стол и подпирая чёрную бороду своим широким кулаком. Черты лица его, правильные и довольно приятные, не изъясляли ничего свирепого. Он часто обращался к человеку лет пятидесяти, называя его то графом, то Тимофеичем, а иногда величая его дядюшкой. Все обходились между собою как товарищи и не оказывали никакого особенного предпочтения своему предводителю. Разговор шёл об утреннем приступе, об успехе возмущения и о будущих действиях. Каждый хвастал, предлагал свои мнения и свободно оспаривал Пугачёва. И на сём-то странном военном совете решено было идти к Оренбургу: движение дерзкое, и которое чуть было не увенчалось бедственным успехом! Поход был объявлен к завтрашнему дню. «Ну, братцы, — сказал Пугачёв, — затынем-ка на сон грядущий мою любимую песенку. Чумаков! начинай!» — Сосед мой затынул тонким голоском заунывную бурацкую песню, и все подхватили хором:

Не шуми, мати зелёная дубровушка,
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати.
Что завтра мне, доброму молодцу, в допрос идти
Перед грозного судью, самого царя.
Ещё станет государь-царь меня спрашивать:
Ты скажи, скажи, детинушка крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Ещё много ли с тобой было товарищей?

Я скажу тебе, надёжа православный царь,
Всеё правду скажу тебе, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Ещё первый мой товарищ тёмная ночь,
А второй мой товарищ булатный нож,
А как третий-то товарищ, то мой добрый конь,
А четвёртый мой товарищ, то тугой лук,
Что рассыльщики мои, то калёны стрелы.
Что возговорит надёжа православный царь:
Исполать¹ тебе, детинушка крестьянский сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалую
Среди поля хорумами высокими,
Что двумя ли столбами с перекладиной.

Невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта простонародная песня про виселицу, распеваемая людьми, обречёнными виселице. Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным, — всё потрясло меня каким-то пиитическим² ужасом. <...>

— Что, ваше благородие? — сказал он мне. — Струсил ты, признайся, когда молодцы мои накиннули тебе верёвку на шею? Я чаю, небо с овчинку показалось... А покачался бы на перекладине, если б не твой слуга. Я тотчас узнал старого хрыча. Ну, думал ли ты, ваше благородие, что человек, который вывел тебя к умёту, был сам великий государь? (Тут он взял на себя вид важный и таинственный.) Ты крепко передо мною виноват, — продолжал он, — но я помиловал тебя за твою добродетель, за то, что ты оказал мне услугу, когда принуждён я был скрываться от своих недругов. То ли ещё увидишь! Так ли ещё тебя пожалую, когда получу своё государство! Обещаешься ли служить мне с усердием?

Вопрос мошенника и его дерзость показались мне так забавны, что я не мог не усмехнуться.

— Чему ты усмехаешься? — спросил он меня нахмурясь. — Или ты не веришь, что я великий государь? Отвечай прямо.

Я смутился: признать бродягу государем был я не в состоянии: это казалось мне малодушием непростительным. Назвать его в глаза обманщиком — было подвергнуть себя погибели; и то, на что я был готов под виселицею в глазах всего народа и в первом пылу негодования, теперь казалось мне бесполезной хвастливостию.

¹ *Исполать* (устар.) — хвала, слава.

² *Пиитический* (устар.) — поэтический.

Я колебался. Пугачёв мрачно ждал моего ответа. Наконец (и ещё ныне с самодовольствием поминаю эту минуту) чувство долга восторжествовало во мне над слабостью человеческою. Я отвечал Пугачёву: «Слушай; скажу тебе всю правду. Рассуди, могу ли я признать в тебе государя? Ты человек смышлённый: ты сам увидел бы, что я лукавствую».

— Кто же я таков, по твоему разумению?

— Бог тебя знает; но кто бы ты ни был, ты шутишь опасную шутку.

Пугачёв взглянул на меня быстро. «Так ты не веришь,— сказал он,— чтоб я был государь Пётр Фёдорович? Ну, добро. А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка Отрепьев не царствовал? Думай про меня что хочешь, а от меня не отставай. Какое тебе дело до иного-прочего? Кто ни поп, тот батька. Послужи мне верой и правдою, и я тебя пожалую и в фельдмаршалы и в князья. Как ты думаешь?»

— Нет,— отвечал я с твёрдостью.— Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу. Коли ты в самом деле желаешь мне добра, так отпусти меня в Оренбург.

Пугачёв задумался. «А коли отпущу,— сказал он,— так обещаешься ли по крайней мере против меня не служить?»

— Как я могу тебе в этом обещаться? — отвечал я.— Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя — пойду, делать нечего. Ты теперь сам начальник; сам требуешь повиновения от своих. На что это будет похоже, если я от службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя в твоей власти: отпустишь меня — спасибо; казнишь — Бог тебе судья; а я сказал тебе правду.

Моя искренность поразила Пугачёва. «Так и быть,— сказал он, ударя меня по плечу.— Казнить так казнить, миловать так миловать. Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь. Завтра приходи со мною проститься, а теперь ступай себе спать, и меня уж дрёма клонит».

Глава X Осада города

Заняв луга и горы,
С вершины, как орёл, бросал на град он взоры.
За станом повелел соорудить раскат,
И в нём перуны скрыв, в ночи привесть под град.
Херасков

<...> Не стану описывать оренбургскую осаду, которая принадлежит истории, а не семейственным запискам. Скажу вкратце, что сия осада по неосторожности местного начальства была гибельна для жителей, которые претерпели голод и всевозможные бедствия. Легко можно себе вообразить, что жизнь в Оренбурге была самая несносная. <...> Время шло. Писем из Белогорской крепости я не получал. Все дороги были отрезаны. Разлука с Марьей Ивановной становилась мне нестерпима. Неизвестность о её судьбе меня мучила. Единственное развлечение моё состояло в наездничестве. <...> ...ежедневно выезжал я за город перестреливаться с пугачёвскими наездниками. В этих перестрелках перевес был обыкновенно на стороне злодеев, сытых, пьяных и доброконных. Тощая городская конница не могла их одолеть. Иногда выходила в поле и наша голодная пехота; но глубина снега мешала ей действовать удачно противу рассеянных наездников. Артиллерия тщетно гремела с высоты вала, а в поле вязла и не двигалась по причине изнурения лошадей. Таков был образ наших военных действий!..

Однажды, когда удалось нам как-то рассеять и прогнать довольно густую толпу, наехал я на казака, отставшего от своих товарищей; я готов был уже ударить его своею турецкою саблею, как вдруг он снял шапку и закричал: «Здравствуйте, Пётр Андреич! Как вас Бог милует?».

Я взглянул и узнал нашего урядника. Я несказанно ему обрадовался. «Здравствуй, Максимыч,— сказал я ему.— Давно ли из Белогорской?»

— Недавно, батюшка Пётр Андреич; только вчера воротился. У меня есть к вам письмоцо.

— Где ж оно? — вскричал я, весь так и вспыхнув.

— Со мною,— отвечал Максимыч, положив руку за пазуху <...> Тут он подал мне сложенную бумажку и тотчас ускакал. Я развернул её и с трепетом прочёл следующие строки:

«Богу угодно было лишить меня вдруг отца и матери: не имею на земле ни родни, ни покровителей. Прибегаю к вам, зная, что вы всегда желали мне добра и что вы всякому человеку готовы помочь. Молю Бога, чтоб это письмо как-нибудь до вас дошло! Максимыч обещал вам его доставить. Палаша слышала также от Максимыча, что вас он часто издали видит на вылазках и что вы совсем себя не бережёте и не думаете о тех, которые за вас со слезами Бога молят. Я долго была больна; а когда выздоровела, Алексей Иванович, который командует у нас на месте покойного батюшки, принудил отца Герасима выдать меня

ему, застращав Пугачёвым. Я живу в нашем доме под караулом. Алексей Иванович принуждает меня выйти за него замуж. Он говорит, что спас мне жизнь, потому что прикрыл обман Акулины Памфиловны, которая сказала злодеям, будто бы я её племянница. А мне легче было бы умереть, нежели сделаться женою такого человека, каков Алексей Иванович. Он обходится со мною очень жестоко и грозитя, коли не одумаюсь и не соглашусь, то привезёт меня в лагерь к злодею, и с вами-де то же будет, что с Лизаветой Харловой¹. Я просила Алексея Ивановича дать мне подумать. Он согласился ждать ещё три дня; а коли через три дня за него не выду, так уж никакой пощады не будет. Батюшка Пётр Андреич! вы один у меня покровитель; заступитесь за меня бедную. Упросите генерала и всех командиров прислать к нам поскорее сикурсу да приезжайте сами, если можете. Остаюсь вам покорная бедная сирота

Марья Миронова».

Прочитав это письмо, я чуть с ума не сошёл. Я пустился в город, без милосердия пришпоривая бедного моего коня. Дорогою придумывал я и то и другое для избавления бедной девушки и ничего не мог выдумать <...>

Глава XI Мятежная слобода

В ту пору лев был сыт, хоть сроду он свиреп. «Зачем пожаловать изволил в мой вертеп?» — Спросил он ласково.

А. Сумароков

Я вошёл в избу, или во дворец, как называли её мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою; впрочем, лавки, стол, рукомойник на верёвочке, полотенце на гвозде, ухват в углу и широкий шесток², уставленный горшками, — всё было как в обыкновенной избе. Пугачёв сидел под образами, в красном кафтане, в высокой шапке и важно подбочась. Около него стояло несколько из главных его товарищей, с видом притворного подобострастия. Видно было, что весть о прибытии офицера из Оренбурга пробудила в бунтовщиках сильное любопытство и что они приготовились встретить меня с торжеством. Пугачёв узнал меня с первого взгляду. Поддельная важ-

¹ *Лизавета Харлова* — жена коменданта Нижнеозёрной крепости, убитая пугачёвцами (историческое лицо).

² *Шесток* — площадка в передней части русской печи.

ность его вдруг исчезла. «А, ваше благородие! — сказал он мне с живостью. — Как поживаешь? Зачем тебя Бог принёс?» Я отвечал, что ехал по своему делу и что люди его меня остановили. «А по какому делу?» — спросил он меня. Я не знал, что отвечать. Пугачёв, полагая, что я не хочу объясняться при свидетелях, обратился к своим товарищам и велел им выйти. Все послушались, кроме двух, которые не тронулись с места. <...>

С. В. Герасимов. Гринёв у Пугачёва в Бердской слободе. Иллюстрация к повести «Капитанская дочка»

Странная мысль пришла мне в голову: мне показалось, что провидение, вторично приведшее меня к Пугачёву, подавало мне случай привести в действие моё намерение. Я решился им воспользоваться и, не успев обдумать то, на что решался, отвечал на вопрос Пугачёва:

— Я ехал в Белогорскую крепость избавить сироту, которую там обижают.

Глаза у Пугачёва засверкали. «Кто из моих людей смеет обижать сироту? — закричал он. — Будь он семи пядень во лбу, а от суда моего не уйдёт. Говори: кто виноватый?»

— Швабрин виноватый, — отвечал я. — Он держит в неволе ту девушку, которую ты видел, больную, у попадьи, и насильно хочет на ней жениться.

— Я проучу Швабрину, — сказал грозно Пугачёв. — Он узнает, каково у меня своевольничать и обижать народ. Я его повешу. <...>

— Добро, — сказал Пугачёв. — Теперь скажи, в каком состоянии ваш город.

— Слава Богу, — отвечал я, — всё благополучно.

— Благополучно? — повторил Пугачёв. — А народ мрёт с голоду!

Самозванец говорил правду; но я по долгу присяги стал уверять, что всё это пустые слухи и что в Оренбурге довольно всяких запасов. <...>

<...> Пугачёв развеселился. «Долг платежом красен, — сказал он, мигая и прищуриваясь. — Расскажи-ка мне теперь, какое тебе дело до той девушки, которую Швабрин обижает? Уж не зазнаба ли сердцу молодецкому? а?»

— Она невеста моя, — отвечал я Пугачёву, видя благоприятную перемену погоды и не находя нужды скрывать истину.

— Твоя невеста! — закричал Пугачёв. — Что ж ты прежде не сказал? Да мы тебя женим и на свадьбе твоей попируем! <...>

Путру пришли меня звать от имени Пугачёва. Я пошёл к нему. У ворот его стояла кибитка, запряжённая тройкою татарских лошадей. Народ толпился на улице. В сенях встретил я Пугачёва: он был одет по-дорожному, в шубе и в киргизской шапке. <...> Пугачёв весело со мною поздоровался и велел мне садиться с ним в кибитку.

Мы уселись. «В Белогорскую крепость!» — сказал Пугачёв широкоплечему татарину, стоя правящему тройкою. Сердце мое сильно забилось. Лошади тронулись, колокольчик загремел, кибитка полетела <...>

Вдруг Пугачёв прервал мои размышления, обратясь ко мне с вопросом:

— О чём, ваше благородие, изволил задуматься?

— Как не задуматься, — отвечал я ему. — Я офицер и дворянин; вчера ещё дрался противу тебя, а сегодня еду с тобой в одной кибитке, и счастье всей моей жизни зависит от тебя.

— Что ж? — спросил Пугачёв. — Страшно тебе?

Я отвечал, что, быв однажды уже им помилован, я надеялся не только на его пощаду, но даже и на помощь.

— И ты прав, ей-богу прав! — сказал самозванец. — Ты видел, что мои ребята смотрели на тебя косо; а старик и сегодня настаивал на том, что ты шпион и что надобно тебя пытать и повесить; но я не согласился, — прибавил он, понизив голос, чтоб Савельич и татарин не могли его услышать, — помня твой стакан вина и заячий тулуп. Ты видишь, что я не такой ещё кровопийца, как говорит обо мне ваша братья.

Я вспомнил взятие Белогорской крепости; но не почёл нужным его оспаривать и не отвечал ни слова. <...>

— Не лучше ли тебе отстать от них самому, заблаговременно, да прибегнуть к милосердию государыни?

Пугачёв горько усмехнулся. <...>

— Слушай, — сказал Пугачёв с каким-то диким вдохновением. — Расскажу тебе сказку, которую в ребячестве мне рассказывала старая калмычка. Однажды орёл спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живёшь ты на белом свете триста лет, а я всего-навсего только тридцать три года? — Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьёшь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орёл подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо.

Полетели орёл да ворон. Вот завидели палую лошадь, спустились и сели. Ворон стал клевать да похваливать. Орёл клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон, чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что Бог даст! — Какова калмыцкая сказка?

— Затейлива, — отвечал я ему. — Но жить убийством и разбоем значит, по мне, клевать мертвечину.

Пугачёв посмотрел на меня с удивлением и ничего не отвечал. Оба мы замолчали, погружаясь каждый в свои размышления. Татарин затянул унылую песню; Савельич, дремля, качался на облучке. Кибитка летела по гладкому зимнему пути... Вдруг увидел я деревушку на крутом берегу Яика, с частоколом и с колокольней, — и через четверть часа въехали мы в Белогорскую крепость.

Глава XII Сирота

Как у нашей у яблонки
Ни верхушки нет, ни отросточек;
Как у нашей у княгинюшки
Ни отца нету, ни матери.
Снарядить-то её некому,
Благословить-то её некому.

Свадебная песня

Кибитка подъехала к крыльцу комендантского дома. Народ узнал колокольчик Пугачёва и толпою бежал за нами. Швабрин встретил самозванца на крыльце. Он был одет казаком и отрастил себе бороду. Изменник помог Пугачёву вылезть из кибитки, в подлых выражениях изъявляя свою радость и усердие. Увидя меня, он смутился, но вскоре оправился, протянул мне руку, говоря: «И ты наш? Давно бы так!» — Я отворотился от него и ничего не отвечал.

Сердце моё заныло, когда очутились мы в давно знакомой комнате, где на стене висел ещё диплом покойного коменданта, как печальная эпитафия¹ прошедшему времени. Пугачёв сел на том диване, на котором, бывало, дремал Иван Кузмич, усыпленный ворчанием своей супруги. Швабрин сам поднёс ему водки. Пугачёв выпил рюмку и сказал ему, указав на меня: «Попотчуй и его благородие». Швабрин подошёл ко мне с своим подносом; но я вторично от него отворотился. Он казался сам не свой. При

¹ *Эпита́фия* — надгробная, надмогильная надпись.

обыкновенной своей сметливости он, конечно, догадался, что Пугачёв был им недоволен. Он трусил перед ним, а на меня поглядывал с недоверчивостью. Пугачёв осведомился о состоянии крепости, о слухах про неприятельские войска и тому подобном, и вдруг спросил его неожиданно: «Скажи, братец, какую девушку держишь ты у себя под караулом? Покажи-ка мне её».

Швабрин побледнел, как мёртвый. «Государь, — сказал он дрожащим голосом... — Государь, она не под караулом... она больна... она в светлице лежит».

«Веди ж меня к ней», — сказал самозванец, вставая с места. Отговориться было невозможно. Швабрин повёл Пугачёва в светлицу Марьи Ивановны. Я за ними последовал.

Швабрин остановился на лестнице. «Государь! — сказал он. — Вы властны требовать от меня, что вам угодно; но не прикажите постороннему входить в спальню к жене моей».

Я затрепетал. «Так ты женат!» — сказала я Швабрину, готовясь его растерзать.

— Тише! — прервал меня Пугачёв. — Это моё дело. А ты, — продолжал он, обращаясь к Швабрину, — не умничай и не ломайся: жена ли она тебе, или не жена, а я веду к ней кого хочу. Ваше благородие, ступай за мною.

У дверей светлицы Швабрин опять остановился и сказал прерывающимся голосом: «Государь, предупреждаю вас, что она в белой горячке и третий день как бредит без умолку».

— Отворяй! — сказал Пугачёв.

Швабрин стал искать у себя в карманах и сказал, что не взял с собою ключа. Пугачёв толкнул дверь ногою; замок отскочил; дверь отворилась, и мы вошли.

Я взглянул и обмер. На полу, в крестьянском оборванном платье сидела Марья Ивановна, бледная, худая, с растрёпанными волосами. Перед нею стоял кувшин воды, накрытый ломтём хлеба. Увидя меня, она вздрогнула и закричала. Что тогда со мною стало — не помню.

Пугачёв посмотрел на Швабрину и сказал с горькой усмешкою: «Хорош у тебя лазарет!». Потом, подошед к Марье Ивановне: «Скажи мне, голубушка, за что твой муж тебя наказывает? в чём ты перед ним провинилась?»

— Мой муж! — повторила она. — Он мне не муж. Я никогда не буду его женою! Я лучше решила умереть, и умру, если меня не избавят.

Пугачёв взглянул грозно на Швабрину: «И ты смел меня обманывать! — сказал он ему. — Знаешь ли, бездельник, чего ты достоин?».

Швабрин упал на колени... В эту минуту презрение заглушило во мне все чувства ненависти и гнева. С омерзением глядел я на дворянина, валяющегося в ногах беглого казака. Пугачёв смягчился. «Милую тебя на сей раз, — сказал он Швабрину, — но знай, что при первой вине тебе припомнится и эта». Потом обратился к Марье Ивановне и сказал ей ласково: «Выходи, красная девица; дарю тебе волю. Я государь».

Марья Ивановна быстро взглянула на него и догадалась, что перед нею убийца её родителей. Она закрыла лицо обеими руками и упала без чувств. Я кинулся к ней, но в эту минуту очень смело в комнату втёрлась моя старинная знакомая Палаша и стала ухаживать за своею барышнею. Пугачёв вышел из светлицы, и мы трое сошли в гостиную.

— Что, ваше благородие? — сказал смеясь Пугачёв. — Выручили красную девицу! Как думаешь, не послать ли за попом, да не заставить ли его обвенчать племянницу? Пожалуй, я буду посажёным отцом, Швабрин дружкою; закутим, запьём — и ворота закрём!

Чего я опасался, то и случилось. Швабрин, услыша предложение Пугачёва, вышел из себя. «Государь! — закричал он в исступлении. — Я виноват, я вам солгал; но и Гринёв вас обманывает. Эта девушка не племянница здешнего попа: она дочь Ивана Миронова, который казнён при взятии здешней крепости».

Пугачёв устремил на меня огненные свои глаза. «Это что ещё?» — спросил он меня с недоумением.

— Швабрин сказал тебе правду, — отвечал я с твёрдостью.

— Ты мне этого не сказал, — заметил Пугачёв, у коего лицо омрачилось.

— Сам ты рассуди, — отвечал я ему, — можно ли было при твоих людях объявить, что дочь Миронова жива. Да они бы её загрызли. Ничто её бы не спасло!

— И то правда, — сказал смеясь Пугачёв. — Мои пьяницы не пощадили бы бедную девушку. Хорошо сделала кумушка-попадья, что обманула их.

— Слушай, — продолжал я, видя его доброе расположение. — Как тебя назвать не знаю, да и знать не хочу... Но Бог видит, что жизнью моею рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести. Ты мой благодетель. Доверши как начал: отпусти меня с бедною сиротою, куда нам Бог путь укажет. А мы, где бы ты ни был и что бы с тобою ни случилось, каждый день будем Бога молить о спасении грешной твоей души...

Казалось, суровая душа Пугачёва была тронута. «Ин быть потвоему! — сказал он.— Казнить так казнить, жаловать так жаловать: таков мой обычай. Возьми себе свою красавицу; вези её, куда хочешь, и дай вам Бог любовь да совет!»

Тут он оборотился к Швабрину и велел выдать мне пропуск во все заставы и крепости, подвластные ему. Швабрин, совсем уничиженный, стоял как остолбенелый. Пугачёв отправился осматривать крепость. Швабрин его сопровождал; а я остался под предлогом приготовлений к отъезду. <...>

Я схватил её руку и долго не мог вымолвить ни одного слова. Мы оба молчали от полноты сердца. Хозяева наши почувствовали, что нам было не до них, и оставили нас. Мы остались одни. Всё было забыто. Мы говорили и не могли наговориться. Марья Ивановна рассказала мне всё, что с нею ни случилось с самого взятия крепости; описала мне весь ужас её положения, все испытания, которым подвергал её гнусный Швабрин. Мы вспомнили и прежнее счастливое время... Оба мы плакали... Наконец я стал объяснять ей мои предположения. Оставаться ей в крепости, подвластной Пугачёву и управляемой Швабриным, было невозможно. Нельзя было думать и об Оренбурге, претерпевавшем все бедствия осады. У ней не было на свете ни одного родного человека. Я предложил ей ехать в деревню к моим родителям. Она сначала колебалась: известное ей неблагоприятное отца моего её пугало. Я её успокоил. Я знал, что отец почтёт за счастье и вменит себе в обязанность принять дочь заслуженного воина, погибшего за отечество. «Милая Марья Ивановна! — сказал я наконец.— Я почитаю тебя своею женою. Чудные обстоятельства соединили нас неразрывно: ничто на свете не может нас разлучить». Марья Ивановна выслушала меня просто, без притворной застенчивости, без затейливых отговорок. Она чувствовала, что судьба её соединена была с моею. Но она повторила, что не иначе будет моею женою, как с согласия моих родителей. Я ей и не противуречил. Мы поцеловались горячо, искренно — и таким образом всё было между нами решено. <...>

Глава XIII Арест

Не гневайтесь, сударь: по долгу моему
Я должен сей же час отправить вас в тюрьму.
— Извольте, я готов; но я в такой надежде,
Что дело объяснить дозволите мне прежде.

Княжнин

Это было в конце февраля. Зима, затруднявшая военные распоряжения, проходила, и наши генералы готовились к дружному содействию. Пугачёв всё ещё стоял под Оренбургом. Между тем около его отряды соединялись и со всех сторон приближались к злодейскому гнезду. Бунтующие деревни при виде наших войск приходили в повиновение; шайки разбойников везде бежали от нас, и всё предвещало скорое и благополучное окончание.

В день, назначенный для выезда, в самую ту минуту, когда готовился я пуститься в дорогу, Зурин вошёл ко мне в избу, держа в руках бумагу, с видом чрезвычайно озабоченным. Что-то кольнуло меня в сердце. Я испугался, сам не зная чего. Он выслал моего денщика и объявил, что имеет до меня дело. «Что такое?» — спросил я с беспокойством. «Маленькая неприятность», — отвечал он, подавая мне бумагу. — Прочитай, что сейчас я получил». Я стал её читать: это был секретный приказ ко всем отдельным начальникам арестовать меня, где бы ни попался, и немедленно отправить под караулом в Казань в Следственную комиссию, учреждённую по делу Пугачёва. Бумага чуть не выпала из моих рук. «Делать нечего! — сказал Зурин. — Долг мой повиноваться приказу. Вероятно, слух о твоих дружеских путешествиях с Пугачёвым как-нибудь да дошёл до правительства. Надеюсь, что дело не будет иметь никаких последствий и что ты оправдаешься перед комиссией. Не унывай и отправляйся». Совесть моя была чиста; я суда не боялся; но мысль отсрочить минуту сладкого свидания, может быть, на несколько ещё месяцев — устрасала меня. Тележка была готова. Зурин дружески со мною простился. Меня посадили в тележку. Со мною сели два гусара с саблями наголо, и я поехал по большой дороге.

Глава XIV Суд

Мирская молва —
Морская волна.

Пословица

Я вошёл в залу довольно обширную. За столом, покрытым бумагами, сидели два человека: пожилой генерал, виду строгого и холодного, и молодой гвардейский капитан, лет двадцати осьми, очень приятной наружности, ловкий и свободный в обращении. У окошка за особым столом сидел секретарь с пером за ухом, наклонясь над бумагою, готовый записывать мои показания. Начался допрос. Меня спросили о моём имени и звании. Генерал

осведомился, не сын ли я Андрея Петровича Гринёва? И на ответ мой возразил сурово: «Жаль, что такой почтенный человек имеет такого недостойного сына!». Я спокойно отвечал, что каковы бы ни были обвинения, тяготеющие на мне, я надеюсь их рассеять чистосердечным объяснением истины. Уверенность моя ему не понравилась. «Ты, брат, востёр, — сказал он мне нахмурясь, — но видали мы и не таких!»

Тогда молодой человек спросил меня: по какому случаю и в какое время вошёл я в службу к Пугачёву и по каким поручениям был я им употреблён?

Я отвечал с негодованием, что я, как офицер и дворянин, ни в какую службу к Пугачёву вступать и никаких поручений от него принять не мог.

— Каким же образом, — возразил мой допросчик, — дворянин и офицер один пощажён самозванцем, между тем как все его товарищи злодейски умерщвлены? Каким образом этот самый офицер и дворянин дружески пирует с бунтовщиками, принимает от главного злодея подарки, шубу, лошадь и полтину денег? Отчего произошла такая странная дружба и на чём она основана, если не на измене или по крайней мере на гнусном и преступном малодушии?

Я был глубоко оскорблён словами гвардейского офицера и с жаром начал своё оправдание. Я рассказал, как началось моё знакомство с Пугачёвым в степи, во время бурана; как при взятии Белогорской крепости он меня узнал и пощадил. Я сказал, что тулуп и лошадь, правда, не посовестился я принять от самозванца; но что Белогорскую крепость защищал я противу злодея до последней крайности. Наконец я сослался и на моего генерала, который мог засвидетельствовать моё усердие во время бедственной оренбургской осады. <...>

Я хотел было продолжать, как начал, и объяснить мою связь с Марьей Ивановной так же искренно, как и всё прочее. Но вдруг почувствовал непреодолимое отвращение. Мне пришло в голову, что если назову её, то комиссия потребует её к ответу; и мысль впутать имя её между гнусными извещениями злодеев и её самую привести на очную с ними ставку — эта ужасная мысль так меня поразила, что я замаялся и спутался.

Судьи мои, начинавшие, казалось, выслушивать ответы мои с некоторою благосклонностию, были снова предубеждены противу меня при виде моего смущения. Гвардейский офицер потребовал, чтоб меня поставили на очную ставку с главным доносителем. Генерал велел кликнуть вчерашнего злодея. Я с живостию обратился к дверям, ожидая появления своего обвинителя. Через

несколько минут загремели цепи, двери отворились, и вошёл — Швабрин. Я изумился его перемене. Он был ужасно худ и бледен. Волоса его, недавно чёрные как смоль, совершенно поседели; длинная борода была всклокочена. Он повторил обвинения свои слабым, но смелым голосом. По его словам, я отряжён был от Пугачёва в Оренбург шпионом; ежедневно выезжал на перестрелки, дабы передавать письменные известия о всём, что делалось в городе; что, наконец, явно передался самозванцу, разъезжал с ним из крепости в крепость, стараясь всячески губить своих товарищей-изменников, дабы занимать их места и пользоваться наградами, раздаваемыми от самозванца. Я выслушал его молча и был доволен одним: имя Марьи Ивановны не было произнесено гнусным злодеем, оттого ли, что самолюбие его страдало при мысли о той, которая отвергла его с презрением; оттого ли, что в сердце его таилась искра того же чувства, которое и меня заставляло молчать, — как бы то ни было, имя дочери белогорского коменданта не было произнесено в присутствии комиссии. Я утвердился ещё более в моём намерении, и когда судьи спросили: чем могу опровергнуть показания Швабрина, я отвечал, что держусь первого своего объяснения и ничего другого в оправдание себе сказать не могу. Генерал велел нас вывести. Мы вышли вместе. Я спокойно взглянул на Швабрина, но не сказал ему ни слова. Он усмехнулся злобной усмешкою и, приподняв свои цепи, опередил меня и ускорил свои шаги. Меня опять отвели в тюрьму и с тех пор уже к допросу не требовали.

Слух о моем аресте поразил всё моё семейство. Марья Ивановна так просто рассказала моим родителям о странном знакомстве моём с Пугачёвым, что оно не только не беспокоило их, но ещё и заставляло часто смеяться от чистого сердца. Батюшка не хотел верить, чтобы я мог быть замешан в гнусном бунте, коего цель была ниспровержение престола и истребление дворянского рода. Он строго допросил Савельича. Дядька не утаил, что барин бывал в гостях у Емельки Пугачёва и что-де злодей его таки жаловал; но клялся, что ни о какой измене он не слыхивал. Старики успокоились и с нетерпением стали ждать благоприятных вестей. Марья Ивановна сильно была встревожена, но молчала, ибо в высшей степени была одарена скромностью и осторожностью.

Прошло несколько недель... Вдруг батюшка получает из Петербурга письмо от нашего родственника князя Б**. Князь писал ему обо мне. После обыкновенного приступа, он объявлял ему, что подозрения насчёт участия моего в замыслах бунтовщиков, к несчастью, оказались слишком основательными, что примерная казнь

должна была бы меня постигнуть, но что государыня, из уважения к заслугам и преклонным летам отца, решила помиловать преступного сына и, избавляя его от позорной казни, повелела только сослать в отдалённый край Сибири на вечное поселение.

Марья Ивановна мучилась более всех. Будучи уверена, что я мог оправдаться, когда бы только захотел, она догадывалась об истине и почитала себя виновницей моего несчастья. Она скрывала от всех свои слёзы и страдания и между тем непрестанно думала о средствах, как бы меня спасти.

Вдруг Марья Ивановна, тут же сидевшая за работой, объявила, что необходимость её заставляет ехать в Петербург и что она просит дать ей способ отправиться. <...>

Марья Ивановна благополучно прибыла в Софию и, узнав на почтовом дворе, что Двор находился в то время в Царском Селе, решила тут остановиться. <...>

На другой день рано утром Марья Ивановна проснулась, оделась и тихонько пошла в сад. Утро было прекрасное, солнце освещало вершины лип, пожелтевших уже под свежим дыханием осени. Широкое озеро сияло неподвижно. Проснувшиеся лебеди важно выплывали из-под кустов, осеняющих берег. Марья Ивановна пошла около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева. Вдруг белая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. В эту самую минуту раздался приятный женский голос: «Не бойтесь, она не укусит». И Марья Ивановна увидела даму, сидевшую на скамейке противу памятника. Марья Ивановна села на другом конце скамейки. Дама пристально на неё смотрела; а Марья Ивановна, с своей стороны бросив несколько косвенных взглядов, успела рассмотреть её с ног до головы. Она была в белом утреннем платье, в ночном чепце и в душегрейке. Ей казалось лет сорок. Лицо её, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и лёгкая улыбка имели прелесть неизъяснимую. Дама первая перервала молчание.

- Вы, верно, не здешние? — сказала она.
- Точно так-с: я вчера только приехала из провинции.
- Вы приехали с вашими родными?
- Никак нет-с. Я приехала одна.
- Одна! Но вы так ещё молоды.
- У меня нет ни отца, ни матери.
- Вы здесь, конечно, по каким-нибудь делам?
- Точно так-с. Я приехала подать просьбу государыне.

— Вы сирота: вероятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?

— Никак нет-с. Я приехала просить милости, а не правосудия.

— Позвольте спросить, кто вы таковы?

— Я дочь капитана Миронова.

— Капитана Миронова! того самого, что был комендантом в одной из оренбургских крепостей?

— Точно так-с.

Дама, казалось, была тронута. «Извините меня, — сказала она голосом ещё более ласковым, — если я вмешиваюсь в ваши дела; но я бываю при дворе; изъясните мне, в чём состоит ваша просьба, и, может быть, мне удастся вам помочь».

Марья Ивановна встала и почтительно её благодарила. Всё в неизвестной даме невольно привлекало сердце и внушало доверенность. Марья Ивановна вынула из кармана сложенную бумагу и подала её незнакомой своей покровительнице, которая стала читать её про себя.

Сначала она читала с видом внимательным и благосклонным, но вдруг лицо её переменилось, — и Марья Ивановна, следовавшая глазами за всеми её движениями, испугалась строгому выражению этого лица, за минуту столь приятному и спокойному.

— Вы просите за Гринёва? — сказала дама с холодным видом. — Императрица не может его простить. Он пристал к самозванцу не из невежества и легковерия, но как безнравственный и вредный негодяй.

— Ах, неправда! — вскрикнула Марья Ивановна.

— Как неправда! — возразила дама, вся вспыхнув.

— Неправда, ей-богу, неправда! Я знаю всё, я всё вам расскажу. Он для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если он не оправдался перед судом, то разве потому только, что не хотел запутать меня. — Тут она с жаром рассказала всё, что уже известно моему читателю. <...>

Императрица сидела за своим туалетом. Несколько придворных окружали её и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково к ней обратилась, и Марья Ивановна узнала в ней ту даму, с которой так откровенно изъяснялась она несколько минут тому

И. О. Миодушевский. Вручение письма Екатерине II. 1861

назад. Государыня подозвала её и сказала с улыбкою: «Я рада, что могла сдержать вам своё слово и исполнить вашу просьбу. Дело ваше кончено. Я убеждена в невинности вашего жениха. Вот письмо, которое сами потрудитесь отвезти к будущему свёкру».

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакав, упала к ногам императрицы, которая подняла её и поцеловала. Государыня разговорилась с нею. «Знаю, что вы не богаты, — сказала она, — но я в долгу перед дочерью капитана Миронова. Не беспокойтесь о будущем. Я беру на себя устроить ваше состояние». <...>

В тот же день Марья Ивановна, не полюбопытствовав взглянуть на Петербург, обратно поехала в деревню...

Здесь прекращаются записки Петра Андреевича Гринёва. Из семейственных преданий известно, что он был освобождён от заключения в конце 1774 года, по именному повелению; что он присутствовал при казни Пугачёва, который узнал его в толпе и кивнул ему головою, которая через минуту, мёртвая и окровавленная, показана была народу. Вскоре потом Пётр Андреевич женился на Марье Ивановне. Потомство их благоденствует в Симбирской губернии. В тридцати верстах от *** находится село, принадлежащее десятерым помещикам. В одном из барских флигелей показывают собственно-ручное письмо Екатерины II за стеклом и в рамке. Оно писано к отцу Петра Андреевича и содержит оправдание его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова. Рукопись Петра Андреевича Гринёва доставлена была нам от одного из его внуков, который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом. Мы решились, с разрешения родственников, издать её особо, приискав к каждой главе приличный эпитаф и дозволив себе переменить некоторые собственные имена.

Издатель.

19 окт. 1836.

Пугачёв под конвоем

Обдумываем прочитанное, делимся впечатлениями

1. Вы прочитали повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка». С каким настроением вы приступали к её чтению и с каким настроением закончили чтение? Не пожалели ли вы о «потерянном» на чтение времени?

2. Что больше всего заинтересовало вас в хитросплетениях повести? Какие герои вызвали у вас восхищение, какие — возмущение, а о ком вы пока не можете составить точного впечатления? Почему?
3. Как вы думаете, о чём говорит А. С. Пушкин? Какие темы, проблемы освещает?

Поразмышляем и поговорим о прочитанном

1. Эпиграфом ко всей повести «Капитанская дочка» А. С. Пушкин взял слова, являющиеся частью пословицы: «Береги платье снову, а честь¹ смолоду». В чём вы видите её смысл? Почему писатель использовал только часть пословицы?
2. А. С. Пушкин даёт эпиграф к каждой главе повести. Как вы думаете, для чего они ему нужны?
3. Вы, конечно, обратили внимание на особенности повествования в «Капитанской дочке»: оно ведётся от первого лица и записки созданы героем уже взрослым, вспоминающим самые важные события в своей жизни. Для чего, на ваш взгляд, Пушкин прибегает к такому приёму?
4. Каким было воспитание Петруши Гринёва и как оно повлияло на его дальнейшую жизнь? Как вы расцениваете решение отца Петра Гринёва отправить его служить в армию не в Петербург, а в Оренбург? Каким вам кажется наказ Андрея Петровича служить верно: устаревшим в наши дни или всегда актуальным нравственным правилом?
5. Перечитайте вторую главу повести, обратите внимание на описание бурана. Какое значение с точки зрения последующих событий имеет этот образ?
6. Перескажите сон Петра Гринёва, который он увидел на пути к постоялому двору. Можно ли его назвать его пророческим? Догадались ли вы о его роли в тексте, пока читали?
7. Найдите описание портрета Пугачёва во второй главе, сравните его с портретом Емельяна Пугачёва, приложенным Пушкиным к изданию «Истории Пугачёвского бунта». Определите, какая деталь в художественном описании внешности вожатого-Пугачёва является самой важной? Почему? Что в описании его поведения, речи сразу же заинтересовывает читателя?

¹ *Честь* — 1) достойные уважения и гордости моральные качества и принципы личности; 2) хорошая, незапятнанная репутация, доброе имя; 3) почёт, уважение.

8. Опишите, какой ожидал увидеть Гринёв Белогорскую крепость и какой она оказалась на самом деле. Почему Пётр Гринёв очень скоро привязался к семейству Мироновых? Что в их семейном укладе напоминало ему собственную семью, а что отличалось?
9. Какое впечатление произвёл на вас Швабрин? Какие чувства вызывает лично у вас его поведение во время дуэли с Гринёвым, отношение к Маше Мироновой?
10. Как развивалась история любви Маши Мироновой и Петра Гринёва? Реакция Маши или Петра на письмо отца Гринёва вам ближе?
11. Почему Пугачёву сравнительно легко удалось взять крепость? Чем объясняется жестокость его суда над офицерами — защитниками Белогорской крепости?
12. Как вы оцениваете поведение коменданта во время защиты крепости и суда Пугачёва? Как характеризуют Василису Егоровну последние в её жизни слова: «Свет ты мой, Иван Кузмич, удаляя солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; не в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от беглого каторжника!»?
13. Как характеризует Петра Гринёва его поведение во время суда Пугачёва и во время встречи с предводителем восстания в доме коменданта? Что понравилось Пугачёву в поведении Гринёва?
14. Какое значение имеет название главы «Мятежная слобода» и эпиграф — слова из басни А. П. Сумарокова: «В ту пору лев был сыт, хоть сроду он свиреп. “Зачем пожаловать изволил в мой вертеп?” — спросил он ласково»? Каким предстаёт Пугачёв в этой главе? Как вы расценили его решение ехать вместе с Гринёвым в Белогорскую крепость?
15. Прочитайте в лицах сцену разговора Пугачёва с Гринёвым по дороге в Белогорскую крепость. В чём вы видите смысл калмыцкой сказки, рассказанной Пугачёвым? Как к ней отнёсся Гринёв? С чьей точкой зрения вы согласны?
16. Как описано развитие отношений Гринёва с Пугачёвым в главе XII «Сирота»? Как изменяется отношение Гринёва к Пугачёву в этой главе повести? В чём проявляется двойственное отношение Гринёва к Пугачёву?
17. Почему к главе с названием «Суд» Пушкин даёт эпиграфом пословицу «Мирская молва — морская волна»? Поддерживаете ли решение Гринёва не отвечать на вопросы судей? Разделяете ли вы его отношение к Швабрину?
18. Почему «Марья Ивановна мучилась больше всех», когда Пётр Гринёв был под арестом? Как вы отнеслись к её решению ехать

в Петербург? Сделайте вывод о роли Маши Мироновой в повести и о смысле названия повести — «Капитанская дочка».

19. Прочитайте материалы о нравственности, нравственных ценностях в виртуальном словаре. Подумайте, как эти понятия соотносятся с поступками Гринёва. Дайте нравственную оценку личности Петра Гринёва, опираясь на собственное понимание нравственности и нравственных ценностей.
20. Если бы вам пришлось выстраивать иерархическую лестницу морально-нравственных и социальных ценностей и категорий, то в каком порядке вы расположили бы *закон, любовь, милосердие, дружбу, благочестие, семью*? Если найдёте нужным, добавьте другие понятия. Как вы думаете, совпадёт ли ваша «лестница» с «лестницей» Гринёва, а значит и Пушкина? Представьте результаты своей работы одноклассникам, обоснуйте выводы.

Обратимся к виртуальному словарю

Нравственность — русское слово, происходящее от корня «нрав». В XVIII столетии стало употребляться наряду со словами «этика» и «мораль» как их синоним.

Нравственность — принятие на себя ответственности за свои поступки. В отличие от морали, которая является внешним требованием к поведению человека, наряду с законом, нравственность — это внутренняя установка человека действовать согласно своей совести.

Нравственные (моральные) ценности — это то, что ещё древние греки именовали этическими добродетелями. В качестве нравственных ценностей у всех народов почитаются честность, верность, уважение к старшим, трудолюбие, патриотизм. Эти ценности, представляемые в их безупречном, абсолютно полном и совершенном выражении, выступают как этические идеалы.

21. Прочитайте фрагмент из литературоведческого комментария известного учёного-филолога Юрия Михайловича Лотмана в цитатной подсказке. Что добавилось к вашему пониманию причин названия произведения в честь Маши Мироновой, а не в честь Гринёва или Пугачёва?

Цитатная подсказка

В повести Пушкин хотел утвердить и восславить ценности патриархальной¹ жизни: верности долгу, семейного начала...

¹ *Патриархальный* — здесь перен.: верный отжившей старине, старозаветный; патриархальный обычай; патриархальные нравы.

Именно поэтому на первом плане в повести рядовой участник исторических событий Пётр Гринёв. Известный пушкинист В. С. Непомнящий писал: «Пётр Гринёв — это тоска по порядочности, немудрёной рыцарственности с её кодексом чести, по той застенчивой любви, что стала счастьем Петра Гринёва и Маши Мироновой». Подтверждением этих мыслей является название повести «Капитанская дочка».

Маша Миронова — типичная представительница провинциального дворянства — одна из многих. Она — обыкновенная русская девушка, но через отношение к ней раскрываются основные персонажи романа в тех качествах, которые Пушкин хочет в них подчеркнуть. Екатерина II и Пугачёв — способны к милосердию, Гринёв — к любви, верности долгу, Швабрин — к предательству.

Название повести указывает на то, что главное в ней не пугачёвский бунт, а судьба обыкновенных людей, оказавшихся в водовороте драматических событий, и судьба их ценностей, главная из которых — семья с её идеалами любви и верности.

(По Ю. М. Лотману)

Путешествуем по литературным местам

«И память Каменки любя...»

Среди многих мест Украины, где бывал Пушкин, город Каменка (районный центр Черкасской области) заслуживает особого внимания. Здесь, в живописном имении Давыдовых, Пушкин гостил дважды: с ноября 1820-го по конец марта 1821 года и в ноябре 1822 года.

Зелёный домик. Государственный литературно-мемориальный музей А. С. Пушкина и П. И. Чайковского. Каменка

В 20-х годах XIX века Каменка была одним из центров Южного общества декабристов. Декабристы собирались в помещичьей усадьбе В. Л. Давыдова, одного из ревностных участников тайного общества. Именно сюда и приехал Пушкин из Кишинёва.

Невдалеке от Каменки была расположена Болтышка, имение генерала Н. Н. Раевского, близкого родственника Давыдовых, в семье которого Пушкин

провёл «счастливейшие минуты жизни» во время поездки на Кавказ и в Крым летом 1820 года. Раевские тоже были постоянными гостями в Каменке.

Пушкинская скала на реке Тясмин в Каменке

В год 100-летия со дня смерти поэта, в 1937 году, в Каменке, родовом имении Раевских и Давыдовых, был создан музей А. С. Пушкина и П. И. Чайковского. Музей размещён в одном из флигелей усадьбы Давыдовых, так называемом Зелёном домике, построенном в начале XIX века.

В настоящее время в состав Каменского государственного историко-культурного заповедника входят музей Пушкина и Чайковского, исторический музей, картинная галерея, парк имени Декабристов, Тясминский каньон, Пушкинская скала, Пушкинский грот, Зелёная мельница.

В одном из уютных уголков парка находится грот Декабристов, построенный в конце XVIII века как архитектурное украшение парка. В нём любил отдыхать А. С. Пушкин, из-за чего грот теперь иногда называют Пушкинским. Здесь проводятся «Летние встречи в Пушкинском гроте», а также Всеукраинский литературный фестиваль «Пушкинское кольцо».

У Давыдовых была богатая библиотека, которой пользовался Пушкин. На полях некоторых её книг на французском языке обнаружили пометки и замечания, предположительно сделанные рукой поэта. Среди них и две строки стихотворения:

Ваш тихий, милый Каменград
Я покидать совсем не рад.

В семи залах экспозиции музея представлено около 1500 экспонатов. Здесь широко показаны связи Пушкина с Украиной,

Пушкинский грот, или грот Декабристов. Каменка

его интерес к истории Украины. Материалы музея рассказывают о влиянии Пушкина на творчество Т. Г. Шевченко, И. Я. Франко, Леси Украинки, П. А. Грабовского. Тут же хранятся дореволюционные переводы произведений Пушкина на украинский язык.

В центре парка Декабристов стоит памятник Пушкину с надписью: «В Каменке, находясь в ссылке, пребывал в гг. 1820, 1821, 1822 великий русский поэт А. С. Пушкин. 10 февраля 1937 г.».

В. Г. Шатух. Памятник А. С. Пушкину в парке Декабристов. Каменка

Обращаемся к интернету

Сайты, посвящённые А. С. Пушкину

- <http://pushkin.ellink.ru/> (Сайт Государственного мемориального музея-заповедника в Михайловском «Пушкинский заповедник»)
- <http://pushkin.niv.ru/> (Сайт «Александр Пушкин»)
- <http://www.museumpushkin.ru/info/allrusinfo.php> (Всероссийский музей А. С. Пушкина)
- <http://www.pushkinmuseum.ru/> (Государственный музей А. С. Пушкина)
- http://pushkinmuseum.ru/comm_mus_kamenka.html (Историко-культурный заповедник в г. Каменке)

Взаимодействие искусств

Кино. Художественные фильмы «Капитанская дочка» (реж. В. П. Каплуновский, СССР, 1958); «Русский бунт» (реж. А. А. Прошкин, Россия, 1999).

Бросим мышку, возьмём книжку

- ◆ Прочитайте книги, рекомендованные для внеклассного и семейного чтения, оформите дневник читателя.
 - А. С. Пушкин «Медный всадник», «Скупой рыцарь».

Михаил Юрьевич Лермонтов 1814–1841

«Я каждый день бессмертным
сделать бы желал...»

Через всю жизнь проносим мы в душе образ этого человека — грустного, строгого, нежного, властного, скромного, смелого, благородного, мечтательного, насмешливого, застенчивого, наделённого могучими страстями и волей и пронизательным беспощадным умом. Поэта гениального и так рано погибшего, бессмертного и навсегда молодого.

И. Л. Андроников¹

**П. Е. Заболотский.
Портрет**

**М. Ю. Лермонтова
в ментике лейб-гвардии
гусарского полка. 1837**

Создавать свой художественный мир Лермонтов начал очень рано, когда ему было всего 13–14 лет. Среди его рукописей сохранилась тетрадь, на обложке которой старательным, ещё почти детским почерком написано: «Мелкие стихотворения. Москва, 1829 г.». Тогда ему было 15 лет, и он учился в пансионе при Московском университете. Эти юношеские стихотворения были ещё ученическими, но, читая стихи Жуковского, Пушкина, Лермонтов выбирал то, что соответствовало его собственным мыслям, и эти стихи стали своего рода лирическим дневником, отразившим его душевную и умственную жизнь. Из этого дневника постепенно выросла зрелая лирика, расцвет которой пришёлся на время жизни поэта в Петербурге и на Кавказе.

Юноше Лермонтову, вынужденному переехать из Москвы в Петербург, город на Неве не понравился. В Москве он привык к большей естественности в отношениях между людьми,

¹ *И. Л. Андроников (1908–1990)* — литературовед, писатель, автор трудов о М. Ю. Лермонтове.

и чопорность петербургской знати Лермонтову была противна. Жизнь здесь не была радостной: унылая Школа гвардейских юнкеров и подпрапорщиков. Два года провёл Лермонтов бок о бок с грубоватыми юнкерами. Он славился остроумием, его шутки заставляли смеяться всю школу. Но когда Лермонтова выводили из себя ограниченность и солдафонство¹ сокурсников, его шутки становились злыми, хлёсткими и обидными, их помнили всю жизнь и спустя много лет пытались ему отомстить, изобразив в своих мемуарах мрачным и злым нелюдином².

В 1834 году Лермонтов получил звание юнкера и был отправлен в Царское Село на службу. Лермонтов вступил в большой свет. Именно тогда сформировалось отношение Лермонтова к жизни как к пустой и ненужной вещи. Однако жизнь поэта в Петербурге проходила в творческом труде: написаны поэмы «Мцыри», «Сашка», «Боярин Орша», сделаны две редакции драмы «Маскарад», начата работа над романом «Княгиня Лиговская».

Ф. О. Будкин. Лермонтов в вицмундире лейб-гвардии Гусарского полка. 1834

Здание бывшей Школы гвардейских юнкеров и подпрапорщиков. Петербург

В январе 1837 года известие о дуэли А. С. Пушкина, а через день — и о его смерти потрясло Лермонтова, откликнувшегося на это скорбное известие стихотворением «Смерть Поэта». Это стихотворение молодого, ещё никому не известного поэта, переписывалось и заучивалось наизусть, оно положило начало литературной всенародной славе Лермонтова. Оно же положило начало и его преследованиям и гонениям: в марте 1837 года М. Ю. Лермонтов был арестован по делу «о непростительных стихах», а затем переведён из гвардии в Нижегородский драгунский полк и в апреле отправился из Петербурга на Кавказ.

¹ *Солдафонство* — пренебр.: поведение, образ действия солдафона; ограниченность, грубость, бескультурие.

² *Нелюдим* — нелюдимый человек, дикарь.

Во время кавказской ссылки М. Ю. Лермонтов познакомился с декабристами, тоже отбывавшими здесь ссылку, а с поэтом А. И. Одоевским даже подружился. Кавказские темы и образы отразились и в стихах, и в поэмах, и в романе «Герой нашего времени». Они запечатлены и в многочисленных зарисовках и картинах Лермонтова — талантливого художника.

В 1838 году, после многочисленных прошений бабушки, Лермонтову было разрешено вернуться в Петербург. Однако после ссоры и дуэли с французским посланником де Барантом, случившейся из-за стихотворения «Смерть Поэта», Лермонтов был опять арестован, а весной 1840 года по резолюции царя Лермонтова переводят служить на Кавказ в Тенгинский пехотный полк.

В Петербурге Лермонтов побывал ещё раз в феврале 1841 года. Это был его последний приезд и самые счастливые три месяца жизни. В это время он закончил роман «Герой нашего времени», написал множество стихов, в том числе «Родину», о которой известный критик В. Г. Белинский отзывался так: «...Что за вещь! Пушкинская, то есть одна из лучших пушкинских».

Ираклий Луарсабович Андроников писал о Лермонтове: «И всё, что им создано за тринадцать лет творчества,— это подвиг во имя свободы и родины. И заключается он не только в... строках «Люблю отчизну я...», но и в тех сочинениях, где не говорится прямо ни о родине, ни о свободе, но — о судьбе поколения, о назначении поэта, об одиноком узнике, о бессмысленном кровопролитии, об изгнании, о пустоте жизни...». И петербургскому периоду творчества М. Ю. Лермонтова в его наследии принадлежит немаловажная роль.

М. О. Микешин.
Памятник
М. Ю. Лермонтову
у Николаевского
кавалерийского
училища. Санкт-
Петербург

Вопросы и задания

1. Запишите ряд разных ассоциаций, связанных с именем и творчеством М. Ю. Лермонтова. Внимательно перечитайте их и постарайтесь систематизировать (например, случайные ассоциации: поэт, стихи, дуэль, ребёнок, Тарханы, бабушка, рисование, парус, Кавказ, мать, печаль, отец, Пушкин и т. п.; систематизированные

ассоциации: 1) ребёнок, мать, отец, бабушка, Тарханы, рисование; 2) поэт, стихи, парус, Кавказ; 3) Пушкин, дуэль, печаль). Опираясь на выполненную работу, расскажите о М. Ю. Лермонтове, каким вы его представляете.

2. Что в судьбе М. Ю. Лермонтова вызвало ваше наибольшее сочувствие? Какие роковые повороты его жизни, на ваш взгляд, оказали наибольшее влияние на его творчество в петербургский период?
3. Подготовьте электронную презентацию или реферат о петербургском периоде жизни М. Ю. Лермонтова, включив в них иллюстративный и литературный материал.

Вам, любознательные!

Корни рода Лермонтова

Лермонтов не знал точно, откуда происходит его род. Иногда он считал, что его корни в Шотландии, иногда — в Испании. Теперь точно установлено, что справедлива первая версия. Родоначальник рода Лермонтовых ротмистр Георг Лермонт был шотландцем, в 1613 году он перешёл на русскую службу. С одним из предков этого Лермонта, жившим в XIII веке, связана замечательная легенда. Он был скальд (поэт) по прозвищу Томас-Рифмач. Его будто бы похитили феи и унесли в волшебный замок. Затем он вернулся к людям, рассказал, что с ним случилось, и вновь исчез — уже навсегда.

Герб рода Лермонтовых

Пришло время читать

Желание

Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,

Где в замке пустом, на туманных горах,
Их незабвенный покоится прах.

На древней стене их наследственный щит,
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом
И смахнул бы я пыль с них крылом;

И арфы шотландской струну бы задел,
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним и одним пробуждён,
Как раздался, так смолкнул бы он.

Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны моей
Расстилаются волны морей.

Последний потомок отважных бойцов
Увядает средь чуждых снегов;
Я здесь был рождён, но нездешний душой...
О! зачем я не ворон степной?

(1831)

Я жить хочу! хочу печали...

Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастию назло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берёт.

(1832)

Б. В. Щербаков.
Портрет М. Ю. Лермонтова

Поэт

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
Клинок надёжный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал —
Наследье бранного востока.

Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провёл он страшный след
И не одну прорвал кольчугу.

Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным.
В те дни была б ему богатая резьба
Нарядом чуждым и постыдным.

Он взят за Тереком отважным казаком
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина.

Теперь родных ножен, избитых на войне,
Лишён героя спутник бедный,
Игрушкой золотой он блещет на стене —
Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычною, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарёй,
Никто с усердьем не читает...

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Своё утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы,
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.

Твой стих, как Божий дух, носился над толпой
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой и гордый твой язык,
Нас тешат блёстки и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
Морщины прятать под румяны...

Проснёшься ль ты опять, осмеянный пророк!
Иль никогда, на голос мщенья,

Из золотых ножен не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?..

(1838)

Дума

Печально я гляжу на наше
поколение!

Его грядущее — иль пусто,
иль темно,

Меж тем, под бременем
познания и сомненья,

В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,

Ошибками отцов и поздним
их умом,

И жизнь уж нас томит,
как ровный путь без цели,

Как пир на празднике чужом.
К добру и злу постыдно

равнодушны,

В начале поприща мы вянем без борьбы;

Перед опасностью позорно малодушны

И перед властью — презренные рабы.

Так тощий плод, до времени созрелый,

Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,

Висит между цветов, пришлец осиротелый,

И час их красоты — его паденья час!

Мы иссушили ум наукою бесплодной,

Тая завистливо от ближних и друзей

Надежды лучшие и голос благородный

Неверием осмеянных страстей.

Едва касались мы до чаши наслажденья,

Но юных сил мы тем не сберегли;

Из каждой радости, бояся пресыщенья,

Мы лучший сок навеки извлекли.

Мечты поэзии, создания искусства

Восторгом сладостным наш ум не шевелят;

Мы жадно бережём в груди остаток чувства —

Зарытый скупостью и бесполезный клад.

И ненавидим мы, и любим мы случайно,

Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,

Л. О. Пастернак.
Иллюстрация
к стихотворению
М. Ю. Лермонтова
«Дума». 1891

И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.

И предков скучны нам роскошные забавы,
Их добросовестный, ребяческий разврат;
И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад.

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

(1838)

Молитва

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

(1839)

Как часто, пёстрою толпою окружён...

1-е января

Как часто, пёстрою толпою окружён,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шёпоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки,—
Наружно погружась в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки.

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться,— памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребёнком; и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;

Зелёной сетью трав подёрнут спящий пруд,
А за прудом село дымится — и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею тёмную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и жёлтые листья
Шумят под робкими шагами.

И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое сиянье.

Так царства дивного всеильный господин —
Я долгие часы просиживал один,
И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и страстей,
Как свежий островок безвредно средь морей
Цветёт на влажной их пустыне.

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,
И шум толпы людской спугнёт мечту мою,
На праздник нёзванную гостью,
О, как мне хочется смутить весёлость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

(1840)

Пророк¹

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведение пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злости и порока.

Провозглашать
я стал любви
И правды чистые
ученья:
В меня все ближние
мои
Бросали бешено
каменья.

Посыпал пеплом
я главу,
Из городов бежал
я нищий,

И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром Божьей пищи;

Завет Предвечного² храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звёзды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами.
Глупец, хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм и худ и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!».

И. Е. Репин. Иллюстрация
к стихотворению М. Ю. Лермонтова
«Пророк». Ок. 1890

(1841)

¹ *Проро́к* — в религии: избранник Бога на земле, открывающий его волю и смысл истории — прошедшее, настоящее и будущее.

² *Предвечный* — в христианском богословии: эпитет Бога, в значении безначальный, искони существующий.

Родина

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни тёмной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам —
Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек её подобные морям;
Просёлочным путём люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;

Люблю дымок спалённой жнивы,
В степи ночующий обоз,
И на холме средь жёлтой нивы
Чету белеющих берёз.
С отрадой многим незнакомой
Я вижу полное гумно¹,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

(1841)

Выхожу один я на дорогу...

1

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездой говорит.

¹ *Гумно́* — отгороженное место, где в особых постройках складывают сжатый хлеб; расчищенная площадка для молотбы; то же, что ток.

3. Прочитав стихотворение М. Ю. Лермонтова «Поэт», найдите точки совпадения его содержания с мыслями о предназначении поэта в предыдущем стихотворении «Я жить хочу! хочу печали...»; проанализируйте стихотворение «Поэт», опираясь на следующие задания.
- Оригинальность композиции стихотворения заключается в том, что оно состоит из двух частей; определите границы этих частей, их темы, идеи и центральные образы.
 - Опишите боевой кинжал, изображённый в первой части; укажите причины бесславного превращения оружия в игрушку, предмет купли-продажи.
 - Опишите судьбу поэта, изображённую во второй части стихотворения; определите, в чём подобие судеб кинжала и поэта; подумайте, в чём обвиняет Лермонтов своих современников-поэтов.
 - Проследите по тексту стихотворения, как меняется интонация от строки к строке; определите, с какой интонацией необходимо прочитать последнюю строфу, являющуюся идейным центром всего стихотворения; своё решение обоснуйте.
 - Подготовьте выразительное чтение стихотворения «Поэт».
4. Проанализируйте стихотворение М. Ю. Лермонтова «Дума», опираясь на подсказки, заключённые в заданиях.
- Внимательно прочитайте стихотворение про себя; определите, каким настроением оно проникнуто; расскажите, какие чувства вызывает стихотворение у вас.
 - Установите, в чём автор упрекает своё поколение; подумайте, почему при этом в первой строфе он употребляет местоимение *я*, а далее *мы*.
 - Определите, на какие логические и смысловые части делит стихотворение автор, используя при этом межстрофные пробы; охарактеризуйте эти части, обращая внимание на употребление ключевых глаголов в определённом времени (*со старится, томит, вянем, висит, пройдем, оскорбит*).
 - Подумайте, как соотносит Лермонтов образы отцов и детей, какой приговор выносит автор тем и другим, как эти роли меняются в последнем четверостишии.
 - Определите роль кольцевой композиции в раскрытии идеи стихотворения.
 - Подготовьте выразительное чтение стихотворения «Дума».
5. Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Молитва» («В минуту жизни трудную...») — произведение особое для поэта, привыкшего самостоятельно преодолевать все трудности и стойко переносить превратности жизни. Внимательно прочитав это удивительное

стихотворение, подумайте, почему его можно назвать лирической исповедью автора. О какой молитве идёт речь в стихотворении? В чём заключается благодатная сила молитвы верующего человека?

6. Проведите исследовательскую работу по стихотворению «Как часто пёстрою толпою окружён...», выполняя задания.

- Внимательно прочитайте стихотворение; подумайте, с какой целью Лермонтов предпослал к нему эпиграф «1-е января».
- Установите, какие два мира владеют чувствами лирического героя в стихотворении; расскажите подробно о каждом из этих миров; выделите ключевые образы противопоставленных миров, определите, какими способами автор их рисует, чтобы выразить к ним своё отношение; обратите внимание на цвета, краски, звуки, а также чувства лирического героя.
- Подумайте, какова композиционная и смысловая роль последней строфы, с каким настроением следует читать финальные строки.
- Подготовьте выразительное чтение стихотворения.

7. Сделайте выводы об идейном и художественном содержании стихотворения «Пророк», выполнив следующие задания.

- Внимательно прочитайте стихотворение «Пророк», расскажите, какие мысли вас при этом посещали; поделитесь впечатлениями от стихотворения.
- Расскажите, каким вы представляете лирического героя стихотворения, от имени которого ведётся повествование; подумайте и докажите, насколько главный герой — пророк — близок самому поэту Лермонтову; назовите других героев стихотворения, охарактеризуйте их.
- Найдите в стихотворении старославянизмы и фразеологизмы, восходящие к евангельским текстам; определите, какой характер они придают стихотворению, какую роль в нём играют.
- Ответьте, почему поэт-пророк Лермонтова отвергнут толпой, почему своё истинное признание он обрёл в пустыне, а не в городе; раскройте смысл противопоставления «города» и «пустыни» в изображении внешности и внутренней сущности поэта-пророка.
- Сопоставьте стихотворение М. Ю. Лермонтова «Пророк» со стихотворением А. С. Пушкина «Пророк»; установите, совпадают ли авторские представления о назначении поэта в этих стихотворениях, что в них общего и в чём разница.
- Сделайте вывод об истинном предназначении поэта даже во враждебном ему мире.
- Подготовьте выразительное чтение стихотворения «Пророк».

- Перечитайте последнюю часть стихотворения и обратите внимание на её цветовую гамму, слуховые и зрительные ассоциации, которые возникают при чтении, изменение поэтического пространства текста; сделайте вывод о том, какая картина родной страны является для поэта отрадней, какой мир является идеальным, приведите аргументы.
 - Подготовьте выразительное чтение стихотворения «Родина».
9. Проведите аналитическую работу по стихотворению «Выхожу один я на дорогу...», выполняя следующие задания.
 - Внимательно прочитайте стихотворение; расскажите, какие картины возникали в вашем воображении при чтении, какие чувства вызвали у вас переживания лирического героя.
 - Перечитайте первую строфу стихотворения, найдите в ней ключевые слова, выявите их философский смысл; обратите внимание на употребление слов-синонимов *дорога* и *путь* в одной строфе.
 - Сопоставьте и охарактеризуйте изображение внешнего мира и внутреннего мира лирического героя во второй строфе.
 - Установите, какое настроение передаётся восклицательными интонациями третьей строфы.
 - Опишите воображаемый идеальный мир, созданный лирическим героем в 4–5-й строфах, назовите его основные черты; объясните, почему герой уже не просит Бога о смерти, а высшей ценностью называет любовь.
 - Определите, как соотносены в стихотворении мир природы и внутренний мир лирического героя; найдите образы-символы в стихотворении, раскройте их философский смысл.
 - Сделайте вывод об общем настроении стихотворения; подготовьте его выразительное чтение.
 10. Что в поэзии М. Ю. Лермонтова стало вам особенно близким? В чём вы видите неповторимость его поэтического голоса?
 11. Какое из прочитанных стихотворений представляется вам самым глубоким и совершенным? Выучите его наизусть.
 12. Стихотворение «Выхожу один я на дорогу...» привлекло внимание многих украинских поэтов, создававших его вольные переводы. Одной из интереснейших интерпретаций этого поэтического шедевра считается стихотворение выдающегося украинского поэта и переводчика Максима Фадеевича Рыльского. Прочитайте его, сопоставьте с оригиналом и скажите, что общего можно найти между лирическими героями М. Ю. Лермонтова и М. Ф. Рыльского и в чём заключается разница в их мировоззрениях.

* * *

Выхожу один я на дорогу...

М. Ю. Лермонтов

Не забуду вечора хрусткого,
Інею й тоненького льодку,
Коли сам я вийшов на дорогу,
Ніби вперше на своїм віку.

О, які були великі зорі,
Як синіло й склилось навкруги!
У падучім кожнім метеорі
Бачились незнані береги.

Так ото хотілося блукати,
Серце так стискалося мені,
Як від хати бризнули до хати
Вечора осіннього вогні!

Сумував — чого? І сам не знаю.
Та й радів — чому? Не знаю й сам.
Чув по свисту пізніх крижнів зграю,
Не видимих нічийм очам.

Чув здалека голоси жіночі,
І тонкі, й ламкі, як той льодок,
І хилилось небо вже до ночі,
Як додому повернув я крок.

Ти мене чекала на порозі,
Щоб легенько, звісно, докорить...
Давне «занедужав я в дорозі»
Мусив я, звичайно, повторить.

Весело тріщали дрова в грубі,
Пахло житнім хлібом і теплом,
І спадали ніжно пасма любі
Над твоїм розхмареним чолом.

(М. Т. Рильський)

Вам, любознательные!

Лермонтов и Шевченко — два гения одной эпохи

М. Ю. Лермонтов был одним из любимых поэтов Т. Г. Шевченко. Великий украинский поэт, художник и мыслитель,

Т. Г. Шевченко.
Умирающий гладиатор

современник русского мятежного гения, Шевченко чувствовал своё духовное родство с ним, называл его «наш великий Лермонтов».

В письмах своим друзьям, написанных в годы ссылки, Шевченко просил прислать ему произведения Лермонтова, а когда получил драгоценный томик стихов, очень обрадовался и говорил одному из них: «Ты переслал мне в неволю Поэта нашего,— на волю мне ты дверь открыл!». Среди книг, отобраанных у Шевченко при аресте в 1850 году в Оренбурге, было два тома сочинений Лермонтова. В дневниковых записях Кобзарь не раз упоминал стихотворения Лермонтова «Горные вершины», «Когда волнуется желтеющая нива...», «Тучи», созвучные его собственным мыслям и чувствам, с восхищением говорил о стихотворении «Выхожу один я на дорогу...». Многие мотивы и образы Лермонтова получили оригинальную разработку в поэмах Шевченко «Слепая», «Тризна», «Сон» и в стихотворениях «Пророк», «Что же мне так тяжко?», «Ну что, казалось бы, слова...», «Проходят дни, проходят ночи». Шевченко принадлежит созданный в Новопетровском укреплении рисунок к стихотворению М. Ю. Лермонтова «Умирающий гладиатор».

Стихи Лермонтова всегда вызывали у Шевченко радость, поддерживали его надежды на волю. Шевченко глубоко верил в бессмертие творческого наследия Лермонтова, что ярко отразилось в его стихотворении «Мне кажется, но я не знаю...».

Мемуаристы писали, что в день смерти Т. Г. Шевченко на его столе лежал сборник произведений М. Ю. Лермонтова.

Обращаемся к интернету

Сайты, посвящённые М. Ю. Лермонтову

- <http://lermontov.niv.ru/> (Сайт «Михаил Лермонтов»)
- <http://www.lermontov.info> (Сайт «М. Ю. Лермонтов»)
- <http://lermontov.name/> (Сайт о жизни и творчестве Михаила Юрьевича Лермонтова)
- <http://www.lermontov.org.ru/> (Сайт «Михаил Юрьевич Лермонтов»)

Взаимодействие искусств

Театр, телевидение. Лермонтовские моноспектакли И. Л. Андронникова.

Кино. Художественный фильм «Лермонтов» (реж. Н. П. Бурляев, СССР, 1986).

Бросим мышку, возьмём книжку

- ◆ Прочитайте книги, рекомендованные для внеклассного и семейного чтения, оформите дневник читателя.
 - М. Ю. Лермонтов «Пленный рыцарь», «Ветка Палестины», «Корсар».

Николай Васильевич Гоголь 1809–1852

«О Гоголь, наш несравненный Гоголь»¹

Автор, творя творенье своё, должен почувствовать и убедиться, что он исполняет тот долг, для которого он призван на землю, для которого именно даны ему способности и силы, и что, исполняя его, он служит в то же самое время также государству своему...

Н. В. Гоголь

**Ф. А. Моллер. Портрет
Н. В. Гоголя. 1841**

Н. В. Гоголь — ещё одна звезда русской литературы XIX века, неповторимая личность. Тайну его художественного таланта разгадывают на протяжении более полутора столетий, и разгадать её не удалось ни одному из предыдущих поколений. В этом, очевидно, и заключается особая притягательная сила неповторимой личности писателя, принадлежащего одновременно двум народам — украинскому и русскому.

¹ *Т. Г. Шевченко (1814–1861)* — украинский поэт, писатель, художник, общественный деятель.

В течение двух десятилетий творчество Н. В. Гоголя отмечено высокими подъёмами духа, светлой радостью от сознания необходимости своего писательского труда и горестным, трагическим сомнением в нём. И в течение почти двух столетий Гоголь и его произведения не утратили своей актуальности.

«Если захотите рассмотреть человека и узнать его душу, то вникайте не в то, как он молчит, или как он говорит, или как он плачет... а высмотрите лучше его, когда он смеётся. Хорошо смеётся человек — значит хороший человек», — говорил Ф. М. Достоевский. Гоголь очень любил посмеяться, он обладал великим юмористическим даром. Многие страницы гоголевских произведений весёлые, яркие, задорные. Вспомните знаменитую «Ночь перед Рождеством»! Но писатель владел и другой могучей силой смеха — грозной, бичующей, обличающей сатирой¹, помогающей вскрывать всё негативное, тормозящее прогресс, мешающее жить по законам справедливости и добра. Это бессмертные произведения — комедия «Ревизор» и роман «Мёртвые души».

Именно талант «хорошо посмеяться», проявившийся с особой силой в сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки», положил начало творческому пути Н. В. Гоголя-писателя.

Гоголя радовал читательский интерес к его творению, а признание со стороны А. С. Пушкина сделало его по-настоящему счастливым. В одном из писем Пушкин восторженно писал: «Вот настоящая весёлость, искренняя, непринуждённая, без жеманства, без чопорности², а местами какая поэзия...».

А уверенность в правильности выбранного пути в Петербурге к Гоголю пришла далеко не сразу. Горечь разочарований принесли писателю первые недели пребывания в столице: службу получить не удалось, первые литературные пробы провались, появление юношеской поэмы «Ганц Кюхельгартен» критика встретила едкими насмешками.

А. Г. Венецианов.
Портрет Н. В. Гоголя.
1834

¹ *Сати́ра* — обличающее, бичующее осмеяние.

² *Чопорность* — чрезмерная строгость в поведении, в соблюдении приличий.

В ноябре 1829 года Гоголю удалось получить место мелкого служащего, а по вечерам он занимался живописью в вечерних классах Академии художеств, продолжал писать. С апреля 1830-го по февраль 1831 года он служил в Департаменте уделов сначала писцом, а потом помощником столоначальника. Пребывание в канцеляриях вызвало у Гоголя глубокое разочарование в «службе государевой», но зато обеспечило богатым материалом для будущих произведений, запечатлевших чиновничий быт и функционирование государственной машины. С 1831-го по 1834 год Гоголь служил в должности преподавателя истории (адъюнкт-профессора) в Патриотическом институте.

Одновременно со службой Гоголь много времени уделял литературной работе, его произведения начали печататься. Вышли в свет сборники «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831–1832) и «Миргород» (1835). В 1835 году Гоголь приступил к созданию «Мёртвых душ» и «Ревизора», в 1836 году напечатана повесть «Нос» и состоялась премьера комедии «Ревизор» в театрах Москвы и Петербурга.

В эти годы Н. В. Гоголь лично познакомился с В. А. Жуковским и А. С. Пушкиным.

С Пушкиным Гоголя связывает многое. Николай Васильевич обожал своего кумира, хорошо знал его произведения, считался с каждым его словом. Пушкин отдал Гоголю два бесценных сюжета — комедии «Ревизор» и романа «Мёртвые души», которые, по его собственным словам, он не отдал бы никому другому. Александр Сергеевич напечатал произведения Гоголя в своём «Современнике», открыв дорогу молодому таланту.

Июньской ночью 1836 года, перед отъездом Гоголя за границу, в дружеской беседе Пушкин настоял на том, чтобы Гоголь немедленно принимался за роман, что Гоголь и сделал, как бы выполняя завещание великого друга. Это была их последняя встреча.

**М. К. Клодт. Пушкин
в гостях у Гоголя. Гравюра
Ю. В. Барановского**

Вопросы и задания

1. Прокомментируйте слова Н. В. Гоголя, помещённые в эпиграф к статье. Удалось ли Гоголю исполнить долг автора, ради которого он «призван на землю»?

2. Какие из названных произведений Н. В. Гоголя вам хорошо известны и вы их с удовольствием вспомнили? О каких произведениях вы услышали впервые и обязательно их прочитаете?
3. Что вас поразило в отношении Гоголя к Пушкину? Как вы расцениваете тот факт, что Пушкин подарил Гоголю два своих сюжета?
4. На основе данной статьи подготовьте иллюстрированный доклад или электронную презентацию «Гоголь в Петербурге», дополнив её самостоятельно подобранными материалами; представьте их своим одноклассникам.

Узнаём о тайнах художественного слова

Об истории создания комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»

А. С. Пушкин уже не переставал следить за творчеством Гоголя. Он любил слушать произведения Гоголя в собственном чтении автора. А читал и рассказывал Гоголь просто замечательно. Он вызывал в слушателях неудержимый смех, в буквальном смысле слова смешил их до упаду. Даже великий актёр М. С. Щепкин восторженно говорил: «Подобного комика не видал и не увижу». Очевидцы рассказывали, что во время чтения Гоголем «Ревизора» Пушкин так увлёкся, что катался со смеху.

Ю. К. Шюблер.
Гоголь читает «Ревизора»

Откуда в Гоголе была эта покорявшая всех весёлость? Сам он объяснял так: «Причина моей весёлости... в некоторой душевной потребности. На меня находили припадки тоски... Чтобы развлекать себя самого, я придумывал себе всё смешное... Выдумывал целиком смешные лица и характеры... Может быть, с годами... весёлость эта исчезла бы, а с нею вместе и моё писательство. Но Пушкин заставил меня взглянуть на дело серьёзно... Один раз он мне сказал: “Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого... не приняться за большое сочинение! Это просто грех!”».

В начале октября 1835 года Гоголь обратился к А. С. Пушкину с просьбой дать сюжет для комедии. Пушкин рассказал ему историю о мнимом ревизоре. С подобными явлениями встречался

и сам Гоголь. Через непродолжительное время он завершил работу над комедией «Ревизор», которую в марте 1836 года разрешили к постановке на сцене, а также к опубликованию.

19 апреля 1836 года состоялось первое представление «Ревизора» в Петербурге. В Александринский театр съехалась знать, на галёрке сидела демократически настроенная молодёжь. Приехал даже сам Николай I. «Ну, пьеска! Всем досталось, а мне — больше всех!» — сказал он после спектакля.

25 мая 1836 года премьера «Ревизора» состоялась и в Москве, в Малом театре. Роль городничего великолепно исполнил известный актер М. С. Щепкин. «Его игра — творческая, гениальная, — писал В. Г. Белинский. — Он не помощник автора, но соперник его в создании роли». По мнению критики, это была образцовая трактовка образа. «...Публика своим смехом и рукоплесканиями протестовала против воровской полиции, против общего “дурного правления”», — подчёркивал А. И. Герцен.

По-разному встретили пьесу Гоголя современники. «Глупый фарс, грязный анекдот!» — кричали одни. «Комедия посягает на правительство... автор бунтовщик, которого следовало бы сослать в Сибирь», — негодовали другие. В провинциальных театрах в постановку пьесы вмешивались даже городничие и снимали её со сцены.

Александринский театр.
Петербург

Ю. К. Шублер. Гоголь читает
«Ревизора» 5 ноября 1851 года
в доме на Суворовском бульваре
в Москве

Царь считал неразумным снимать пьесу со сцены, то есть публично признаваться в том, что в ней показаны пороки, характерные для русского общества, но дал понять, что постановки «Ревизора» следует ограничить, а затем постепенно и снять совсем.

Однако пьесу высоко оценили передовые люди того времени. Многие рассматривали комедию Гоголя как политическую сатиру на весь самодержавно-бюрократический режим России.

Ревизор (В сокращении)

Комедия в пяти действиях

На зеркало неча пенять, коли рожа крива.

Народная пословица

Действующие лица

Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, городничий¹.

Анна Андреевна, жена его.

Марья Антоновна, дочь его.

Лука Лукич Хлопов, смотритель² училищ.

Жена его.

Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин, судья.

Артемий Филиппович Земляника, попечитель богоугодных заведений³.

Иван Кузьмич Шпекин, почтмейстер⁴.

Пётр Иванович Добчинский, городской помещик.

Пётр Иванович Бобчинский, городской помещик.

Иван Александрович Хлестаков, чиновник из Петербурга.

Осип, слуга его.

Христиан Иванович Гибнер, уездный лекарь.

Фёдор Иванович Люлюков, отставной чиновник, почётное лицо в городе.

Иван Лазаревич Растаковский, отставной чиновник, почётное лицо в городе.

¹ *Городничий* — глава административно-полицейской власти уездного города, начальник уездного города (должность, существовавшая до середины XIX века).

² *Смотритель* — должностное лицо, которому поручался надзор за каким-нибудь учреждением.

³ *Богоугодные заведения* — больницы, приюты, дома для престарелых (создавались частными лицами, чтобы «угодить Богу»). *Попечитель* — должностное лицо, руководившее сетью учреждений какого-нибудь ведомства на местах.

⁴ *Почтмейстер* — начальник почтовой конторы (ведал пересылкой почты и перевозкой пассажиров).

Степан Иванович Коробкин, отставной чиновник, почётное лицо в городе.

Степан Ильич Уховёртов, частный пристав¹.

Свистунов, полицейский.

Пуговицын, полицейский.

Держиморда, полицейский.

Абдулин, купец.

Февронья Петровна Пошлѣпкина, слесарша.

Жена унтер-офицера.

Мишка, слуга городничего.

Слуга трактирный.

Гости и гости, купцы, мещане, просители.

Характеры и костюмы

Замечания для господ актѳров

Городничий, уже постаревший на службе и очень неглупый по-своему человек. Хотя и взяточник, но ведѳт себя очень солидно; довольно сурѳезен; несколько даже резонѳр²; говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жѳстки, как у всякого начавшего службу с низших чинов. Переход от страха к радости, от грубости к высокомерию довольно быстр, как у человека с грубо развитыми склонностями души. Он одет, по обыкновению, в своём мундире с петлицами и в ботфортах³ со шпорами. Волоса на нем стриженные, с проседью.

Анна Андреевна, жена его, провинциальная кокетка, ещѳ не совсем пожилых лет, воспитанная вполнину на романах и альбомах, вполнину на хлопотах в своей кладовой и девичьей⁴. Очень любопытна и при случае выказывает тщеславие. Берѳт иногда власть над мужем потому только, что тот не находится, что отвечать ей; но власть эта распространяется только на мелочи и состоит только в выговорах и насмешках. Она четыре раза переодевается в разные платьѳа в продолжение пьесы.

Хлестаков, молодой человек лет двадцати трѳх, тоненький, худенький; несколько приглуповат и, как говорят, без царя

¹ *Частный пристав* — полицейский чиновник, в ведении которого находилась одна из частей города.

² *Резонѳр* — человек, любящий вести пространные рассуждения нравоучительного характера.

³ *Ботфѳрты* — высокие сапоги с раструбами выше колен.

⁴ *Девичья* — комната для девушек-служанок.

в голове, — один из тех людей которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения. Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли. Речь его отрывиста, и слова вылетают из уст его совершенно неожиданно. Чем более исполняющий эту роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выигрывает. Одет по моде.

Осип, слуга, таков, как обыкновенно бывают слуги несколько пожилых лет. Говорит сурьёзно, смотрит несколько вниз, резонёр и любит себе самому читать нравоучения для своего барина. Голос его всегда почти ровен, в разговоре с барином принимает суровое, отрывистое и несколько даже грубое выражение. Он умнее своего барина и потому скорее догадывается, но не любит много говорить и молча плут. Костюм его — серый или поношенный сюртук.

Бобчинский и Добчинский, оба низенькие, коротенькие, очень любопытные; чрезвычайно похожи друг на друга; оба с небольшими брюшками; оба говорят скороговоркою и чрезвычайно много помогают жестами и руками. Добчинский немножко выше и сурьезнее Бобчинского, но Бобчинский развязнее и живее Добчинского.

Ляпкин-Тяпкин, судья, человек, прочитавший пять или шесть книг и потому несколько вольнодумен. Охотник большой на догадки, и потому каждому слову своему даёт вес. Представляющий его должен всегда сохранять в лице своём значительную мину. Говорит басом с продолговатой растяжкой, хрипом и сапом — как старинные часы, которые прежде шипят, а потом уже бьют.

П. М. Боклевский. Иллюстрация к комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». 1863

Земляника, попечитель богоугодных заведений, очень толстый, неповоротливый и неуклюжий человек, но при всём том проныра и плут. Очень услужлив и суетлив.

Почтмейстер, простодушный до наивности человек.

Прочие роли не требуют особых изъяснений. Оригиналы их всегда почти находятся перед глазами.

Господа актёры особенно должны обратить внимание на последнюю сцену. Последнее произнесённое слово должно произвесть

электрическое потрясение на всех разом, вдруг. Вся группа должна переменить положение в один миг ока. Звук изумления должен вырваться у всех женщин разом, как будто из одной груди. От несоблюдения сих замечаний может исчезнуть весь эффект.

Действие первое

Комната в доме городничего

Явление I

Городничий, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, судья, частный пристав, лекарь, два квартальных.

Городничий. Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор.

Аммос Фёдорович. Как ревизор?

Артемий Филиппович. Как ревизор?

Городничий. Ревизор из Петербурга, инкогнито¹. И ещё с секретным предписанием.

Аммос Фёдорович. Вот те на!

Артемий Филиппович. Вот не было заботы, так подай!

Лука Лукич. Господи Боже! ещё и с секретным предписанием!

Городничий. Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, этаких я никогда не видывал: чёрные, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова, которого вы, Артемий Филиппович, знаете. Вот что он пишет: «Любезный друг, кум и благодетель (*бормочет вполголоса, пробегая скоро глазами*)... и уведомить тебя». А! Вот: «Спешу, между прочим, уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд (*значительно поднимает палец вверх*). Я узнал это от самых достоверных людей, хотя он представляет себя частным лицом. Так как я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывёт в руки...» (*остановясь*), ну, здесь свои... «то советую тебе взять предосторожность, ибо он может приехать во всякий час, если только уже не приехал и не живёт где-нибудь инкогнито... Вчерашнего дня я...». Ну, тут уж пошли дела семейные: «...сестра Анна Кирилловна приехала к нам со своим мужем; Иван Кириллович очень потолстел и всё играет на скрышке...» — и прочее, и прочее. Так вот какое обстоятельство!

¹ *Инкогнито* — здесь: тайно.

Аммос Фёдорович. Да, обстоятельство такое... необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь недаром.

Лука Лукич. Зачем же, Антон Антонович, отчего это? Зачем к нам ревизор?

Городничий. Зачем! Так уж, видно, судьба! (*Вздыхнув.*) До сих пор, благодарение Богу, подбирались к другим городам; теперь пришла очередь к нашему.

Аммос Фёдорович. Я думаю, Антон Антонович, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит вот что: Россия... да... хочет вести войну, и министерия-то¹, вот видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены.

Городничий. Эк куда хватили! Ещё умный человек! В уездном городе измена! Что он, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь.

Аммос Фёдорович. Нет, я вам скажу, вы не того... вы не... Начальство имеет тонкие виды: даром что далеко, а оно себе мотает на ус.

Городничий. Мотает или не мотает, а я вас, господа, предупредомил². Смотрите, по своей части я кое-какие распоряженья сделал, советую и вам. Особенно вам, Артемий Филиппович! Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения — и потому вы сделайте так, чтобы всё было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят подомашнему.

Артемий Филиппович. Ну, это ещё ничего. Колпаки, пожалуй, можно надеть и чистые.

Городничий. Да, и тоже над каждой кроватью надписать по латыни или на другом языке... Это уже по вашей части, Христиан Иванович, — всякую болезнь: когда кто заболел, которого дня и числа... Нехорошо, что у вас больные такой крепкий табак курят, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если б

П. М. Боклевский.
Ляпкин-Тяпкин

¹ *Министэрия* — здесь: правительство.

² *Предуведомить* — предупредить.

их было меньше: тотчас отнесут к дурному смотрению или неискусству врача.

Артемий Филиппович. О! насчёт врачеванья мы с Христианом Ивановичем взяли свои меры: чем ближе к натуре, тем лучше,— лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрёт, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет. Да и Христиану Ивановичу затруднительно было б с ними изъясняться: он по-русски ни слова не знает.

Христиан Иванович издаёт звук, отчасти похожий на букву *и* и несколько на *е*.

Городничий. Вам тоже посоветовал бы, Аммос Фёдорович, обратить внимание на присутственные места¹. У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусёнками, которые так и шныряют под ногами. Оно, конечно, домашним хозяйством заводить всякому похвально, и почему ж сторожу и не завести его? только, знаете, в таком месте неприлично... Я и прежде хотел вам это заметить, но всё как-то позабывал.

Аммос Фёдорович. А вот я их сегодня же велю всех забрать на кухню. Хотите, приходите обедать.

Городничий. Кроме того, дурно, что у вас высушивается в самом присутствии всякая дрянь и над самым шкапом с бумагами охотничий арапник². Я знаю, вы любите охоту, но всё на время лучше его принять, а там, как проедет ревизор, пожалуй, опять его можете повесить. Также заседатель ваш... он, конечно, человек сведущий, но от него такой запах, как будто бы он сейчас вышел из винокуренного завода,— это тоже нехорошо. Я хотел давно об этом сказать вам, но был, не помню, чем-то развлечён. Есть против этого средства, если уже это действительно, как он говорит, у него природный запах: можно посоветовать ему есть лук, или чеснок, или что-нибудь другое. В этом случае может помочь разными медикаментами Христиан Иванович.

Христиан Иванович издаёт тот же звук.

П. М. Боклевский.
Земляника

¹ *Присутственное место* — казённое учреждение. Здесь: уездный суд.

² *Арапник* — ременный кнут.

Аммос Фёдорович. Нет, этого уже невозможно выгнать: он говорит, что в детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдаёт немного водкою.

Городничий. Да я только так заметил вам. Насчёт же внутреннего распоряжения и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим Богом устроено, и волтерIANцы¹ напрасно против этого говорят.

Аммос Фёдорович. Что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам — рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело.

Городничий. Ну, щенками, или чем другим — всё взятки.

Аммос Фёдорович. Ну нет, Антон Антонович. А вот, например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль...

Городничий. Ну, а что из того, что вы берёте взятки борзыми щенками? Зато вы в Бога не веруете; вы в церковь никогда не ходите; а я, по крайней мере, в вере твёрд и каждое воскресенье бываю в церкви. А вы... О, я знаю вас: вы если начнёте говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются.

Аммос Фёдорович. Да ведь сам собою дошёл, собственным умом.

Городничий. Ну, в ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было. Впрочем, я так только упомянул о уездном суде; а по правде сказать, вряд ли кто когда-нибудь заглянет туда; это уж такое завидное место, сам Бог ему покровительствует. А вот вам, Лука Лукич, как смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно насчёт учителей. Они люди, конечно, учёные и воспитывались в разных коллегиях², но имеют очень странные поступки, натурально неразлучные с учёным званием. Один из них, например, вот этот, что имеет толстое лицо... Не вспомню его фамилию, никак не может обойтись без того, чтобы взошедши на кафедру, не сделать гримасу, вот этак (*делает гримасу*), и потом начнёт рукою из-под галстука утюжить свою бороду. Конечно, если ученику сделает такую рожу, то оно ещё ничего: может

¹ *ВолтерIANцы* (правильно: *вольтерIANцы*) — последователи великого французского писателя и философа Вольтера, борца против феодального строя. ВолтерIANцами невежды называли всех свободомыслящих людей, критически относившихся к церкви и властям.

² *Коллѐгия* — здесь: высшее учебное заведение.

быть, оно там и нужно так, об этом я не могу судить; но вы посудите сами, если он сделает это посетителю, — это может быть очень худо: господин ревизор или другой кто может принять это на свой счёт. Из этого чёрт знает что может произойти.

Лука Лукич. Что ж мне, право, с ним делать? Я уж несколько раз ему говорил. Вот ещё на днях, когда зашёл было в класс наш предводитель¹, он скроил такую рожу, какой я никогда ещё не видывал. Он-то её сделал от доброго сердца, а мне выговор: зачем вольнодумные мысли внушаются юношеству.

Городничий. То же я должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он учёная голова — это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну покамест говорил об ассириянах и вавилонянах — ещё ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и что есть силы хватать стулом об пол. Оно конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне.

Лука Лукич. Да, он горяч! Я ему это несколько раз уже замечал. Говорит: «Как хотите, для науки я жизни не пощажу».

Городничий. Да, таков уже неизъяснимый закон судеб: умный человек либо пьяница, или рожу такую состроит, что хоть святых выноси.

Лука Лукич. Не приведи Господь служить по учёной части! Всего боишься: всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек.

Городничий. Это бы ещё ничего, — инкогнито проклятое! Вдруг заглянет: «А, вы здесь, голубчики! А кто, скажет, здесь судья?» — «Ляпкина-Тяпкина». — «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодных заведений?» — «Земляника». — «А подать сюда Землянику!» Вот что худо!

П. М. Боклевский.
Хлопов

¹ *Предводитель* — здесь: предводитель дворянства — выборный представитель дворян, ведавший их сословными делами.

Явление II

Те же и почтмейстер.

Почтмейстер. Объясните, господа, что, какой чиновник едет?

Городничий. А вы разве не слышали?

Почтмейстер. Слышал от Петра Ивановича Бобчинского. Он только что был у меня в почтовой конторе.

Городничий. Ну, что? Как вы думаете об этом?

Почтмейстер. А что думаю? война с турками будет.

Аммос Фёдорович. В одно слово! я сам то же думал.

Городничий. Да, оба пальцем в небо попали!

Почтмейстер. Право, война с турками. Это всё француз гадит.

Городничий. Какая война с турками! Просто нам плохо будет, а не туркам. Это уже известно: у меня письмо.

Почтмейстер. А если так, то не будет войны с турками.

Городничий. Ну что же вы, как вы, Иван Кузьмич?

Почтмейстер. Да что я? Как вы, Антон Антонович?

Городничий. Да что я? Страху-то нет, а так, немножко... Купечество да гражданство¹ меня смущает. Говорят, что я им со-лоно пришёлся, а я, вот ей-богу, если и взял с иного, то, право, без всякой ненависти. Я даже думаю (*берёт его под руку и отводит в сторону*), я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачем же в самом деле к нам ревизор? Послушайте, Иван Кузьмич, нельзя ли вам, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этак немножко распечатать и прочитать: не содержится ли в нём какого-нибудь донесения или просто переписки. Если же нет, то можно опять запечатать; впрочем, можно даже и так отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстер. Знаю, знаю... Этому не учите, это я делаю не то чтоб из предосторожности, а больше из любопытства: смерть люблю узнать, что есть нового на свете. Я вам скажу, что это интересное чтение. Иное письмо с наслаждением прочтёшь — так описываются разные пассажи²... а назидательность³ какая... лучше, чем в «Московских ведомостях»!

Городничий. Ну что ж, скажите, ничего не начитывали о каком-нибудь чиновнике из Петербурга?

¹ *Граждáнство* (устар.) — население.

² *Пассáж* — здесь: случай, происшествие.

³ *Назидáтельность* — поучительность.

Почтмейстер. Нет, о петербургском ничего нет, а о костромских и саратовских много говорится. Жаль, однако ж, что вы не читаете писем: есть прекрасные места. Вот недавно один поручик пишет к приятелю и описал бал в самом игривом... очень, очень хорошо: «Жизнь моя, милый друг, течёт, говорит, в эмпириях¹: барышень много, музыка играет, штандарт скачет...» — с большим, с большим чувством описал. Я нарочно оставил его у себя. Хотите, прочту?

Городничий. Ну, теперь не до того. Так сделайте милость, Иван Кузьмич: если на случай попадётся жалоба или донесение, то без всяких рассуждений задерживайте.

Почтмейстер. С большим удовольствием.

Аммос Фёдорович. Смотрите, достанется вам когда-нибудь за это.

Почтмейстер. Ах, батюшки!

Городничий. Ничего, ничего. Другое дело, если бы вы из этого публичное что-нибудь сделали, но ведь это дело семейственное.

Аммос Фёдорович. Да, нехорошее дело заварилось! А я, признаюсь, шёл было к вам, Антон Антонович, с тем чтобы попотчевать вас собачонкою. Родная сестра тому кобелю, которого вы знаете. Ведь вы слышали, что Чептович с Варховинским затеяли тяжбу, и теперь мне роскошь: травлю зайцев на землях и у того и другого.

Городничий. Батюшки, не милы мне теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидит в голове. Так и ждёшь, что вот откроется дверь и — шась...

Явление III

Те же, Бобчинский и Добчинский, оба входят, запыхавшись.

Бобчинский. Чрезвычайное происшествие!

Добчинский. Неожиданное известие!

Все. Что, что такое?

Добчинский. Непредвиденное дело: приходим в гостиницу...

Бобчинский (*перебивая*). Приходим с Петром Ивановичем в гостиницу...

Добчинский (*перебивая*). Э, позвольте, Пётр Иванович, я расскажу.

Бобчинский. Э, нет, позвольте уж я... позвольте, позвольте... вы уж и слога такого не имеете...

Добчинский. А вы собьётесь и не припомните всего.

¹ В *эмпириях* — в блаженстве (*эмпирей* в древнегреч. мифологии — самая высокая часть неба, местопребывание богов).

Бобчинский. Припомню, ей-богу, припомню. Уж не мешайте, пусть я расскажу, не мешайте! Скажите, господа, сделайте милость, чтоб Пётр Иванович не мешал.

Городничий. Да говорите, ради Бога, что такое? У меня сердце не на месте. Садитесь, господа! Возьмите стулья! Пётр Иванович, вот вам стул.

Все усаживаются вокруг обоих Петров Ивановичей.

Ну, что, что такое?

Бобчинский. Позвольте, позвольте: я всё по порядку. Как только имел удовольствие выйти от вас после того, как вы изволили смутиться полученным письмом, да-с, — так я тогда же убежал... уж, пожалуйста, не перебивайте, Пётр Иванович! Уж всё, всё, всё знаю-с. Так я, изволите видеть, убежал к Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотил к Растаковскому, а не заставши Растаковского, зашёл вот к Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да, идучи оттуда, встретился с Петром Ивановичем...

Добчинский (*перебивая*). Возле будки, где продаются пироги.

Бобчинский. Возле будки, где продаются пироги. Да, встретившись с Петром Ивановичем, и говорю ему: «Слышали ли вы о новости-та, которую получил Антон Антонович из достоверного письма?». А Пётр Иванович уж услышал об этом от ключницы вашей Авдотьи, которая, не знаю, за чем-то была послана к Филиппу Антоновичу Почечуеву.

Добчинский (*перебивая*). За бочонком для французской водки.

Бобчинский (*отводя его руки*). За бочонком для французской водки. Вот мы пошли с Петром-то Ивановичем к Почечуеву... Уж вы, Пётр Иванович... этого... не перебивайте, пожалуйста, не перебивайте!.. Пошли к Почечуеву, да на дороге Пётр Иванович говорит: «Зайдём, говорит, в трактир. В желудке-то у меня... с утра я ничего не ел, так желудочное трясение...» — да-с, в желудке-то у Петра Ивановича... «А в трактир, говорит, привезли теперь свежей сёмги, так мы закусим». Только что мы в гостиницу, как вдруг молодой человек...

П. М. Боклевский.
Бобчинский
и Добчинский

Добчинский (*перебивая*). Недурной наружности, в партикулярном¹ платье...

Бобчинский. Недурной наружности, в партикулярном платье, ходит этак по комнате, и в лице этакое рассуждение... физиономия... поступки, и здесь (*вертит рукою около лба*) много, много всего. Я будто предчувствовал и говорю Петру Ивановичу: «Здесь что-нибудь неспроста-с». Да. А Пётр-то Иванович уж мигнул пальцем и подозвали трактирщика-с, трактирщика Власа: у него жена три недели назад тому родила, и такой пребойкий мальчик, будет так же, как и отец, содержать трактир. Подозвавши Власа, Пётр Иванович и спроси его потихоньку: «Кто, говорит, этот молодой человек?» — а Влас и отвечает на это: «Это», — говорит... Э, не перебивайте, Пётр Иванович, пожалуйста, не перебивайте; вы не расскажете, ей-богу не расскажете: вы пришепётываете; у вас, я знаю, один зуб во рту со свистом... «Это, говорит, молодой человек, чиновник, — да-с, — едущий из Петербурга, а по фамилии, говорит, Иван Александрович Хлестаков-с, а едет, говорит, в Саратовскую губернию и, говорит, престранно себя аттестует²: другую уж неделю живёт, из трактира не едет, забирает всё на счёт и ни копейки не хочет платить». Как сказал он мне это, а меня так вот свыше и вразумило. «Э!» — говорю я Петру Ивановичу...

Добчинский. Нет, Пётр Иванович, это я сказал: «Э!».

Бобчинский. Сначала вы сказали, а потом и я сказал. «Э! — сказали мы с Петром Ивановичем. — А с какой стати сидеть здесь, когда дорога ему лежит в Саратовскую губернию?» Да-с. А вот он-то и есть этот чиновник.

Городничий. Кто, какой чиновник?

Бобчинский. Чиновник-та, о котором изволили получили notiцию³, — ревизор.

Городничий (*в страхе*). Что вы, Господь с вами! это не он.

Добчинский. Он! и денег не платит и не едет. Кому же б быть, как не ему? И подорожная прописана в Саратов.

Бобчинский. Он, он, ей-богу он... Такой наблюдательный: всё обсмотрел. Увидел, что мы с Петром-то Ивановичем ели сёмгу, — больше потому, что Пётр Иванович насчёт своего желудка... да, так он и в тарелки к нам заглянул. Меня так и проняло страхом.

Городничий. Господи, помилуй нас, грешных! Где же он там живёт?

¹ *Партикулярный* — штатский, невоенный.

² *Аттестует* — здесь: обнаруживает свой характер, ведёт себя.

³ *Нотиция* — письменное извещение.

Добчинский. В пятом номере, под лестницей.

Бобчинский. В том самом номере, где прошлого года подрались приезжие офицеры.

Городничий. И давно он здесь?

Добчинский. А недели две уж. Приехал на Василья Египтянина¹.

Городничий. Две недели! (*В сторону.*) Батюшки, сватушки! Выносите, святые угодники! В эти две недели высечена унтер-офицерская² жена! Арестантам не выдавали провизии! На улицах кабак, нечистота! Позор! поношенье! (*Хватается за голову.*)

Артемий Филиппович. Что ж, Антон Антонович? — ехать парадом в гостиницу.

Аммос Фёдорович. Нет, нет! Вперёд пустить голову³, духовенство, купечество; вот и в книге «Деяния Иоанна Масона»⁴...

Городничий. Нет, нет; позвольте уж мне самому. Бывали трудные случаи в жизни, сходили, ещё даже и спасибо получал. Авось Бог вынесет и теперь. (*Обращаясь к Бобчинскому.*) Вы говорите, он молодой человек?

Бобчинский. Молодой, лет двадцати трёх или четырёх с небольшим.

Городничий. Тем лучше: молодого скорее пронюхаешь. Беда, если старый чёрт, а молодой весь наверху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь сам или вот хоть с Петром Ивановичем, приватно⁵, для прогулки, наведаться, не терпят ли проезжающие неприятностей. Эй, Свистунов!

Действие второе

Маленькая комната в гостинице. Постель, стол, чемодан, пустая бутылка, сапоги, платяная щётка и прочее.

Явление I

Осип лежит на барской постели.

Осип. Чёрт побери, есть так хочется и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк затрубил в трубы. Вот не доедем,

¹ *Василий Египтянин* — имя выдуманного Гоголем святого. Праздники святых приходятся на определённые дни года, и потому нередко имеют календарное значение.

² Телесные наказания жён унтер-офицеров были запрещены.

³ *Голова (городской голова)* — выборное лицо, ведавшее городским самоуправлением.

⁴ *Иоанн Масон* — английский религиозный писатель.

⁵ *Приватно* — частным образом.

да и только, домой! Что ты прикажешь делать? Второй месяц пошёл, как уже из Питера! Профинтил¹ дорогой денежки, голубчик, теперь сидит и хвост подвернул и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны²; нет, вишь ты, нужно в каждом городе показать себя! (*Дразнит его.*) «Эй, Осип, ступай посмотри комнату, лучшую, да обед спроси самый лучший: я не могу есть дурного обеда, мне нужен лучший обед». Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь елистратишка³ простой! С проезжающим знакомится, а потом в картишки — вот тебе и доигрался! Эх, надоела такая жизнь! Право, на деревне лучше: оно хоть нет публичности, да и заботности меньше; возьмёшь себе бабу, да и лежи весь век на полатях да ешь пироги. Ну, кто ж спорит: конечно, если пойдёт на правду, так житьё в Питере лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кятры, собаки тебе танцуют, и всё что хочешь. Разговаривает всё на тонкой деликатности, что разве только дворянству уступит; пойдёшь на Щукин⁴ — купцы тебе кричат: «Почтенный!»; на перевозе в лодке с чиновником сядешь; компании захотел — ступай в лавочку: там тебе кавалер⁵ расскажет про лагеря и объявит, что всякая звезда значит на небе, так вот как на ладони всё видишь. Старуха офицерша забредёт; горничная иной раз заглянет такая... фу, фу, фу! (*Усмехается и трясёт головою.*) Галантерейное⁶, чёрт возьми, обхождение! Невежливое слова никогда не услышишь, всякой говорит тебе «вы». Наскучило идти — берёшь себе извозчика и сидишь себе как барин, а не захочешь заплатить ему — изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнёшь, что тебя никакой дьявол не сыщет. Одно плохо: иной раз славно наешься, а в другой чуть не лопнешь с голоду, как теперь, например. А всё он виноват. Что с ним сделаешь? Батюшка пришлёт денежки, чем бы их попридержать — и куды!.. пошёл кутить: ездит на извозчике, каждый день ты доставай в кяত্র билет, а там через неделю, глядь — и посылает на толкучий продавать новый фрак. Иной раз всё до последней рубашки спустит, так что на нём всего останется сертучишка да шинелишка... Ей-богу, правда! И сукно

¹ *Профинтítь* (разг.) — потратить деньги зря.

² *Прогóны* — плата за проезд на почтовых лошадях.

³ *Елистрáтишка* — искажённое *регистратор*. Имеется в виду коллежский регистратор — низший чин чиновника в царской России (XIV класса).

⁴ *Щукин* (двор) — один из петербургских рынков.

⁵ *Кавалёр* — здесь: бывалый солдат.

⁶ *Галантерéйный* (разг.) — галантный, любезный, вежливый.

такое важное, аглицкое! рублёв полтораستا ему один фрак станет, а на рынке спустит рублей за двадцать; а о брюках и говорить нечего — нипочём идут. А отчего? — оттого, что делом не занимается: вместо того чтобы в должность, а он идёт гулять по прешпекту, в картишки играет. Эх, если б узнал это старый барин! Он не посмотрел бы на то, что ты чиновник, а, поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что б дня четыре ты почёсывался. Коли служить, так служи. Вот теперь трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатим? *(Со вздохом.)* Ах, Боже ты мой, хоть бы какие-нибудь щи! Кажись, так бы теперь весь свет съел. Стучится; верно, это он идёт. *(Поспешно схватывается с постели.)*

Явление II

Осип и Хлестаков.

Хлестаков. На, прими это. *(Отдаёт фуражку и тросточку.)* А, опять валялся на кровати?

Осип. Да зачем же бы мне валяться? Не видал я разве кровати, что ли?

Хлестаков. Врёшь, валялся; видишь, вся склочена.

Осип. Да на что мне она? Не знаю я разве, что такое кровать? У меня есть ноги; я и постою. Зачем мне ваша кровать?

Хлестаков *(ходит по комнате)*. Посмотри, там в картузе табаку нет?

Осип. Да где ж ему быть, табаку? Вы четвёртого дня последнее выкурили.

Хлестаков *(ходит и разнообразно сжимает свои губы; наконец говорит громким и решительным голосом)*. Послушай... эй, Осип!

Осип. Чего изволите?

Хлестаков *(громким, но не столь решительным голосом)*. Ты ступай туда.

Осип. Куда?

Хлестаков *(голосом вовсе не решительным и не громким, очень близким к просьбе)*. Вниз, в буфет... Там скажи... чтобы мне дали пообедать.

Осип. Да нет, я и ходить не хочу.

Хлестаков. Как ты смеешь, дурак!

Осип. Да так; всё равно, хоть и пойду, ничего из этого не будет. Хозяин сказал, что больше не даст обедать.

Хлестаков. Как он смеет не дать? Вот ещё вздор!

Осип. «Ещё, говорит, и к городничему пойду; третью неделю барин денег не платит. Вы-де с баринном, говорит, мошенники, и барин твой — плут. Мы-де, говорят, этаких широмыжников¹ и подлецов видали».

Хлестаков. А ты уж и рад, скотина, сейчас пересказывать мне всё это.

Осип. Говорит: «Этак всякий придёт, обживётся, задолжается, после и выгнать нельзя. Я, говорит, шутить не буду, я прямо с жалобой, чтоб на съезжку да в тюрьму».

Хлестаков. Ну, ну, дурак, полно! Ступай, ступай скажи ему. Такое грубое животное!

Осип. Да лучше я самого хозяина позову к вам.

Хлестаков. На что ж хозяина? Ты поди сам скажи.

Осип. Да, право, сударь...

Хлестаков. Ну, ступай, чёрт с тобой! позови хозяина.

Осип уходит.

Явление III

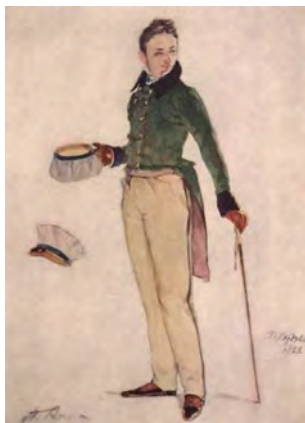
Хлестаков один.

Хлестаков. Ужасно как хочется есть! Так немножко прошёлся, думал, не пройдёт ли аппетит, — нет, чёрт возьми, не проходит. Да, если б в Пензе я не покутил, стало бы денег доехать домой. Пехотный капитан сильно поддел меня: штосы удивительно, бестия, срезывает². Всего каких-нибудь четверть часа посидел — и всё обобрал. А при всём том страх хотелось бы с ним ещё раз сразиться. Случай только не привёл. Какой скверный городишко! В овощенных³ лавках ничего не дают в долг. Это уж просто подло. *(Насвистывает сначала из «Роберта», потом «Не шей ты мне, матушка...», а наконец ни сё ни то.)* Никто не хочет идти.

¹ *Широмыжник* (правильно: *шаромыжник*) — здесь: человек, живущий за чужой счёт.

² *Штосы срезывать* — выигрывать в карты (*штос* — азартная карточная игра).

³ *Овощенная лавка* — мелочная лавка.

Д. Н. Кардовский.
Хлестаков. Иллюстрация
к комедии «Ревизор»

Явление VIII

Хлестаков, городничий и Добчинский.

Городничий, вошед, останавливается. Оба в испуге смотрят несколько минут один на другого, выпучив глаза.

Городничий (*немного оправившись и протянув руки по швам*). Желаю здравствовать!

Хлестаков (*кланяется*). Моё почтение...

Городничий. Извините.

Хлестаков. Ничего...

Городничий. Обязанность моя, как градоначальника здешнего города, заботиться о том, чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений...

Хлестаков (*сначала немного заикается, но к концу речи говорит громко*). Да что ж делать? Я не виноват... Я, право, заплачу... Мне пришлют из деревни.

Бобчинский выглядывает из дверей.

Он больше виноват: говядину мне подаёт такую твёрдую, как бревно; а суп — он чёрт знает чего плеснул туда, я должен был выбросить его за окно. Он меня морит голодом по целым дням... Чай такой странный, воняет рыбой, а не чаем. За что ж я... Вот новость!

Городничий (*робея*). Извините, я, право, не виноват. На рынке у меня говядина всегда хорошая. Привозят холмогорские купцы, люди трезвые и поведения хорошего. Я уж не знаю, откуда он берёт такую. А если что не так, то... Позвольте мне предложить вам переехать со мною на другую квартиру.

Хлестаков. Нет, не хочу! Я знаю, что значит на другую квартиру: то есть в тюрьму. Да какое вы имеете право? Да как вы смее-те?.. Да вот я... Я служу в Петербурге. (*Бодрится*.) Я, я, я...

Городничий (*в сторону*). О Господи ты Боже, какой сердитый! Всё узнал, всё рассказали проклятые купцы!

Хлестаков (*храбрясь*). Да вот вы хоть тут со всей своей командой — не пойду! Я прямо к министру! (*Стучит кулаком по столу*.) Что вы? Что вы?

Городничий (*вытянувшись и дрожа всем телом*). Помилуйте, не погубите! Жена, дети маленькие... не сделайте несчастным человека.

Хлестаков. Нет, я не хочу! Вот ещё? мне какое дело? Оттого, что у вас жена и дети, я должен идти в тюрьму, вот прекрасно!

Бобчинский выглядывает в дверь и в испуге прячется.

Нет, благодарю покорно, не хочу.

Городничий (*дрожа*). По неопытности, ей-богу по неопытности. Недостаточность состояния... Сами извольте посудить: казённого жалованья не хватает даже на чай и сахар. Если ж и были какие взятки, то самая малость: к столу что-нибудь да на пару платья. Что же до унтер-офицерской вдовы, занимающейся купечеством, которую я будто бы высек, то это клевета, ей-богу клевета. Это выдумали злодеи мои; это такой народ, что на жизнь мою готовы покушаться.

Хлестаков. Да что? мне нет никакого дела до них. (*В размышлении.*) Я не знаю, однако ж, зачем вы говорите о злодеях или о какой-то унтер-офицерской вдове... Унтер-офицерская жена совсем другое, а меня вы не смеее высесть, до этого вам далеко... Вот ещё! смотри ты какой!.. Я заплачу, заплачу деньги, но у меня тепер нет. Я потому и сажу здесь, что у меня нет ни копейки.

Городничий (*в сторону*). О, тонкая штука! Эк куда метнул! какого туману напустил! разбери кто хочет! Не знаешь, с какой стороны и приняться. Ну да уж попробовать не куды пошло! Что будет, то будет, попробовать на авось. (*Вслух.*) Если вы точно имеете нужду в деньгах или в чём другом, то я готов служить сию минуту. Моя обязанность помогать проезжающим.

Хлестаков. Дайте, дайте мне займы! Я сейчас же расплачусь с трактирщиком. Мне бы только рублей двести или хоть даже и меньше.

Городничий (*поднося бумажки*). Ровно двести рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаков (*принимая деньги*). Покорнейше благодарю. Я вам тотчас пришлю их из деревни... у меня это вдруг... Я вижу, вы благородный человек. Тепер другое дело.

Городничий (*в сторону*). Ну, слава Богу! деньги взял. Дело, кажется, пойдёт тепер на лад. Я таки ему вместо двухсот четырёхста свернул.

Хлестаков. Эй, Осип!

Осип входит.

Позови сюда трактирного слугу! (*К городничему и Добчинскому.*) А что же вы стоите? Сделайте милость, садитесь. (*Добчинскому.*) Садитесь, прошу покорнейше.

Городничий. Ничего, мы и так постоим.

Хлестаков. Сделайте милость, садитесь. Я тепер вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушие, а то, признаюсь, я уж думал, что вы пришли с тем, чтобы меня... (*Добчинскому.*) Садитесь.

Городничий и Добчинский садятся.

Бобчинский выглядывает в дверь и прислушивается.

Городничий (*в сторону*). Нужно быть посмелее. Он хочет, чтобы считали его инкогнитом. Хорошо, подпустим и мы турусы¹; прикинемся, как будто совсем и не знаем, что он за человек. (*Вслух.*) Мы, прохаживаясь по делам должности, вот с Петром Ивановичем Добчинским, здешним помещиком, зашли нарочно в гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающие, потому что я не так, как иной городничий, которому ни до чего дела нет; но я, кроме должности, ещё и по христианскому человеколюбию хочу, чтобы всякому смертному оказывался хороший приём, — и вот, как будто в награду, случай доставил такое приятное знакомство.

Хлестаков. Я тоже сам очень рад. Без вас я, признаюсь, долго бы просидел здесь: совсем не знал, чем заплатить.

Городничий (*в сторону*). Да, рассказывай, не знал, чем заплатить? (*Вслух.*) Осмелюсь ли спросить: куда и в какие места ехать изволите?

Хлестаков. Я еду в Саратовскую губернию, в собственную деревню.

Городничий (*в сторону, с лицом, принимающим ироническое выражение*). В Саратовскую губернию! А? и не покраснеет! О, да с ним нужно ухо остро. (*Вслух.*) Благое дело изволили предпринять. Ведь вот относительно дороги: говорят, с одной стороны, неприятности насчёт задержки лошадей, а ведь, с другой стороны, развлечение для ума. Ведь вы, чай, больше для собственного удовольствия едете?

Хлестаков. Нет, батюшка меня требует. Рассердился старик, что до сих пор ничего не выслужил в Петербурге. Он думает, что так вот приехал да сейчас тебе Владимира в петлицу и дадут. Нет, я бы послал его самого потолкаться в канцелярию.

Городничий (*в сторону*). Прошу посмотреть, какие пули отливает! и старика отца приплёл! (*Вслух.*) И на долгое время изволите ехать?

Хлестаков. Право, не знаю. Ведь мой отец упрям и глуп, старый хрен, как бревно. Я ему прямо скажу: как хотите, я не могу жить без Петербурга. За что ж, в самом деле, я должен погубить жизнь с мужиками? Теперь не те потребности, душа моя жаждет просвещения.

Городничий (*в сторону*). Славно завязал узелок! Врёт, врёт — и нигде не оборвётся! А ведь какой невзрачный, низенький,

¹ *Турусы* — здесь: выдумка, враньё.

кажется, ногтем бы придавил его. Ну, да, постой, ты у меня проговоришься. Я тебя уж заставлю побольше рассказать! *(Вслух.)* Справедливо изволили заметить. Что можно сделать в глуши? Ведь вот хоть бы здесь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалеешь ничего, а награда неизвестно ещё когда будет. *(Ожидывает глазами комнату.)* Кажется, эта комната несколько сыра?

Хлестаков. Скверная комната, и клопы такие, каких я нигде не видывал: как собаки кусают.

Городничий. Скажите! такой просвещённый гость, и терпит — от кого же? — от каких-нибудь негодных клопов, которым бы и на свет не следовало родиться. Никак, даже темно в этой комнате?

Хлестаков. Да, совсем темно. Хозяин завёл обыкновение не отпускать свечей. Иногда что-нибудь хочется сделать, почитать или придёт фантазия сочинить что-нибудь, — не могу: темно, темно.

Городничий. Осмелюсь ли просить вас... но нет, я недостоин.

Хлестаков. А что?

Городничий. Нет, нет, недостоин, недостоин!

Хлестаков. Да что ж такое?

Городничий. Я бы дерзнул... У меня в доме есть прекрасная для вас комната, светлая, покойная... Но нет, чувствую сам, это уж слишком большая честь... Не рассердитесь — ей-богу, от простоты души предложил.

Хлестаков. Напротив, извольте, я с удовольствием. Мне гораздо приятнее в приватном доме, чем в этом кабаке.

Городничий. А уж я так буду рад! А уж как жена обрадуется! У меня уже такой нрав: гостеприимство с самого детства, особливо если гость просвещённый человек. Не подумайте, чтобы я говорил это из лести; нет, не имею этого порока, от полноты души выражаюсь.

Хлестаков. Покорно благодарю. Я сам тоже — я не люблю людей двуличных. Мне очень нравятся ваша откровенность и радушие, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовал, как только оказывай мне преданность и уваженье, уваженье и преданность.

Явление IX

Те же и трактирный слуга, сопровождаемый Осипом.

Бобчинский выглядывает в дверь.

Слуга. Изволили спрашивать?

Хлестаков. Да; подай счёт.

Слуга. Я уж давеча подал вам другой счёт.

Хлестаков. Я уж не помню твоих глупых счетов. Говори, сколько там?

Слуга. Вы изволили в первый день спросить обед, а на другой день только закусили сёмги и потом пошли всё в долг брать.

Хлестаков. Дурак! ещё начал высчитывать. Всего сколько следует?

Городничий. Да вы не извольте беспокоиться, он подождёт. (Слуге.) Пошёл вон, тебе пришлют.

Хлестаков. В самом деле, и то правда. (*Прячет деньги.*)

Слуга уходит. В дверь выглядывает Бобчинский.

Явление X

Городничий, Хлестаков, Добчинский.

Городничий. Не угодно ли будет вам осмотреть теперь некоторые заведения в нашем городе, как-то — богоугодные и другие?

Хлестаков. А что там такое?

Городничий. А так, посмотрите, какое у нас течение дел... порядок какой...

Хлестаков. С большим удовольствием, я готов.

Бобчинский выставляет голову в дверь.

Городничий. Также, если будет ваше желание, оттуда в уездное училище, осмотреть порядок, в каком преподаются у нас науки.

Хлестаков. Извольте, извольте.

Городничий. Потом, если пожелаете посетить острог и городские тюрьмы — рассмотрите, как у нас содержатся преступники.

Хлестаков. Да зачем же тюрьмы? Уж лучше мы обсмотрим богоугодные заведения.

Городничий. Как вам угодно. Как вы намерены: в своём экипаже или вместе со мною на дрожках?

Хлестаков. Да, я лучше с вами на дрожках поеду.

Действие третье

Комната первого действия.

Явление III

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ну, Машенька, нам нужно теперь заняться туалетом. Он столичная штучка: Боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмел. Тебе приличнее всего надеть твоё голубое платье с мелкими оборками.

Марья Антоновна. Фи, маменька, голубое! Мне совсем не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходит в голубом, и дочь Земляники в голубом. Нет, лучше я надену цветное.

Анна Андреевна. Цветное!.. Право, говоришь — лишь бы только наперекор. Оно тебе будет гораздо лучше, потому что я хочу надеть палевое¹; я очень люблю палевое.

Марья Антоновна. Ах, маменька, вам нейдёт палевое!

Анна Андреевна. Мне палевое нейдёт?

Марья Антоновна. Нейдёт, я что угодно даю, нейдёт: для этого нужно, чтобы глаза были совсем тёмные.

Анна Андреевна. Вот хорошо! а у меня глаза разве не тёмные? самые тёмные. Какой вздор говорит! Как же не тёмные, когда я и гадаю про себя всегда на трефовую даму?

Марья Антоновна. Ах, маменька! вы больше червонная дама.

Анна Андреевна. Пустяки, совершенные пустяки! Я никогда не была червонная дама. *(Поспешно уходит вместе с Марьей Антоновной и говорит за сценою.)* Этакое вдруг вообразится! червонная дама! Бог знает что такое!

Явление V

Квартальные отворяют обе половинки дверей. Входит Хлестаков; за ним городничий, далее попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, Добчинский и Бобчинский с пластырем на носу; городничий указывает квартальным на полу бумажку — они бегут и снимают её, толкая друг друга впопыхах.

Хлестаков. Хорошие заведения. Мне нравится, что у вас показывают проезжающим всё в городе. В других городах мне ничего не показывали.

Городничий. В других городах, осмелюсь вам доложить, градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то есть, пользе. А здесь, можно сказать, нет другого помышления, кроме того, чтобы благочинием и бдительностью заслужить внимание начальства.

Хлестаков. Завтрак был очень хорош; я совсем объелся. Что, у вас каждый день бывает такой?

Городничий. Нарочно для приятного гостя.

Хлестаков. Я люблю поесть. Ведь на то живёшь, чтобы срывать цветы удовольствия. Как называлась эта рыба?

Артемий Филиппович *(подбегая)*. Лабардан-с.

Хлестаков. Очень вкусная. Где это мы завтракали? в больнице, что ли?

¹ Палевый — бледно-жёлтый.

Артемий Филиппович. Так точно-с, в богоугодном заведении.

Хлестаков. Помню, помню, там стояли кровати. А больные выздоровели? там их, кажется, немного.

Артемий Филиппович. Человек десять осталось, не больше; а прочие все выздоровели. Это уж так устроено, такой порядок. С тех пор, как я принял начальство, — может быть, вам покажется даже невероятным, — все как мухи выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком.

Городничий. Уж на что, осмелюсь доложить вам, головоломна обязанность градоначальника! Столько лежит всяких дел, относительно одной чистоты, починки, поправки... словом, наименьший человек пришёл бы в затруднение, но, благодарение Богу, все идёт благополучно. Иной городничий, конечно, радел бы о своих выгодах; но, верите ли, что, даже когда ложишься спать, всё думаешь: «Господи Боже Ты мой, как бы так устроить, чтобы начальство увидело мою ревность и было довольным?..». Наградит ли оно или нет — конечно, в его воле; по крайней мере, я буду спокоен в сердце. Когда в городе во всём порядок, улицы выметены, арстанты хорошо содержатся, пьяниц мало... то чего ж мне больше? Ей-ей, и почестей никаких не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но пред добродетелью всё прах и суета.

Артемий Филиппович (*в сторону*). Эка, бездельник, как расписывает! Дал же Бог такой дар!

Хлестаков. Это правда. Я, признаюсь, сам люблю иногда заумствоваться: иной раз прозой, а в другой раз и стишки выкинутся.

Бобчинский (*Добчинскому*). Справедливо, всё справедливо, Пётр Иванович! Замечания такие... видно, что наукам учился.

Хлестаков. Скажите, пожалуйста, нет ли у вас каких-нибудь развлечений, обществ, где бы можно было, например, поиграть в карты?

Городничий (*в сторону*). Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! (*Вслух.*) Боже сохрани! здесь и слуху нет о таких обществах. Я карт и в руки никогда не брал; даже не знаю, как играть в эти карты. Смотреть никогда не мог на них равнодушно; и если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля или что-нибудь другое, то такое омерзение нападёт, что просто плюнешь. Раз как-то случилось, забавляя детей, выстроил будку из карт, да после того всю ночь снились, проклятые. Бог с ними! Как можно, чтобы такое драгоценное время убивать на них?

Лука Лукич (*в сторону*). А у меня, подлец, выпонтировал вчера сто рублей.

Городничий. Лучше ж я употреблю это время на пользу государственную.

Хлестаков. Ну, нет, вы напрасно, однако же... Всё зависит от той стороны, с которой кто смотрит на вещь. Если, например, забастуешь тогда, как нужно гнуть от трёх углов... ну, тогда конечно... Нет, не говорите, иногда очень заманчиво поиграть.

Явление VI

Те же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Осмелюсь представить семейство моё: жена и дочь.

Хлестаков (*раскланиваясь*). Как я счастлив, сударыня, что имею в своём роде удовольствие вас видеть.

Анна Андреевна. Нам ещё более приятно видеть такую особу.

Хлестаков (*рисуюсь*). Помилуйте, сударыня, совершенно напротив: мне ещё приятнее.

Анна Андреевна. Как можно-с! Вы это так изволите говорить, для комплимента. Прошу покорно садиться.

Хлестаков. Возле вас стоять уже есть счастье; впрочем, если вы так уже непременно хотите, я сяду. Как я счастлив, что наконец сажу возле вас.

Анна Андреевна. Помилуйте, я никак не смею принять на свой счёт... Я думаю, после столицы вояжировка¹ вам показалась очень неприятною.

Хлестаков. Чрезвычайно неприятна. Привыкши жить, *comprenez vous*², в свете, и вдруг очутиться в дороге: грязные трактиры, мрак невежества... Если б, признаюсь, не такой случай, который меня... (*посматривает на Анну Андреевну и рисуется перед ней*) так вознаградил за всё...

Анна Андреевна. В самом деле, как вам должно быть неприятно.

Хлестаков. Впрочем, сударыня, в эту минуту мне очень приятно.

Анна Андреевна. Как можно-с! Вы делаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаков. Отчего же не заслуживаете?

¹ *Вояжировка* — путешествие.

² *Comprenez vous* (франц.) — понимаете ли.

Анна Андреевна. Я живу в деревне...

Хлестаков. Да деревня, впрочем, тоже имеет свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнит с Петербургом! Эх, Петербург! что за жизнь, право! Вы, может быть, думаете, что я только переписываю; нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге. Этак ударит по плечу: «Приходи, братец, обедать!». Я только на две минуты захожу в департамент, с тем только, чтобы сказать: «Это вот так, это вот так!». А там уж чиновник для письма, этакая крыса, пером только — тр, тр... пошёл писать. Хотели было даже меня коллежским асессором сделать, да, думаю, зачем. И сторож летит ещё на лестнице за мною со щёткою: «Позвольте, Иван Александрович, я вам, говорит, сапоги почищу». (*Городничему.*) Что вы, господа, стоите? Пожалуйста, садитесь!

Все вместе.

Городничий. Чин такой, что ещё можно постоять.

Артемий Филиппович. Мы постоим.

Лука Лукич. Не извольте беспокоиться.

Хлестаков. Без чинов, прошу садиться.

Городничий и все садятся.

Хлестаков. Я не люблю церемонии. Напротив, я даже всегда стараюсь проскользнуть незаметно. Но никак нельзя скрыться, никак нельзя! Только выйду куда-нибудь, уж и говорят: «Вон, говорят, Иван Александрович идёт!». А один раз меня даже приняли за главнокомандующего: солдаты выскочили из гауптвахты и сделали ружьём. После уже офицер, который мне очень знаком, говорит мне: «Ну, братец, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующего».

Анна Андреевна. Скажите как!

Хлестаков. С хорошенькими актрисами знаком. Я ведь тоже разные водевильчики... Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: «Ну что, брат Пушкин?» — «Да так, брат, — отвечает, бывало, — так как-то всё...» Большой оригинал.

Анна Андреевна. Так вы и пишете? Как это должно быть приятно сочинителю! Вы, верно, и в журналы помещаете?

Хлестаков. Да, и в журналы помещаю. Моих, впрочем, много есть сочинений: «Женитьба Фигаро»¹, «Роберт-Дьявол»,

¹ «Женитьба Фигаро» — комедия французского драматурга П. О. К. Бомарше.

«Норма»¹. Уж и названий даже не помню. И всё случаем: я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: «Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь». Думаю себе: «Пожалуй, изволь братец!». И тут же в один вечер, кажется, всё написал, всех изумил. У меня лёгкость необыкновенная в мыслях. Всё это, что было под именем барона Брамбеуса², «Фрегат Надежды»³ и «Московский телеграф»⁴... всё это я написал.

Анна Андреевна. Скажите, так это вы были Брамбеус?

Хлестаков. Как же, я им всем поправляю статьи. Мне Смирдин даёт за это сорок тысяч.

Анна Андреевна. Так, верно, и «Юрий Милославский» ваше сочинение?

Хлестаков. Да, это моё сочинение.

Марья Антоновна. Ах, маменька, там написано, что это господина Загоскина сочинение.

Анна Андреевна. Ну вот: я и знала, что даже здесь будешь спорить.

Хлестаков. Ах да, это правда, это точно Загоскина; а вот есть другой «Юрий Милославский», так тот уж мой.

Анна Андреевна. Ну, это, верно, я ваш читала. Как хорошо написано!

Хлестаков. Я, признаюсь, литературой существую. У меня дом первый в Петербурге. Так уж и известен: дом Ивана Александровича. (*Обращаясь ко всем.*) Сделайте милость, господа, если будете в Петербурге, прошу, прошу ко мне. Я ведь тоже балы даю.

Анна Андреевна. Я думаю, с каким там вкусом и великолепием дают балы!

Хлестаков. Просто не говорите. На столе, например, арбуз — в семьсот рублей арбуз. Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа; откроют крышку — пар, которому подобного нельзя отыскать в природе. Я всякий день на балах. Там у нас и вист свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я. И уж так уморишься, играя, что просто ни на что не похоже. Как взбежишь по лестнице к себе на четвёртый этаж — скажешь только кухарке: «На, Маврушка, шинель...». Что ж я вру — я и позабыл, что живу в бельэтаже. У меня одна лестница ступит... А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я ещё не

¹ «Норма» — опера итальянского композитора В. Беллини.

² Барон Брамбеус — псевдоним русского журналиста О. И. Сенкевича.

³ «Фрегат “Надежда”» — повесть Марлинского (А. А. Бестужева).

⁴ «Московский телеграф» — журнал, издававшийся в 1825–1834 годах.

проснулся: графы и князья толкуются и жужжат там, как шмели, только и слышно: ж... ж... ж... Иной раз и министр...

Городничий и прочие с робостью встают со своих стульев.

Мне даже на пакетах пишут: «ваше превосходительство». Один раз я даже управлял департаментом. И странно: директор уехал, — куда уехал, неизвестно. Ну, натурально, пошли толки: как, что, кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало, — нет, мудрено. Кажется, и легко на вид, а рассмотришь — просто чёрт возьми! После видят, нечего делать, — ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров! Каково положение? — я спрашиваю. «Иван Александрович, ступайте департаментом управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышел в халате: хотел отказаться, но думаю: дойдёт до государя, ну да и послужной список тоже... «Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю, говорю, так и быть, говорю, я принимаю, только уж у меня: ни, ни, ни!.. Уж у меня ухо востро! уж я...» И точно: бывало, как прохожу через департамент, — просто землетрясение, всё дрожит и трясётся как лист.

Городничий и прочие трясутся от страха.
Хлестаков горячится ещё сильнее.

А. И. Константиновский.
Сцена вранья
Хлестакова.

Иллюстрация к комедии
Н. В. Гоголя «Ревизор»

О! я шутить не люблю. Я им всем задал острастку. Меня сам государственный совет боится. Да что в самом деле? Я такой! я не посмотрю ни на кого... я говорю всем: «Я сам себя знаю, сам». Я везде, везде. Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш... *(Поскальзывается и чуть-чуть не шлёпается на пол, но с почтением поддерживается чиновниками.)*

Городничий *(подходя и трясясь всем телом, силится выговорить)*. А ва-ва-ва... ва...

Хлестаков *(быстрым, отрывистым голосом)*. Что такое?

Городничий. А ва-ва-ва... ва...

Хлестаков *(таким же голосом)*. Не разберу ничего, всё вздор.

Городничий. Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. вот и комната, и всё что нужно.

Хлестаков. Вздор — отдохнуть. Извольте, я готов отдохнуть. Завтрак у вас, господа, хорош... Я доволен, я доволен. *(С декламацией.)* Лабардан! лабардан! *(Входит в боковую комнату, за ним городничий.)*

Явление IX

Те же и городничий.

Городничий *(входит на цыпочках)*. Чш... ш...

Анна Андреевна. Что?

Городничий. И не рад, что напоил. Ну что, если хоть одна половина из того, что он говорил, правда? *(Задумывается.)* Да как же и не быть правде? Подгулявши, человек всё несёт наружу: что на сердце, то и на языке. Конечно, прилгнул немного; да ведь не прилгнувши не говорится никакая речь. С министрами играет и во дворец ездит... Так вот, право, чем больше думаешь... чёрт его знает, не знаешь, что и делается в голове; просто как будто или стоишь на какой-нибудь колокольне, или тебя хотят повесить.

Анна Андреевна. А я никакой совершенно не ощутила робости; я видела в нём образованного, светского, высшего тона человека, а о чинах его мне и нужды нет.

Городничий. Ну, уж вы — женщины! Всё кончено, одного этого слова достаточно! Вам всё — финтирлюшки! Вдругбрякнут ни из того ни из другого словцо. Вас посекут, да и только, а мужа и поминай как звали. Ты, душа моя, обращалась с ним так свободно, будто с каким-нибудь Добчинским.

Анна Андреевна. Об этом уж я советую вам не беспокоиться. Мы кой-что знаем такое... *(Посматривает на дочь.)*

Городничий *(один)*. Ну, уж с вами говорить!.. Эка в самом деле оказия! До сих пор не могу очнуться от страха. *(Отворяет дверь и говорит в дверь.)* Мишка, позови квартальных Свистунова и Держиморду: они тут недалеко где-нибудь за воротами. *(После небольшого молчания.)* Чудно всё завелось теперь на свете: хоть бы народ-то уж был видный, а то худенький, тоненький — как его узнаешь, кто он? Ещё военный всё-таки кажет из себя, а как надеет фрачишку — ну точно муха с подрезанными крыльями. А ведь долго крепился давеча к трактире, заламливал такие аллегии

¹ *Финтирлюшка* (финтифлюшка) — глупость, пустяк.

и екивоки¹, что, кажись, век бы не добился толку. А вот наконец и подался. Да ещё наговорил больше, чем нужно. Видно, что человек молодой.

Явление VIII

Хлестаков один.

Хлестаков. Здесь много чиновников. Мне кажется, однако ж, что они меня принимают за государственного человека. Верно, я вчера им подпустил пыли. Экое дурачье! Напишу-ка я обо всём в Петербург к Тряпичкину: он пописывает статейки — пусть-ка он их общёлкает хорошенько. Эй, Осип, подай мне бумагу и чернила!

Осип выглянул из дверей, произнесши: «Сейчас».

А уж Тряпичкину, точно, если кто попадёт на зубок, — берегись: отца родного не пощадит для словца, и деньгу тоже любит. Впрочем, чиновники эти хорошие люди; это с их стороны хорошая черта, что они мне дали займы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денег. Это от судьи триста; это от почтмейстера триста, шестьсот, семьсот, восемьсот... Какая замасленная бумажка! Восемьсот, девятьсот... Ого! За тысячу перевалило... Ну-ка, теперь, капитан, ну-ка, попадись-ка ты мне теперь! Посмотрим, кто кого!

Явление IX

Хлестаков и Осип с чернилами и бумагою.

Хлестаков. Ну что, видишь, дурак, как меня угощают и принимают? *(Начинает писать.)*

Осип. Да, слава Богу! Только знаете что, Иван Александрович?

Хлестаков *(пишет)*. А что?

Осип. Уезжайте отсюда. Ей-богу, уже пора.

Хлестаков *(пишет)*. Вот вздор! Зачем?

Осип. Да так. Бог с ними со всеми! Погуляли здесь два денька — ну и довольно. Что с ними долго связываться? Плюньте на них! не ровён час, какой-нибудь другой наедет... ей-богу, Иван Александрович! А лошади тут славные — так бы закатали!..

Хлестаков *(пишет)*. Нет, мне ещё хочется пожить здесь. Пусть завтра.

Осип. Да что завтра! Ей-богу, поедем, Иван Александрович! Оно хоть и большая честь вам, да всё, знаете, лучше уехать скорее: ведь вас, право, за кого-то другого приняли... И батюшка

¹ *Екиво́к (экивок)* — двусмысленность, намёк.

будет гневаться, что так замешкались. Так бы, право, закатили славно! А лошадей бы важных здесь дали.

Хлестаков (*пишет*). Ну, хорошо. Отнеси только наперёд это письмо; пожалуй, вместе и подорожную возьми. Да зато, смотри, чтоб лошади хорошие были! Ямщикам скажи, что я буду давать по целковому; чтобы так, как фельдъегеря, катили и песни бы пели!.. (*Продолжает писать*.) Воображаю, Тряпичкин умрёт со смеху... <...>

Явление XV

Те же и городничий впопыхах.

Анна Андреевна. Знаешь ли ты, какой чести удостоивает нас Иван Александрович? Он просит руки нашей дочери.

Городничий. Куда! куда!.. Рехнулась, матушка! Не извольте гневаться, ваше превосходительство: она немного с придурью, такова же была и мать её.

Хлестаков. Да, я точно прошу руки. Я влюблён.

Городничий. Не могу верить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Да когда говорят тебе?

Хлестаков. Я не шутя вам говорю... Я могу от любви свихнуть с ума.

Городничий. Не смею верить, не достоин такой чести.

Хлестаков. Да, если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я чёрт знает что готов...

Городничий. Не могу верить: извольте шутить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Ах, какой чурбан в самом деле! Ну, когда тебе толкуют?

Городничий. Не могу верить.

Хлестаков. Отдайте, отдайте! Я отчаянный человек, я решусь на всё: когда застрелюсь, вас под суд отдадут.

Городничий. Ах, Боже мой! Я, ей-ей, не виноват ни душою, ни телом. Не извольте гневаться! Извольте поступать так, как вашей милости угодно! У меня, право, в голове теперь... я и сам не знаю, что делается. Такой дурак теперь сделался, каким ещё никогда не бывал.

Анна Андреевна. Ну, благословляй!

Хлестаков подходит с Марьей Антоновной.

Городничий. Да благословит вас Бог, а я не виноват.

Хлестаков целуется с Марьей Антоновной.

Городничий смотрит на них.

Что за чёрт! в самом деле! (*Протирает глаза.*) Целуются! Ах, батюшки, целуются! Точный жених! (*Вскрикивает, подпрыгивая от радости.*) Ай, Антон! Ай, Антон! Ай, городничий! Вона, как дело-то пошло!

Явление XVI

Те же и Осип.

Осип. Лошади готовы.

Хлестаков. А, хорошо... я сейчас.

Городничий. Как-с? Изволите ехать?

Хлестаков. Да, еду.

Городничий. А когда же, то есть... вы изволили сами намекнуть насчёт, как-жестя, свадьбы?

Хлестаков. А это... На одну минуту только... на один день к дяде — богатый старик; а завтра же и назад.

Городничий. Не смеем никак удерживать, в надежде благополучного возвращения.

Хлестаков. Как же, как же, я вдруг. Прощайте, любовь моя... нет, просто не могу выразить! Прощайте, душенька! (*Целует её ручку.*) <...>

Колокольчик звенит. Занавес опускается.

А. И. Константиновский.
Хлестаков берёт взятки

Действие пятое

Явление VIII

Те же и почтмейстер впопыхах, с распечатанным письмом в руке.

Почтмейстер. Удивительное дело, господа! Чиновник, которого мы приняли за ревизора, был не ревизор.

Все. Как не ревизор?

Почтмейстер. Совсем не ревизор, — я узнал это из письма...

Городничий. Что вы? что вы? из какого письма?

Почтмейстер. Да из собственного его письма. Приносят ко мне на почту письмо. Взглянул на адрес — вижу: «в Почтамтскую улицу». Я так и обомлел. «Ну, — думаю себе, — верно, нашёл беспорядки по почтовой части и уведомляет начальство». Взял да и распечатал.

Городничий. Как же вы?..

Почтмейстер. Сам не знаю, неестественная сила побудила. Призвал было уже курьера, с тем чтобы отправить его с эштафетой¹, — но любопытство такое одолело, какого ещё никогда не чувствовал. Не могу, не могу! слышу, что не могу! тянет, так вот и тянет! В одном ухе так вот и слышу: «Эй, не распечатывай! пропадёшь, как курица»; а в другом словно бес какой шепчет: «Распечатай, распечатай, распечатай!». И как придавил сургуч — пожилам огонь, а распечатал — мороз, ей-богу мороз. И руки дрожат, и всё помутилось.

Городничий. Да как же вы осмелились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстер. В том-то и штука, что он не уполномоченный и не особа!

Городничий. Что ж он, по-вашему, такое?

Почтмейстер. Ни сё ни то; чёрт знает что такое!

Городничий (*запальчиво*). Как ни сё ни то? Как вы смеете назвать его ни тем ни сем, да ещё и чёрт знает чем? Я вас под арест...

Почтмейстер. Кто? Вы?

Городничий. Да, я!

Почтмейстер. Коротки руки!

Городничий. Знаете ли, что он женится на моей дочери, что я сам буду вельможа, что я в самую Сибирь законопачу?

Почтмейстер. Эх, Антон Антонович! что Сибирь? далеко Сибирь. Вот лучше я вам прочту. Господа! позвольте прочитать письмо! Все. Читайте, читайте!

Почтмейстер (*читает*). «Спешу уведомить тебя, душа моя Тряпичкин, какие со мной чудеса. На дороге обчистил меня кругом пехотный капитан, так что трактирщик хотел уже было посадить в тюрьму; как вдруг, по моей петербургской физиономии и по костюму, весь город принял меня за генерал-губернатора. И я теперь живу у городничего, жуирую², волочусь напропалую за его женой и дочкой; не решился только, с которой начать, — думаю, прежде с матушки, потому что, кажется, готова сейчас на все услуги. Помнишь, как мы с тобой бедствовали, обедали наше-рамыжку и как один раз было кондитер схватил меня за воротник по поводу съеденных пирожков на счёт доходов аглицкого короля? Теперь совсем другой оборот. Все мне дают займы сколько угодно. Оригиналы страшные. От смеху ты бы умер. Ты, я знаю,

¹ *Эштафёта* (искажён. *эстафета*) — здесь: срочная почта.

² *Жуировать* — развлекаться, вести весёлую жизнь.

пишешь статейки: помести их в свою литературу. Во-первых, городничий — глуп, как сивый мерин...».

Городничий. Не может быть этого! Там нет этого.

Почтмейстер (*показывает письмо*). Читайте сами.

Городничий (*читает*). «Как сивый мерин». Не может быть! вы это сами написали.

Почтмейстер. Как же бы я стал писать?

Артемий Филиппович. Читайте!

Лука Лукич. Читайте!

Почтмейстер (*продолжая читать*). «Городничий — глуп, как сивый мерин...».

Городничий. О, чёрт возьми! нужно ещё повторять! как будто оно там и без того не стоит.

Почтмейстер (*продолжая читать*). Хм... хм... хм... хм... «сивый мерин. Почтмейстер тоже добрый человек...». (*Оставляя читать*.) Ну, тут обо мне тоже он неприлично выразился.

Городничий. Нет, читайте!

Почтмейстер. Да к чему ж?..

Городничий. Нет, чёрт возьми, когда уж читать, так читать! Читайте всё!

Артемий Филиппович. Позвольте, я прочитаю. (*Надевает очки и читает*.) «Почтмейстер точь-в-точь наш департаментский сторож Михеев; должно быть, также, подлец пьёт горькую».

Почтмейстер (*к зрителям*). Ну, скверный мальчишка, которого надо высечь; больше ничего!

Артемий Филиппович (*продолжая читать*). «Надзиратель над богоугодным заведе... и... и... и... (*Заикается*.)

Коробкин. А что ж вы остановились?

Артемий Филиппович. Да нечёткое перо... впрочем, видно, что негодяй.

Коробкин. Дайте мне! Вот у меня, я думаю, получше глаза. (*Берёт письмо*.)

Артемий Филиппович (*не давая письмо*). Нет, это место можно пропустить, а там дальше разборчиво.

Коробкин. Да позвольте, уж я знаю.

Артемий Филиппович. Прочитать я и сам прочитаю; далее, право, всё разборчиво.

Почтмейстер. Нет, всё читайте! ведь прежде всё читано.

Все. Отдайте, Артемий Филиппович, отдайте письмо! (*Коробкину*.) Читайте!

Артемий Филиппович. Сейчас. (*Отдаёт письмо*.) Вот, позвольте... (*Закрывает пальцем*.) Вот отсюда читайте.

Все приступают к нему.

Почтмейстер. Читайте, читайте! вздор, всё читайте!

Коробкин (*читая*). «Надзиратель над богоугодным заведением Земляника — совершенная свинья в ермолке».

Артемий Филиппович (*к зрителям*). И неостроумно! Свинья в ермолке! где ж свинья бывает в ермолке?

Коробкин (*продолжая читать*). «Смотритель училищ протухнул насквозь луком».

Лука Лукич (*к зрителям*). Ей-богу, и в рот никогда не брал луку.

Аммос Фёдорович (*в сторону*). Слава Богу, хоть, по крайней мере, обо мне нет!

Коробкин (*читает*). «Судья...».

Аммос Фёдорович. Вот тебе на! (*Вслух*.) Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и чёрт ли в нём: дрянь этакую читать.

Лука Лукич. Нет!

Почтмейстер. Нет, читайте!

Артемий Филиппович. Нет уж, читайте!

Коробкин (*продолжает*). «Судья Ляпкин-Тяпкин в сильнейшей степени моветон¹...». (*Останавливается*.) Должно быть, французское слово.

Аммос Фёдорович. А чёрт его знает, что оно значит! Ещё хорошо, если только мошенник, а может быть, и того ещё хуже.

Коробкин (*продолжая читать*). «А впрочем, народ гостеприимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкин. Я сам, по примеру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, брат, так жить; хочешь, наконец, пищи для души. Вижу: точно нужно чем-нибудь высоким заняться. Пиши ко мне в Саратовскую губернию, а оттуда в деревню Подкатиловку. (*Переворачивает письмо и читает адрес*.) Его благородию, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, в Почтамтскую улицу, в доме под номером девяносто седьмым, поворота на двор, в третьем этаже направо».

Городничий. Вот когда зарезал, так зарезал! Убит, убит, совсем убит! Ничего не вижу. Вижу какие-то свинные рыла вместо лиц, а больше ничего... Воротить, воротить его! (*Машет рукою*.) Куда воротить! Я, как нарочно, приказал смотрителю дать самую лучшую тройку; чёрт угораздил дать и вперёд предписание.

Жена Коробкина. Вот уж точно, беспримерная конфузия!

Аммос Фёдорович. Однако ж, чёрт возьми, господа! он у меня взял триста рублей взаймы.

¹ *Моветон* (от франц. *mauvais ton*) — здесь: человек дурного тона.

Артемий Филиппович. У меня тоже триста рублей.

Почтмейстер (*вздыхает*). Ох! и у меня триста рублей.

Бобчинский. У нас с Петром Ивановичем шестьдесят пять-с на ассигнации-с, да-с.

Аммос Фёдорович (*в недоумении расставляет руки*). Как же это, господа? Как это, в самом деле, мы так оплошали?

Городничий (*бьёт себя по лбу*). Как я — нет, как я, старый дурак? Выжил, глупый баран, из ума!.. Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести; мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду! Трёх губернаторов обманул!.. Что губернаторов! (*махнул рукой*) нечего и говорить про губернаторов...

Анна Андреевна. Но этого не может быть, Антоша: он обрuchился с Машенькой...

Городничий (*в сердцах*). Обручился! Кукиш с маслом — вот тебе обручился! Лезет мне в глаза с обручением!.. (*В исступлении*.) Вот смотрите, смотрите, весь мир, всё христианство, все смотрите, как одурачен городничий! Дурака ему, дурака, старому подлецу! (*Грозит самому себе кулаком*.) Эх ты, толстоносый! Со-сульку, тряпку принял за важного человека! Вон он теперь по всей дороге заливаёт колокольчиком! Разнесёт по всему свету историю. Мало того что пойдёшь в посмешище — найдётся щелкопёр¹, бумагомарака, в комедию тебя вставит. Вот что обидно! Чина, звания не пощадит, и будут все скалить зубы и бить в ладоши. Чему смеётесь? — Над собою смеётесь!.. Эх вы!.. (*Стучит со злости ногами об пол*.) Я бы всех этих бумагомарак! У, щелкопёры, либералы проклятые! чёртово семя! Узлом бы вас всех завязал, в муку бы стёр вас всех да чёрту в подкладку! в шапку туды ему!.. (*Сует кулаком и бьёт каблуком в пол. После некоторого молчания*.) До сих пор не могу прийти в себя. Вот, подлинно, если Бог хочет наказать, то отнимет прежде разум. Ну что было в этом вертопрахе похожего на ревизора? Ничего не было! Вот просто на полмизинца не было похожего — и вдруг все: ревизор! ревизор! Ну кто первый выпустил, что он ревизор? Отвечайте!

Артемий Филиппович (*расставляя руки*). Уж как это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туман какой-то ошеломил, чёрт попутал.

Аммос Фёдорович. Да кто выпустил — вот кто выпустил: эти молодцы! (*Показывает на Добчинского и Бобчинского*.)

¹ Щелкопёр (устар.) — бумагомаратель, писака, враль.

Бобчинский. Ей-ей, не я!
и не думал...

Добчинский. Я ничего,
совсем ничего...

Артемий Филиппович.
Конечно, вы.

Лука Лукич. Разумеется.
Прибежали как сумасшедшие
из трактира: «Приехал, при-
ехал и денег не плотит...». На-
шли важную птицу!

Городничий. Естественно, вы! сплетники городские, лгуны
проклятые!

Артемий Филиппович. Чтоб вас чёрт побрал с вашим ре-
визором и рассказами!

Городничий. Только рыскаете по городу и смущаете всех,
трещотки проклятые! Сплетни сеете, сороки короткохвостые!

Аммос Фёдорович. Пачкуны проклятые!

Лука Лукич. Колпаки!

Артемий Филиппович. Сморчки короткобрюхие!
Все обступают их.

Бобчинский. Ей-богу, это не я, это Пётр Иванович.

Добчинский. Э, нет, Пётр Иванович, вы ведь первые того...

Бобчинский. А вот и нет; первые-то были вы.

Рисунок Н. В. Гоголя. Немая сцена. Комедия «Ревизор»

Явление последнее

Те же и жандарм.

Жандарм. Приехавший по именному повелению из Петер-
бурга чиновник требует вас сей же час к себе. Он остановился
в гостинице.

Произнесённые слова поражают как громом всех. Звук
изумления единодушно взлетает из дамских уст; вся группа,
вдруг переменивши положение, остаётся в окаменении.

Немая сцена

Городничий посередине в виде столба, с распростёртыми
руками и запрокинутой назад головою. По правую руку его
жена и дочь с устремившимся к нему движеньем всего тела; за
ними почтмейстер, превратившийся в вопросительный знак,
обращённый к зрителям; за ним Лука Лукич, потерявший
самым невинным образом; за ним, у самого края сцены,
три дамы, гости, прислонившиеся одна к другой с самым

сатирическим выражением лица, относящимся прямо к семейству городничего. По левую сторону городничего: Земляника, наклонивший голову несколько набок, как будто к чему-то прислушивающийся; за ним судья с растопыренными руками, присевший почти до земли и сделавший движенье губами, как бы хотел посвистать или произнести: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!». За ним Коробкин, обратившийся ко зрителям с прищуренным глазом и едким намёком на городничего; за ним, у самого края сцены, Бобчинский и Добчинский с устремившимися движеньями рук друг к другу, разинутыми ртами и выпученными друг на друга глазами. Прочие гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменевшая группа сохраняет такое положение.

Занавес опускается.

(1836–1842)

Узнаём о тайнах художественного слова

О «Ревизоре» как драматическом произведении

Н. В. Гоголь очень высоко оценивал роль театра.

Комедия — это один из видов драматических произведений, отличительный признак которого — изображение жизненных событий и характеров, вызывающих смех. А смех, по мысли Гоголя-драматурга, — «великое дело». Он говорил: «В “Ревизоре” я решился собрать в одну кучу всё дурное в России, какое я тогда знал, все несправедливости, какие делаются в тех местах и в тех случаях, где больше всего требуется от человека справедливости, и за одним разом посмеяться над всем». Более того, Гоголь считал, что смех является одним из главных действующих лиц его комедии: гоголевский смех называют карающим. Ещё такой смех называют сатирическим.

Сатирическое разоблачение существующих порядков достигается Гоголем разными приёмами. Это отсутствие в речи действующих лиц логики в изложении своих мыслей (рассуждения Хлестакова), неожиданность ситуаций (признание в любви Хлестакова жене и дочери городничего), приём вранья (рассказ Хлестакова о его жизни в Петербурге), диалог персонажей в двух разных смысловых планах (диалог городничего с Хлестаковым в гостинице), реплики в сторону (при даче взяток Хлестакову чиновниками).

Н. В. Гоголь внёс много нового в разработку самого жанра комедии и деталей драматического произведения.

Обратимся к виртуальному словарю

Комедия (от греч. *komos* — весёлая толпа и *oide* — песнь) — один из основных видов драмы, изображающий жизненные положения и характеры, которые вызывают смех.

Сатира (от лат. *satira* — смесь) — вид комического. Высмеивание, разоблачение отрицательных сторон жизни путём изображения их в нелепом, преувеличенном, карикатурном виде.

Сюжет (от фр. *sujet* — предмет) — это последовательность и связь описания событий в литературном или сценическом произведении; включает в себя следующие элементы: *экспозицию, завязку, развитие действия, кульминацию, развязку*.

Комедия «Ревизор» отличается необычностью построения сюжета. С первых слов городничего завязывается действие, однако события, обычно предшествующие завязке и связанные с экспозицией, становятся известными зрителю и читателю значительно позже — они разбросаны по всей пьесе.

Необычна и развязка комедии — её сначала даже трудно определить. На первый взгляд, она намечена отъездом Хлестакова: сделано предложение о свадьбе дочери городничего, чиновники рады, что удалось провести ревизора. Но зрители-то знают, что Хлестаков — пустышка, что на этом действие закончиться не может. Появляется Шпекин и сообщает, кто такой Хлестаков. Все понимают, что одурачены. Найдены и виновники — Бобчинский и Добчинский. Все расстроены, больше всех городничий. Действие идёт на спад. И вдруг — сообщение жандарма о приезде настоящего ревизора. Это — новое в драматургии того времени.

Особое мастерство Гоголя проявилось в разработке ремарок. Ни один драматург не придавал им такого значения, как Гоголь. Они несут различную нагрузку: указывают на смену интонации (городничий «бормочет вполголоса», «кричит»), указывают, что делают персонажи, раскрывают их состояние («Дверь открывается, и подслушивавший с другой стороны Бобчинский летит вместе с нею на сцену. Все издают восклицания. Бобчинский подымается»).

Особая роль у ремарки, описывающей «немую сцену», не случайно Гоголь подробнейшим образом описал эту сцену и даже нарисовал её. Узнав, кто такой Хлестаков, все поражены и огорчены, но страшнее всего известие о настоящем ревизоре, от которого действительно можно онеметь.

Вопросы и задания

1. Разделяете ли вы мнение Н. В. Гоголя о театре? Считаете ли нужным и актуальным постановку пьесы «Ревизор» на сценах современных театров?
2. Почему Н. В. Гоголь придавал особое значение смеху? Помог ли писатель вам, современному читателю, увидеть пороки людей и общества, от которых следует избавляться?
3. Расскажите об особенностях сюжета комедии «Ревизор», опишите сцену, которая, на ваш взгляд, является самой живописной, потрясающей.
4. В чём проявилось мастерство автора комедии «Ревизор»?

Обдумываем прочитанное, делимся впечатлениями

1. Что вы думаете по поводу эпитафии к комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»? О чём эта пословица как бы предупреждает читателя, только приступившего к чтению, и о чём заставляет задуматься того же читателя, переворачивающего последнюю страницу пьесы?
2. Какое впечатление произвела на вас сцена чтения письма из Петербурга городничим Антоном Антоновичем Сквозник-Дмухановским? Какие чувства испытывает городничий и чиновники в этой сцене? А какие чувства испытывали вы?
3. Какими людьми предстают перед вами чиновники уездного города? Есть им смысл бояться приезда ревизора или опасаться следует только городничему?
4. Какими изображены помещики Добчинский и Бобчинский? Почему именно они приняли Хлестакова за ревизора, а чиновники им сразу поверили?
5. Почему перед появлением на сцене Хлестакова Гоголь даёт монолог его слуги — Осипа? Как этот монолог подготавливает восприятие Хлестакова? В каких мыслях читатель утверждается, когда появляется сам Хлестаков со своими рассказами о жизни в Петербурге?
6. Благодаря чему сцена встречи Хлестакова и городничего в гостиной особенно комична? Какое впечатление произвели на вас оба героя?
7. Как бы вы охарактеризовали Анну Андреевну и Марию Антонову — жену и дочь городничего? Что в них вас больше всего поразило?
8. Когда вам было наиболее смешно в сцене вранья Хлестакова в доме городничего? Смогли ли бы вы поверить в эти рассказы,

если бы не были свидетелями пребывания Хлестакова в гостинице и его бесед с собственным слугой?

9. Какие чувства испытывали вы при чтении чиновниками письма Хлестакова к Тряпичкину? Как реагирует на своё описание каждый из чиновников? Благодаря чему Хлестакову удалось так точно их охарактеризовать?
10. Считаете ли вы немую сцену настоящей находкой автора, имеющей решающее значение для всей комедии? Почему?

Поразмышляем и поговорим о прочитанном

1. Как вы думаете, почему пьеса названа «Ревизор», ведь Хлестаков не ревизор, а о приезде настоящего ревизора только сообщается? Какая главная идея проявляется в таком названии?
2. Дайте характеристику городничему как государственному чиновнику и человеку, опираясь на задания.
 - Найдите описание городничего в «Замечаниях для господ актёров»; сопоставьте указанные Гоголем черты его характера и особенности поведения с их проявлениями в комедии, расскажите о полученных результатах.
 - Проследите, как характеризует городничего его отношение к подчинённым чиновникам; объясните, почему он считает необходимым предупредить их о приезде ревизора инкогнито.
 - Определите, как часто и с какой целью прибегает автор комедии к приёму реплик «в сторону», когда в действие вступает городничий; охарактеризуйте его речь.
 - Докажите или опровергните мысль, что городничий в конце пьесы достоин жалости; додумайте, что он предпримет после того, как оправится от неожиданности и предстанет перед настоящим петербургским ревизором.
3. Составьте групповой портрет чиновников уездного города, используя задания.
 - Расскажите о роде деятельности, поведении, привычках каждого из чиновников, привлекая материал из «Замечаний для господ актёров» и основного текста комедии.
 - Представьте доказательства того, что большинство представленных в комедии чиновников — казнокрады и взяточники, нечестные и непорядочные люди; установите, чем отличается от остальных Лука Лукич Хлопов, обратите внимание, что автор о нём ничего не сообщает в «Замечаниях для господ актёров».
4. Охарактеризуйте Ивана Александровича Хлестакова, выполняя следующие задания.

- Опишите внешность, особенности личности, поведения, привычки, занятия и жизненные цели Хлестакова, подбирая факты из «Замечаний для господ актёров» и основного текста комедии.
 - Известный учёный-литературовед Ю. В. Манн говорил о Хлестакове: «Он — как вода, принимающая форму любого сосуда»; согласитесь или опровергните мысль, что Хлестакова нельзя назвать плутом или хитрым лгуном.
 - Гоголь указывал, что Хлестаков — «тип многого разбросанного в разных русских характерах... Всякий хоть на минуту... делался и делается Хлестаковым. И ловкий гвардейский офицер окажется иногда Хлестаковым, и государственный муж окажется иногда Хлестаковым, и наш брат, грешный литератор, окажется иногда Хлестаковым»; сделайте вывод, на что указывает таким образом Гоголь.
5. После появления комедии Гоголя сформировалось понятие «хлестаковщины», ранее означавшее особый тип карьеризма, когда человек выдаёт себя за того, кем он хочет быть, но кем не является и быть не может. Потом хлестаковщиной стали называть беззастенчивое, безудержное хвастовство, враньё, крайнюю несерьёзность, ложь, фразёрство. Как вы думаете, какое наполнение понятия «хлестаковщина» ближе к оригиналу и существует ли это явление в наше время?
 6. По замыслу автора комедии, письмо Хлестакова не доходит до его приятеля литератора Тряпичкина. Какая роль отводится письму в сюжете и композиции произведения?
 7. Представьте, что Хлестаков встретился с Тряпичкиным. О чём бы он ему смог рассказать, чего не написал в письме? Какие бы выводы мог сделать Тряпичкин как литератор? Определите содержание этих сюжетов.
 8. В немой сцене Гоголь выступил и режиссёром, и комментатором. Чем он хотел поразить зрителей? Чего и кого так испугались чиновники: жандарма или чиновника из Петербурга? Как вы думаете, что может случиться с ними после немой сцены, после этих томительных 1,5 минут? Что представляет немая сцена в идейном содержании всей комедии?

Вам, любознательные!

«Театр — великая школа»

Бессмертная комедия классика мировой литературы Н. В. Гоголя «Ревизор» нашла своё воплощение на многих сценах мира.

К ней не раз обращались и украинские театры. Пьеса постоянно была в репертуаре Киевского театра русской драмы имени Леси Украинки с 1999 года, а накануне 200-летнего юбилея писателя его знаменитое творение обрело новую жизнь на подмостках театра.

Время поистине не властно над сценическим шедевром великого украинца — он актуален до сих пор. Спектакль режиссёра Юрия Ефимовича Аксёнова удивляет и радует абсолютно новым решением в фантасмагорическом ключе, в нём задействованы элементы мистики, потустороннего мира: сами собой со скрипом открывающиеся двери, за которыми пустота, призрак государственного чиновника, явление фантома-ревизора в тёмных очках, который олицетворяет страх перед столичным проверяющим.

Казалось бы хрестоматийное, заученное чуть ли не наизусть со школьной скамьи произведение при творческом прочтении раскрывается по-другому, начинает играть новыми красками.

Тренируем память, развиваем мышление

- ◆ Разгадайте ребус. Отгадкой будет фамилия известного писателя.
- ◆ Подготовьте в группе и разыграйте перед одноклассниками литературный монтаж по произведениям этого писателя,

В = Р

14564

Обращаемся к интернету

Сайты, посвящённые Н. В. Гоголю

- <http://revizor.net/> (Сайт «Ревизор», посвящённый творчеству Н. В. Гоголя)
- http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/ (Сайт «Lib.Ru/Классика: Гоголь Николай Васильевич: Собрание сочинений»)
- <http://www.ngogol.ru/> (Сайт «Николай Васильевич Гоголь»)
- <http://www.nikolaygogol.org.ru/> (Сайт «Николай Васильевич Гоголь»)
- <http://www.gogol-nv.ru/> (Сайт «Николай Васильевич Гоголь»)
- <http://gogol-book.ru/> (Сайт о Н. В. Гоголе)

Взаимодействие искусств

Театр. Постановки пьесы: Большой драматический театр (реж. Г. А. Товстоногов, Ленинград, 1972), Московский театр сатиры (реж. В. Н. Плучек, 1982), Московский театр «Современник» (реж. В. В. Фокин, 1983), Театр им. Маяковского (реж. С. Н. Арцибашев, 2007), Национальный академический театр русской драмы им. Леси Украинки (реж. О. Д. Никитин, 2000).

Кино. Художественные фильмы «Ревизор» (реж. В. М. Петров, СССР, 1952), «Инкогнито из Петербурга» (реж. Л. И. Гайдай, СССР, 1977) и др.

Бросим мышку, возьмём книжку

- ♦ Прочитайте книги, рекомендованные для внеклассного и семейного чтения, оформите дневник читателя.
 - Н. В. Гоголь «Нос», «Портрет», «Женитьба».

Иван Сергеевич Тургенев 1818–1883

Писатель чуткой совести и просвещённой мысли¹

Что можно сказать о всех вообще произведениях Тургенева?

То ли, что после прочтения их легко дышится, легко верится, тепло чувствуется? Что ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается, что мысленно благословляешь и любишь автора? Именно это впечатление оставляют после себя эти прозрачные, будто сотканые из воздуха образы, это начало любви и света, во всякой строке бьющее живым ключом.

М. Е. Салтыков-Щедрин

Иван Сергеевич Тургенев о своей жизни рассказывал мало, а всем своим читателям, интересующимся ею, сообщал: «Вся моя биография в моих сочинениях...».

¹ А. Е. Грузинский (1858–1930) — русский историк литературы, профессор.

И. Е. Репин. Портрет
Ивана Тургенева. 1879

Получив прекрасное образование сначала в пансионе, а затем в Московском и Петербургском университетах, в 1837 году молодой Тургенев решил ехать в Германию для завершения образования. Он готовил себя для научной деятельности. «Вскоре я познакомился с Виссарионом Григорьевичем Белинским... — вспоминал Иван Сергеевич, — начал писать стихи, а затем прозу, и вся философия, а также мечты и планы о педагогике оставлены в стороне: я всецело отдался русской литературе». Появились его первые переводы, небольшие поэмы, стихотворения.

Книга о народной жизни времён крепостного права в России «Записки охотника», вышедшая отдельным изданием в 1852 году, была встречена восторженными отзывами демократической критики и общественности. Зато в правительственных кругах она вызвала резкое осуждение. Было проведено специальное следствие по поводу того, как цензура пропустила такое издание.

В том же 1852 году Тургенев был в числе тех, кто горячо откликнулся в печати на смерть опального писателя Н. В. Гоголя.

Петербургская цензура, косо смотревшая на Гоголя — обличителя российских беспорядков, статью Тургенева запретила. Но Тургеневу удалось опубликовать её в московской газете. Тогда «за ослушание и нарушение цензурных правил» он был посажен под арест, а потом оправлен в ссылку в своё родовое имение — село Спасское-Лутовиново, где провёл около двух лет. Всем было понятно, что причина ссылки — сборник «Записки охотника», а некролог Гоголю — повод для ссылки.

Так в истории русской литературы переплелись имена двух великих писателей-современников.

Почти полтора года провёл Тургенев в ссылке. В это время он много писал, читал, изучал русскую историю. Летом 1856 года выехал за границу на лечение. Поселившись летом 1857 года в маленьком

Спасское-Лутовиново. Усадьба

немецком курортном городке Зинциг, Тургенев пробует начать работать. И вскоре на его письменном столе появляются первые страницы повести «Ася».

Работа над повестью была закончена в ноябре 1857 года, и Тургенев отправил её в Петербург, в журнал «Современник».

Долгие годы жизни провёл Тургенев вдали от родины, но все его мысли и сердце принадлежали ей. Тургенев глубоко любил свою родину, свой народ, его язык и культуру. Писатель считал себя учеником Пушкина и страстно желал написать «что-нибудь хорошее», что можно было бы посвятить его памяти. По словам М. Е. Салтыкова-Щедрина, «ежели Пушкин имел полное основание сказать о себе, что он пробуждал “добрые чувства”, то то же самое мог сказать о себе и Тургенев. Это были не какие-нибудь условные “добрые чувства”, но те простые, всем доступные общечеловеческие “добрые чувства”, в основе которых лежит глубокая вера в торжество света, добра и нравственной красоты».

Вопросы и задания

1. С какими произведениями И. С. Тургенева вы знакомы? Подтвердите примерами правильность мнения М. Е. Салтыкова-Щедрина о существе творчества писателя.
2. Каким образом переплелись творческие судьбы И. С. Тургенева и Н. В. Гоголя? Что в них оказалось общим, схожим?
3. В чём И. С. Тургенев следовал за А. С. Пушкиным? Почему называл себя его учеником?
4. Подготовьте сообщение о жизни Тургенева за рубежом и об истории создания повести «Ася».
5. Выразите свои впечатления от прочтения повести Тургенева «Ася» в виде фанфика¹, видеоролика², буктрейлера³ и т. п.

¹ *Фанфик* (от англ. *fan* и *fiction*) — особое сочинение, создаваемое по мотивам оригинального художественного произведения с использованием его идей, сюжета и/или персонажей.

² *Видеоролик* — непродолжительная по времени художественно составленная последовательность кадров, изображающих рекламируемый предмет; короткий фильм продолжительностью от 15–20 секунд до 2–3 минут.

³ *Буктрейлер* (англ. *booktrailer*) — это короткий видеоролик, рассказывающий в произвольной художественной форме о какой-либо книге, включающий в себя особенно яркие и узнаваемые её моменты с целью привлечение внимания к книге, её пропаганды.

Об истории создания повести И. С. Тургенева «Ася»

Творческая история повести «Ася» трогательна и жизненна. Вдохновение пришло к И. С. Тургеневу, когда он путешествовал по Германии и остановился в маленьком городке на Рейне¹. «Вечером, от нечего делать, вздумал я поехать кататься на лодке. Вечер был прелестный. Ни об чём не думая, лежал я в лодке, дышал тёплым воздухом, смотрел кругом. Проезжаем мы мимо небольшой развалины; рядом с развалиной домик в два этажа. Из окна нижнего этажа смотрит старуха, а из окна верхнего — высунулась голова хорошенькой девушки. Тут вдруг нашло на меня какое-то особенное настроение. Я стал думать и придумывать, кто эта девушка, какая она, и зачем она в этом домике, какие её отношения к старухе, — и так, тут же в лодке и сложилась у меня вся фабула рассказа». «Я писал её [«Асю»] очень горячо, чуть не со слезами...», — признавался И. С. Тургенев в письме к Л. Н. Толстому.

Это своеобразная элегия² в прозе о первой любви. Одной из главных примет времени является для Тургенева процесс внутреннего освобождения личности. Человек, убеждается он, ищет для себя новой опоры и находит её в природе, открывая возможность пережить в единении с нею гармоничное состояние духа. Она оборачивается романтически страстной любовью, поисками нравственной опоры в жизни.

Речь идёт не об одной конкретной судьбе, а о нравственных основах всего дворянского сословия.

Я. Я. Нейман,
В. Д. Свешников.
Памятник
И. С. Тургеневу в Санкт-
Петербурге

¹ *Рейн* — самая большая река Германии, её символ; один из важнейших судоходных путей Западной Европы, протекает по территории Швейцарии, Лихтенштейна, Австрии, Германии, Франции, Нидерландов.

² *Элегия* (лат. *elegia*, от греч. *elegos* — жалобный напев флейты) — жанр лирики, описывающий печальное, задумчивое или мечтательное настроение; это философское грустное размышление поэта о быстро текущей жизни, об утратах, о переплетении радости и печали в сердце человека.

Обратимся к виртуальному словарю

Фабула (латин. *fabula* — басня, сказка) — содержание событий, изображаемых в литературном произведении, в их последовательной связи, сюжетная схема произведения.

На страницах этой повести появилась героиня, которую потом назовут тургеневской девушкой. Какая же она? Это девушка странная и милая, с лёгким смехом или заплаканными глазами, девушка, которая может подарить счастье... Она великолепна, её душа неповторимо богата. Это поэтический образ истинно русской девушки.

Пришло время читать

Ася (В сокращении)

I

Мне было тогда лет двадцать пять, — начал Н. Н., — дела давно минувших дней, как видите. Я только что вырвался на волю и уехал за границу, не для того, чтобы «кончить моё воспитание», как говаривалось тогда, а просто мне захотелось посмотреть на мир Божий. Я был здоров, молод, весел, деньги у меня не переводились, заботы ещё не успели завестись — я жил без оглядки, делал, что хотел, процветал, одним словом. Мне тогда и в голову не приходило, что человек не растение и процветать ему долго нельзя. Молодость ест пряники золочёные, да и думает, что это-то и есть хлеб насущный; а придёт время — и хлебца напросишься. Но толковать об этом не для чего.

Я путешествовал без всякой цели, без плана; останавливался везде, где мне нравилось, и отправлялся тотчас далее, как только чувствовал желание видеть новые лица — именно лица.

Итак, лет двадцать тому назад я прожил в немецком небольшом городке З., на левом берегу Рейна. Я искал уединения: я только что был поражён в сердце одной молодой вдовой, с которой познакомился на водах. Она была очень хороша собой и умна, кокетничала со всеми — и со мною грешным, — сперва даже поощряла меня, а потом жестоко меня уязвила, пожертвовав мною одному краснощёкому баварскому лейтенанту. Признаться сказать, рана моего сердца не очень была глубока; но я почёл долгом

предаться на некоторое время печали и одиночеству — чем молодость не тешится! — и поселился в З. <...>

Городок З. лежит в двух верстах от Рейна. Я часто ходил смотреть на величавую реку и, не без некоторого напряжения мечтая о коварной вдове, просиживал долгие часы на каменной скамье под одиноким огромным ясенем. Маленькая статуя Мадонны¹ с почти детским лицом и красным сердцем на груди, пронзённым мечами, печально выглядывала из его ветвей. На противоположном берегу находился городок Л., немного побольше того, в котором я поселился. Однажды вечером сидел я на своей любимой скамье и глядел то на реку, то на небо, то на виноградники. Передо мною белоголовые мальчишки карабкались по бокам лодки, вытащенной на берег и опрокинутой насмолённым брюхом кверху. Кораблики тихо бежали на слабо надувшихся парусах; зеленуватые волны скользили мимо, чуть-чуть вспухая и урча. Вдруг донеслись до меня звуки музыки: я прислушался. В городе Л. играли вальс; контрабас гудел отрывисто, скрипка неясно заливалась, флейта свистала бойко.

— Что это? — спросил я у подошедшего ко мне старика в пливомом² жилете, синих чулках и башмаках с пряжками.

— Это, — отвечал он мне, предварительно передвинув мундштук своей трубки из одного угла губ в другой, — студенты приехали из Б. на коммерш.

«А посмотрю-ка я на этот коммерш, — подумал я, — кстати же я в Л. не бывал». Я отыскал перевозчика и отправился на другую сторону.

II

Может быть, не всякий знает, что такое коммерш. Это особенного рода торжественный пир, на который сходятся студенты одной земли или братства (Landsmannschaft). Почти все участники в коммерше носят издавна установленный костюм немецких студентов: венгерки³, большие сапоги и маленькие шапочки с околышами известных цветов. Собираются студенты обыкновенно к обеду под председательством сениора, то есть старшины, — и пируют

¹ *Мадонна* — с древних времён слово «Мадонна» в Италии обозначало живописное или скульптурное изображение молодой матери с младенцем.

² *Плис* — хлопчатобумажная ткань из грубой пряжи, с ворсом, похожим на бархатный, род хлопчатобумажного бархата.

³ *Венгерка* — короткая куртка из сукна с нашитыми на груди поперечными шнурами по образцу формы венгерских гусар.

до утра, пьют, поют песни, *Landesvater*¹, *Gaudeamus*², курят, бра-
нят филистеров³; иногда они нанимают оркестр.

Такой точно коммерш происходил в г. Л. перед небольшой го-
стиницей под вывескою Солнца, в саду, выходявшем на улицу.
Над самой гостиницей и над садом веяли флаги; студенты сидели
за столами под обстрижёнными липками; огромный бульдог лежал
под одним из столов; в стороне, в беседке из плюща, помещались
музыканты и усердно играли, то и дело подкрепляя себя пивом.
На улице, перед низкой оградой сада, собралось довольно много
народа: добрые граждане городка Л. не хотели пропустить случая
поглазеть на заезжих гостей. Я тоже вмешался в толпу зрителей.
Мне было весело смотреть на лица студентов; их объятия, вос-
клицания, невинное кокетничанье молодости, горящие взгляды,
смех без причины — лучший смех на свете — всё это радостное
кипение жизни юной, свежей, этот порыв вперёд — куда бы то ни
было, лишь бы вперёд, — это добродушное раздолье меня трогало
и поджигало. «Уж не пойти ли к ним?» — спрашивал я себя...

— Ася, довольно тебе? — вдруг произнёс за мною мужской го-
лос по-русски.

— Подождём ещё, — отвечал другой, женский голос на том же
языке.

Я быстро обернулся... Взор мой упал на красивого молодого
человека в фуражке и широкой куртке; он держал под руку де-
вушку невысокого роста, в соломенной шляпе, закрывавшей всю
верхнюю часть её лица.

— Вы русские? — сорвалось у меня невольно с языка.

Молодой человек улыбнулся и промолвил:

— Да, русские.

— Я никак не ожидал... в таком захолустье, — начал было я.

— И мы не ожидали, — перебил он меня, — что ж? тем луч-
ше. Позвольте рекомендоваться: меня зовут Гагиным, а вот это
моя... — он запнулся на мгновенье, — моя сестра. А ваше имя поз-
вольте узнать?

Я назвал себя, и мы разговорились. Я узнал, что Гагин, путе-
шествуя, так же как я, для своего удовольствия, неделю тому на-
зад заехал в городок Л. да и застрял в нём. Правду сказать, я не-
охотно знакомился с русскими за границей. Я их узнавал даже

¹ *Landesvater* — старинная немецкая песня («Отец подданных»).

² *Gaudeamus* (лат. «будем веселиться») — старинная студенческая пес-
ня на латинском языке.

³ *Филистер* (нем.) — обыватель, мещанин; самодовольный, ограничен-
ный человек, заботящийся только о своём благополучии.

издали по их походке, покрою платья, а главное, по выражению их лица. Самодовольное и презрительное, часто повелительное, оно вдруг сменялось выражением осторожности и робости... Человек внезапно настораживался весь, глаз беспокойно бегал... «Батюшки мои! не соврал ли я, не смеются ли надо мною», — казалось, говорил этот утороплённый взгляд... Проходило мгновение — и снова восстанавливалось величие физиономии, изредка чередуясь с тупым недоумением. Да, я избегал русских, но Гагин мне понравился тотчас. Есть на свете такие счастливые лица: глядеть на них всякому любо, точно они греют вас или гладят. У Гагина было именно такое лицо, милое, ласковое, с большими мягкими глазами и мягкими курчавыми волосами. Говорил он так, что, даже не видя его лица, вы по одному звуку его голоса чувствовали, что он улыбается.

Девушка, которую он назвал своей сестрою, с первого взгляда показалась мне очень милостивой. Было что-то своё, особенное, в складе её смугловатого, круглого лица, с небольшим тонким носом, почти детскими щёчками и чёрными, светлыми глазами. Она была грациозно сложена, но как будто не вполне ещё развита. Она нисколько не походила на своего брата.

— Хотите вы зайти к нам? — сказал мне Гагин, — кажется, довольно мы насмотрелись на немцев. Наши бы, правда, стёкла разбили и поломали стулья, но эти уж больно скромны. Как ты думаешь, Ася, пойти нам домой?

Девушка утвердительно качнула головой.

— Мы живём за городом, — продолжал Гагин, — в винограднике, в одиноком домишке, высоко. У нас славно, посмотрите. Хозяйка обещала приготовить нам кислого молока. Теперь же скоро стемнеет, и вам лучше будет переезжать Рейн при луне.

Мы отправились. Через низкие ворота города (старинная стена из булыжника окружала его со всех сторон, даже бойницы не все ещё обрушились) мы вышли в поле и, пройдя шагов сто вдоль каменной ограды, остановились перед узенькой калиткой. Гагин отворил её и повёл нас в гору по крутой тропинке. С обеих сторон, на уступах, рос виноград; солнце только что село, и алый тонкий свет лежал на зелёных лозах, на высоких тычинках, на сухой земле, усеянной сплошь крупным и мелким плитняком, и на белой стене небольшого домика, с косыми чёрными перекладинами и четырьмя светлыми окошками, стоявшего на самом верху горы, по которой мы взбирались.

— Вот и наше жилище! — воскликнул Гагин, как только мы стали приближаться к домику, — а вот и хозяйка несёт молоко.

Guten Abend, Madame!..¹ Мы сейчас примемся за еду; но прежде, — прибавил он, — оглянитесь... каков вид?

Вид был точно чудесный. Рейн лежал перед нами весь серебряный, между зелёными берегами; в одном месте он горел багряным золотом заката. Приютившийся к берегу городок показывал все свои дома и улицы; широко разбегались холмы и поля. Внизу было хорошо, но наверху ещё лучше: меня особенно поразила чистота и глубина неба, сияющая прозрачность воздуха. Свежий и лёгкий, он тихо колыхался и перекачивался волнами, словно и ему было раздольнее на высоте.

— Отличную вы выбрали квартиру, — промолвил я.

— Это Ася её нашла, — отвечал Гагин, — ну-ка, Ася, — продолжал он, — распорядись. Вели всё сюда подать. Мы станем ужинать на воздухе. Тут музыка слышнее. Заметили ли вы, — прибавил он, обратясь ко мне, — вблизи иной вальс никуда не годится — пошлые, грубые звуки, — а в отдаленье, чудо! так и шевелит в вас все романтические струны.

Ася (собственное имя её было Анна, но Гагин называл её Асей, и уж вы позвольте мне её так называть) — Ася отправилась в дом и скоро вернулась вместе с хозяйкой. Они вдвоём несли большой поднос с горшком молока, тарелками, ложками, сахаром, ягодами, хлебом. Мы уселись и принялись за ужин. Ася сняла шляпу; её чёрные волосы, остриженные и причёсанные, как у мальчика, падали крупными завитками на шею и уши. Сначала она дичилась меня; но Гагин сказал ей:

— Ася, полно ёжиться! он не кусается.

Она улыбнулась и немного спустя уже сама заговаривала со мной. Я не видал существа более подвижного. Ни одно мгновение она не сидела смирно; вставала, убегала в дом и прибегала снова, напевала вполголоса, часто смеялась, и престранным образом: казалось, она смеялась не тому, что слышала, а разным мыслям, приходившим ей в голову. Её большие глаза глядели прямо, светло, смело, но иногда веки её слегка щурились, и тогда взор её внезапно становился глубок и нежен.

Мы проболтали часа два. День давно погас, и вечер, сперва весь огнистый, потом ясный и алый, потом бледный и смутный, тихо таял и переливался в ночь, а беседа наша всё продолжалась, мирная и кроткая, как воздух, окружавший нас. Гагин велел принести бутылку рейнвейна²; мы её распили не спеша. Музыка по-прежнему долетала до нас, звуки её казались слаще и нежнее;

¹ *Guten Abend, Madame!* — Добрый вечер, мадам!

² *Рейнвейн* — сорт виноградного вина (буквально: рейнское вино).

огни зажглись в городе и над рекою. Ася вдруг опустила голову, так что кудри ей на глаза упали, замолкла и вздохнула, а потом сказала нам, что хочет спать, и ушла в дом; я, однако, видел, как она, не зажигая свечи, долго стояла за нераскрытым окном. Наконец луна встала и заиграла по Рейну; всё осветилось, потемнело, изменилось, даже вино в наших гранёных стаканах заблестело таинственным блеском. Ветер упал, точно крылья сложил, и замер; ночным, душистым теплом повеяло от земли.

— Пора! — воскликнул я, — а то, пожалуй, перевозчика не сыщешь.

— Пора, — повторил Гагин.

Мы пошли вниз по тропинке. Камни вдруг посыпались за нами: это Ася нас догоняла.

— Ты разве не спишь? — спросил её брат, но она, не ответив ему ни слова, пробежала мимо.

Последние умиравшие площадки, зажжённые студентами в саду гостиницы, освещали снизу листья деревьев, что придавало им праздничный и фантастический вид. Мы нашли Асю у берега: она разговаривала с перевозчиком. Я прыгнул в лодку и простился с новыми моими друзьями. Гагин обещал навестить меня на следующий день; я пожал его руку и протянул свою Асе; но она только посмотрела на меня и покачала головой. Лодка отчалила и понеслась по быстрой реке. Первозчик, бодрый старик, с напряжением погружал вёсла в тёмную воду.

— Вы в лунный столб въехали, вы его разбили, — закричала мне Ася.

Я опустил глаза; вокруг лодки, чернея, колыхались волны.

— Прощайте! — раздался опять её голос.

— До завтра, — проговорил за нею Гагин.

Лодка причалила. Я вышел и оглянулся. Никого уж не было видно на противоположном берегу. Лунный столб опять тянулся золотым мостом через всю реку. словно на прощание примчались звуки старинного ланнеровского¹ вальса. Гагин был прав: я почувствовал, что все струны сердца моего задрожали в ответ на те заискивающие напевы. Я отправился домой через потемневшие поля, медленно вдыхая пахучий воздух, и пришёл в свою комнату весь разнеженный сладостным томлением беспредметных и бесконечных ожиданий. Я чувствовал себя счастливым... Но отчего я был счастлив? Я ничего не желал, я ни о чём не думал... Я был счастлив.

¹ *И. Ланнер (1801–1843)* — венский композитор.

Чуть не смеясь от избытка приятных и игривых чувств, я нырнул в постель и уже закрыл было глаза, как вдруг мне пришло на ум, что в течение вечера я ни разу не вспомнил о моей жестокой красавице... «Что же это значит? — спросил я самого себя. — Разве я не влюблён?» Но, задав себе этот вопрос, я, кажется, немедленно заснул, как дитя в колыбели.

III

На другое утро (я уже проснулся, но ещё не вставал) стук палки раздался у меня под окном, и голос, который я тотчас признал за голос Гагина, запел:

Ты спишь ли? Гитарой

Тебя разбуджу...

Я поспешил ему отворить дверь.

— Здравствуйте, — сказал Гагин, входя, — я вас раненко потревожил, но посмотрите, какое утро. Свежесть, роса, жаворонки поют...

С своими курчавыми блестящими волосами, открытой шеей и розовыми щеками он сам был свеж, как утро.

Я оделся; мы вышли в садик, сели на лавочку, велели подать себе кофе и принялись беседовать. Гагин сообщил мне свои планы на будущее: владея порядочным состоянием и ни от кого не завися, он хотел посвятить себя живописи и только сожалел о том, что поздно хватился за ум и много времени потратил попустому; я также упомянул о моих предположениях, да, кстати, поверил ему тайну моей несчастной любви. Он выслушал меня с снисхождением, но, сколько я мог заметить, сильного сочувствия к моей страсти я в нём не возбудил. Вздохнувши вслед за мной раза два из вежливости, Гагин предложил мне пойти к нему посмотреть его этюды. Я тотчас согласился.

Мы не застали Асю. Она, по словам хозяйки, отправилась на «развалину». Верстах в двух от города Л. находились остатки феодального замка. Гагин раскрыл мне все свои картонны¹. В его этюдах было много жизни и правды, что-то свободное и широкое; но ни один из них не был окончен, и рисунок показался мне небрежен и неверен. Я откровенно высказал ему моё мнение.

— Да, да, — подхватил он со вздохом, — вы правы; всё это очень плохо и незрело, что делать! Не учился я как следует, да и проклятая славянская распущенность берёт своё. Пока мечтаешь о работе, так и паришь орлом: землю, кажется, сдвинул бы с места — а в исполнении тотчас слабеешь и устаёшь.

¹ *Картон* — здесь: первоначальный набросок картины, этюд.

Я начал было ободрять его, но он махнул рукой и, собравши картоны в охапку, бросил их на диван.

— Коли хватит терпенья, из меня выйдет что-нибудь, — промолвил он сквозь зубы, — не хватит, останусь недорослем из дворян. Пойдёмте-ка лучше Асю отыскивать.

Мы пошли.

IV

Дорога к развалине вилась по скату узкой лесистой долины; на дне её бежал ручей и шумно прядал через камни, как бы торопясь слиться с великой рекой, спокойно сиявшей за тёмной гранью круто рассечённых горных гребней. Гагин обратил моё внимание на некоторые счастливо освещённые места; в словах его слышался если не живописец, то уж наверное художник. Скоро показалась развалина. На самой вершине голой скалы возвышалась четырёхугольная башня, вся чёрная, ещё крепкая, но словно разрубленная продольной трещиной. Мшистые стены примыкали к башне; кой-где лепился плющ; искривлённые деревца свешивались с седых бойниц и рухнувших сводов. Каменистая тропинка вела к уцелевшим воротам. Мы уже подходили к ним, как вдруг впереди нас мелькнула женская фигура, быстро перебежала по груде обломков и поместилась на уступе стены, прямо над пропастью.

— А ведь это Ася! — воскликнул Гагин, — экая сумасшедшая!

Мы вошли в ворота и очутились на небольшом дворике, до половины заросшем дикими яблонями и крапивой. На уступе сидела, точно, Ася. Она повернулась к нам лицом и засмеялась, но не тронулась с места. Гагин погрозил ей пальцем, а я громко упрекнул её в неосторожности.

— Полноте, — сказал мне шёпотом Гагин, — не дразните её; вы её не знаете: она, пожалуй, ещё на башню взберётся. А вот вы лучше подивитесь смыслённости здешних жителей.

Я оглянулся. В уголке, приютившись в крошечном деревянном балаганчике, старушка вязала чулок и косилась на нас чрез

В. М. Зельдес.
Иллюстрация
к повести
И. С. Тургенева
«Ася». 1982

очки. Она продавала туристам пиво, пряники и зельтерскую воду. Мы уместились на лавочке и принялись пить из тяжёлых оловянных кружек довольно холодное пиво. Ася продолжала сидеть неподвижно, подобрав под себя ноги и закутав голову кисейным шарфом; стройный облик её отчётливо и красиво рисовался на ясном небе; но я с неприязненным чувством посматривал на неё. Уже накануне заметил я в ней что-то напряжённое, не совсем естественное... «Она хочет удивить нас, — думал я, — к чему это? Что за детская выходка?» Словно угадавши мои мысли, она вдруг бросила на меня быстрый и пронзительный взгляд, засмеялась опять, в два прыжка соскочила со стены и, подойдя к старушке, попросила у ней стакан воды.

— Ты думаешь, я хочу пить? — промолвила она, обратившись к брату, — нет; тут есть цветы на стенах, которые непременно полить надо.

Гагин ничего не отвечал ей; а она, с стаканом в руке, пустилась карабкаться по развалинам, изредка останавливаясь, наклоняясь и с забавной важностью роняя несколько капель воды, ярко блестящих на солнце. Её движенья были очень милы, но мне по-прежнему было досадно на неё, хотя я невольно любовался её лёгкостью и ловкостью. На одном опасном месте она нарочно вскрикнула и потом захохотала... Мне стало ещё досаднее.

— Да она как коза лазит, — пробормотала себе под нос старушка, оторвавшись на мгновение от своего чулка.

Наконец, Ася опорожнила весь свой стакан и, шаловливо покачиваясь, возвратилась к нам. Странная усмешка слегка подергивала её брови, ноздри и губы; полудержко, полувесело щурились тёмные глаза.

«Вы находите моё поведение неприличным, — казалось, говорило её лицо, — всё равно: я знаю, вы мной любуетесь».

— Искусно, Ася, искусно, — промолвил Гагин вполголоса.

Она вдруг как будто застыдилась, опустила свои длинные ресницы и скромно под села к нам, как виноватая. Я тут в первый раз хорошенько рассмотрел её лицо, самое изменчивое лицо, какое я только видел. Несколько мгновений спустя оно уже всё побледнело и приняло сосредоточенное, почти печальное выражение; самые черты её мне показались больше, строже, проще. Она вся затихла. Мы обошли развалину кругом (Ася шла за нами следом) и полюбовались видами. Между тем час обеда приближался. Расплачиваясь со старушкой, Гагин спросил ещё кружку пива и, обернувшись ко мне, воскликнул с лукавой ужимкой:

— За здоровье дамы вашего сердца!

— А разве у него, — разве у вас есть такая дама? — спросила вдруг Ася.

— Да у кого же её нет? — возразил Гагин.

Ася задумалась на мгновение; её лицо опять изменилось, опять появилась на нём вызывающая, почти дерзкая усмешка.

На возвратном пути она пуще хохотала и шалила. Она сломала длинную ветку, положила её к себе на плечо, как ружьё, повязала себе голову шарфом. Помнится, нам встретилась многочисленная семья белокурых и чопорных англичан; все они, словно по команде, с холодным изумлением проводили Асю своими стеклянными глазами, а она, как бы им назло, громко запела. Воротясь домой, она тотчас ушла к себе в комнату и появилась только к самому обеду, одетая в лучшее своё платье, тщательно причёсанная, перетянутая и в перчатках. За столом она держалась очень чинно, почти чопорно, едва отведывала кушанья и пила воду из рюмки. Ей явно хотелось разыграть передо мною новую роль — роль приличной и благовоспитанной барышни. Гагин не мешал ей: заметно было, что он привык потакать ей во всём. Он только по временам добродушно взглядывал на меня и слегка пожимал плечом, как бы желая сказать: «Она ребёнок; будьте снисходительны». Как только кончился обед, Ася встала, сделала нам книксен¹ и, надевая шляпу, спросила Гагина: можно ли ей пойти к фрау Луизе?

— Давно ли ты стала спрашиваться? — отвечал он с своей неизменной, на этот раз несколько смущённой улыбкой, — разве тебе скучно с нами?

— Нет, но я вчера ещё обещала фрау Луизе побывать у ней; притом же я думала, вам будет лучше вдвоём: господин Н. (она указала на меня) что-нибудь ещё тебе расскажет.

Она ушла.

— Фрау Луизе, — начал Гагин, стараясь избегать моего взора, — вдова бывшего здешнего бургомистра, добрая, впрочем пустая старушка. Она очень полюбила Асю. У Аси страсть знакомиться с людьми круга низшего; я заметил: причиною этому

Д. Л. Боровский.
Иллюстрация к повести
И. С. Тургенева «Ася»

¹ *Книксен* (нем.) — поклон с приседанием.

всегда бывает гордость. Она у меня порядком избалована, как видите, — прибавил он, помолчав немного, — да что прикажете делать? Взыскивать я ни с кого не умею, а с неё и подавно. Я обязан быть снисходительным с нею. <...>

Помнится, я шёл домой, ни о чём не размышляя, но с странной тяжестью на сердце <...> Мне захотелось дышать русским воздухом, ходить по русской земле. «Что я здесь делаю, зачем таскаюсь я в чужой стороне, между чужими?» — воскликнул я, и мертвенная тяжесть, которую я ощущал на сердце, разрешилась внезапно в горькое и жгучее волнение. Я пришёл домой совсем в другом настроении духа, чем накануне. Я чувствовал себя почти расстроенным и долго не мог успокоиться. Непонятная мне самому досада меня разбирала. Наконец, я сел и, вспомнив о своей коварной вдове (официальным воспоминанием об этой даме заключался каждый мой день), достал одну из её записок. Но я даже не раскрыл её; мысли мои тотчас приняли иное направление. Я начал думать... думать об Асе. Мне пришло в голову, что Гагин в течение разговора намекнул мне на какие-то затруднения, препятствующие его возвращению в Россию... «Полно, сестра ли она его?» — произнёс я громко.

V

На следующее утро я опять пошёл в Л. Я уверял себя, что мне хочется повидаться с Гагиным, но втайне меня тянуло посмотреть, что станет делать Ася, так же ли она будет «чудить», как накануне. Я застал обоих в гостиной, и, странное дело! — оттого ли, что я ночью и утром много размышлял о России, — Ася оказалась мне совершенно русской девушкой, да, просто девушкой, чуть не горничной. На ней было старенькое платьице, волосы она зачесала за уши и сидела, не шевелясь, у окна да шила в пальцах, скромно, тихо, точно она век свой ничем другим не занималась. Она почти ничего не говорила, спокойно посматривала на свою работу, и черты её приняли такое незначительное, будничное выражение, что мне невольно вспомнились наши доморощенные Кати и Маши. Для довершения сходства она принялась напевать вполголоса «Матушку, голубушку». Я глядел на её желтоватое, угасшее личико, вспоминал о вчерашних мечтаниях, и жаль мне было чего-то. Погода была чудесная. Гагин объявил нам, что пойдёт сегодня рисовать этюд с натуры; я спросил его, позволит ли он мне провозжать его, не помешаю ли я ему?

— Напротив, — возразил он, — вы мне можете хороший совет дать. <...>

Наболтавшись досыта <...> вернулись мы домой. Я нашёл Асю точно такую же, какою я её оставил; как я ни старался наблюдать за нею — ни тени кокетства, ни признака намеренно принятой роли я в ней не заметил; на этот раз не было возможности упрекнуть её в неестественности.

— А-га! — говорил Гагин, — пост и покаяние на себя наложила.

К вечеру она несколько раз непритворно зевнула и рано ушла к себе. Я сам скоро простился с Гагиным и, возвратившись домой, не мечтал уже ни о чём: этот день прошёл в трезвых ощущениях. Помнится, однако, ложась спать, я невольно промолвил вслух:

— Что за хамелеон эта девушка! — и, подумав немного, прибавил: — А всё-таки она ему не сестра.

VI

Прошли целые две недели. Я каждый день посещал Гагиных. Ася словно избегала меня, но уже не позволяла себе ни одной из тех шалостей, которые так удивили меня в первые два дня нашего знакомства. Она казалась втайне огорчённой или смущённой; она и смеялась меньше. Я с любопытством наблюдал за ней. <...>

В тот же день, вечером, я читал Гагину «Германа и Доротею»¹. Ася сперва всё только шныряла мимо нас, потом вдруг остановилась, приникла ухом, тихонько подсела ко мне и прослушала чтение до конца. На следующий день я опять не узнал её, пока не догадался, что ей вдруг вошло в голову: быть домовитой и степенной, как Доротея. Словом, она являлась мне полузагадочным существом. Самолюбивая до крайности, она привлекала меня, даже когда я сердился на неё. В одном только я более и более убеждался, а именно в том, что она не сестра Гагина. Он обходился с нею не по-братски: слишком ласково, слишком снисходительно и в то же время несколько принуждённо.

Станный случай, по-видимому, подтвердил мои подозрения.

Однажды вечером, подходя к винограднику, где жили Гагины, я нашёл калитку запертою. Недолго думавши добрался я до одного обрушенного места в ограде, уже прежде замеченного мною, и перескочил через неё. Недалеко от этого места, в стороне от дорожки, находилась небольшая беседка из акаций; я поравнялся с нею и уже прошёл было мимо... Вдруг меня поразил голос Аси, с жаром и сквозь слёзы произносивший следующие слова:

¹ «Герман и Доротея» — поэма великого немецкого поэта и писателя И. В. Гёте.

— Нет, я никого не хочу любить, кроме тебя, нет, нет, одного тебя я хочу любить — и навсегда.

— Полно, Ася, успокойся,— говорил Гагин,— ты знаешь, я тебе верю.

Голоса их раздавались в беседке. Я увидел их обоих сквозь негустой переплёт ветвей. Они меня не заметили.

— Тебя, тебя одного,— повторила она, бросилась ему на шею и с судорожными рыданиями начала целовать его и прижиматься к его груди.

— Полно, полно,— твердил он, слегка проводя рукой по её волосам.

Несколько мгновений остался я неподвижным... Вдруг я встретился. «Подойти к ним?.. Ни за что!»— сверкнуло у меня в голове. Быстрыми шагами вернулся я к ограде, перескочил через неё на дорогу и чуть не бегом пустился домой. Я улыбался, потирал руки, удивлялся случаю, внезапно подтвердившему мои догадки (я ни на одно мгновение не усомнился в их справедливости), а между тем на сердце у меня было очень горько. «Однако,— думал я,— умеют же они притворяться! Но к чему? Что за охота меня морочить? Не ожидал я этого от него... И что за чувствительное объяснение?»

VIII

Гагин встретил меня по-приятельски, осыпал меня ласковыми упрёками; но Ася, точно нарочно, как только увидела меня, расхохоталась без всякого повода и, по своей привычке, тотчас убежала. Гагин смутился, пробормотал ей вслед, что она сумасшедшая, попросил меня извинить её. Признаюсь, мне стало очень досадно на Асю; уж и без того мне было не по себе, а тут опять этот неестественный смех, эти странные ужимки. Я, однако, показал вид, будто ничего не заметил, и сообщил Гагину подробности моего небольшого путешествия. Он рассказал мне, что делал в моё отсутствие. Но речи наши не клеились; Ася входила в комнатку и убегала снова; я объявил, наконец, что у меня есть спешная работа и что мне пора вернуться домой. Гагин сперва меня удерживал, потом, посмотрев на меня пристально, вызвался провожать меня. В передней Ася вдруг подошла ко мне и протянула мне руку; я слегка пожал её пальцы и едва поклонился ей. Мы вместе с Гагиным переправились через Рейн и, проходя мимо любимого моего ясеня с статушкой Мадонны, присели на скамью, чтобы полюбоваться видом. Замечательный разговор произошёл тут между нами.

Сперва мы перекинулись немногими словами, потом замолкли, глядя на светлую реку.

— Скажите, — начал вдруг Гагин, с своей обычной улыбкой, — какого вы мнения об Асе? Не правда ли, она должна казаться вам немного странной?

— Да, — ответил я не без некоторого недоумения. Я не ожидал, что он заговорит о ней.

— Её надо хорошенько узнать, чтобы о ней судить, — промолвил он, — у неё сердце очень доброе, но голова бедовая. Трудно с нею ладить. Впрочем, её нельзя винить, и если б вы знали её историю...

— Её историю?.. — перебил я, — разве она не ваша...

Гагин взглянул на меня.

— Уж не думаете ли вы, что она не сестра мне?.. Нет, — продолжал он, не обращая внимания на моё замешательство, — она точно мне сестра, она дочь моего отца. Выслушайте меня. Я чувствую к вам доверие и расскажу вам всё.

Отец мой был человек весьма добрый, умный, образованный — и несчастливый. Судьба обошлась с ним не хуже, чем со многими другими; но он и первого удара её не вынес. Он женился рано, по любви; жена его, моя мать, умерла очень скоро; я остался после неё шести месяцев. Отец увёз меня в деревню и целые двенадцать лет не выезжал никуда. Он сам занимался моим воспитанием и никогда бы со мной не расстался, если б брат его, мой родной дядя, не заехал к нам в деревню. Дядя этот жил постоянно в Петербурге и занимал довольно важное место. Он уговорил отца отдать меня к нему на руки, так как отец ни за что не соглашался покинуть деревню. Дядя представил ему, что мальчику моих лет вредно жить в совершенном уединении, что с таким вечно унылым и молчаливым наставником, каков был мой отец, я непременно отстану от моих сверстников, да и самый нрав мой легко может испортиться. Отец долго противился увещаниям своего брата, однако уступил, наконец. Я плакал, расставаясь с отцом; я любил его, хотя никогда не видал улыбки на лице его... но попавши в Петербург, скоро позабыл наше тёмное и невесёлое гнездо. Я поступил в юнкерскую школу, а из школы перешёл в гвардейский полк. Каждый год приезжал я в деревню на несколько недель и с каждым годом находил отца моего всё более и более грустным, в себя углублённым, задумчивым до робости. Он каждый день ходил в церковь и почти разучился говорить. В одно из моих посещений (мне уже было лет двадцать с лишком) я в первый раз увидел у нас в доме худенькую черноглазую девочку лет десяти — Асю. Отец сказал,

что она сирота и взята им на прокормление — он именно так выразился. Я не обратил особенного внимания на неё; она была дика, проворна и молчалива, как зверёк, и как только я входил в любимую комнату моего отца, огромную и мрачную комнату, где скончалась моя мать и где даже днём зажигались свечи, она тотчас пряталась за вольтеровское кресло его или за шкаф с книгами. Случилось так, что в последовавшие за тем три, четыре года обязанности службы помешали мне побывать в деревне. Я получал от отца ежемесячно по короткому письму; об Асе он упоминал редко, и то вскользь. Ему было уже за пятьдесят лет, но он казался ещё молодым человеком. Представьте же мой ужас: вдруг я, ничего не подозревавший, получаю от приказчика письмо, в котором он извещает меня о смертельной болезни моего отца и умоляет приехать как можно скорее, если хочу проститься с ним. Я поскакал сломя голову и застал отца в живых, но уже при последнем издыхании. Он обрадовался мне чрезвычайно, обнял меня своими исхудалыми руками, долго поглядел мне в глаза каким-то не то испытующим, не то умоляющим взором и, взяв с меня слово, что я исполню его последнюю просьбу, велел своему старому камердинеру привести Асю. Старик привел её: она едва держалась на ногах и дрожала всем телом.

— Вот, — сказал мне с усилием отец, — завещаю тебе мою дочь — твою сестру. Ты всё узнаешь от Якова, — прибавил он, указав на камердинера.

Ася зарыдала и упала лицом на кровать... Полчаса спустя мой отец скончался.

Вот что я узнал. Ася была дочь моего отца и бывшей горничной моей матери, Татьяны. Живо помню я эту Татьяну, помню её высокую стройную фигуру, её благообразное, строгое, умное лицо, с большими тёмными глазами. Она слыла девушкой гордой и неприступной. Сколько я мог понять из почтительных недомолвок Якова, отец мой сошёлся с нею несколько лет спустя после смерти матушки. Татьяна уже не жила тогда в господском доме, а в избе у замужней сестры своей, скотницы. Отец мой сильно к ней привязался и после моего отъезда из деревни хотел даже жениться на ней, но она сама не согласилась быть его женой, несмотря на его просьбы.

— Покойница Татьяна Васильевна, — так докладывал мне Яков, стоя у двери с закинутыми назад руками, — во всём были рассудительны и не захотели батюшку вашего обидеть. Что, мол, я вам за жена? какая я барыня? так они говорить изволили, при мне говорили-с.

Татьяна даже не хотела переселиться к нам в дом и продолжала жить у своей сестры, вместе с Асей. В детстве я видывал Татьяну только по праздникам, в церкви. Повязанная тёмным платком, с жёлтой шалью на плечах, она становилась в толпе, возле окна, — её строгий профиль чётко вырезывался на прозрачном стекле, — и смиренно и важно молилась, кланяясь низко, по-старинному. Когда дядя увёз меня, Асе было всего два года, а на девятом году она лишилась матери.

Как только Татьяна умерла, отец взял Асю к себе в дом. Он и прежде изъявлял желание иметь её при себе, но Татьяна ему и в этом отказала. Представьте же себе, что должно было произойти в Асе, когда её взяли к барину. Она до сих пор не может забыть ту минуту, когда ей в первый раз надели шёлковое платье и поцеловали у ней ручку. Мать, пока была жива, держала её очень строго; у отца она пользовалась совершенной свободой. Он был её учителем; кроме его, она никого не видала. Он не баловал её, то есть не нянчился с нею; но он любил её страстно и никогда ничего ей не запрещал: он в душе считал себя перед ней виноватым. Ася скоро поняла, что она главное лицо в доме, она знала, что барин её отец; но она так же скоро поняла своё ложное положение; самолюбие развилось в ней сильно, недоверчивость тоже; дурные привычки укоренялись, простота исчезла. Она хотела (она сама мне раз призналась в этом) заставить целый мир забыть её происхождение; она и стыдилась своей матери, и стыдилась своего стыда, и гордилась ею. Вы видите, что она многое знала и знает, чего не должно бы знать в её годы... Но разве она виновата? Молодые силы разыгрывались в ней, кровь кипела, а вблизи ни одной руки, которая бы её направила. Полная независимость во всём! да разве легко её вынести? Она хотела быть не хуже других барышень; она бросилась на книги. Что тут могло выйти путного? Неправильно начатая жизнь слагалась неправильно, но сердце в ней не испортилось, ум уцелел.

И вот я, двадцатилетний малый, очутился с тринадцатилетней девочкой на руках! В первые дни после смерти отца, при одном звуке моего голоса, её била лихорадка, и только понемногу, исподволь, привыкла она ко мне. Правда, потом, когда она убедилась, что я точно признаю её за сестру и полюбил её, как сестру, она страстно ко мне привязалась: у ней ни одно чувство не бывает половиною.

Я привёз её в Петербург. Как мне ни больно было с ней расстаться, — жить с ней вместе я никак не мог; я поместил её в один из лучших пансионеров. Ася поняла необходимость нашей разлуки,

но начала с того, что заболела и чуть не умерла. Потом она обтерпелась и выжила в пансионе четыре года; но, против моих ожиданий, осталась почти такую же, какою была прежде. Начальница пансиона часто жаловалась мне на неё. «И наказать её нельзя,— говаривала она мне,— и на ласку она не поддаётся». Ася была чрезвычайно понятлива, училась прекрасно, лучше всех; но никак не хотела подойти под общий уровень, упрячилась, глядела буквой... Я не мог слишком винить её: в её положении ей надо было либо прислуживаться, либо дичиться. Из всех своих подруг она сошлась только с одной, некрасивой, загнанной и бедной девушкой. Остальные барышни, с которыми она воспитывалась, большей частью из хороших фамилий, не любили её, язвили её и кололи, как только могли; Ася им на волос не уступала. Однажды на уроке из закона Божия преподаватель заговорил о пороках. «Лесть и трусость — самые дурные пороки», — громко промолвила Ася. Словом, она продолжала идти своей дорогой; только манеры её стали лучше, хотя и в этом отношении она, кажется, не много успела.

Наконец, ей минуло семнадцать лет; оставаться ей далее в пансионе было невозможно. Я находился в довольно большом затруднении. Вдруг мне пришла благая мысль: выйти в отставку, поехать за границу на год или на два и взять Асю с собою. Задумано — сделано; и вот мы с ней на берегах Рейна, где я стараюсь заниматься живописью, а она... шалит и чудит по-прежнему. Но теперь я надеюсь, что вы не станете судить её слишком строго; а она хоть и притворяется, что ей всё нипочём, — мнением каждого дорожит, вашим же в особенности.

И Гагин опять улыбнулся своей тихой улыбкой. Я крепко стиснул ему руку.

— Всё так, — заговорил опять Гагин, — но с нею мне беда. Порох она настоящий. До сих пор ей никто не нравился, но беда, если она кого полюбит! Я иногда не знаю, как с ней быть. На днях она что вздумала: начала вдруг уверять меня, что я к ней стал холоднее прежнего и что она одного меня любит и век будет меня одного любить... И при этом так расплакалась...

— Так вот что... — промолвил было я и прикусил язык. — А скажите-ка мне, — спросил я Гагина: дело между нами пошло на откровенность, — неужели в самом деле ей до сих пор никто не нравился? В Петербурге видала же она молодых людей?

— Они-то ей и не нравились вовсе. Нет, Асе нужен герой, необыкновенный человек — или живописный пастух в горном ущелье. А впрочем, я заболтался с вами, задержал вас, — прибавил он, вставая.

— Послушайте, — начал я, — пойдёте к вам, мне домой не хочется.

— А работа ваша?

Я ничего не отвечал; Гагин добродушно усмехнулся, и мы вернулись в Л. Увидев знакомый виноградник и белый домик на верху горы, я почувствовал какую-то сладость — именно сладость на сердце: точно мне втихомолку мёду туда налили. Мне стало легко после гагинского рассказа.

IX

Ася встретила нас на самом пороге дома; я снова ожидал смеха; но она вышла к нам вся бледная, молчаливая, с потупленными глазами.

— Вот он опять, — заговорил Гагин, — и, заметь, сам захотел вернуться.

Ася вопросительно посмотрела на меня. Я, в свою очередь, протянул ей руку и на этот раз крепко пожал её холодные пальчики. Мне стало очень жаль её; теперь я многое понимал в ней, что прежде сбивало меня с толку: её внутреннее беспокойство, неумение держать себя, желание порисоваться — всё мне стало ясно. Я заглянул в эту душу: тайный гнёт давил её постоянно, тревожно путалось и билось неопытное самолюбие, но всё существо её стремилось к правде. Я понял, почему эта странная девочка меня привлекала; не одной только полудикой прелестью, разлитой по всему её тонкому телу, привлекала она меня: её душа мне нравилась.

Гагин начал копаться в своих рисунках; я предложил Асе погулять со мною по винограднику. Она тотчас согласилась, с весёлой и почти покорной готовностью. Мы спустились до половины горы и присели на широкую плиту. <...>

Я глядел на неё, всю облитую ясным солнечным лучом, всю успокоенную и кроткую. Всё радостно сияло вокруг нас, внизу, над нами — небо, земля и воды; самый воздух, казалось, был насыщен блеском.

— Посмотрите, как хорошо! — сказал я, невольно понизив голос.

— Да, хорошо! — так же тихо отвечала она, не смотря на меня. — Если б мы с вами были птицы, — как бы мы взвились, как бы полетели... Так бы и утонули в этой синеве... Но мы не птицы.

— А крылья могут у нас вырасти, — возразил я.

— Как так?

— Поживите — узнаете. Есть чувства, которые поднимают нас от земли. Не беспокойтесь, у вас будут крылья.

— А у вас были?

— Как вам сказать... Кажется, до сих пор я ещё не летал.

Ася опять задумалась. Я слегка наклонился к ней.

— Умеете вы вальсировать? — спросила она вдруг.

— Умею, — отвечал я, несколько озадаченный.

— Так пойдёмте, пойдёмте... Я попрошу брата сыграть нам вальс... Мы вообразим, что мы летаем, что у нас выросли крылья.

Она побежала к дому. Я побежал вслед за нею — и несколько мгновений спустя мы кружились в тесной комнате, под сладкие звуки Ланнера. Ася вальсировала прекрасно, с увлечением. Что-то мягкое, женское проступило вдруг сквозь её девически-строгий облик. Долго потом рука моя чувствовала прикосновение её нежного стана, долго слышалось мне её ускоренное, близкое дыханье, долго мерещились мне тёмные, неподвижные, почти закрытые глаза на бледном, но оживлённом лице, резво обвеянном кудрями. <...>

XI

Отправляясь на следующий день к Гагиным, я не спрашивал себя, влюблён ли я в Асю, но я много размышлял о ней, её судьба меня занимала, я радовался неожиданному нашему сближению. Я чувствовал, что только с вчерашнего дня я узнал её; до тех пор она отворачивалась от меня. И вот, когда она раскрылась, наконец, передо мною, каким пленительным светом озарился её образ, как он был нов для меня, какие тайные обаяния стыдливо в нём сквозили...

Бодро шёл я по знакомой дороге, беспрестанно посматривая на издали белевший домик; я не только о будущем — я о завтрашнем дне не думал; мне было очень хорошо.

Ася покраснела, когда я вошёл в комнату; я заметил, что она опять принарядилась, но выражение её лица не шло к её наряду: оно было печально. А я пришёл таким весёлым! Мне показалось даже, что она, по обыкновению своему, собралась было бежать, но сделала усилие над собою — и осталась. <...>

— Вы сегодня не такая, как вчера, — заметил я после тщетных усилий вызвать улыбку на её губы.

— Нет, не такая, — возразила она неторопливым и глухим голосом. — Но это ничего. Я нехорошо спала, всю ночь думала.

— О чём?

— Ах, я о многом думала. Это у меня привычка с детства: ещё с того времени, когда я жила с матушкой...

Она с усилием выговорила это слово и потом ещё раз повторила:

— Когда я жила с матушкой... я думала, отчего это никто не может знать, что с ним будет; а иногда и видишь беду — да спастись нельзя; и отчего никогда нельзя сказать всей правды?.. Потом я думала, что я ничего не знаю, что мне надобно учиться. Меня перевоспитать надо, я очень дурно воспитана. Я не умею играть на фортепьяно, не умею рисовать, я даже шью плохо. У меня нет никаких способностей, со мной, должно быть, очень скучно.

— Ведь вам не будет скучно со мною?

— Помилуйте, — начал я.

— Ну, спасибо! — возразила Ася, — а я думала, что вам скучно будет.

И её маленькая горячая ручка крепко стиснула мою. <...>

XIII

«Неужели она меня любит?» — спрашивал я себя на другой день, только что проснувшись. Я не хотел заглядывать в самого себя. Я чувствовал, что её образ, образ «девушки с натянутым смехом», втеснился мне в душу и что мне от него не скоро отделаться. Я пошёл в Л. и остался там целый день, но Асю видел только мельком. Ей нездоровилось; у ней голова болела. Она сошла вниз, на минутку, с повязанным лбом, бледная, худенькая, с почти закрытыми глазами; слабо улыбнулась, сказала: «Это пройдёт, это ничего, всё пройдёт, не правда ли?» — и ушла. Мне стало скучно и как-то грустно-пусто; я, однако, долго не хотел уходить и вернулся поздно, не увидав её более.

Следующее утро прошло в каком-то полусне сознания. Я хотел приняться за работу — не мог; хотел ничего не делать и не думать... и это не удалось. Я бродил по городу; возвращался домой, выходил снова.

— Вы ли господин Н. Н.? — раздался вдруг за мною детский голос. Я оглянулся; передо мною стоял мальчик. — Это вам от фрейлейн Annette, — прибавил он, подавая мне записку.

Я развернул её — и узнал неправильный и быстрый почерк Аси. «Я непременно должна вас видеть, — писала мне она, — приходите сегодня в четыре часа к каменной часовне на дороге возле развалины. Я сделала сегодня большую неосторожность... Придите ради Бога, вы всё узнаете... Скажите посланному: да».

— Будет ответ? — спросил меня мальчик.

— Скажи, что да, — отвечал я.

Мальчик убежал.

XV

Не с лёгким сердцем шёл я на это свидание, не предаваться радостям взаимной любви предстояло мне; мне предстояло сдерживать данное слово, исполнить трудную обязанность. «С ней шутить нельзя», — эти слова Гагина, как стрелы, впились в мою душу. А ещё четвёртого дня в этой лодке, уносимой волнами, не томился ли я жаждой счастья? Оно стало возможным — и я колебался, я отталкивал, я должен был оттолкнуть его прочь... Его внезапность меня смущала. Сама Ася, с её огненной головой, с её прошедшим, с её воспитанием, это привлекательное, но странное существо — признаюсь, она меня пугала. Долго боролись во мне чувства. Назначенный срок приближался. «Я не могу на ней жениться, — решил я, наконец, — она не узнает, что и я полюбил её». <...>

XVI

В небольшой комнате, куда я вошёл, было довольно темно, и я не тотчас увидел Асю. Закутанная в длинную шаль, она сидела на стуле возле окна, отвернув и почти спрятав голову, как испуганная птичка. Она дышала быстро и вся дрожала. Мне стало несказанно жалко её. Я подошёл к ней. Она ещё больше отвернула голову...

— Анна Николаевна, — сказал я.

Она вдруг вся выпрямилась, хотела взглянуть на меня — и не могла. Я схватил её руку, она была холодна и лежала как мёртвая на моей ладони.

— Я желала... — начала Ася, стараясь улыбнуться, но её бледные губы не слушались её, — я хотела... Нет, не могу, — проговорила она и умолкла. Действительно, голос её прерывался на каждом слове.

Я сел подле неё.

— Анна Николаевна, — повторил я и тоже не мог ничего прибавить.

Настало молчание. Я продолжал держать её руку и глядел на неё. Она по-прежнему вся сжималась, дышала с трудом и тихонько покусывала нижнюю губу, чтобы не заплакать, чтобы удержать накипавшие слёзы... Я глядел на неё: было что-то трогательно-беспомощное в её робкой неподвижности: точно она от усталости едва добралась до стула и так и упала на него. Сердце во мне растаяло...

— Ася, — сказал я едва слышно...

Она медленно подняла на меня свои глаза... О, взгляд женщины, которая полюбила, — кто тебя опишет? Они молили, эти глаза, они доверялись, вопрошали, отдавались... Я не мог

противиться их обаянию. Тонкий огонь пробежал по мне жгучими иглами; я нагнулся и приник к её руке...

Послышался трепетный звук, похожий на прерывистый вздох, и я почувствовал на моих волосах прикосновение слабой, как лист дрожащей руки. Я поднял голову и увидел её лицо. Как оно вдруг преобразилось! Выражение страха исчезло с него, взор ушёл куда-то далеко и увлекал меня за собою, губы слегка раскрылись, лоб побледнел как мрамор, и кудри отодвинулись назад, как будто ветер их откинул. Я забыл всё, я потянул её к себе — покорно повиновалась её рука, всё её тело повлеклось вслед за рукою, шаль покатилась с плеч, и голова её тихо легла на мою грудь, легла под мои загоревшиеся губы...

«Что я такое говорю?» — думал я про себя, и мысль, что я безнравственный обманщик, что Гагин знает о нашем свидании, что всё искажено, обнаружено, — так и звенела у меня в голове.

— Я не звала брата, — послышался испуганный шёпот Аси, — он пришёл сам.

— Посмотрите же, что вы наделали, — продолжал я. — Теперь вы хотите уехать...

— Да, я должна уехать, — так же тихо проговорила она, — я и попросила вас сюда для того только, чтобы проститься с вами.

— И вы думаете, — возразил я, — мне будет легко с вами расстаться?

— Но зачем же вы сказали брату? — с недоумением повторила Ася.

— Я вам говорю — я не мог поступить иначе. Если б вы сами не выдали себя...

— Я заперлась в моей комнате, — возразила она простодушно, — я не знала, что у моей хозяйки был другой ключ...

Это невинное извинение, в её устах, в такую минуту — меня тогда чуть не рассердило... а теперь я без умиления не могу его вспомнить. Бедное, честное, искреннее дитя!

— И вот теперь всё кончено! — начал я снова. — Всё. Теперь нам должно расстаться. — Я украдкой взглянул на Асю... лицо её быстро краснело. Ей, я это чувствовал, и стыдно становилось и страшно. Я сам ходил и говорил, как в лихорадке. — Вы не дали развиваться чувству, которое начинало созревать, вы сами разорвали нашу связь, вы не имели ко мне доверия, вы усомнились во мне...

Пока я говорил, Ася всё больше и больше наклонялась вперёд — и вдруг упала на колени, уронила голову на руки и зарыдала. Я подбежал к ней, пытался поднять её, но она мне не давалась. Я не выношу женских слёз: при виде их я теряюсь тотчас.

— Анна Николаевна, Ася, — твердил я, — пожалуйста, умоляю вас, ради Бога, перестаньте... — Я снова взял её за руку...

Но, к величайшему моему изумлению, она вдруг вскочила — с быстротою молнии бросилась к двери и исчезла...

XIX

Я проворно спустился с виноградника и бросился в город. Быстро обошел я все улицы, заглянул всюду, даже в окна фрау Луизе, вернулся к Рейну и побежал по берегу... Изредка попадались мне женские фигуры, но Аси нигде не было видно. Уже не досада меня грызла, — тайный страх терзал меня, и не один страх я чувствовал... нет, я чувствовал раскаяние, сожаление самое жгучее, любовь — да! самую нежную любовь. Я ломал руки, я звал Асю посреди надвигавшейся ночной тьмы, сперва вполголоса, потом всё громче и громче; я повторял сто раз, что я её люблю, я клялся никогда с ней не расставаться; я бы дал всё на свете, чтобы опять держать её холодную руку, опять слышать её тихий голос, опять видеть её перед собою... Она была так близка, она пришла ко мне с полной решимостью, в полной невинности сердца и чувств, она принесла мне свою нетронутую молодость... и я не прижал её к своей груди, я лишил себя блаженства увидеть, как её милое лицо расцвело бы радостью и тишиною восторга... Эта мысль меня с ума сводила.

XX

Быстро взбираясь по тропинке виноградника, я увидел свет в комнате Аси... Это меня несколько успокоило.

Я подошёл к дому; дверь внизу была заперта, я постучался. Неосвещённое окошко в нижнем этаже осторожно отворилось, и показалась голова Гагина.

— Нашли? — спросил я его.

— Она вернулась, — отвечал он мне шёпотом, — она в своей комнате и раздевается. Всё в порядке.

— Слава Богу! — воскликнул я с несказанным порывом радости, — слава Богу! Теперь всё прекрасно. Но вы знаете, мы должны ещё переговорить.

— В другое время, — возразил он, тихо потянув к себе раму, — в другое время, а теперь прощайте.

— До завтра, — промолвил я, — завтра всё будет решено.

— Прощайте, — повторил Гагин. Окно затворилось.

Я чуть было не постучал в окно. Я хотел тогда же сказать Гагину, что я прошу руки его сестры. Но такое сватанье в такую пору... «До завтра, — подумал я, — завтра я буду счастлив...»

Завтра я буду счастлив! У счастья нет завтрашнего дня; у него нет и вчерашнего; оно не помнит прошедшего, не думает о будущем; у него есть настоящее — и то не день, а мгновение.

Я не помню, как дошёл я до З. Не ноги меня несли, не лодка меня везла: меня поднимали какие-то широкие, сильные крылья. Я прошёл мимо куста, где пел соловей, я остановился и долго слушал: мне казалось, он пел мою любовь и моё счастье.

XXI

Когда, на другой день утром, я стал подходить к знакомому домику, меня поразило одно обстоятельство: все окна в нём были растворены, и дверь тоже была раскрыта; какие-то бумажки валялись перед порогом; служанка с метлой показалась за дверью.

Я приблизился к ней...

— Уехали! — брякнула она, прежде чем я успел спросить её: дома ли Гагин?

— Уехали?.. — повторил я. — Как уехали? Куда?

— Уехали сегодня утром, в шесть часов, и не сказали куда. Пойдите, ведь вы, кажется, господин Н.?

— Я господин Н.

— К вам есть письмо у хозяйки. — Служанка пошла наверх и вернулась с письмом. — Вот-с, извольте.

— Да не может быть... Как же это так?.. — начал было я.

Служанка тупо посмотрела на меня и принялась мести.

Я развернул письмо. Ко мне писал Гагин; от Аси не было ни строчки. Он начал с того, что просил не сердиться на него за внезапный отъезд; он был уверен, что, по зрелом соображении, я одобрю его решение. Он не находил другого выхода из положения, которое могло сделаться затруднительным и опасным. «Вчера вечером, — писал он, — пока мы оба молча ожидали Асю, я убедился окончательно в необходимости разлуки. Есть предрассудки, которые я уважаю; я понимаю, что вам нельзя жениться на Асе. Она мне всё сказала; для её спокойствия я должен был уступить её повторённым, усиленным просьбам». В конце письма он изъявлял сожаление о том, что наше знакомство так скоро прекратилось, желал мне счастья, дружески жал мне руку и умолял меня не стараться их отыскивать.

XXII

И я не увидел их более — я не увидел Аси. Тёмные слухи доходили до меня о нём, но она навсегда для меня исчезла. Я даже не знаю, жива ли она. Однажды, несколько лет спустя, я мельком увидал за границей, в вагоне железной дороги, женщину, лицо

которой живо напомнило мне незабвенные черты... но я, вероятно, был обманут случайным сходством. Ася осталась в моей памяти той самой девочкой, какою я знал её в лучшую пору моей жизни, какою я её видел в последний раз, наклонённой на спинку низкого деревянного стула.

Впрочем, я должен сознаться, что я не слишком долго грустил по ней: я даже нашёл, что судьба хорошо распорядилась, не соединив меня с Асей; я утешался мыслию, что я, вероятно, не был бы счастлив с такой женой. Я был тогда молод — и будущее, это короткое, быстрое будущее, казалось мне беспредельным. Разве не может повториться то, что было, думал я, и ещё лучше, ещё прекраснее?.. Нет! ни одни глаза не заменили мне тех, когда-то с любовью устремлённых на меня глаз, ни на чьё сердце, припавшее к моей груди, не отвечало моё сердце таким радостным и сладким замиранием! Осуждённый на одиночество бессемейного бобыля, доживаю я скучные годы, но я храню, как святыню, её записочки и высохший цветок гераниума, тот самый цветок, который она некогда бросила мне из окна. Он до сих пор издаёт слабый запах, а рука, мне давшая его, та рука, которую мне только раз пришлось прижать к губам моим, быть может, давно уже тлеет в могиле... И я сам — что случилось со мною? Что осталось от меня, от тех блаженных и тревожных дней, от тех крылатых надежд и стремлений? Так лёгкое испарение ничтожной травки переживает все радости и все горести человека — переживает самого человека.

(1858)

Обдумываем прочитанное, делимся впечатлениями

1. Интересно ли было вам читать повесть И. С. Тургенева «Ася»? Какие эпизоды составили для вас самые яркие впечатления?
2. Почему свою повесть И. С. Тургенев назвал именем героини? Подготовило ли это вас как читателей к восприятию произведения?
3. О ком из героев ваше мнение менялось в процессе чтения? Расскажите о том, как это происходило, с чем было связано.
4. В повести много описаний природы. Какое впечатление они произвели на вас? Прокомментируйте их роль в произведении, как вы её понимаете.
5. Н. А. Некрасов говорил о «чистом золоте поэзии» повести «Ася», о её особой поэтической атмосфере. Почувствовали ли вы эту поэзию? С чем или с кем из героев она больше всего ассоциируется?

Поразмышляем и поговорим о прочитанном

1. Расскажите, что вы узнали о герое-рассказчике из первой главы: чем он занимался в жизни, с какой целью путешествовал, о чём думал, каковы его чувства. Почему именно от его лица ведётся повествование, но Тургенев отказывает ему в имени?
2. Какое впечатление произвели на господина Н. Н. Гагины? Каково состояние души Н. Н. после первой встречи с ними? Как эти впечатления характеризуют главного героя?
3. Вспомните ночь знакомства Н. Н. с Гагиными, попытайтесь нарисовать картину этой лунной ночи словесно (река, таинственный блеск, пахучий воздух, звуки вальса, серебряный лунный столб через всю реку). Почему только Ася увидела, что лодка разбила лунный столб на Рейне? Как следует понимать эту художественную деталь?
4. Проанализируйте портрет Аси, постарайтесь выявить важную особенность тургеневской прозы: использование ключевого слова «странная», которое играет особую роль в повествовании. Действительно ли она странная? В чём проявляется эта странность?
5. На основании чего господин Н. Н. делает вывод, что Ася не пройдёт мимо него в этой жизни? Почему, возвращаясь от Гагиных, он вспоминает Россию (глава IV)? Что русского в Асе и почему господину Н. Н. стало «чего-то жаль», когда в главе V он увидел Асю «совершенно русскою»? Чего?
6. Как формировался характер Аси? Обратите внимание на её детство, на материнское воспитание, на положение в доме отца, на поведение в пансионе. Какие изменения произошли в девушке после встречи с господином Н. Н.?
7. Как меняется душевное состояние героя, когда он узнаёт историю Аси? Что открыл Н. Н. для себя в Асе во время новой фазы любовных отношений и взаимного доверия и сближения? Чем ему особенно нравилась Ася?
8. Как действует на господина Н. Н. и Асю любовь? Что происходит в душе Н. Н.? Как развивается его чувство? Чем отличается чувство Аси? О чём это говорит?
9. Проанализируйте первый задушевный разговор господина Н. Н. и Аси (глава IX). Какова его интонация? Почему возникает такое настроение? Ведь, казалось бы, тропинка друг к другу найдена? Обратите внимание на художественные детали: цвет и свет, слова, которые произносят герои, определите значение ключевого образа птицы.

10. Проанализируйте сцену разрыва (глава XVI). Обратите внимание на изображение цвета и света в ней, описание действий и речи героев. Объясните причины противопоставлений. Проследите, каким образом входит в ткань повествования тот же ключевой образ птицы, что и в первом задушевном разговоре. Какое значение имеет преобразование этого образа?
11. Какие чувства испытал герой после разрыва с Асей (глава XIX)? Понял ли Н. Н. свою ошибку, осудил ли себя (конец главы XXI)?
12. Зачем Тургеневу понадобилась глава XXII, если вся любовная история рассказана? Что нового добавляет писатель к характеристике господина Н. Н.?
13. Прочитайте отзыв русского писателя и критика, революционера-демократа Н. Г. Чернышевского о повести «Ася», высказанный в статье «Русский человек на rendez-vous¹». Предположите, как отнёсся бы к такой трактовке образа господина Н. Н. сам И. С. Тургенев? Согласны ли вы с этими выводами?

Н. Г. Чернышевский о повести «Ася»

Все лица повести — люди из лучших между нами, очень образованные, чрезвычайно гуманные, проникнутые благороднейшим образом мыслей. <...>

...Вот человек [господин Н.], сердце которого открыто всем высоким чувствам, честность которого непоколебима, мысль которого приняла в себя всё, за что наш век называют веком благородных стремлений. И что же делает этот человек? Он делает сцену, какой устыдился бы последний взяточник. Он чувствует самую сильную и чистую симпатию к девушке, которая любит его; он часа не может прожить, не видя этой девушки <...> Мы видим Ромео, мы видим Джульетту, счастьем которых ничто не мешает, и приближается минута, когда навеки решится их судьба, — для этого Ромео должен только сказать: «Я люблю тебя, любишь ли ты меня?», и Джульетта прошепчет: «Да...». И что же делает наш Ромео (так мы будем называть героя повести, фамилия которого не сообщена нам автором рассказа), явившись на свидание с Джульеттой?.. Он ей делает выговоры за то, что она его компрометирует! Что это за нелепая жестокость? Что это за низкая грубость? И этот человек, поступающий так подло, выставлялся благородным до сих пор! <...>

Таково было впечатление, произведённое на многих совершенно неожиданным оборотом отношений нашего Ромео к его Джульетте. <...>

¹ *Rendez-vous* (фр.) — свидание.

Но вы вините человека, — всмотритесь прежде, он ли в том виноват, за что вы его вините, или виноваты обстоятельства и привычки общества, всмотритесь хорошенько, быть может, тут вовсе не вина его, а только беда его. <...>

Из того, что жестокая неприятность, которой подвергается Ася, приносит ему самому не пользу или удовольствие, а стыд перед самим собой <...> мы видим, что он попал не в вину, а в беду <...>. Он не привык понимать ничего великого и живого, потому что слишком мелка и бездушна была его жизнь <...>. Он робеет, он бессильно отступает от всего, на что нужна широкая решимость и благородный риск, опять-таки потому, что жизнь приучила его только к бледной мелочности во всём <...>. Чем он хуже других? Чем он хуже нас всех?..

14. И. С. Тургенев говорил: «Каждый делает свою судьбу...». Как это утверждение писателя можно спроецировать на ту драму, которая произошла с главным героем его повести «Ася» — господином Н. Н.? Кто виноват в том, что Н. Н. оказался «одиноким бессемейным бобылём», человеком, не приносящим никакой пользы ни себе, ни окружающим, ни обществу, ни стране?

Узнаём о тайнах художественного слова

О стихотворениях в прозе

Цикл «Стихотворения в прозе» Иван Сергеевич Тургенев выпустил уже в конце своей жизни, в 1882 году, как своеобразный итог размышлений о жизни, о себе, о творчестве. Создававшиеся начиная с 1877 года, стихотворения в прозе остались в литературе непревзойдёнными образцами этого своеобразного жанра.

Сам Тургенев определил их жанр как «стихотворения без рифмы и размера». Но главное в них — переживания автора, то есть лирического героя. Выбор формы был подсказан желанием максимально сблизить прозаическую речь со стихотворной, создать особый лирический дневник с воспоминаниями, с размышлениями о будущем.

Темы стихотворений самые разные — философские, социальные, психологические. Говорится в них о природе, о любви, о смерти, о родине, о красоте, о дружбе. Тургенев дал им название — «Senilia» — «Старческое» и так обращался к своим читателям: «Добрый мой читатель, не пробегай этих стихотворений сподряд: тебе, вероятно, скучно станет — и книга вывалится у тебя из рук.

Но читай их враздробь: сегодня одно, завтра другое, — и которое-нибудь из них, может быть, заронит тебе что-нибудь в душу».

Всего стихотворений в прозе 83. Все они — искренний и непосредственный отклик автора на то, чем он жил. Л. П. Гроссман¹ назвал их поэмой о пройденном жизненном пути.

Обратимся к виртуальному словарю

Рифма — созвучие концов стихотворных строк.

Ритм — равномерное чередование ударных и безударных слогов.

Вопросы и задания

1. В чём заключается своеобразие жанра стихотворений в прозе?
2. Раскройте понятие «лирический герой».
3. Каковы темы стихотворений в прозе И. С. Тургенева? Чего вы ожидаете от их чтения?

Пришло время читать

Порог

Я вижу громадное здание.

В передней стене узкая дверь раскрыта настежь, за дверью — угрюмая мгла. Перед высоким порогом стоит девушка... Русская девушка.

Морозом дышит та непроглядная мгла, и вместе с ледящей струёй выносятся из глубины здания медленный, глухой голос.

— О ты, что желаешь переступить этот порог, — знаешь ли ты, что тебя ожидает?

— Знаю, — отвечает девушка.

— Холод, голод, ненависть, насмешка, презрение, обида, тюрьма, болезнь и самая смерть?

— Знаю.

— Отчуждение полное, одиночество?

— Знаю. Я готова. Я перенесу все страдания, все удары.

— Не только от врагов — но и от родных, от друзей?

— Да... и от них.

— Хорошо... Ты готова на жертву?

— Да.

¹ Л. П. Гроссман — русский советский литературовед, писатель.

— На безымянную жертву? Ты погибнешь — и никто... никто не будет даже знать, чью память почитать!

— Мне не нужно ни благодарности, ни сожаления. Мне не нужно имени.

— Готова ли ты на преступление?

Девушка потупила голову.

— И на преступление готова.

Голос не тотчас возобновил свои вопросы.

— Знаешь ли ты, — заговорил он наконец, — что ты можешь разувериться в том, чему веришь теперь, можешь понять,

что обманулась и даром погубила свою молодую жизнь?

— Знаю и это. И всё-таки я хочу войти.

— Войди!

Девушка перешагнула порог — и тяжёлая завеса упала за нею.

— Дура! — проскрежетал кто-то сзади.

— Святая! — принеслось откуда-то в ответ.

**П. Ф. Строев. Девушка перед
дверью тюрьмы. Иллюстрация
к стихотворению в прозе
И. С. Тургенева «Порог»**

(Май, 1878)

Памяти Ю. П. Вревской

На грязи, на вонючей сырой соломе, под навесом ветхого сарая, на скорую руку превращённого в походный военный госпиталь, в разорённой болгарской деревушке — с лишком две недели умирала она от тифа.

Она была в беспомощности — и ни один врач даже не взглянул на неё; больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока ещё могла держаться на ногах, поочередно поднимались с своих заражённых логовищ, чтобы поднести к её запёкшимся губам несколько капель воды в черепке разбитого горшка.

Она была молода, красива; высший свет её знал; об ней осведомлялись даже сановники. Дамы завидовали ей, мужчины за ней волочились... два-три человека тайно и глубоко любили её. Жизнь ей улыбалась; но бывают улыбки хуже слёз.

Нежное кроткое сердце... и такая сила, такая жажда жертвы! Помогать нуждающимся в помощи... она не ведала другого счастья... не ведала — и не изведала. Всякое другое счастье прошло мимо. Но она с этим давно помирилась — и вся, пылая

**Баронесса
Ю. П. Вревская**

огнём неугасимой веры, отдалась на служение ближним.

Какие заветные клады схоронила она там, в глубине души, в самом её тайнике, никто не знал никогда — а теперь, конечно, не узнает.

Да и к чему? Жертва принесена... дело сделано.

Но горестно думать, что никто не сказал спасибо даже её труп — хоть она сама и стыдилась и чуждалась всякого спасибо.

Пусть же не оскорбится её милая тень этим поздним цветком, который я осмеливаюсь возложить на её могилу!
(*Сентябрь, 1878*)

Воробей

Я возвращался с охоты и шёл по аллее сада. Собака бежала впереди меня.

Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачюя перед собою дичь.

Я глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал берёзы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой её мордой — и весь взъерошенный, искажённый, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою свое детище... но всё его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И всё-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился... Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущённого пса — и удалился, благоговей.

Да, не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой, героической птицей, перед любовным её порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

(Апрель, 1878)

Голуби

Я стоял на вершине пологого холма; передо мною — то золотым, то посеребрённым морем — раскинулась и пестрела спелая рожь.

Но не бегало зыби по этому морю; не струился душный воздух: назревала гроза великая.

Около меня солнце ещё светило — горячо и тускло; но там, за рожью, не слишком далеко, тёмно-синяя туча лежала грузной громадой на целой половине небосклона.

Всё притаилось... всё изнывало под зловецим блеском последних солнечных лучей. Не слышать, не видеть ни одной птицы; попрятались даже воробьи. Только где-то вблизи упорно шептал и хлопал одинокий крупный лист лопуха.

Как сильно пахнет полынь на межах! Я глядел на синюю громаду... и смутно было на душе. Ну скорей же, скорей! — думалось мне, — сверкни, золотая змейка, дрогни, гром! двинься, покатись, пролейся, злая туча, прекрати тоскливое томление!

Но туча не двигалась. Она по-прежнему давила безмолвную землю... и только словно пухла да темнела.

И вот по одноцветной её синеве замелькало что-то ровно и плавно; ни дать ни взять белый платочек или снежный комок. То летел со стороны деревни белый голубь.

Летел, летел — всё прямо, прямо... и потонул за лесом.

Прошло несколько мгновений — та же стояла жестокая тишь... Но глядь! Уже два платка мелькают, два комочка несутся назад: то летят домой ровным полётом два белых голубя.

И вот, наконец, сорвалась буря — и пошла потеха!

Я едва домой добежал. Визжит ветер, мечется как бешеный, мчатся рыжие, низкие, словно в клочья разорванные облака, всё закрутилось, смешалось, захлестал, закачался отвесными столбами рьяный ливень, молнии слепят огнистой зеленью, стреляет как из пушки отрывистый гром, запахло серой...

Но под навесом крыши, на самом краюшке слухового окна, рядышком сидят два белых голубя — и тот, кто слетал за товарищем, и тот, кого он привёл и, может быть, спас.

Нахохлились оба — и чувствует каждый своим крылом крыло соседа...

Хорошо им! И мне хорошо, глядя на них... Хоть я и один... один, как всегда.

(Май, 1879)

Природа

Мне снилось, что я вошёл в огромную подземную храмину с высокими сводами. Её всю наполнял какой-то тоже подземный, ровный свет.

По самой середине храмины сидела величавая женщина в волнистой одежде зелёного цвета. Склонив голову на руку, она казалась погружённой в глубокую думу.

Я тотчас понял, что эта женщина — сама Природа, — и мгновенным холодом внедрился в мою душу благоговейный страх.

Я приблизился к сидящей женщине — и, отдав почтительный поклон:

— О наша общая мать! — воскликнул я. — О чём твоя дума? Не о будущих ли судьбах человечества размышляешь ты? Не о том ли, как ему дойти до возможного совершенства и счастья?

Женщина медленно обратила на меня свои тёмные, грозные глаза. Губы её шевельнулись — и раздался зычный голос, подобный лязгу железа.

— Я думаю о том, как бы придать большую силу мышцам ног блохи, чтобы ей удобнее было спастись от врагов своих. Равновесие нападения и отпора нарушено... Надо его восстановить.

— Как? — пролепетал я в ответ. — Ты вот о чём думаешь? Но разве мы, люди, не любимые твои дети?

Женщина чуть-чуть наморщила брови:

— Все твари мои дети, — промолвила она, — и я одинаково о них забочусь — и одинаково их истребляю.

— Но добро... разум... справедливость... — пролепетал я снова.

— Это человеческие слова, — раздался железный голос. — Я не ведаю ни добра, ни зла... Разум мне не закон — и что такое справедливость? Я тебе дала жизнь — я её отниму и дам другим, червям или людям... мне всё равно... А ты пока защищайся — и не мешай мне!

Я хотел было возражать... но земля кругом глухо застонала и дрогнула — и я проснулся.

(Август, 1879)

Обдумываем прочитанное, делимся впечатлениями

1. Назовите стихотворение в прозе И. С. Тургенева, которое вам понравилось больше всего. Объясните почему.
2. Полагают, что стихотворение «Порог» посвящено реальной личности — революционерке Вере Засулич, которая совершила покушение на петербургского градоначальника Трепова и была за это осуждена. Но героиня стихотворения Тургенева не имеет

имени, она просто «русская девушка». Чего достигает таким образом автор? Объясните символическое значение порога, через который девушка должна переступить. О чём свидетельствует её готовность переступить этот порог?

3. Стихотворение «Памяти Ю. П. Вревской» — отклик на гибель удивительной женщины баронессы Юлии Вревской, вдовы генерала, погибшего на кавказской войне, с которой Тургенев был лично знаком. Когда началась русско-турецкая война, она добровольно ушла в действующую армию на Балканы сестрой милосердия. Каким чувством проникнуто это стихотворение, повествующее о смерти Вревской, заразившейся тифом от солдат, за которыми ухаживала? Выделите в стихотворении строфы-тезисы, воссоздающие её короткую жизнь. Как вы оцениваете её подвиг самопожертвования?
4. Какое впечатление произвело на вас стихотворение «Воробей»? Восхищались ли вы вместе с Тургеневым бесстрашием воробья, его мужеством, готовностью защитить своё «детище»? Найдите строки о любви, которые стали крылатыми, и составьте по ним своё высказывание об этом всесильном чувстве. Приведите собственные примеры.
5. Какое бесценное чувство воспевает Тургенев в стихотворении в прозе «Голуби»? Как ему удаётся передать восхищение двумя птицами, противостоящими грозе? Нарисуйте словесный портрет главных героев стихотворения.
6. Стихотворение в прозе «Природа» имеет глубокий философский смысл. Как вы думаете, с какой целью Тургенев использует приём сна? Определите, из каких смысловых частей оно состоит, какие образы являются центральными в каждой из них. Привычен ли для вас образ Природы в стихотворении? Какие ассоциации вызывает этот образ у вас? Чем вас поразил диалог между лирическим героем и Природой? Какими словами заканчивается произведение? Возможна ли другая фраза, определяющая концовку стихотворения? Приведите свои варианты. Соотнесите теоретические сведения о жанре с текстом Тургенева.
7. Подготовьте выразительное чтение стихотворений в прозе И. С. Тургенева. Одно из них (на выбор) выучите наизусть.

Обращаемся к интернету

Сайты, посвящённые И. С. Тургеневу

- <http://turgenev.org.ru/> (Сайт «Русский писатель И. С. Тургенев»)
- <http://www.turgenev.net.ru/> (Сайт «И. С. Тургенев»)

Бросим мышку, возьмём книжку

- ♦ Прочитайте книги, рекомендованные для внеклассного и семейного чтения, оформите дневник читателя.
 - И. С. Тургенев «Первая любовь».
 - Р. И. Фраерман «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви».

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин 1826–1889

«Он проповедовал любовь враждебным словом отрицанья»¹

...Куда бы и как бы меня ни бросала судьба, я всегда бы сделался писателем, это было положительно моё призвание.

М. Е. Салтыков-Щедрин

Писатель, знакомство с творчеством которого вы только начинаете, говорил: «Мир грустен — и я грущу вместе с ним; мир вздыхает — и я вместе с ним вздыхаю. Мало того, я приглашаю грустить и вздыхать вместе со мною и читателя». Это Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, писатель особый — писатель-сатирик.

Как же появился такой талант? Каковы его истоки? Чтобы это понять, нужно суметь войти в художественный мир писателя, постараться осознать и почувствовать этот мир, понять, по каким законам он сотворён, надо подготовиться к встрече с его произведениями. Особенно, когда знакомишься с М. Е. Салтыковым-Щедринным. Чтобы смеяться над его шутками, по достоинству их оценивать, нужно хорошо знать, в какое время он жил, какой была тогда общественная ситуация. Даже современник Салтыкова-Щедрина, известный русский писатель И. А. Гончаров, которому в качестве цензора пришлось знакомиться с его произведениями, отмечал, что «читать их — всё равно что расшифровывать хитрую тайнопись». Что же говорить о нас, живущих совсем в другую эпоху!

М. Е. Салтыков-Щедрин жил в очень непростое для России время. Проводились реформы в области местного самоуправления

¹ *Н. А. Некрасов (1821–1878)* — русский поэт, писатель и публицист, классик русской литературы.

и образования, судебная, военная. Но главным оказался вопрос освобождения крестьян от крепостной зависимости и ограничения самодержавия. Вот в такое переломное для государства время Салтыков-Щедрин служил чиновником в канцелярии военного министерства, был вице-губернатором Рязани, Твери, председателем казённой палаты в Пензе, управляющим Тульской казённой палатой, а затем Рязанской. И всегда писал. Он был правдив, точен и беспощаден к социальному злу. Не зря цензурный комитет отмечал «вредное направление произведений Салтыкова».

Да, именно Салтыков. Вторая часть двойной фамилии — Щедрин — это имя персонажа одной из ранних повестей писателя.

На всю жизнь запомнились Михаилу Евграфовичу слабохарактерность и капризность отца и крутая властность матери, её суровый нрав, наказания не только крепостных, но и собственных детей. Ни духовного общения с природой, ни нянек-сказочниц, ни книг (кроме учебных) — никаких поэтических сторон жизни дети Салтыковых не знали. Тем не менее в семье заботились, чтобы дети воспитывались «по-дворянски». Необычайная природная одарённость Михаила проявилась уже в раннем возрасте, а в 1836 году Салтыков был зачислен в Московский дворянский институт. До Салтыкова в нём учились Жуковский, Грибоедов, Лермонтов и многие другие известные поэты, литераторы, деятели русской культуры. Особый интерес вызывала у него русская словесность. После двух лет обучения Салтыков в числе лучших учеников был переведён в Царскосельский лицей под Петербург. В Лицее свято чтители память Пушкина — своего знаменитого воспитанника, и на каждом курсе по традиции объявлялся очередной продолжатель великого поэта. В своём классе им стал Салтыков. Пушкину он посвятил стихотворение «Лира» (1841). Из лицейского творчества Салтыкова-Щедрина сейчас известно 21 стихотворение.

После Лицея — служба в канцелярии военного министерства, общение с молодыми литераторами, учёными, первые прозаические произведения — повести «Противоречия» и «Запутанное

Н. Н. Ге. Портрет писателя Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина. 1872

дело». Эти повести, изображающие жизнь простых чиновников и обличающие гнёт и рутину государственных порядков, стали поводом для увольнения писателя со службы и ссылки в Вятку на долгие 8 лет.

Служба в Вятке принесла Салтыкову славу требовательного, настойчивого, неподкупного и честного чиновника, беспощадного ко взяточничеству.

После возвращения из ссылки Салтыков два года служит в Петербурге в Министерстве внутренних дел, затем два года — вице-губернатором в Рязани и два года вице-губернатором в Твери. Одновременно идёт большая писательская работа, создаются новые произведения.

В конце 60-х годов Салтыков покидает государственную службу и переезжает в Петербург. Занимается литературной и журналистской работой, становится известным писателем, редактором журнала «Отечественные записки». Щедрин обладал поразительным трудолюбием, он даже сам им гордился, утверждая, что его литературная слава достигнута не талантом, а упорным трудом.

Творческий путь писателя завершается его обращением к читателю: «Не погрязайте в подробностях настоящего, но воспитывайте в себе идеалы будущего, ибо это своего рода солнечные лучи, без оживотворяющего действия которых земной шар обратился бы в камень. Не давайте окаменеть и сердцам вашим, вглядывайтесь часто и пристально в сияющие точки, которые мерцают в перспективах будущего».

М. Е. Салтыков-Щедрин умер в Петербурге и похоронен по завещанию рядом с Тургеневым на Волковом кладбище.

Вопросы и задания

1. Слова Н. А. Некрасова вынесены в заглавие этой статьи. Как вы понимаете эти слова? Раскрывают ли они сущность творчества именно М. Е. Салтыкова-Щедрина?
2. Почему М. Е. Салтыкова-Щедрина нужно читать особенным образом? Готовы ли вы к такому чтению?
3. Опишите, каким вы представляете М. Е. Салтыкова-Щедрина. В этом вам поможет портрет писателя работы художников Н. Н. Ге (в учебнике) и В. Г. Перова (найдите самостоятельно).
4. Готовы ли вы следовать заветам Салтыкова-Щедрина о необходимости воспитывать «в себе идеалы будущего, ибо это своего рода солнечные лучи, без оживотворяющего действия которых земной шар обратился бы в камень»?

Об особенностях «Сказок для детей изрядного возраста»

Выдающимся достижением последнего десятилетия литературной деятельности Салтыкова-Щедрина является книга «Сказки для детей изрядного возраста», включающая 32 произведения. За небольшим исключением сказки создавались в течение 4 лет (1883–1886). Кому были предназначены эти сказки, ясно из самого их названия: «для детей изрядного возраста» — то есть для взрослых. И это сразу привлекло к ним пристальное внимание переродовых читателей.

Не имея возможности говорить открыто о пороках общества из-за существующей в то время цензуры, писатель изобразил их при помощи жанра сказки. Особенности жанра сказки он сохранил, но наполнил его новым содержанием, очень далёким от сказочных событий, зато очень близким современной действительности. Создавая свои сказки, Щедрин опирался и на опыт народного творчества, и на сатирические басни великого И. А. Крылова, и на опыт предшественников — писателей-сатириков, прежде всего — Н. В. Гоголя. Он создал новый, оригинальный жанр политической сказки.

Обратимся к виртуальному словарю

Аллегория — иносказание, в котором определённая мысль или понятие передаётся через обрисовку конкретных предметов, явлений действительности.

Фантастика — изображение в литературе и других видах искусства неправдоподобных явлений, вымышленных образов, не совпадающих с действительностью, нарушение естественных форм, причинных связей, закономерностей природы.

Гротеск — изображение действительности в резко искажённом виде, соединение несоединимого, реального с фантастическим, невозможное с точки зрения здравого смысла.

Как и во всём творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина, в его сказках противостоят две социальные силы: народ, который трудится, и эксплуататоры (помещики, чиновники). Народ выступает в виде добрых и беззащитных зверей и птиц (а часто и «без маски», под именем «мужик»), эксплуататоры — в образах хищников.

Жизнь русского общества второй половины XIX века запечатлелась в богатейшей галерее персонажей сказок писателя, он коснулся всех основных слоёв общества: дворянства, буржуазии, бюрократии, интеллигенции. В сказках М. Е. Салтыков-Щедрин проявил себя блестящим художником, сумевшим донести до читателя острую политическую мысль, сделать социальные обобщения в аллегорической форме.

Фантастика народной сказки органически сочетается у Щедрина с реалистическим изображением действительности, а крайнее преувеличение в описании героев и ситуаций (гротеск) даёт возможность сатирику заострить внимание на опасных сторонах жизни современного ему русского общества.

Говоря о творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина, литературоведы часто используют специальный термин — эзопов язык. Прилагательное образовано от имени древнегреческого баснописца Эзопа (VI в. до н.э.), который был мастером иносказания, умел облечь самые смелые политические намёки в невинную форму рассказа о животных. Великий сатирик Салтыков-Щедрин виртуозно владел искусством эзопова языка. Оно позволяло ему преодолевать цензурные препятствия. Но, возможно, он прибегал к многочисленным иносказаниям не только по необходимости, а и потому, что таким был его талант.

Обратимся к виртуальному словарю

Эзопов язык — художественная речь, основанная на иносказании.

Сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина оказали большое воздействие на дальнейшее развитие русской литературы и в особенности жанров сатиры.

Вопросы и задания

1. Предположите, какие общественные пороки будут обличаться в «Сказках для детей изрядного возраста» М. Е. Салтыкова-Щедрина. С какими мыслями и с каким настроением вы будете их читать?
2. Вспомните основные признаки народной сказки, приготовьтесь найти эти признаки в сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина в процессе их чтения.

Дикий помещик (В сокращении)

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был помещик, жил и на свет глядячи радовался. Всего у него было довольно: и крестьян, и хлеба, и скота, и земли, и садов. И был тот помещик глупый, читал газету «Весть»¹ и тело имел мягкое, белое и рассыпчатое.

Только и взмолился однажды Богу этот помещик:

— Господи! всем я от Тебя доволен, всем награждён! Одно только сердцу моему непереносно: очень уж много развелось в нашем царстве мужика!

Но Бог знал, что помещик тот глупый, и прощению его не внял.

Видит помещик, что мужика с каждым днём не убывает, а всё прибывает, — видит и опасается: «А ну, как он у меня всё добро приест?».

Заглянет помещик в газету «Весть», как в сём случае поступать должно, и прочитает: «Старайся!».

— Одно только слово написано, — молвит глупый помещик, — а золотое это слово!

И начал он стараться, и не то чтоб как-нибудь, а всё по правилу. Курица ли крестьянская в господские овсы забредёт — сейчас её, по правилу, в суп; дровец ли крестьянин нарубить по секрету в господском лесу соберётся — сейчас эти самые дрова на господский двор, а с порубщика, по правилу, штраф.

— Больше я нынче этими штрафами на них действую! — говорит помещик соседям своим, — потому что для них это понятнее.

Видят мужики: хоть и глупый у них помещик, а разум ему дан большой. Сократил он их так, что некуда носа высунуть: куда ни глянут — всё нельзя, да не позволено, да не ваше! Скотинка на водопой выйдет — помещик кричит: «Моя вода!», курица за околицу выбредет — помещик кричит: «Моя земля!». И земля, и вода, и воздух — всё его стало! Лучины² не стало мужику в светец³ зажечь, прута не стало, чем избу вымести. Вот и взмолились крестьяне всем миром Господу Богу:

¹ Газета «Весть» — орган реакционно-дворянской оппозиции 60-х годов XIX века.

² Лучина — тонкая щепка сухого дерева; такая щепка, укреплявшаяся в светеце и освещавшая избу в старину.

³ Светец — подставка для лучины, освещающей жильё, избу.

— Господи! легче нам пропасть и с детьми с малыми, нежели всю жизнь так маяться!

Услышал милостивый Бог слёзную молитву сиротскую, и не стало мужика на всём пространстве владений глупого помещика. Куда девался мужик — никто того не заметил, а только видели люди, как вдруг поднялся мякинный¹ вихрь и, словно туча чёрная, пронеслись в воздухе посконные² мужицкие портки³. Вышел помещик на балкон, потянул носом и чует: чистый-пречистый во всех его владениях воздух сделался. Натурально, остался доволен. Думает: «Теперь-то я понежу своё тело белое, тело белое, рыхлое, рассыпчатое!».

И начал он жить да поживать и стал думать, чем бы ему свою душу утешить.

«Заведу, думает, театр у себя! напишу к актёру Садовскому: приезжай, мол, любезный друг! и актёрок с собой привози!»

Послушался его актёр Садовский: сам приехал и актёрок привёз. Только видит, что в доме у помещика пусто, и ставить театр, и занавес поднимать некому.

— Куда же ты крестьян своих девал? — спрашивает Садовский у помещика.

— А вот Бог, по молитве моей, все мои владения от мужика очистил!

— Однако, брат, глупый ты помещик! кто же тебе, глупому, умываться подаёт?

— Да я уж и то сколько дней невымытый хожу!

— Стало быть, шампиньоны на лице растить собрался? — сказал Садовский, и с этим словом и сам уехал, и актёрок увёз.

Вспомнил помещик, что есть у него поблизости четыре генерала знакомых; думает: «Что это я всё гранпасьянс⁴ да гранпасьянс раскладываю! Попробую-ко я с генералами впятером пульку⁵-другую сыграть!».

Сказано — сделано: написал приглашения, назначил день и отправил письма по адресу. Генералы были хоть и настоящие, но голодные, а потому очень скоро приехали. Приехали — и не могут надивиться, отчего такой у помещика чистый воздух стал.

¹ *Мякинный* — прилагательное к существительному мякина — остатки колосьев, стеблей и другие отходы при молотье.

² *Посконные* — относящиеся к посконине, то есть к домотканому холсту.

³ *Портки* — то же, что штаны.

⁴ *Гранпасьянс* — вид карточной игры для одного человека.

⁵ *Пулька* — вид карточной игры для нескольких человек.

— А оттого это, — хвастается помещик, — что Бог, по молитве моей, все владения мои от мужика очистил!

— Ах, как это хорошо! — хвалят помещика генералы, — стало быть, теперь у вас этого холопьяго запаху нисколько не будет?

— Нисколько, — отвечает помещик.

Сыграли пультку, сыграли другую; чувствуют генералы, что пришёл их час водку пить, приходят в беспокойство, озираются.

— Должно быть, вам, господа генералы, закусить захотелось? — спрашивает помещик.

— Не худо бы, господин помещик!

Встал он из-за стола, подошёл к шкапу и вынимает оттуда по леденцу да по печатному прянику на каждого человека.

— Что ж это такое? — спрашивают генералы, вытаращив на него глаза.

— А вот, закусите, чем Бог послал!

— Да нам бы говядинки! говядинки бы нам!

— Ну, говядинки у меня про вас нет, господа генералы, потому что с тех пор, как меня Бог от мужика избавил, и печка на кухне стоит нетоплена!

Рассердились на него генералы, так что даже зубы у них застучали.

— Да ведь жрёшь же ты что-нибудь сам-то? — накинулись они на него.

— Сырьём кой-каким питаюсь, да вот пряники ещё покуда есть...

— Однако, брат, глупый же ты помещик! — сказали генералы и, не докончив пультки, разбрелись по домам.

Видит помещик, что его уж в другой раз дураком чествуют, и хотел было уж задуматься, но так как в это время на глаза попалась колода карт, то махнул на всё рукою и начал раскладывать гранпасьянс.

— Посмотрим, — говорит, — господа либералы, кто кого одолеет! Докажу я вам, что может сделать истинная твёрдость души!

— Чем бы, однако, заняться? — спрашивает он себя, — хоть бы лешего какого-нибудь нелёгкая занесла!

И вот по этому его слову вдруг приезжает сам капитан-исправник¹. Обрадовался ему глупый помещик несказанно; побежал в шкаф, вынул два печатных пряника и думает: «Ну, этот, кажется, останется доволен!».

¹ *Капитан-исправник* — начальник полиции в уезде, избирающийся дворянами из своей среды.

— Скажите, пожалуйста, господин помещик, каким это чудом все ваши временнообязанные¹ вдруг исчезли? — спрашивает исправник.

— А вот так и так, Бог, по молитве моей, все владения мои от мужика совершенно очистил.

— Так-с; а не известно ли вам, господин помещик, кто подати за них платить будет?

— Подати?.. это они! это они сами! это их священнейший долг и обязанность!

— Так-с; а каким манером эту подать с них взыскать можно, коли они, по вашей молитве, по лицу земли рассеяны?

— Уж это... не знаю... я, с своей стороны, платить не согласен!

— А известно ли вам, господин помещик, что казначейство без податей и повинностей, а тем паче без винной и соляной регалий², существовать не может?

— Я что ж... я готов! рюмку водки... я заплачу!

— Да вы знаете ли, что, по милости вашей, у нас на базаре ни куска мяса, ни фунта хлеба купить нельзя? знаете ли вы, чем это пахнет?

— Помилуйте! я, с своей стороны, готов пожертвовать! вот целых два пряника!

— Глупый же вы, господин помещик! — молвил исправник, повернулся и уехал, не взглянув даже на печатные пряники.

Задумался на этот раз помещик не на шутку. Вот уже третий человек его дураком чествует, третий человек посмотрит-посмотрит на него, плюнет и отойдёт. Неужто он в самом деле дурак? неужто та непреклонность, которую он так лелеял в душе своей, в переводе на обыкновенный язык означает только глупость и безумие? и неужто, вследствие одной его непреклонности, остановились и подати, и регалии, и не стало возможности достать на базаре ни фунта муки, ни куска мяса?

И как был он помещик глупый, то сначала даже фыркнул от удовольствия при мысли, какую он штуку сыграл, но потом вспомнил слова исправника: «А знаете ли, чем это пахнет?» — и струсил не на шутку.

Однако твердость души всё ещё не покидала его. Несколько раз он ослабевал, но только почувствует, что сердце у него начнёт

¹ *Временнообязанные* — бывшие крепостные крестьяне, не переведённые на выкуп после отмены крепостного права в 1861 году, которые несли повинности за пользование землёй.

² *Винная и соляная регалии* — государственные монополии на продажу вина и соли.

растворяться, сейчас бросится к газете «Весть» и в одну минуту ожесточится опять.

— Нет, лучше совсем одичаю, лучше пусть буду с дикими зверьми по лесам скитаться, но да не скажет никто, что российский дворянин, князь Урус-Кучум-Кильдибаев, от принципов отступил!

И вот он одичал. Хотя в это время наступила уже осень, и морозцы стояли порядочные, но он не чувствовал даже холода. Весь он, с головы до ног, оброс волосами, словно древний Исав, а ногти у него сделались, как железные. Сморкаться уж он давно перестал, ходил же всё больше на четвереньках и даже удивлялся, как он прежде не замечал, что такой способ прогулки есть самый приличный и самый удобный. Утратил даже способность произносить членораздельные звуки и усвоил себе какой-то особенный победный клик, среднее между свистом, шипеньем и рывканьем. Но хвоста ещё не приобрёл.

Между тем капитан-исправник хоть и покровительствовал помещикам, но ввиду такого факта, как исчезновение с лица земли мужика, смолчать не посмел. Встревожилось его донесением и губернское начальство, пишет к нему: «А как вы думаете, кто теперь подати будет вносить? кто будет вино по кабакам пить? кто будет невинными занятиями заниматься?». Отвечает капитан-исправник: казначейство-де теперь упразднить следует, а невинные-де занятия и сами собой упразднились, вместо же них распространились в уезде грабежи, разбой и убийства. На днях-де и его, исправника, какой-то медведь не медведь, человек не человек едва не задрал, в каком-то человеко-медведе и подозревает он того самого глупого помещика, который всей смуте зачинщик.

Обеспокоились начальники и собрали совет. Решили: мужика изловить и водворить, а глупому помещику, который всей смуте зачинщик, найделикатнейше внушить, дабы он фанфаронства свои прекратил и поступлению в казначейство податей препятствия не чинил.

Как нарочно, в это время чрез губернский город летел отроившийся рой мужиков и осыпал всю базарную площадь. Сейчас эту благодать собрали, посадили в плетушку и послали в уезд.

Е. М. Рачёв.

**Иллюстрация к сказке
М. Е. Салтыкова-Щедрина
«Дикий помещик». 1957**

И вдруг опять запахло в том уезде мякиной и овчинами; но в то же время на базаре появились и мука, и мясо, и живность всякая, а податей в один день поступило столько, что казначей, увидав такую грудку денег, только всплеснул руками от удивления и вскрикнул:

— И откуда вы, шельмы, берёте!!

«Что же сделалось, однако, с помещиком?» — спросят меня читатели. На это я могу сказать, что хотя и с большим трудом, но и его изловили. Изловивши, сейчас же высморкали, вымыли и обстригли ногти. Затем капитан-исправник сделал ему надлежащее внушение, отобрал газету «Весть» и, поручив его надзору Сеньки, уехал.

Он жив и доньше. Раскладывает гранпасьянс, тоскует по прежней своей жизни в лесах, умывается лишь по принуждению и по временам мычит.

(1869)

Премудрый пискарь¹

Жил-был пискарь. И отец и мать у него были умные; помаленьку, да полегоньку аридовы веки² в реке прожили и ни в уху, ни к щуке в хайло не попали. И сыну то же заказали. «Смотри, сынок,— говорил старый пискарь, умирая,— коли хочешь жизнью жуировать³, так гляди в оба!»

А у молодого пискаря ума палата была. Начал он этим умом раскидывать и видит: куда ни обернётся — везде ему мат. Кругом, в воде, всё большие рыбы плавают, а он всех меньше; всякая рыба его заглотать может, а он никого заглотать не может. Да и не понимает: зачем глотать? Рак может его клешней пополам перерезать, водяная блоха — в хребет впиться и до смерти замучить. Даже свой брат пискарь — и тот, как увидит, что он комара изловил, целым стадом так и бросятся отнимать. Отнимут и начнут друг с дружкой драться, только комара задаром растреплют.

А человек? — что это за ехидное создание такое! каких каверз он ни выдумал, чтоб его, пискаря, напрасною смертью погублять! И невода, и сети, и верши, и норота, и, наконец... уду! Кажется, что может быть глупее уды? — Нитка, на нитке крючок, на крючке — червяк или муха надеты... Да и надеты-то как?.. в самом, можно сказать, неестественном положении! А между тем именно на уду всего больше пискарь и ловится!

¹ Орфография времени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

² *Аридовы веки* — долгие годы.

³ *Жуировать* — забавляться, жизнь прожигать.

Отец-старик не раз его насчёт уды предостерегал. «Пуще всего берегись уды! — говорил он, — потому что хоть и глупейший это снаряд, да ведь с нами, пискарями, что глупее, то вернее. Бросят нам муху, словно нас же приголубить хотят; ты в неё вцепишься — ан в мухе-то смерть!»

Рассказывал также старик, как однажды он чуть-чуть в уху не угодил. Ловили их в ту пору целою артелью, во всю ширину реки невод растянули, да так версты с две по дну волоком и волокли. Страсть, сколько рыбы тогда попало! И щуки, и окуни, и головли, и плотва, и гольцы, — даже лещей-лежебоков из тины со дна поднимали! А пискарям так и счёт потеряли. И каких страхов он, старый пискарь, натерпелся, покуда его по реке волокли, — это ни в сказке сказать, ни пером описать. Чувствует, что его везут, а куда — не знает. Видит, что у него с одного боку — щука, с другого — окунь; думает: вот-вот, сейчас, или та, или другой его съедят, а они — не трогают... «В ту пору не до еды, брат, было!» У всех одно на уме: смерть пришла! а как и почему она пришла — никто не понимает. Наконец стали крылья у невода сводить, выволокли его на берег и начали рыбу из мотни в траву валить. Тут-то он и узнал, что такое уха. Трепещется на песке что-то красное; серые облака от него вверх бегут; а жарко таково, что он сразу разомлел. И без того без воды тошно, а тут ещё поддают... Слышит — «костёр», говорят. А на «костре» на этом чёрное что-то положено, и в нём вода, точно в озере, во время бури, ходуном ходит. Это — «котёл», говорят. А под конец стали говорить: вали в «котёл» рыбу — будет «уха»! И начали туда нашего брата валить. Шваркнет рыбак рыбинку — та сначала окунётся, потом, как полоумная, выскочит, потом опять окунётся — и присмирится. «Ухи», значит, отведала. Валили-валили сначала без разбора, а потом один старичок глянул на него и говорит: «Какой от него, от малыша, прок для уха! пуцай в реке порастёт!». Взял его под жабры, да и пустил в вольную воду. А он, не будь глуп, во все лопатки — домой! Прибежал, а пискариха его из норы ни жива ни мертва выглядывает...

И что же! сколько ни толковал старик в ту пору, что такое уха и в чём она заключается, однако и поднесь в реке редко кто здравые понятия об ухе имеет!

Но он, пискарь-сын, отлично запомнил поучения пискаря-отца, да и на ус себе намотал. Был он пискарь просвещённый, умеренно-либеральный, и очень твёрдо понимал, что жизнь прожить — не то, что мутовку облизать. «Надо так прожить, чтоб никто не заметил, — сказал он себе, — а не то как раз пропадёшь!» — и стал

устраиваться. Первым делом нору для себя такую придумал, чтоб ему забраться в нее было можно, а никому другому — не влезть! Долбил он носом эту нору целый год, и сколько страху в это время принял, ночуя то в иле, то под водяным лопухом, то в осоке. Наконец, однако, выдолбил на славу. Чисто, аккуратно — именно только одному поместиться впору. Вторым делом, насчёт жития своего решил так: ночью, когда люди, звери, птицы и рыбы спят — он будет моцион делать, а днём — станет в норе сидеть и дрожать. Но так как пить-есть всё-таки нужно, а жалованья он не получает и прислуги не держит, то будет он выбегать из норы около полдён, когда вся рыба уж сыта, и, Бог даст, может быть, козявку-другую и промыслит. А ежели не промыслит, так и голодный в норе заляжет и будет опять дрожать. Ибо лучше не есть, не пить, нежели с сытым желудком жизни лишиться.

Так он и поступал. Ночью моцион делал, в лунном свете купался, а днём забирался в нору и дрожал. Только в полдни выбежит кой-чего похватать — да что в полдень промыслишь! В это время и комар под лист от жары прячется, и букашка под кору хоронится. Поглощает воды — и шабаш!

Кадр из мультипликационного фильма «Премудрый пескарь», 1979 (реж. В. А. Караваев, худ. С. А. Алимов, Г. В. Аркадьев)

Лежит он день-деньской в норе, ночей не досыпает, куска не доедает, и всё-то думает: «Кажется, что я жив? ах, что-то завтра будет?».

Задремлет, грешным делом, а во сне ему снится, что у него выигрышный билет и он на него двести тысяч выиграл. Не помня себя от восторга, перевернётся на другой бок — глядь, ан у него целых полрыла из норы высунулось... Что, если б в это время щурёнок поблизости был! ведь он бы его из норы-то вытащил!

Однажды проснулся он и видит: прямо против его норы стоит рак. Стоит неподвижно, словно околованный, вытаращив на него костяные глаза. Только усы по течению воды пошевеливаются. Вот когда он страху набрался! И целых полдня, покуда совсем не стемнело, этот рак его поджидал, а он тем временем всё дрожал, всё дрожал.

В другой раз, только что успел он перед зорькой в нору воротиться, только что сладко зевнул, в предвкушении сна, — глядит,

откуда ни возьмись, у самой норы щука стоит и зубами хлопает. И тоже целый день его стерегла, словно видом его одним сыта была. А он и щуку надул: не вышел из норы, да и шабаш.

И не раз, и не два это с ним случилось, а почесть что каждый день. И каждый день он, дрожа, победы и одоления одерживал, каждый день восклицал: «Слава Тебе, Господи! жив!».

Но этого мало: он не женился и детей не имел, хотя у отца его была большая семья. Он рассуждал так: «Отцу шутя можно было прожить! В то время и щуки были добрее, и окуни на нас, мелюзгу, не зарились. А хотя однажды он и попал было в уху, так и тут нашёлся старичок, который его вызволил! А нынче, как рыба-то в реках повывелась, и пискари в честь попали. Так уж тут не до семьи, а как бы только самому прожить!».

И прожил премудрый пискарь таким родом с лишком сто лет. Всё дрожал, всё дрожал. Ни друзей у него, ни родных; ни он к кому, ни к нему кто. В карты не играет, вина не пьёт, табак не курит, за красными девушками не гоняется — только дрожит да одну думу думает: «Слава Богу! кажется, жив!».

Даже щуки, под конец, и те стали его хвалить: «Вот, кабы все так жили — то-то бы в реке тихо было!». Да только они это нарочно говорили; думали, что он на похвалу-то отрекомендуется — вот, мол, я! тут его и хлоп! Но он и на эту штуку не поддался, а ещё раз своею мудростью козни врагов победил.

Сколько прошло годов после ста лет — неизвестно, только стал премудрый пискарь помирать. Лежит в норе и думает: «Слава Богу, я своею смертью помираю, так же, как умерли мать и отец». И вспомнились ему тут щучьи слова: «Вот, кабы все так жили, как этот премудрый пискарь живёт...». А ну-тка, в самом деле, что бы тогда было?

Стал он раскидывать умом, которого у него была палата, и вдруг ему словно кто шепнул: «Ведь этак, пожалуй, весь пискарий род давно перевёлся бы!».

Потому что для продолжения пискарьего рода прежде всего нужна семья, а у него её нет. Но этого мало: для того, чтоб пискарья семья укреплялась и процветала, чтоб члены её были здоровы и бодры, нужно, чтоб они воспитывались в родной стихии, а не в норе, где он почти ослеп от вечных сумерек. Необходимо, чтоб пискари достаточное питание получали, чтоб не чуждались обществу, друг с другом хлеб-соль бы водили и друг от друга добродетелями и другими отличными качествами заимствовались. Ибо только такая жизнь может совершенствовать пискарью породу и не дозволит ей измельчать и вырождаться в сметка.

Неправильно полагают те, кои думают, что лишь те пискари могут считаться достойными гражданами, кои, обезумев от страха, сидят в норах и дрожат. Нет, это не граждане, а по меньшей мере бесполезные пискари. Никому от них ни тепло, ни холодно,

Кадр из мультипликационного фильма «Премудрый пескарь», 1979 (реж. В. А. Караваев, худ. С. А. Алимов, Г. В. Аркадьев)

никому ни чести, ни бесчестия, ни славы, ни бесславия... живут, даром место занимают да корм едят.

Всё это представилось до того отчётливо и ясно, что вдруг ему страстная охота пришла: «Вылезу-ка я из норы да гоголем по всей реке проплыву!». Но едва он подумал об этом, как опять испугался. И начал, дрожа, помирать. Жил — дрожал, и умирал — дрожал.

Вся жизнь мгновенно перед ним пронеслась. Какие были у него радости? кого он утешил? кому добрый совет подал? кому доброе слово сказал? кого приютил, обогрел, защитил? кто слышал об нём? кто об его существовании вспомнит?

И на все эти вопросы ему пришлось отвечать: «Никому, никто».

Он жил и дрожал — только и всего. Даже вот теперь: смерть у него на носу, а он всё дрожит, сам не знает, из-за чего. В норе у него темно, тесно, повернуться негде; ни солнечный луч туда не заглянет, ни теплом не пахнет. И он лежит в этой сырой мгле, незрячий, измождённый, никому не нужный, лежит и ждёт: когда же наконец голодная смерть окончательно освободит его от бесполезного существования?

Слышно ему, как мимо его норы шмыгают другие рыбы — может быть, как и он, пискари — и ни одна не поинтересуется им. Ни одной на мысль не придёт: дай-ка, спрошу я у премудрого пискаря, каким он манером умудрился с лишком сто лет прожить, и ни щука его не заглотала, ни рак клешней не перешиб, ни рыболов на удю не поймал? Плывут себе мимо, а может быть, и не знают, что вот в этой норе премудрый пискарь свой жизненный процесс завершает!

И что всего обиднее: не слышать даже, чтоб кто-нибудь премудрым его называл. Просто говорят: «Слыхали вы про остолопа, который не ест, не пьёт, никого не видит, ни с кем хлеба-соли не водит, а всё только распостылую свою жизнь бережёт?».

А многие даже просто дураком и срамцом его называют и удивляются, как таких идиолов вода терпит.

Раскидывал он таким образом своим умом и дремал. То есть, не то что дремал, а забываться уж стал. Раздались в его ушах предсмертные шёпоты, разлилась по всему телу истома. И привиделся ему тут прежний соблазнительный сон. Выиграл будто бы он двести тысяч, вырос на целых пол-аршина и сам щук глотает.

А покуда ему это снилось, рыло его, помаленьку да полегоньку, целиком из норы и высунулось.

И вдруг он исчез. Что тут случилось — щука ли его заглотала, рак ли клешней перешиб, или сам он своею смертью умер и всплыл на поверхность — свидетелей этому делу не было. Скорее всего — сам умер, потому что какая сласть щуке глотать хворого, умирающего пискаря, да к тому же ещё и премудрого?

(1883)

Обдумываем прочитанное, делимся впечатлениями

1. Вы помните, что, создавая свои сказки, М. Е. Салтыков-Щедрин говорил с читателем не открыто, а намёками, как будто предлагал ему занимательную интеллектуальную игру — отгадать загадку: о чём его сказка? Но ведь такова и народная сказка: в ней обязательно содержится намёк, скрытый за простодушной формой. И конечно, этот намёк, как сказал великий Пушкин, — «добрым молодцам урок». Какие же уроки можно извлечь из сказок «Дикий помещик» и «Премудрый пискарь»?
2. Поделитесь впечатлениями от прочитанных сказок М. Е. Салтыкова-Щедрина; расскажите, что понравилось, что не понравилось, что вы хорошо поняли, а что осталось неясным.
3. Найдите в тексте прочитанных сказок слова и фразы, которые могли бы стать или стали крылатыми, выпишите их в тетради; по одной из фраз составьте небольшое устное высказывание, предложите его для обсуждения в классе.

Поразмышляем и поговорим о прочитанном

1. В сказке «Дикий помещик» отразились настроения многих помещиков накануне отмены крепостного права, когда они стремились избавиться от непокорных крестьян, «будущих смутителей», сдавая их в рекруты, переселяя в Сибирь. Учитывая это, проанализируйте сказку, отвечая на вопросы и выполняя следующие задания.

- Что стало причиной возникшего у помещика недовольства своими мужиками?
 - Дайте характеристику помещика, обратив внимание на его имя, отметьте его необычность.
 - Через какие жизненные этапы проводит своего героя Салтыков-Щедрин, чтобы выявить его глупость? Кто и почему объявляет помещика глупым? О чём это говорит?
 - Зачитайте эпизод «одичания» помещика, обратите внимание на его внешность, поведение. Какой сатирический приём использован в описании одичания помещика?
 - Почему власти так обеспокоились поведением «дикого помещика»? Чем навредило государству исчезновение мужиков?
 - Что изменилось в уезде с возвращением мужиков? Какова главная мысль автора относительно роли в обществе и государстве крестьян?
 - Какие мысли, выраженные в сказке «Дикий помещик», актуальны сегодня?
2. Сказку «Премудрый пискарь» называют сказкой нравов современной М. Е. Салтыкову-Щедрину мещанской России. Выясните, отвечая на вопросы и выполняя следующие задания, действительно ли её можно назвать сказкой нравов.
- М. Е. Салтыков-Щедрин вспоминал о своём детстве: «Я видел глаза, которые ничего не могут выразить, кроме испуга. Я слышал вопли, которые раздирали сердце. В царстве испуга, физического страдания и желудочного деспотизма нет ни одной подробности, которая бы минула меня, которая в своё время не причинила бы мне боль». Как это отразилось на выборе писателем героем сказки пескаря — мелкой пресноводной рыбёшки? Случаен или закономерен его выбор?
 - История жизни премудрого пескаря составляет сюжет сказки; перескажите его, выделите отдельные элементы. Определите, какие события в жизни пескаря прямо намекают на современность.
 - Подчёркивая связь сказки с действительностью, М. Е. Салтыков-Щедрин соединяет элементы фольклорной речи и современные ему понятия. Найдите примеры для доказательств (например: «ума палата была» — фольклор, «пескарь просвещённый, умеренно-либеральный» — современное понятие).
 - Как автор изображает пескаря? В какие моменты и с какой целью «рыбье» в пескаре становится «человечьим»? Зачем автор смешивает сказочное и реальное в изображении героя?

- Художник А. М. Каневский, делавший иллюстрации к сказке «Премудрый пискарь», вспоминал: «...Всякому понятно, что Щедрин говорит не о рыбе. Пескарь — трусливый обыватель¹, дрожащий за собственную шкуру. Он человек, но и пескарь, в эту форму облёк его писатель, и я, художник, должен её сохранить. Задача моя — сочетать образ запуганного обывателя и пескаря, совместить рыбы и человеческие свойства. Очень трудно “осмыслить” рыбу, дать ей позу, движение, жест. Как отобразить на рыбьем “лице” навеки застывший страх? Фигурка пескаря-чиновника доставила мне немало хлопот...».

А. М. Каневский
Иллюстрация к сказке
М. Е. Салтыкова-Щедрина
«Премудрый пискарь»

Почему художник избрал для изображения пескаря образ чиновника? Как это подчёркивает значение обывательщины?

- К какой формуле сводится вся жизнь пескаря? Какая жизненная программа раскрывается в вопросах, возникающих в его уме перед смертью?
 - Какие же нравственные и философские проблемы поставил в сказке «Премудрый пискарь» автор? В чём смысл и назначение человеческой жизни? К каким идеалам человек должен стремиться?
3. Обратитесь к статье «Об особенностях “Сказок для детей изрядного возраста”» и определите, в каких прочитанных сказках писатель использует гротеск. Приведите примеры.
 4. Прочитайте самостоятельно сказки «Медведь на воеводстве», «Пропала совесть», «Либерал», подготовьте презентацию одной из них на выбор в форме, которая вас больше привлекает.

Работаем творчески

- ◆ Подготовьте устное высказывание, продолжив начатое предложение.

¹ *Обыватель* — здесь: тот, кто лишён общественного кругозора, отличается косными мещанскими взглядами, живёт мелкими личными интересами.

- «Если бы я мог (могла) поговорить с диким помещиком, я бы ему сказал (сказала), что...»
 - «Если бы у меня была возможность поговорить с крестьянами из сказки «Дикий помещик», я бы им посоветовал (посоветовала) ...»
 - «Если бы я был журналистом и собирался взять интервью у премудрого пескаря, я бы поговорил с ним о...»
 - «Если бы я фантастическим образом встретил (встретила) Салтыкова-Щедрина, я бы поблагодарил (поблагодарила) его за...»
- ◆ Напишите сочинение-эссе на одну из тем:
- «Герои (герой) сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина ... (на выбор)»;
 - «Смешное и горькое в сказке М. Е. Салтыкова-Щедрина ... (на выбор)».

Обращаемся к интернету

Сайты, посвящённые М. Е. Салтыкову-Щедрину

- <http://www.saltykov.net.ru/> (Сайт «Салтыков-Щедрин. Знаменитый русский писатель»)
- <http://school.xvatit.com/> (Сайт «Гипермаркет Знаний»)
- <http://hobbitaniya.ru/shedrin/> (Сайт «Хранители сказок / Соборание авторских и народных сказок»)

Взаимодействие искусств

Театр. Сказки Салтыкова-Щедрина в исполнении Е. Я. Весника.

Мультипликация. Мультфильмы «Премудрый пескарь» (реж. В. А. Караваев, СССР, 1979), «Как один мужик двух генералов прокормил» (реж. И. П. Иванов-Вано, В. П. Данилевич, СССР, 1965).

Бросим мышку, возьмём книжку

- ◆ Прочитайте книги, рекомендованные для внеклассного и семейного чтения, оформите дневник читателя.
- М. Е. Салтыков-Щедрин «Медведь на воеводстве», «Пропала совесть», «Либерал», «Коняга», «Как один мужик двух генералов прокормил», «Соседи», «Самоотверженный заяц», «Карась-идеалист», «Вяленая вобла», «Кисель».

Лев Николаевич Толстой 1828–1910

«Духовно живой человек»¹

Даже среди великих своих современников Лев Толстой выделялся могучей силой влияния на духовную жизнь человечества. Поистине безграничной была власть слова художника, его страстная мысль гуманиста.

О. Т. Гончар

**Н. Н. Ге. Портрет
Л. Н. Толстого. 1884**

Вселенский мудрец, великий мыслитель, по праву занявший одно из первых мест на олимпе писателей-классиков и ставший легендой ещё при жизни, — это знаменитый Лев Николаевич Толстой. К его голосу прислушивались, его суда боялись и гордились тем, что живут в одно время с таким титаном духа.

«Здание, выстроенное Толстым, огромно», — писал о творчестве Л. Н. Толстого В. В. Розанов². Такой же огромной и невероятно сложной оказалась и жизнь Толстого, жизнь, по существу до сих пор неразгаданная. Толстой не укладывается ни в какие определённые рамки. Кто он? Писатель-художник? Пророк новой религии? Борец с неправдами жизни? Педагог? Спортсмен? Сельский хозяин? Образцовый семьянин? Да, всё это о нём, но не в отдельности, а вместе и, кроме того, ещё много, много другого вмещает в себя безграничная личность этого неповторимого человека.

«Талант даётся не для щегольства, не для забавы. Надо смотреть, как в колодец, в глубину жизни. Без этого нельзя писать». Подтверждением этих слов стала вся долгая, сложная и красивая жизнь Толстого, прожитая в атмосфере постоянных нравственных

¹ Понятие «духовно живой человек» пришло из Священного Писания и означает человека, готового постоянно преображать себя и мир добрыми делами, желающего смиренно служить другим, а не превозносить себя.

² В. В. Розанов (1856–1919) — русский религиозный философ, литературный критик и публицист.

исканий, исканий добра, справедливости, и всё его творчество было неуёмным поиском идеала совершенного человека и человеческого бытия.

Лев Николаевич Толстой принадлежал к богатому и знатному роду, занимавшему высокое положение ещё во времена царя Петра I, получил титул графа по наследству от отца Николая Ильича Толстого. Родился он 9 сентября 1828 года в имении матери, княгини Марии Николаевны Волконской, — в Ясной Поляне Тульской губернии.

После смерти родителей в 1847 году между четырьмя братьями Толстыми был произведён раздел владений. По существовавшей тогда традиции Льву Толстому, как младшему из братьев, досталось родовое имение — Ясная Поляна, где он прожил более полувека. Здесь писатель создал около 200 произведений — все свои основные романы, множество повестей и рассказов, драмы, яркую публицистику, философские трактаты¹.

Здесь он открыл школу для крестьянских детей, в которой учил грамоте, преподавал математику и историю, проводил физические эксперименты. Лев Николаевич написал и опубликовал несколько выпусков оригинальной «Азбуки». По этой книге учились читать яснополянские дети; рассказы из неё помогали им понять окружающий мир, красоту русского языка, раскрывали радости и печали людей.

Фото «Шерера, Набгольца и К°».
Л. Н. Толстой с семьёй за чайным столом в парке. Ясная Поляна. 1892

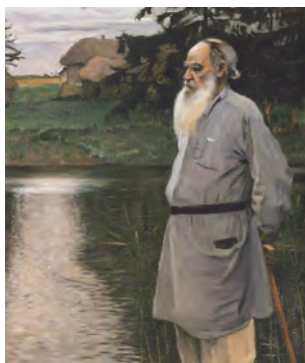
Дом-музей Л. Н. Толстого.
Ясная Поляна

Главные занятия Толстого в Ясной Поляне — литературный труд, сельское хозяйство и воспитание детей. В своём имении Толстой насадил сто восемьдесят гектаров леса. Лев Николаевич любил физические упражнения и занимался гимнастикой до последнего года своей жизни. Шестидесяти семи

¹ *Трактат* — здесь: научное сочинение, в котором рассматривается отдельный вопрос или проблема; рассуждение на специальную тему.

лет от роду Толстой научился кататься на велосипеде, катался на коньках, даже когда ему было уже семьдесят лет. Много ходил пешком, превосходно ездил верхом, отлично плавал.

В Ясной Поляне всё напоминает и о быте писателя, и о семейной жизни Толстого — отца 13 детей, и о творческих взлётах мастера, и о его мучительных духовных исканиях, глубоких размышлениях о смысле жизни, о смерти, добре и зле. После пятидесяти лет у него появилось осознание нравственной незаполненности своего положения помещика среди нищеты окружающих его крестьян. Толстой призывал людей к собственному духовному совершенствованию, к борьбе со своими недостатками, к пониманию моральной ответственности за все свои поступки.

М. В. Нестеров. Портрет Л. Н. Толстого. 1907

С детства Лев Николаевич верил в легенду, что где-то в Старом Заказе¹ спрятана зелёная палочка, на которой написано, как сделать людей счастливыми. Легенду эту Толстой услышал от своего любимого старшего брата Николая. Чтобы сделать всех людей счастливыми, чтобы не было войн и болезней, никто не умирал, а все люди стали «муравейными братьями», нужно только найти зелёную палочку, зарытую на краю оврага, на которой написана отгадка тайны. До конца своих дней писатель служил этой великой цели — помогать людям освобождаться от всяческого зла и жить праведно и счастливо.

Вера в возможность раскрыть тайну «муравьиного братства» не покинула его и на склоне лет. И не случайно в последние годы жизни писатель просил похоронить его в том месте, где была зарыта «зелёная палочка». Воля великого художника была исполнена. 9 ноября 1910 года Л. Н. Толстой был похоронен на краю оврага в лесу Старого Заказа.

Молодым людям, только отправляющимся в жизненную дорогу, стоит запомнить мудрые слова великого знатока человеческой души Л. Н. Толстого: «Верьте только голосу сердца... Верьте себе и напрягайте свои силы на одно: на проявление в себе любви, любви беззаветной и безоглядной, и вы сделаете всё, что вы можете сделать и для своего блага, и для блага всего мира».

¹ *Старый Заказ* — название леса, расположенного в пятистах метрах от дома Толстых в их имении Ясная Поляна (Тульская область, Россия).

Вопросы и задания

1. Раскройте смысл понятия «духовно живой человек». Докажите, что это понятие действительно определяет сущность личности Льва Николаевича Толстого.
2. Самостоятельно узнайте больше о школе Толстого в Ясной Поляне и его педагогической деятельности. Расскажите, хотели ли бы вы учиться в такой школе, у такого учителя, обоснуйте своё мнение.
3. Какие мысли посетили вас, когда вы узнали семейную легенду Толстых о зелёной палочке? Чем эта легенда обогатила ваш духовный мир?
4. Поделитесь своими впечатлениями о личности великого писателя и мыслителя Л. Н. Толстого с одноклассниками. Расспросите их о том, что больше всего поразило их в жизни писателя.
5. Стоит ли вам, находящимся в начале своего жизненного пути, следовать мудрым словам Л. Н. Толстого о вере в себя, о необходимости прислушиваться к голосу своего сердца, о проявлении беззаветной любви? Напишите небольшое сочинение-рассуждение (или эссе) на основе этих слов.

Узнаем о тайнах художественного слова

О творческой истории рассказа «После бала» и его художественных особенностях

Рассказ «После бала» написан Л. Н. Толстым в начале XX века, в 1903 году, но произведение возвращает читателей к 40-м годам XIX века, к так называемой николаевской эпохе, то есть ко времени правления царя Николая I.

В основе сюжета лежит реальная история, произошедшая со старшим братом Толстого — Сергеем Николаевичем и рассказанная им Льву Николаевичу.

Однако ещё в 1886 году в статье «Николай Палкин» Толстой описывал сцену экзекуции¹ солдата.

Есть также основание думать, что ещё одним источником рассказа была и жизнь отца Толстого. Участник Отечественной войны 1812 года, он вышел в отставку, потому что не считал для себя возможным служить. Да и все его друзья были люди такие же свободные, не служащие.

¹ *Экзекуция* — телесное наказание.

На заметку

Удары шпицрутенами солдатам назначались за ошибки и нерадивость на строевых учениях, за неопрятность и неаккуратность форменной одежды (от 100 ударов), за пьянство (300–500 ударов), за воровство у товарищей (500 ударов), за побеги (первый побег — 1500 ударов, второй — 2500–3000, третий — 4000–5000 ударов).

Сам писатель — участник Крымской войны, яростно отстаивал всю свою жизнь мысль о милосердии и сострадании, особенно по отношению к простому солдату. Ещё в 1855 году он работал над проектом о реформировании армии, где выступал против варварского наказания — «прогнания сквозь строй»¹.

Л. Н. Толстой в этом рассказе восстанавливает прошлое с целью показать те его ужасы, которые живут и в настоящем. Здесь слышна переключка двух эпох: той, которую непосредственно изобличает Толстой (время Николая I), и той, которая, присутствуя незримо, современна автору и даёт ему возможность поставить актуальные философские, нравственные и социальные вопросы.

Таким образом, писатель говорит, что прошлое с его социальным неравенством, несправедливостью, жестокостью, бесчеловечностью всё ещё держит общество в цепких объятиях и что настоятельно необходимо обновление жизни.

Сюжет рассказа «После бала» не сложен: молодой человек охладел к любимой девушке после того, как увидел её отца, полковника, распоряжающимся жестоким наказанием солдата. Но вот композиция рассказа имеет свои особенности.

Здесь два рассказчика: тот, кто знакомит читателя с главным героем Иваном Васильевичем, и сам Иван Васильевич — пожилой человек, вспоминающий прошлое, событие, которое перевернуло его жизнь. Таким образом, форма произведения — это по существу рассказ в рассказе.

Кроме того, в рассказе противопоставляются два эпизода: бал у губернского предводителя дворянства и наказание солдата. Писатель использует художественный приём контраста, позволяющий наиболее ярко представить переживания героя и раскрыть основную идею произведения. Реальная действительность только внешне

¹ *Прогнание сквозь строй* — вид телесного наказания в царской России, заключающийся в том, что осуждённого заставляли проходить сквозь строй из 100–800 солдат, которые шпицрутенами (прутьями) били осуждённого по спине.

благополучна и празднична, а на самом деле она жестока и уродлива, ставит личность в трудное положение нравственного выбора.

Обратимся к виртуальному словарю

Контраст — резко очерченная противоположность в чём-либо: чертах характера, качестве предметов или явлений; художественный приём, лежащий в основе композиции рассказа.

Контрастное построение — один из видов композиции, основанный на контрасте.

Толстой использует приём контраста и при создании образов рассказа. Такой художественный приём называется антитезой, и он тоже играет определяющую роль в рассказе «После бала». В нём противопоставлены чувства, выводы и характеры.

Обратимся к виртуальному словарю

Антитеза (греч. *antithesis* — противоположность) — противопоставление конкретных понятий, положений, образов.

Вопросы и задания

1. Что послужило основой для создания Л. Н. Толстым рассказа «После бала»? Что из этих реальных событий поразило вас больше всего? Расскажите почему.
2. В чём особенность сюжета и композиции рассказа Л. Н. Толстого «После бала»?
3. Приведите примеры изученных произведений, в которых используются контраст и антитеза.

Пришло время читать

После бала (В сокращении)

Рассказ

— Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно, что всё дело в среде, что среда заедает. А я думаю, что всё дело в случае. Я вот про себя скажу.

Так заговорил всеми уважаемый Иван Васильевич после разговора, шедшего между нами, о том, что для личного

совершенствования необходимо прежде изменить условия, среди которых живут люди. Никто, собственно, не говорил, что нельзя самому понять, что хорошо, что дурно, но у Ивана Васильевича была такая манера отвечать на свои собственные, возникающие вследствие разговора мысли и по случаю этих мыслей рассказывать эпизоды из своей жизни. Часто он совершенно забывал повод, по которому он рассказывал, увлекаясь рассказом, тем более что рассказывал он очень искренно и правдиво.

Так он сделал и теперь.

— Я про себя скажу. Вся моя жизнь сложилась так, а не иначе, не от среды, а совсем от другого.

— От чего же? — спросили мы.

— Да это длинная история. Чтобы понять, надо много рассказывать.

— Вот вы и расскажите.

Иван Васильевич задумался, покачал головой.

— Да,— сказал он.— Вся жизнь переменялась от одной ночи, или скорее утра.

— Да что же было?

— А было то, что был я сильно влюблён. Влюблялся я много раз, но это была самая моя сильная любовь. Дело прошлое; у неё уже дочери замужем. Это была Б..., да, Варенька Б...,— Иван Васильевич назвал фамилию.— Она и в пятьдесят лет была замечательная красавица. Но в молодости, восемнадцати лет, была прелестна: высокая, стройная, грациозная и величественная, именно величественная. Держалась она всегда необыкновенно прямо, как будто не могла иначе, откинув немного назад голову, и это давало ей, с её красотой и высоким ростом, несмотря на её худобу, даже костлявость, какой-то царственный вид, который отпугивал бы от неё, если бы не ласковая, всегда весёлая улыбка и рта, и прелестных, блестящих глаз, и всего её милого, молодого существа.

— Каково Иван Васильевич расписывает.

— Да как ни расписывай, расписать нельзя так, чтобы вы поняли, какая она была. Но не в том дело: то, что я хочу рассказать, было в сороковых годах. Был я в то время студентом в провинциальном университете. Не знаю, хорошо ли это или дурно, но не было у нас в то время в нашем университете никаких кружков, никаких теорий, а были мы просто молоды и жили, как свойственно молодости: учились и веселились. Был я очень весёлый и бойкий малый, да ещё и богатый. Был у меня иноходец¹ лихой, катал

¹ *Иноходец* — лошадь, которая бежит иноходью — сначала выносит обе правые, затем обе левые ноги.

ся с гор с барышнями (коньки ещё не были в моде), кутил с то-варищами (в то время мы ничего, кроме шампанского, не пили; не было денег — ничего не пили, но не пили, как теперь, водку). Главное же моё удовольствие составляли вечера и балы. Танцевал я хорошо и был не безобразен.

— Ну, нечего скромничать, — перебила его одна из собеседниц. — Мы ведь знаем ваш ещё дагеротипный¹ портрет. Не то что не безобразен, а вы были красавец.

— Красавец так красавец, да не в том дело. А дело в том, что во время этой моей самой сильной любви к ней был я в последний день масленицы на бале у губернского предводителя, добродушного старичка, богача-хлебосола и камергера². Принимала такая же добродушная, как и он, жена его в бархатном пюсовом³ платье, в брильянтовой фероньерке⁴ на голове и с открытыми старыми, пухлыми, белыми плечами и грудью, как портреты Елизаветы Петровны. Бал был чудесный: зала прекрасная, с хорами⁵, музыканты — знаменитые в то время крепостные помещика-любителя, буфет великолепный и разливанное море шампанского. Хоть я и охотник был до шампанского, но не пил, потому что без вина был пьян любовью, но зато танцевал до упаду — танцевал и кадрили, и вальсы, и польки, разумеется, насколько возможно было, всё с Варенькой. Она была в белом платье с розовым поясом и в белых лайковых перчатках, немного не доходивших до худых, острых локтей, и в белых атласных башмачках. <...>

По закону, так сказать, мазурку я танцевал не с нею, но в действительности танцевал я почти всё время с ней. Она, не смущаясь, через всю залу шла прямо ко мне, и я вскакивал, не дожидаясь приглашения, и она улыбкой благодарила меня за мою догадливость. Когда нас подводили к ней и она не угадывала моего качества⁶, она, подавая руку не мне, пожимала худыми плечами и, в знак сожаления и утешения, улыбалась мне. Когда делали фигуры мазурки вальсом, я подолгу вальсировал с нею, и она, часто

¹ *Дагеротипный* — от дагеротип — старинная фотография на металлической пластине.

² *Камергёр* — почётное придворное звание.

³ *Пюсовый* (устар.) — тёмно-коричневый.

⁴ *Фероньерка* — женское украшение с драгоценными камнями, надеваемое на лоб.

⁵ *Хоры* — открытая галерея, балкон в верхней части зала.

⁶ *Качество* — двое молодых людей задумывали названия предметов или разные качества характера (гордость, нежность и т. п.), а девушка должна была отгадать задуманное; тот, качество которого было угадано, становился в пару; так же избирали себе дам кавалеры.

дыша, улыбалась и говорила мне: «Encore»¹. И я вальсировал ещё и ещё и не чувствовал своего тела <...>

— Смотрите, папа просят танцевать, — сказала она мне, указывая на высокую статную фигуру её отца, полковника с серебряными эполетами², стоявшего в дверях с хозяйкой и другими дамами.

Отец Вареньки был очень красивый, статный, высокий и свежий старик. Лицо у него было очень румяное, с белыми а la Nicolas I³ подвитыми усами, белыми же, подведёнными к усам бакенбардами и с зачёсанными вперёд височками, и та же ласковая, радостная улыбка, как и у дочери, была в его блестящих глазах и губах. Сложён он был прекрасно, с широкой, небогато украшенной орденами, выпячивающейся по-военному грудью, с сильными плечами и длинными стройными ногами. Он был воинский начальник типа старого служаки николаевской выправки.

Когда мы подошли к дверям, полковник отказывался, говоря, что он разучился танцевать, но всё-таки, улыбаясь, закинув на левую сторону руку, вынул шпагу из португепи, отдал её услужливому молодому человеку и, натянув замшевую перчатку на правую руку, — «надо всё по закону», — улыбаясь, сказал он, взял руку дочери и стал в четверть оборота, выжидая такт.

Дождавшись начала мазурочного мотива, он бойко топнул одной ногой, выкинул другую, и высокая, грузная фигура его то тихо и плавно, то шумно и бурно, с топотом подошв и ноги об ногу, задвигалась вокруг зала. Грациозная фигура Вареньки плыла около него, незаметно, вовремя укорачивая или удлиняя шаги своих маленьких белых атласных ножек. Вся зала следила за каждым движением пары. Я же не только любовался, но с восторженным умилением смотрел на них. Особенно умилили меня его сапоги, обтянутые штрипками⁴, — хорошие опойковые⁵ сапо-

И. И. Пчёлко. На балу

¹ *Encore* (фр.) — ещё.

² *Эполеты* — парадные офицерские погоны.

³ *À la Nicolas I* (фр.) — как у царя Николая I.

⁴ *Штрипка* — тесьма, пришитая к концу брюк и охватывающая ступню под башмаком.

⁵ *Опойковые сапоги* — от *опойка* — тонкой кожи, выделанной из шкуры молодых телят.

ги, но не модные, с острыми, а старинные, с четверугольными носками и без каблучков. Очевидно, сапоги были построены батальонным сапожником. «Чтобы вывозить и одевать любимую дочь, он не покупает модных сапог, а носит домодельные», — думал я, и эти четверугольные носки сапог особенно умиляли меня. Видно было, что он когда-то танцевал прекрасно, но теперь был грузен, и ноги уже не были достаточно упруги для всех тех красивых и быстрых па, которые он старался выделять. Но он всё-таки ловко прошёл два круга. Когда же он, быстро расставив ноги, опять соединил их и, хотя и несколько тяжело, упал на одно колено, а она, улыбаясь и поправляя юбку, которую он зацепил, плавно прошла вокруг него, все громко зааплодировали. С некоторым усилием приподнявшись, он нежно, мило обхватил дочь руками за уши и, поцеловав в лоб, подвёл её ко мне, думая, что я танцую с ней. Я сказал, что не я её кавалер.

— Ну, всё равно, пройдитеесь теперь вы с ней, — сказал он, ласково улыбаясь и вдевая шпагу в португую.

Как бывает, что вслед за одной вылившейся из бутылки капель содержимое её выливается большими струями, так и в моей душе любовь к Вареньке освободила всю скрытую в моей душе способность любви. Я обнимал в то время весь мир своей любовью. Я любил и хозяйку в фероньерке, с её елисаветинским бюстом, и её мужа, и её гостей, и её лакеев, и даже дувшегося на меня инженера Анисимова. К отцу же её, с его домашними сапогами и ласковой, похожей на неё, улыбкой, я испытывал в то время какое-то восторженно-нежное чувство.

Когда я приехал домой, разделся и подумал о сне, я увидел, что это совершенно невозможно. <...>

Нет, я был слишком счастлив, я не мог спать. Притом мне жарко было в натопленных комнатах, и я, не снимая мундира, потихоньку вышел в переднюю, надел шинель, отворил наружную дверь и вышел на улицу.

С бала я уехал в пятом часу, пока доехал домой, посидел дома, прошло ещё часа два, так что, когда я вышел, уже было светло. Была самая масленичная погода, был туман, насыщенный водою снег таял на дорогах, и со всех крыш капало. Жили Б. тогда на конце города, подле большого поля, на одном конце которого было гулянье, а на другом — девический¹ институт. Я прошёл наш пустынный переулок и вышел на большую улицу, где стали

¹ *Девический институт* — институт благородных девиц, закрытое учебно-воспитательное учреждение для дочерей дворян.

встречаться и пешеходы, и ломовые¹ с дровами на санях, достававших полозьями до мостовой. И лошади, равномерно покачивающиеся под глянцевитыми дугами мокрыми головами, и покрытые рогожками извозчики, шлёпавшие в огромных сапогах подле возов, и дома улицы, казавшиеся в тумане очень высокими, — всё было мне особенно мило и значительно.

Когда я вышел на поле, где был их дом, я увидел в конце его, по направлению гулянья, что-то большое, чёрное и услышал доносившиеся оттуда звуки флейты и барабана. В душе у меня всё время пело и изредка слышался мотив мазурки. Но это была какая-то другая, жёсткая, нехорошая музыка.

«Что это такое?» — подумал я и по проезженной посередине поля скользкой дороге пошёл по направлению звуков. Пройдя шагов сто, я из-за тумана стал различать много чёрных людей. Очевидно, солдаты. «Верно, ученье», — подумал я и вместе с кузнецом в засаленном полушубке и фартуке, нёсшим что-то и шедшим передо мной, подошёл ближе. Солдаты в чёрных мундирах стояли двумя рядами друг против друга, держа ружья к ноге, и не двигались. Позади их стояли барабанщик и флейтчик и не переставая повторяли всё ту же неприятную, визгливую мелодию.

— Что это они делают? — спросил я у кузнеца, остановившегося рядом со мною.

— Татарина гоняют за побег, — сердито сказал кузнец, взглядывая в дальний конец рядов.

Я стал смотреть туда же и увидел среди рядов что-то страшное, приближающееся ко мне. Приближающееся ко мне был оголённый по пояс человек, привязанный к ружьям двух солдат, которые вели его. Рядом с ним шёл высокий военный в шинели и фуражке, фигура которого показалась мне знакомой.

Дёргаясь всем телом, шлёпая ногами по талому снегу, наказываемый, под сыпавшимися с обеих сторон на него ударами, подвигался ко мне, то опрокидываясь назад — и тогда унтер-офицеры, ведшие его за ружья, толкали его вперёд, то падая наперёд — и тогда унтер-офицеры, удерживая его от падения, тянули его назад. И не отставая от него, шёл твёрдой, подрагивающей

И. И. Пчёлко. Сквозь строй

¹ Ломовые — ломовые извозчики, занимавшиеся перевозкой тяжестей.

походкой высокий военный. Это был её отец, с своим румяным лицом и белыми усами и бакенбардами.

При каждом ударе наказываемый, как бы удивляясь, поворачивал сморщенное от страдания лицо в ту сторону, с которой падал удар, и, оскаливая белые зубы, повторял какие-то одни и те же слова. Только когда он был совсем близко, я слышал эти слова. Он не говорил, а всхлипывал: «Братцы, помилосердуйте. Братцы, помилосердуйте». Но братцы не милосердовали, и, когда шествие совсем поравнялось со мною, я видел, как стоявший против меня солдат решительно выступил шаг вперёд и, со свистом взмахнув палкой, сильно шлёпнул ею по спине татарина. Татарин дёрнулся вперёд, но унтер-офицеры удержали его, и такой же удар упал на него с другой стороны, и опять с этой, и опять с той. Полковник шёл подле, и, поглядывая то себе под ноги, то на наказываемого, втягивал в себя воздух, раздувая щёки, и медленно выпускал его через оттопыренную губу. Когда шествие миновало то место, где я стоял, я мельком увидел между рядов спину наказываемого. Это было что-то такое пёстрое, мокрое, красное, неестественное, что я не поверил, чтобы это было тело человека.

— О Господи, — проговорил подле меня кузнец.

Шествие стало удаляться, всё так же падали с двух сторон удары на спотыкающегося, корчившегося человека, и всё так же били барабаны и свистела флейта, и всё так же твёрдым шагом двигалась высокая, статная фигура полковника рядом с наказываемым. Вдруг полковник остановился и быстро приблизился к одному из солдат.

— Я тебе помажу, — услышал я его гневный голос. — Будешь мазать? Будешь?

И я видел, как он своей сильной рукой в замшевой перчатке бил по лицу испуганного малорослого, слабосильного солдата за то, что он недостаточно сильно опустил свою палку на красную спину татарина.

— Подать свежих шпицрутенов! — крикнул он, оглядываясь, и увидел меня. Делая вид, что он не знает меня, он, грозно и злобно нахмурившись, поспешно отвернулся. Мне было до такой степени стыдно, что, не зная, куда смотреть, как будто я был уличён в самом постыдном поступке, я опустил глаза и поторопился уйти домой. Всю дорогу в ушах у меня то била барабанная дробь и свистела флейта, то слышались слова: «Братцы, помилосердуйте», то я слышал самоуверенный, гневный голос полковника, кричащего: «Будешь мазать? Будешь?». А между тем на сердце была почти физическая, доходившая до тошноты, тоска, такая, что

я несколько раз останавливался, и мне казалось, что вот-вот меня вырвет всем тем ужасом, который вошёл в меня от этого зрелища. Не помню, как я добрался домой и лёг. Но только стал засыпать, услышал и увидел опять всё и вскочил.

«Очевидно, он что-то знает такое, чего я не знаю, — думал я про полковника. — Если бы я знал то, что он знает, я бы понимал и то, что я видел, и это не мучило бы меня». Но сколько я ни думал, я не мог понять того, что знает полковник, и заснул только к вечеру, и то после того, как пошёл к приятелю и напился с ним совсем пьян.

Что ж, вы думаете, что я тогда решил, что то, что я видел, было — дурное дело? Ничуть. «Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть, они знали что-то такое, чего я не знал», — думал я и старался узнать это. Но сколько ни старался — и потом не мог узнать этого. А не узнав, не мог поступить в военную службу, как хотел прежде, и не только не служил в военной, но нигде не служил и никуда, как видите, не годился.

— Ну, это мы знаем, как вы никуда не годились, — сказал один из нас. — Скажите лучше: сколько бы людей никуда не годились, кабы вас не было.

— Ну, это уж совсем глупости, — с искренней досадой сказал Иван Васильевич.

— Ну, а любовь что? — спросили мы.

— Любовь? Любовь с этого дня пошла на убыль. Когда она, как это часто бывало с ней, с улыбкой на лице, задумывалась, я сейчас же вспоминал полковника на площади, и мне становилось как-то неловко и неприятно, и я стал реже видаться с ней. И любовь так и сошла на нет. Так вот какие бывают дела и от чего переменяется и направляется вся жизнь человека. А вы говорите... — закончил он.

(Ясная Поляна. 20 августа 1903 г.)

Обдумываем прочитанное, делимся впечатлениями

1. Какие чувства вызвал у вас рассказ Л. Н. Толстого «После бала»? Расскажите о том, как они менялись в процессе чтения.
2. Назовите эпизод рассказа, при чтении которого вы испытывали особенно противоречивые чувства или не могли разобраться в своих мыслях. Обсудите это в классе.
3. Выразите собственное отношение к главному герою и к тем выводам, которые он сделал в результате случившегося с ним.

4. Выполните собственный проект к рассказу, нарисовав к нему иллюстрации или создав коллаж¹ по его содержанию; подберите цитаты к своей работе и подготовьте её защиту.

Поразмышляем и поговорим о прочитанном

1. И. С. Тургенев считал: «В человеческой жизни есть мгновения перелома — мгновенья, в которые прошедшее умирает и зарождается нечто новое». Как это утверждение писателя — современника Л. Н. Толстого соотносится с содержанием рассказа «После бала»? Как объясняет «мгновение перелома» в собственной жизни Иван Васильевич? Что послужило причиной того, что для него прошедшее умерло вместе с этим мгновением и зародилось нечто новое? Что явилось этим новым?
2. Выделите в рассказе контрастные части, докажите, что они противопоставлены друг другу, составив цитатный или простой план к каждой из них и заполнив этими пунктами ячейки таблицы (в первой строке даны примеры).

№	Первая часть рассказа «Бал»	Вторая часть рассказа «Плац»
1	Прекрасная зала	Большое поле

3. Как воспринимал рассказчик отца Вареньки полковника Б. на балу? Что во внешности полковника говорит о том, что служба — это его призвание? Какие детали свидетельствуют о заботе о дочери, о его добром отношении к ней? Какие ещё черты характера можно обнаружить в нём во время бала?
4. Почему событие на плацу, невольным свидетелем которого Иван Васильевич стал, так резко изменило его настроение? Чего он никак не мог понять в поведении полковника во время экзекуции? Как характеризует главного героя его отношение к тому, что он увидел? Почему он не вмешался в происходящее и к каким выводам пришёл?

¹ *Колла́ж* (от франц. *coller* — приклеивание) — приём в изобразительном искусстве, заключающийся в создании живописных или графических произведений путём наклеивания на какую-либо основу предметов и материалов, отличающихся от основы по цвету и фактуре (ткань, обрывки газет, фрагменты фотографий и др.); возможно дорисовывание тушью, акварелью, любыми другими средствами; используется для получения эффекта неожиданности от сочетания разнородных материалов, а также ради эмоциональной насыщенности и остроты произведения.

5. Сравните сцены на балу и после бала по следующим аспектам: цвет, звук, поведение полковника и выражение его лица, состояние Ивана Васильевича. Свои наблюдения подтвердите цитатами из текста, запишите их в таблицу. Найдите примеры антитезы. Сделайте выводы о действенности приёмов контраста и антитезы в рассказе.

Аспект сравнения	На балу	После бала
Цвет	«Белое платье с розовым поясом»...	«Много чёрных людей»...
Звук	Мазурка...	«Жёсткая, нехорошая музыка»...
Поведение полковника	«Ласковая, радостная улыбка»...	«Шёл подле»...
Состояние рассказчика	«Был пьян любовью»...	«Стыдно»...

6. Восстановите историю жизни Ивана Васильевича. Сравните её с историей жизни господина Н. Н. из повести И. С. Тургенева «Ася», определите, в чём их сходство и в чём различие. Одинаковы ли причины крушения любви Ивана Васильевича к Вареньке и господина Н. Н. к Асе? Почему не служит господин Н. Н. и почему отказался от государственной службы Иван Васильевич? Прав ли Иван Васильевич, мог ли он поступить иначе?
7. В дневниковых записях Толстого находим, что первоначальными названиями рассказа были «Дочь и отец», «А вы говорите». Почему писатель не остановился на одном из них, а назвал рассказ «После бала»? Что он вкладывал в понятие «бал» и как это понимаете вы?
8. Ивана Васильевича мучит вопрос, может человек сам управлять собою, совершенствовать себя или всё дело в среде, обстоятельствах, которые всегда сильнее его намерений. Ответьте на этот вопрос вы, опираясь на свой собственный опыт, опыт ваших близких, или выскажите свои мысли по этому поводу.

Работаем творчески

- ◆ Прочитайте высказывания Л. Н. Толстого в цитатной подсказке, обдумайте их и определите их темы; напишите небольшое сочинение-эссе на основе одной из цитат, выражая своё согласие или несогласие с ней.

Цитатная подсказка

1. Каждый человек — алмаз, который может очистить и не очистить себя. В той мере, в которой он очищен, через него светит вечный свет. Стало быть, дело человека — не стараться светить, но стараться очищать себя.
2. Как следит атлет за увеличением мускулов, так следи за увеличением любви или хоть, по крайней мере, за уменьшением злобы и лжи, и будет полная, радостная жизнь.
3. Надо верить в возможность счастья, чтобы быть счастливым. Чтобы быть счастливым, нужно постоянно стремиться к этому счастью и понимать его. Оно зависит не от обстоятельств, а от себя.
4. На то человек и родился, чтобы жить своим умом.

Путешествуем по литературным местам

Через Ясную Поляну пролёт нравственный меридиан мира

Ясная Поляна — заповедное место, где находится мемориальный Музей-усадьба Л. Н. Толстого, уникальный памятник русской и мировой культуры. Без Ясной Поляны Толстой не мог представить себе Россию, а его почитатели не могут представить себе Льва Толстого.

На въезде в усадьбу стоят две белые круглые каменные башенки, построенные дедом писателя князем Н. С. Волконским.

Въездные башни

В давние времена мимо этих башен, ставших символом Ясной Поляны, проходила большая важная дорога из Москвы на юг. Её называли Моравским шляхом, Посольским трактом, Екатерининской и Киевской дорогой. Эта дорога видела Петра I, Екатерину II, Александра I, Николая I, Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Гоголя, сотни тысяч богомольцев, скитальцев и путешественников.

Аллея «Прешпект»

За башнями находится небольшой каменный домик, в котором когда-то жил садовник и где по инициативе Толстого была организована школа для крестьянских детей.

Музей-усадьба Л. Н. Толстого

От въездных башен к дому Толстого идёт широкая красивая аллея со старинным названием «Прешпект». Она нашла художественное отражение во многих сочинениях писателя.

Музей-усадьба писателя, двухэтажное белое здание под зелёной крышей, занимает особое место в мемориальном комплексе. Планировка и обстанов-

ка дома соответствуют 1910 году — последнему году жизни Льва Толстого. Уникальность экспозиции дома заключается в подлинности предметов его интерьера, картин, фотографий и книг библиотеки, насчитывающей 22 000 томов.

Ещё при жизни Л. Н. Толстого Ясная Поляна привлекала внимание многих людей, как самых простых, так и всемирно известных. Сюда, к Толстому, за советом, за добрым словом шли и приезжали и крестьяне, и писатели, и художники, и музыканты, и учёные, и общественно-политические деятели.

Библиотека

Среди них были И. С. Тургенев, А. П. Чехов, В. Г. Короленко, А. М. Пешков, И. Е. Репин, Н. Н. Ге, И. Н. Крамской, И. И. Мечников. Встречи с Толстым помогали им находить ответы на многие волновавшие их вопросы. Преклоняясь перед всемирным авторитетом Л. Н. Толстого, его современники говорили: «Через Ясную Поляну пролёг нравственный меридиан мира, в переносном смысле имея в виду некую линию, пересекающую полюса добра и морали».

Обращаемся к интернету

Сайты, посвящённые Л. Н. Толстому

- <http://www.levtolstoy.org.ru/> (Сайт «Толстой Лев Николаевич. Граф, русский писатель»)

- <http://www.levtolstoy.ru/> (Сайт «Толстой Лев Николаевич»)
- <http://www.tolstoymuseum.ru/> (Государственный музей Л. Н. Толстого)
- <http://www.school-essays.info/yasnaya-polyana-rodina-l-n-tolstogo/> (Сайт «Литературовед»)

Бросим мышку, возьмём книжку

- ◆ Прочитайте книги, рекомендованные для внеклассного и семейного чтения, оформите дневник читателя.
 - Л. Н. Толстой «Утро помещика».

Тренируем память, развиваем мышление

- ◆ Сформулируйте вопросы по изученному в теме для литературной викторины. Предложите их одноклассникам и приготовьтесь отвечать на вопросы, предложенные вам.
- ◆ Организуйте литературную игру «Брейн-ринг», напишите к ней сценарий, подберите вопросы, сформируйте команды и распределите роли.

Раздел IV
Проблемы, волнующие
человека тысящегоо
в литературе
XX столетия

Наше священное ремесло
Существует тысячи лет...
С ним и без света миру светло.
А. А. Ахматова

Рафаэль. Афинская школа

XX столетие (1901–2000)

Алексей
Максимович
Пешков
(1868–1936)

Музыкально-
драматическая
школа
Н. В. Лысенко
(1904)

Антуан де
Сент-Экзюпери
(1900–1944)

Первый
стационарный
украинский
театр (1907)

Аркадий
Натанович
Стругацкий
(1925–1991)

Первая
мировая война
(1914–1918)

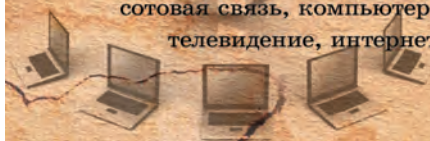

Борис
Натанович
Стругацкий
(1933–2012)

Великая
депрессия —
мировой
экономический
кризис
(1929–1939)

Развитие
информа-
ционных
и коммуникационных технологий:
сотовая связь, компьютер,
телевидение, интернет

Вторая
мировая война
(1939–1945)

Распад СССР
и образование
независимого
Украинского
государства
(1991)

◆ Проследите, какие события происходили в мире и в Украине.

Алексей Максимович Горький

1868–1936

«Счастье быть писателем»

Писатель в моём представлении — чародей, которому открыты все тайны жизни, все сердца. Хорошая книга, точно смычок великого артиста, касается моего сердца, и оно поёт, стонет от гнева и скорби, радуется,— если этого хочет писатель.

Максим Горький

И. И. Бродский. Портрет Максима Горького. 1937

В юности всемирно известный писатель Алексей Максимович Горький говорил о себе так: «Во мне жило двое: один, узнав слишком много мерзости и грязи, несколько оробел от этого и, подавленный знанием буднично страшного, начинал относиться к жизни, к людям недоверчиво, подозрительно, с бессильной жалостью ко всем, а также к себе самому. Этот человек мечтал о тихой, одинокой жизни с книгами, без людей, о монастыре, лесной сторожке, железно-

дорожной будке, о Персии и должности ночного сторожа где-нибудь на окраине города. Поменьше людей, подальше от них...

Другой, крещённый святым духом честных и мудрых книг, наблюдая победную силу буднично страшного, чувствовал, как легко эта сила может оторвать ему голову, раздавить сердце грязной ступнёй, и напряжённо оборонялся, сцепив зубы, сжав кулаки, всегда готовый на всякий спор и бой. Этот любил и жалел деятельно и, как надлежало храброму герою французских романов, по третьему слову, выхватывая шпагу из ножен, становился в боевую позицию».

Максим Горький (Алексей Максимович Пёшков) — писатель, вышедший из самых нижних народных слоёв, всегда болел душой о человеке, о его счастье и достойной жизни. Эпиграфом ко всему творчеству Горького могут стать его слова: «Надо, чтобы люди были счастливы. Причинить человеку боль, серьёзную неприятность или даже настоящее горе — дело нехитрое, а вот дать ему счастье гораздо труднее». Слишком хорошо знал он, что такое

горе, что такое горечь потерь и разочарований. Именно об этом говорит его литературный псевдоним — Горький. О самом себе Горький рассказывал:

«Родился в 1868 году в... Нижнем¹, в семье красильщика² Василия Васильевича Каширина, от дочери его Варвары и пермского мещанина Максима Савватиева Пешкова, по ремеслу драпировщика, или обойщика... Отец умер в Астрахани, когда мне было пять лет; мать — в Кунавине-слободе. По смерти матери дедушка отдал меня в магазин обуви; в ту пору имел я девять лет от роду и был дедом обучен грамоте по Псалтыри³ и Часослову⁴. Из “мальчиков”⁵ сбежал и поступил в иконописную мастерскую, потом на пароход в поварята, потом в помощники садовника. В сих занятиях прожил до пятнадцати лет, всё время занимаясь усердно чтением...

**Л. Н. Толстой
и Максим Горький.
Фото С. А. Толстой.
Ясная Поляна. 1900**

После 15 лет возымел я свирепое желание учиться, с какою целью поехал в Казань, предполагая, что науки желаящим даром преподаются. Оказалось, что оное не принято, вследствие чего я поступил в крендельное заведение, по три рубля в месяц... Работал на Устье, пилил дрова, таскал грузы и, прибавим, почитывал всевозможные книжки».

Горький хорошо знал жизнь простого народа, потому что много видел во время своих странствий. Он пешком прошёл по Северу, Поволжью, Украине, Крыму, Кавказу. В этих странствиях он понял, что хочет стать писателем.

¹ *В... Нижнем* — в Нижнем Новгороде, городе в России, расположенном на месте слияния рек Волги и Оки.

² *Красильщик* — ремесленник (рабочий), занимающийся крашением, красильным делом.

³ *Псалтырь* — библейская книга Ветхого Завета; отдельные издания предназначены для использования в христианском богослужении.

⁴ *Часослов* — богослужебная книга, содержащая тексты неизменяемых молитвословий суточного богослужебного круга; в православной церкви ежедневных служб шесть.

⁵ «*Мальчик*» — здесь (устар.): слуга-подросток в частном доме, в каком-нибудь заведении, у хозяина-мастера, например в купеческой лавке, в парикмахерской, у сапожника.

В 1892 году в тифлисской газете появляется первый рассказ — «Макар Чудра» под псевдонимом М. Горький, а в 1898 году уже выходит его первое собрание сочинений в двух томах. И к Горькому приходит европейская известность.

Из Тифлиса на родину в Нижний Новгород Горький возвращался окрылённый, потому что после стольких испытаний беспокойной юности определилось его призвание: он стал писателем, он будет писать.

При первой встрече с Горьким Л. Н. Толстой сказал: «Вам будет трудно среди писателей, но вы ничего не бойтесь, говорите всегда так, как чувствуете. Выйдет грубо — ничего. Умные люди поймут». А по уходе Горького Толстой занёс в свой дневник: «Был Горький. Очень хорошо говорили. И он мне понравился. Настоящий человек из народа». А. П. Чехов, в свою очередь, отмечал: «Горький — несомненный талант, притом настоящий, большой».

**А. П. Чехов и Максим Горький.
Ялта. 1900**

С 1899 года Горький жил в Санкт-Петербурге, много писал, и к 1901 году пятьдесят его произведений, принесших ему славу писателя-бунтаря, уже были переведены на шестнадцать иностранных языков. В феврале 1902 года Академия наук избрала Алексея Максимовича почётным академиком по разряду изящной словесности, но после вмешательства царя Николая II избрание было объявлено недействительным. Узнав об этом, избранные в Академию ранее А. П. Чехов и В. Г. Короленко в знак протеста отказались от своих званий почётных академиков.

Деятельность Алексея Максимовича на протяжении всей его жизни была многогранной и полезной для страны: он работал в издательствах, издавал журналы, стал основателем общества «Знание», серии книг «Всемирная литература», основал Литературный институт.

Среди наиболее известных произведений писателя можно, в частности, назвать рассказы «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике», «Старуха Изергиль», повести «Детство» и «В людях», произведения для детей «Сказка про Иванушку-дурачка», «Воробышко», «Самовар», «Сказки об Италии».

Горький умер 18 июня 1936 года в Горках. Прах писателя помещён в Кремлёвскую стену на Красной площади в Москве.

Алексей Максимович любил повторять: «Превосходная должность — быть на земле человеком».

Вопросы и задания

1. Сформулируйте основные идеи статьи о Максиме Горьком, запишите их в виде тезисов. Убедите одноклассников, что именно эти идеи являются центральными.
2. Какие мысли Горького о труде писателя, о сути и назначении человека привлекли ваше внимание? Приготовьте небольшое устное высказывание на основе одной из них, подтвердите свои утверждения пословицами, афоризмами на избранную вами тему.
3. К. Г. Паустовский говорил: «Горький был нашей совестью, честностью, нашим мужеством и любовью». Приведите доказательства своего согласия или несогласия, подобрав соответствующие примеры из жизни и творчества Максима Горького.
4. С каким настроением вы приметесь за чтение произведений Максима Горького? Чего вы ожидаете от этого чтения?

Пришло время читать

Старуха Изергиль (В сокращении)

I

Я слышал эти рассказы под Аккерманом¹, в Бессарабии², на морском берегу.

Однажды вечером, кончив дневной сбор винограда, партия молдаван, с которой я работал, ушла на берег моря, а я и старуха Изергиль остались под густой тенью виноградных лоз и, лёжа на земле, молчали, глядя, как тают в голубой мгле ночи силуэты тех людей, что пошли к морю.

Они шли, пели и смеялись; мужчины — бронзовые, с пышными, чёрными усами и густыми кудрями до плеч, в коротких

¹ *Аккерман* — город на берегу Днестровского лимана; современное название — Белгород-Днестровский.

² *Бессарабия* — историческая область в юго-восточной Европе между Чёрным морем и реками Дунай, Прут, Днестр; в настоящее время территория Бессарабии входит в состав Украины и Республики Молдова.

куртках и широких шароварах; женщины и девушки — весёлые, гибкие, с тёмно-синими глазами, тоже бронзовые. Их волосы, шёлковые и чёрные, были распущены, ветер, тёплый и лёгкий, играя ими, звякал монетами, вплетёнными в них. Ветер тёк широкой, ровной волной, но иногда он точно прыгал через что-то невидимое и, рождая сильный порыв, развевал волосы женщин в фантастические гривы, вздымавшиеся вокруг их голов. Это делало женщин странными и сказочными. Они уходили всё дальше от нас, а ночь и фантазия одевали их всё прекраснее.

Кто-то играл на скрипке... девушка пела мягким контральто¹, слышался смех...

— Что ты не пошёл с ними? — кивнув головой, спросила старуха Изергиль.

Время согнуло её пополам, чёрные когда-то глаза были тусклы и слезились. Её сухой голос звучал странно, он хрустел, точно старуха говорила костями.

— Не хочу, — ответил я ей.

— У!.. стариками родитесь вы, русские. Мрачные все, как демоны... Боятся тебя наши девушки... А ведь ты молодой и сильный...

Луна взошла. Её диск был велик, кроваво-красен, она казалась вышедшей из недр этой степи, которая на своём веку так много поглотила человеческого мяса и выпила крови, отчего, наверное, стала такой жирной и щедрой. На нас упали кружевные тени от листвы, я и старуха покрылись ими, как сетью. По степи, влево от нас, поплыли тени облаков, пропитанные голубым сиянием луны, они стали прозрачней и светлей.

— Смотри, вон идёт Ларра!

Я смотрел, куда старуха указывала своей дрожащей рукой с кривыми пальцами, и видел: там плыли тени, их было много, и одна из них, темней и гуще, чем другие, плыла быстрее и ниже сестёр, — она падала от клочка облака, которое плыло ближе к земле, чем другие, и скорее, чем они.

— Никого нет там! — сказал я.

Б. А. Дехтерёв.
Старуха Изергиль

¹ *Контральто* — самый низкий женский певческий голос глубокого грудного бархатистого тембра.

— Ты слеп больше меня, старухи. Смотри — вон, тёмный, бежит степью!

Я посмотрел ещё и снова не видел ничего, кроме тени.

— Это тень! Почему ты зовёшь её Ларра?

— Потому что это — он. Он уже стал теперь как тень, — пора! Он живёт тысячи лет, солнце высушило его тело, кровь и кости, и ветер распылил их. Вот что может сделать Бог с человеком за гордость!..

— Расскажи мне, как это было! — попросил я старуху, чувствуя впереди одну из славных сказок, сложенных в степях.

И она рассказала мне эту сказку.

«Многие тысячи лет прошли с той поры, когда случилось это. Далеко за морем, на восход солнца, есть страна большой реки, в той стране каждый древесный лист и стебель травы даёт столько тени, сколько нужно человеку, чтоб укрыться в ней от солнца, жестоко жаркого там.

Вот какая щедрая земля в той стране!

Там жило могучее племя людей, они пасли стада и на охоту за зверями тратили свою силу и мужество, пировали после охоты, пели песни и играли с девушками.

Однажды, во время пира, одну из них, черноволосую и нежную, как ночь, унёс орёл, спустившись с неба. Стрелы, пущенные в него мужчинами, упали, жалкие, обратно на землю. Тогда пошли искать девушку, но — не нашли её. И забыли о ней, как забывают обо всём на земле». <...>

«Но через двадцать лет она сама пришла, измученная, иссохшая, а с нею был юноша, красивый и сильный, как сама она двадцать лет назад. И, когда её спросили, где была она, она рассказала, что орёл унёс её в горы и жил с нею там, как с женой. Вот его сын, а отца нет уже, когда он стал слабеть, то поднялся в последний раз высоко в небо и, сложив крылья, тяжело упал оттуда на острые уступы горы, насмерть разбился о них...

Все смотрели с удивлением на сына орла и видели, что он ничем не лучше их, только глаза его были холодны и горды, как у царя птиц. И разговаривали с ним, а он отвечал, если хотел, или молчал, а когда пришли старейшие племени, он говорил с ними, как с равными себе. Это оскорбило их, и они, назвав его неоперённой стрелой с неотточенным наконечником, сказали ему, что их чтут, им повинуются тысячи таких, как он, и тысячи вдвое старше его. А он, смело глядя на них, отвечал, что таких, как он, нет больше; и если все чтут их — он не хочет делать этого. О!.. тогда уж совсем рассердились они. Рассердились и сказали:

— Ему нет места среди нас! Пусть идёт куда хочет.

Он засмеялся и пошёл, куда захотелось ему, — к одной красивой девушке, которая пристально смотрела на него; пошёл к ней и, подойдя, обнял её. А она была дочь одного из старшин, осудивших его. И, хотя он был красив, она оттолкнула его, потому что боялась отца. Она оттолкнула его, да и пошла прочь, а он ударил её и, когда она упала, встал ногой на её грудь, так, что из её уст кровь брызнула к небу, девушка, вздохнув, извилась змеей и умерла.

Всех, кто видел это, оковал страх, — впервые при них так убивали женщину. И долго все молчали, глядя на неё, лежавшую с открытыми глазами и окровавленным ртом, и на него, который стоял один против всех, рядом с ней, и был горд, — не опустил своей головы, как бы вызывая на неё кару. Потом, когда одумались, то схватили его, связали и так оставили, находя, что убить сейчас же — слишком просто и не удовлетворит их». <...>

«И вот они собрались, чтобы придумать казнь, достойную преступления... Долго говорили они, и вот один мудрец сказал, подумав долго:

— Спросим его, почему он сделал это?

Спросили его об этом. Он сказал:

— Развяжите меня! Я не буду говорить связанный!

А когда развязали его, он спросил:

— Что вам нужно? — спросил так, точно они были рабы...

— Ты слышал... — сказал мудрец.

— Зачем я буду объяснять вам мои поступки?

— Чтоб быть понятым нами. Ты, гордый, слушай! Всё равно ты умрёшь ведь... Дай же нам понять то, что ты сделал. Мы остаёмся жить, и нам полезно знать больше, чем мы знаем...

— Хорошо, я скажу, хотя я, может быть, сам неверно понимаю то, что случилось. Я убил её потому, мне кажется, — что меня оттолкнула она... А мне было нужно её.

— Но она не твоя! — сказали ему.

— Разве вы пользуетесь только своим? Я вижу, что каждый человек имеет только речь, руки и ноги... а владеет он животными, женщинами, землёй... и многим ещё...

К. В. Безбородов.

Гордец Ларра.

Иллюстрация к рассказу

Максима Горького

«Старуха Изергиль»

Ему сказали на это, что за всё, что человек берёт, он платит собой: своим умом и силой, иногда — жизнью. А он отвечал, что он хочет сохранить себя целым.

Долго говорили с ним и наконец увидели, что он считает себя первым на земле и, кроме себя, не видит ничего. Всем даже страшно стало, когда поняли, на какое одиночество он обрекал себя. У него не было ни племени, ни матери, ни скота, ни жены, и он не хотел ничего этого.

Когда люди увидали это, они снова принялись судить о том, как наказать его. Но теперь недолго они говорили, — тот, мудрый, не мешавший им судить, заговорил сам:

— Стойте! Наказание есть. Это страшное наказание; вы не выдумаете такого в тысячу лет! Наказание ему — в нём самом! Пустите его, пусть он будет свободен. Вот его наказание!

И тут произошло великое. Грянул гром с небес, — хотя на них не было туч. Это силы небесные подтверждали речь мудрого. Все поклонились и разошлись. А этот юноша, который теперь получил имя Ларра, что значит: отверженный, выкинутый вон, — юноша громко смеялся вслед людям, которые бросили его, смеялся, оставаясь один, свободный, как отец его. Но отец его — не был человеком... А этот — был человек. И вот он стал жить, вольный, как птица. Он приходил в племя и похищал скот, девушек — всё, что хотел. В него стреляли, но стрелы не могли пронзить его тела, закрытого невидимым покровом высшей кары. Он был ловок, хищен, силён, жесток и не встречался с людьми лицом к лицу. Только издали видели его. И долго он, одинокий, так вился около людей, долго — не один десяток годов. Но вот однажды он подошёл близко к людям и, когда они бросились на него, не тронулся с места и ничем не показал, что будет защищаться. Тогда один из людей догадался и крикнул громко:

— Не троньте его! Он хочет умереть!

И все остановились, не желая облегчить участь того, кто делал им зло, не желая убивать его. Остановились и смеялись над ним. А он дрожал, слыша этот смех, и всё искал чего-то на своей груди, хватаясь за неё руками. И вдруг он бросился на людей, подняв камень. Но они, уклоняясь от его ударов, не нанесли ему ни одного, и когда он, утомлённый, с тоскливым криком упал на землю, то отошли в сторону и наблюдали за ним. Вот он встал и, подняв потерянный кем-то в борьбе с ним нож, ударил им себя в грудь. Но сломался нож — точно в камень ударили им. И снова он упал на землю и долго бился головой об неё. Но земля отстранялась от него, углубляясь от ударов его головы.

— Он не может умереть! — с радостью сказали люди.

И ушли, оставив его. Он лежал кверху лицом и видел — высоко в небе чёрными точками плавали могучие орлы. В его глазах было столько тоски, что можно было бы отравить ею всех людей мира. Так, с той поры остался он один, свободный, ожидая смерти. И вот он ходит, ходит повсюду... Видишь, он стал уже как тень и таким будет вечно! Он не понимает ни речи людей, ни их поступков — ничего. И всё ищет, ходит, ходит... Ему нет жизни, и смерть не улыбается ему. И нет ему места среди людей... Вот как был поражен человек за гордость!»

Старуха вздохнула, замолчала, и её голова, опустившись на грудь, несколько раз странно качнулась. Я посмотрел на неё. Старуху одолевал сон, показалось мне. И стало почему-то страшно жалко её. Конец рассказа она вела таким возвышенным, угрожающим тоном, а всё-таки в этом тоне звучала боязливая, рабская нота. <...>

II

— Знаешь ты, что я делала, когда была молодой? Я ткала ковры с восхода по закат, не вставая почти. Я, как солнечный луч, живая была и вот должна была сидеть неподвижно, точно камень. И сидела до того, что, бывало, все кости у меня трещат. А как придёт ночь, я бежала к тому, кого любила, целоваться с ним. А сколько любила! Сколько поцелуев взяла и дала!..

Я посмотрел ей в лицо. Её чёрные глаза были всё-таки тусклы, их не оживило воспоминание. Луна освещала её сухие, потрескавшиеся губы, заострённый подбородок с седыми волосами на нём и сморщенный нос, загнутый, словно клюв совы. На месте щёк были чёрные ямы, и в одной из них лежала прядь пепельно-седых волос, выбившихся из-под красной тряпки, которою была обмотана её голова. Кожа на лице, шее и руках вся изрезана морщинами, и при каждом движении старой Изергиль можно было ждать, что сухая эта кожа разорвётся вся, развалится кусками и предо мной встанет голый скелет с тусклыми чёрными глазами.

Песня на берегу моря уже умолкла, и старухе вторил теперь только шум морских волн, — задумчивый, мятежный шум был славной второй рассказу о мятежной жизни. <...>

Старуха замолчала, вздыхая. Я представлял себе воскрешаемых ею людей. Вот огненно-рыжий, усатый гуцул идёт умирать, спокойно покуривая трубку. У него, наверное, были холодные, голубые глаза, которые на всё смотрели сосредоточенно и твёрдо. Вот рядом с ним черноусый рыбак с Прута; плачет, не желая умирать,

и на его лице, бледном от предсмертной тоски, потускнели весёлые глаза, и усы, смоченные слезами, печально обвисли по углам искривлённого рта. Вот он, старый, важный турок, наверное, фаталист и деспот, и рядом с ним его сын, бледный и хрупкий цветок Востока, отравленный поцелуями. А вот тщеславный поляк, галантный и жестокий, красноречивый и холодный... И все они — только бледные тени, а та, которую они целовали, сидит рядом со мной живая, но иссушенная временем, без тела, без крови, с сердцем без желаний, с глазами без огня, — тоже почти тень.

Старуха махнула рукой к морю. Там всё было тихо. Иногда рождался какой-то краткий, обманчивый звук и умирал тотчас же.

— Любят они меня. Много я рассказываю им разного. Им это надо. Ещё молодые все... И мне хорошо с ними. Смотрю и думаю: «Вот и я, было время, такая же была... Только тогда, в моё время, больше было в человеке силы и огня, и оттого жилось веселее и лучше... Да!..».

Она замолчала. Мне грустно было рядом с ней. Она же дремала, качая головой, и тихо шептала что-то... может быть, молилась.

С моря поднималась туча — чёрная, тяжёлая, суровых очертаний, похожая на горный хребет. Она ползла в степь. С её вершины срывались клочья облаков, неслись вперёд её и гасили звёзды одну за другой. Море шумело. И в степной дали, теперь уже чёрной и страшной, как бы притаившейся, скрывшей в себе что-то, вспыхивали маленькие голубые огоньки. То там, то тут они на миг являлись и гасли, точно несколько людей, рассыпавшихся по степи далеко друг от друга, искали в ней что-то, зажигая спички, которые ветер тотчас же гасил. Это были очень странные голубые языки огня, намекавшие на что-то сказочное.

— Видишь ты искры? — спросила меня Изергиль.

— Откуда эти искры? — спросил я старуху.

— Эти искры от горящего сердца Данко. Было на свете сердце, которое однажды вспыхнуло огнём... И вот от него эти искры. Я расскажу тебе про это... Тоже старая сказка... Старое, всё старое! Видишь ты, сколько в старине всего?.. А теперь вот нет ничего такого — ни дел, ни людей, ни сказок таких, как в старину... Почему?.. Ну-ка, скажи! Не скажешь... Что ты знаешь? Что все вы знаете, молодые? Эхе-хе!.. Смотрели бы в старину зорко — там все отгадки найдутся... А вот вы не смотрите и не умеете жить оттого... Я не вижу разве жизнь? Ох, всё вижу, хоть и плохи мои глаза! И вижу я, что не живут люди, а всё примеряются, примеряются и кладут на это всю жизнь. И когда обворуют сами себя, истратив время, то начнут плакаться на судьбу. Что же тут — судьба?

Каждый сам себе судьба! Всяких людей я нынче вижу, а вот сильных нет! Где ж они?.. И красавцев становится все меньше.

III

«Жили на земле в старину одни люди, непроходимые леса окружали с трёх сторон таборы этих людей, а с четвёртой — была степь. Были это весёлые, сильные и смелые люди. И вот пришла однажды тяжёлая пора: явились откуда-то иные племена и прогнали прежних в глубь леса. Там были болота и тьма, потому что лес был старый, и так густо переплелись его ветви, что сквозь них не видать было неба, и лучи солнца едва могли пробить себе дорогу до болот сквозь густую листву. Но когда его лучи падали на воду болот, то подымался смрад, и от него люди гибли один за другим. Тогда стали плакать жёны и дети этого племени, а отцы задумались и впали в тоску. Нужно было уйти из этого леса, и для того были две дороги: одна — назад, — там были сильные и злые враги, другая — вперёд, там стояли великаны-деревья, плотно обняв друг друга могучими ветвями, опустив узловатые корни глубоко в цепкий ил болота. Эти каменные деревья стояли молча и неподвижно днём в сером сумраке и ещё плотнее сдвигались вокруг людей по вечерам, когда загорались костры. И всегда, днём и ночью, вокруг тех людей было кольцо крепкой тьмы, оно точно собиралось раздавить их, а они привыкли к степному простору. А ещё страшней было, когда ветер бил по вершинам деревьев и весь лес глухо гудел, точно грозил и пел похоронную песню тем людям. Это были всё-таки сильные люди, и могли бы они пойти биться насмерть с теми, что однажды победили их, но они не могли умереть в боях, потому что у них были заветы, и коли б умерли они, то пропали б с ними из жизни и заветы. И потому они сидели и думали в длинные ночи, под глухой шум леса, в ядовитом смраде болота. Они сидели, а тени от костров прыгали вокруг них в безмолвной пляске, и всем казалось, что это не тени пляшут, а торжествуют злые духи леса и болота... Люди всё сидели и думали. Но ничто — ни работа, ни женщины не изнуряют тела и души людей так, как изнуряют тоскливые думы. И ослабли люди от дум... Страх родился среди них, сковал им крепкие руки, ужас родили женщины плачем над трупами умерших от смрада и над судьбой скованных страхом живых, — и трусливые слова стали слышны в лесу, сначала робкие и тихие, а потом всё громче и громче... Уже хотели идти к врагу и принести ему в дар волю свою, и никто уже, испуганный смертью, не боялся рабской жизни... Но тут явился Данко и спас всех один».

Старуха, очевидно, часто рассказывала о горящем сердце Данко. Она говорила певуче, и голос её, скрипучий и глухой, ясно рисовал предо мной шум леса, среди которого умирали от ядовитого дыхания болота несчастные, загнанные люди...

«Данко — один из тех людей, молодой красавец. Красивые — всегда смелы. И вот он говорит им, своим товарищам:

— Не своротить камня с пути думаю. Кто ничего не делает, с тем ничего не станется. Что мы тратим силы на думу да тоску? Вставайте, пойдём в лес и пройдем его сквозь, ведь имеет же он конец — всё на свете имеет конец! Идёмте! Ну! Гей!..

Посмотрели на него и увидали, что он лучший из всех, потому что в очах его светилось много силы и живого огня.

— Веди ты нас! — сказали они.

Тогда он повёл...»

Старуха помолчала и посмотрела в степь, где всё густела тьма. Искорки горящего сердца Данко вспыхивали где-то далеко и казались голубыми воздушными цветами, расцветая только на миг.

«Повёл их Данко. Дружно все пошли за ним — верили в него. Трудный путь это был! Темно было, и на каждом шагу болото разевало свою жадную гнилую пасть, глотая людей, и деревья заступали дорогу могучей стеной. Переплелись их ветки между собой; как змеи, протянулись всюду корни, и каждый шаг много стоил пота и крови тем людям. Долго шли они... Всё гуще становился лес, всё меньше было сил! И вот стали роптать на Данко, говоря, что напрасно он, молодой и неопытный, повёл их куда-то. А он шёл впереди их и был бодр и ясен.

Но однажды гроза грянула над лесом, зашептали деревья глухо, грозно. И стало тогда в лесу так темно, точно в нём собрались сразу все ночи, сколько их было на свете с той поры, как он родился. Шли маленькие люди между больших деревьев и в грозном шуме молний, шли они, и, качаясь, великаны-деревья скрипели и гудели сердитые песни, а молнии, летая над вершинами леса, освещали его на минутку синим, холодным огнём и исчезали так же быстро, как являлись, пугая людей. И деревья, освещённые холодным огнём молний, казались живыми, простирающими вокруг людей, ухивших из плена тьмы, корявые, длинные руки, сплетая их в густую сеть, пытаясь остановить людей. А из тьмы ветвей смотрело на идущих что-то страшное, тёмное и холодное. Это был трудный путь, и люди, утомлённые им, пали духом. Но им стыдно было сознаться в бессилии, и вот они в злобе и гнев обрушились на Данко, человека, который шёл впереди их. И стали они упрекать его в неумении управлять ими, — вот как!

Остановились они и под торжествующий шум леса, среди дрожащей тьмы, усталые и злые, стали судить Данко.

— Ты,— сказали они,— ничтожный и вредный человек для нас! Ты повёл нас и утомил, и за это ты погибнешь!

— Вы сказали: “Веди!” — и я повёл! — крикнул Данко, становясь против них грудью.— Во мне есть мужество вести, вот потому я повёл вас! А вы? Что сделали вы в помощь себе? Вы только шли и не умели сохранить силы на путь более долгий! Вы только шли, шли, как стадо овец!

Но эти слова разъярили их ещё более.

— Ты умрёшь! Ты умрёшь! — ревели они.

А лес всё гудел и гудел, вторя их крикам, и молнии разрывали тьму в клочья. Данко смотрел на тех, ради которых он понёс труд, и видел, что они — как звери. Много людей стояло вокруг него, но не было на лицах их благородства, и нельзя было ему ждать пощады от них. Тогда и в его сердце вскипело негодование, но от жалости к людям оно погасло. Он любил людей и думал, что, может быть, без него они погибнут. И вот его сердце вспыхнуло огнём желания спасти их, вывести на лёгкий путь, и тогда в его очах засверкали лучи того могучего огня... А они, увидав это, подумали, что он рассвирепел, отчего так ярко и разгорелись очи, и они насторожились, как волки, ожидая, что он будет бороться с ними, и стали плотнее окружать его, чтобы легче им было схватить и убить Данко. А он уже понял их думу, оттого ещё ярче загорелось в нём сердце, ибо эта их дума родила в нём тоску.

А лес всё пел свою мрачную песню, и гром гремел, и лил дождь...

— Что сделаю я для людей?! — сильнее грома крикнул Данко.

И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из неё своё сердце и высоко поднял его над головой.

Оно пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещённый этим факелом великой любви к людям, а тьма разлетелась от света его и там, глубоко в лесу, дрожащая, пала в гнилой зев болота. Люди же, изумлённые, стали как камни.

— Идём! — крикнул Данко и бросился вперёд на своё место, высоко держа горящее сердце и освещая им путь людям.

И. М. Тоидзе. Данко.
Иллюстрация к рассказу
Максима Горького
«Старуха Изергиль»

Они бросились за ним, очарованные. Тогда лес снова зашумел, удивлённо качая вершинами, но его шум был заглушён топотом бегущих людей. Все бежали быстро и смело, увлекаемые чудесным зрелищем горящего сердца. И теперь гибли, но гибли без жалоб и слёз. А Данко всё был впереди, и сердце его всё пылало, пылало!

И вот вдруг лес расступился перед ним, расступился и остался сзади, плотный и немой, а Данко и все те люди сразу окунулись в море солнечного света и чистого воздуха, промытого дождём. Гроза была — там, сзади них, над лесом, а тут сияло солнце, вздыхала степь, блестела трава в брильянтах дождя и золотом сверкала река... Был вечер, и от лучей заката река казалась красной, как та кровь, что била горячей струёй из разорванной груди Данко.

Кинул взор вперёд себя на ширь степи гордый смельчак Данко,— кинул он радостный взор на свободную землю и засмеялся гордо. А потом упал и — умер.

Люди же, радостные и полные надежд, не заметили смерти его и не видали, что ещё пылает рядом с трупом Данко его смелое сердце. Только один осторожный человек заметил это и, боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой... И вот оно, рассыпавшись в искры, угасло...»

— Вот откуда они, голубые искры степи, что являются перед грозой!

Теперь, когда старуха кончила свою красивую сказку, в степи стало страшно тихо, точно и она была поражена силой смельчака Данко, который сжёг для людей своё сердце и умер, не прося у них ничего в награду себе. Старуха дремала. Я смотрел на неё и думал: «Сколько ещё сказок и воспоминаний осталось в её памяти?». И думал о великом горящем сердце Данко и о человеческой фантазии, создавшей столько красивых и сильных легенд.

(1894)

Обдумываем прочитанное, делимся впечатлениями

1. Поделитесь своими впечатлениями о рассказе А. М. Пешкова «Старуха Изергиль», расскажите о его героях, которые вам запомнились больше всех.
2. Подготовьте пересказ одного из эпизодов рассказа «Старуха Изергиль» (на выбор) так, чтобы заинтересовать одноклассников. Дайте комментарий к нему и объясните причины вашего выбора.

3. Рассмотрите иллюстрации художников К. В. Безбородова и И. М. Тоидзе к рассказу «Старуха Изергиль». Как вы думаете, почему художники выбрали для своих иллюстраций к рассказу именно эти эпизоды? Иллюстрации к каким эпизодам рассказа сделали бы вы?

Поразмышляем и поговорим о прочитанном

1. Каковы особенности композиции рассказа А. М. Пешкова «Старуха Изергиль»? Как расположение его частей влияет на понимание основных идей произведения?
2. Определите роль образа старухи Изергиль в идейном и художественном содержании рассказа. Дайте характеристику её образа, обращая внимание на детали портрета, речь, пейзаж, который её окружает, отношение к людям и своей собственной судьбе. Почему именно ей автор доверяет рассказать легенды о необыкновенных людях — Ларре и Данко?
3. Сопоставьте героев рассказа «Старуха Изергиль» Ларру и Данко, заполнив данную ниже таблицу. Объясните, какой художественный приём лежит в основе изображения этих образов.

Параметры сравнения	Ларра	Данко
Портрет, его детали		
Отношение к людям		
Понимание гордости, самоотверженности		
Поведение в момент суда людей		
Судьба, итог жизни		

4. Какими вы видите людей в легенде о Ларре? В чём заключается мудрость старейшин, вынесших ему жестокое наказание?
5. Чем отличаются люди в легенде о Данко от людей, изображённых в легенде о Ларре? Могли ли они, на ваш взгляд, сделать что-то, чтобы чужие племена не прогнали их в глубь леса? Что помешало им бороться за своё племя? Как складывались отношения между людьми и Данко? Благодарны ли люди ему за своё спасение?
6. С каким литературным персонажем можно сопоставить Данко? Можно ли назвать его поступок подвигом? Если да, то во имя

- чего герой его совершает? Какие искры имеет в виду Горький, заканчивая легенду о Данко словами: «Вот откуда они, голубые искры степи, что являются перед грозой!»?
7. Какова позиция автора и как она выражена? Что вы можете сказать об образе повествователя?
 8. Литературный критик Г. Н. Владимов убеждён, что «нельзя ни от кого потребовать героизма, но научиться уважать его можно». Как вы думаете, смысл легенды о Данко — в прославлении героизма или в стремлении научить людей уважать героизм? Или вы видите его в чём-то другом?
 9. В одном из отзывов о рассказе «Старуха Изергиль» ученик писал: «Подвиг, который совершил Данко, был неразумен. Можно было зажечь факел, дать каждому и добрести до конца леса. Подвиг должен совершаться в разумных пределах». А как думаете вы: разумен или неразумен поступок Данко и можно ли назвать его подвигом? В каких пределах разумен подвиг и когда человеку необходимо его совершать?
 10. Старуха Изергиль, повстречавшая на своём жизненном пути много свободолюбивых и мужественных людей, утверждала: «Когда человек любит подвиги, он всегда умеет их сделать и найдёт, где это можно. В жизни, знаешь ли ты, всегда есть место подвигам». Согласны ли вы с мнением героини, что в жизни всегда есть место подвигам? Докажите своё мнение.

Обратимся к виртуальному словарю

Альтруизм (фр. *altruisme*, от лат. *alter* — другой) — нравственный принцип поведения, означающий способность бескорыстно жертвовать собственными интересами в пользу интересов другого человека. Термин введён в этику французским философом Огюстом Контom как противоположный по смыслу эгоизму. Альтруизм — это система ценностных ориентаций личности, проявляющихся в актах заботы, милосердия, самоотречения, мотивом которых являются интересы другого человека или социальной группы.

Эгоизм (от лат. *ego* — я) — поведение, целиком определяемое мыслью о собственной пользе, выгоде, когда человек ставит свои интересы выше интересов других. Противоположностью эгоизма традиционно считается альтруизм.

11. В рассказе Максима Горького «Старуха Изергиль» противопоставляются две жизненные позиции — альтруизм и эгоизм и два

героя, олицетворяющие эти понятия,— альтруист Данко и эгоист Ларра. Прочитайте в виртуальном словаре сведения об альтруизме и эгоизме, расскажите, какое поведение привлекает вас, жизненную позицию альтруиста или эгоиста поддержали бы вы. Объясните почему.

Работаем творчески

- ◆ На основе афоризмов из рассказа Максима Горького «Старуха Изергиль» в цитатной подсказке напишите сочинение-рассуждение или сочинение-эссе.

Цитатная подсказка

1. «Вот что может сделать Бог с человеком за гордость» («Старуха Изергиль»).
2. «В жизни, знаешь ли ты, всегда есть место подвигам» («Старуха Изергиль»).
3. «Что сделаю я для людей?!» («Старуха Изергиль»)
4. «Каждый сам себе судьба» («Старуха Изергиль»).

Обращаемся к интернету

Сайты, посвящённые Максиму Горькому

- http://www.hrono.ru/biograf/bio_g/gorky_max.php (Сайт «Хронос»)
- <http://gorkiy.lit-info.ru/> (Сайт «Горький Максим»)
- <https://uk.wikipedia.org/wiki> (Википедия)
- http://mistava.com/Личности/Литераторы/Максим_Горький/ (Сайт «Город Харьков»)

Взаимодействие искусств

Кино, мультипликация. Мультипликационный фильм «Легенда о пламенном сердце» (реж. И. Б. Гурвич, СССР, 1967).

Бросим мышку, возьмём книжку

- ◆ Прочитайте книги, рекомендованные для внеклассного и семейного чтения, оформите дневник читателя.
 - Максим Горький «Песня о Буревестнике», «Песня о Соколе».

Антуан де Сент-Экзюпери 1900–1944

«Цитадель, я воздвигну тебя в сердце человека!»¹

Тот, кто носит в своём сердце образ будущего собора², — уже победитель. Победа есть плод любви. Только любви открываются контуры ещё не изваянной статуи. Только любовь направляет резец её творца. Разум обретает ценность лишь тогда, когда он служит любви.

А. де Сент-Экзюпери

Антуан Мари Жан-Батист Роже де Сент-Экзюпери

«Царство моё! Я строил тебя, как корабль. Крепил, оснащал, и теперь ты плывёшь в потоке времени, который стал тебе попутным ветром. Корабль людей, без него им не добраться до вечности», — так метафорически определял суть своего творчества и самой своей жизни мыслитель, писатель, поэт и пилот — Антуан Мари Жан-Батист Роже де Сент-Экзюпери, во всём мире известный просто как Экзюпери. Книги этого, поистине с большой буквы, Человека и сегодня самые читаемые, о нём слагаются стихи и песни, потому что ему удалось в каждой,

даже самой робкой, душе заставить зазвучать героическую струну и каждую душу возвысить до полёта.

Антуан де Сент-Экзюпери родился в Лионе 29 июня 1900 года. Отец его носил титул графа, но служил страховым инспектором. Он рано ушёл из жизни, и воспитывала будущего писателя мать, ставшая его первым другом и вдохновителем во всех делах.

¹ «Цитадель, я воздвигну тебя в сердце человека!» — строка из текста незавершённой книги А. де Сент-Экзюпери «Цитадель»; цитадель — здесь: духовная крепость, которую каждый человек должен возвести в собственной душе.

² *Собор* — здесь: духовное содержание человека, богатство его внутренней жизни, способное создать достойную человека цивилизацию, в которой всё связано между собой любовью.

Маленький граф любил всё, что его окружало, и все любили его. Он обладал многими дарованиями: сочинял стихи, рисовал, играл на скрипке, был неистощим на всякие выдумки и фантазии. А самой большой его страстью была техника: малышом из жестянок мастерил телефон, в двенадцать лет изобретал аэроплан-велосипед, уверяя, что поднимется на нём в воздух под восхищённые крики толпы. Товарищи прозвали его звездочётом из-за любви к небу.

В 1921 году Антуан де Сент-Экзюпери был призван в армию и попал на курсы пилотов. Через год он получил права военного пилота, но его зачислили в запас. Экзюпери переселился в Париж и был вынужден братья за любую работу — торговал автомобилями, был продавцом в книжном магазине.

Лишь в 1925 году Экзюпери нашёл своё призвание — стал пилотом компании, доставлявшей почту на северное побережье Африки. В этом же году в печати появился его первый рассказ «Лётчик». Вышло так, что авиацию и литературу он завоевал одновременно.

Экзюпери был награждён орденом Почётного легиона, а в представлении о нём говорилось: «...Пилот редкой смелости, отличный мастер своего дела, проявлял замечательное хладнокровие и редкую самоотверженность, провёл несколько блестящих операций. Неоднократно летал над наиболее опасными районами, разыскивая взятых в плен враждебными племенами лётчиков Рене и Серра. Спас раненый экипаж испанского самолёта, едва не попавший в руки мавров. Без колебаний переносил суровые условия жизни в пустыне, постоянно рискуя жизнью...».

В 1930 году, разыскивая своего друга Анри Гийоме, потерпевшего аварию в Кордильерах, он едва не погиб, прочёсывая на бреющем полёте горные районы. В 1935 году во время длительного перелёта из Парижа в Сайгон его самолёт разбился в Ливийской пустыне, и то, что Экзюпери остался в живых, можно объяснить только чудом. Именно как чудо он описал это в «Планете людей» и «Маленьком принце».

В 1939 году началась Вторая мировая война, и с первых её дней Экзюпери вступил в сражение с нацистами, потому что не мог оставаться в стороне: «Я знаю только один способ быть в ладу с собственной совестью: этот способ — не уклоняться от страдания».

31 июля 1944 года Антуан де Сент-Экзюпери отправился в разведывательный полёт с аэродрома на острове Сардиния — и не вернулся. Самолёт вместе с пилотом просто растворился в пространстве.

Памятник А. де Сент-Экзюпери. Лион

Луч надежды на раскрытие одной из самых печальных тайн Второй мировой войны дала находка французского рыбака близ марсельского берега в сентябре 1998 года. Это был почерневший от соли серебряный браслет-цепочка с металлической пластинкой, на которой выгравированы имена Антуана де Сент-Экзюпери и его жены Консуэло. А в 2000 году у побережья Марселя работники французской инженерной компании обнаружили обломки самолёта фирмы «Локхид» «Лайтнинг-Р-38». В результате исследований было неопровержимо доказано, что именно на нём отправился в свой последний ночной полёт майор Антуан де Сент-Экзюпери.

Память об Экзюпери будет жить вечно в его книгах — книгах, проникнутых великой любовью к людям, тревогой об их судьбах: «Я писал... чтобы сказать моему поколению: вы — обитатели одной планеты, пассажиры одного корабля. Третьего — не дано».

Вопросы и задания

1. Перечитайте цитаты А. де Сент-Экзюпери, помещённые в статье. Опираясь на их содержание, расскажите о личности писателя. Что вам близко в его взглядах на жизнь, назначение человека, творчество?
2. Опишите эпизоды из жизни Экзюпери, которые вызвали у вас особые чувства, назовите их, прокомментируйте.
3. Самостоятельно найдите дополнительные сведения об А. де Сент-Экзюпери, подготовьте иллюстративный рассказ о нём или напишите рекламный слоган, призывающий прочитать его произведения.

Узнаём о тайнах художественного слова

Об особенностях повести-сказки Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц»

В основе сюжета повести-сказки «Маленький принц» лежит событие, произошедшее с Антуаном де Сент-Экзюпери 29 декабря 1935 года. Пролетая над Сахарой, Экзюпери вынужден был

совершить посадку в песках за 200 километров от Каира. Лётчика спас его друг Прево, который подоспел с караваном на пятый день после аварии. Воспоминания о том, что пережил писатель в ожидании помощи, разрозненно отражены не в одном его произведении, но самое яркое из этих произведений — «Маленький принц».

Обратимся к виртуальному словарю

Притча — жанр эпоса; небольшое повествовательное произведение назидательного характера, содержащее моральное поучение в иносказательной (аллегорической) форме.

В 1940 году в перерывах между боями с фашистами Экзюпери часто рисовал на листке мальчика — иногда крылатого, иногда верхом на облаке. Постепенно крылья сменил длинный шарф (какой, кстати, носил и сам автор), а облако стало астероидом Б-612. Так появился образ главного героя повести-сказки — Маленький принц. Опубликованная в 1943 году как детская книжка, эта поэтическая сказка о мужестве и мудрости наивной детской души, о таких важных «недетских» понятиях, как жизнь и смерть, любовь и ответственность, дружба и верность, сразу нашла отклик в сердцах всех читателей независимо от возраста. Широкую известность сказка получила благодаря её исключительной поэтичности, образности, особой символичности. Популярности сказки во многом способствовали также выполненные Экзюпери рисунки, которые органично входят в её структуру и помогают глубже понять замысел автора.

Обратимся к виртуальному словарю

Подтекст — внутренний, скрытый смысл какого-либо текста, высказывания, зависящий от контекста с учётом ситуации.

Но сказка у Экзюпери получилась не простая, а философская. Она содержит черты притчи — особого дидактического жанра, позволившего писателю выразить свои взгляды на волновавшие его нравственные проблемы времени, воплотить собственные размышления о сущности человеческого бытия. Эта удивительная форма сказки-притчи позволила Экзюпери вложить в интересную сказку подтекст, понятный каждому.

Повесть-сказка «Маленький принц» — это своего рода кодекс чистой морали. Она заключается в том, что надо быть верным

в любви и дружбе, нужно прислушиваться к голосу сердца, нельзя быть равнодушным к тому, что происходит в мире, нельзя пассивно относиться к злу, каждый в ответе не только за свою судьбу, но и за судьбу других людей.

Пришло время читать

Маленький принц (В сокращении)

Леону Верту

Прошу детей простить меня за то, что я посвятил эту книжку взрослому. Скажу в оправдание: этот взрослый — мой самый лучший друг. И ещё: он понимает всё на свете, даже детские книжки. И наконец, он живёт во Франции, а там сейчас голодно и холодно. И он очень нуждается в утешении. Если же всё это меня не оправдывает, я посвящу свою книжку тому мальчику, каким был когда-то мой взрослый друг. Ведь все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит. Итак, я исправляю посвящение:

Леону Верту, когда он был маленьким.

I

Когда мне было шесть лет, в книге под названием «Правдивые истории», где рассказывалось про девственные леса, я увидел однажды удивительную картинку. На картинке огромная змея — удав — глотала хищного зверя.

В книге говорилось: «Удав заглатывает свою жертву целиком, не жуя. После этого он уже не может шевельнуться и спит полгода подряд, пока не переварит пищу».

Я много раздумывал о полной приключений жизни джунглей и тоже нарисовал цветным карандашом свою первую картинку. Это был мой рисунок № 1. Вот что я нарисовал:

Я показал моё творение взрослым и спросил, не страшно ли им.

— Разве шляпа страшная? — возразили мне. А это была совсем не шляпа. Это был удав, который проглотил слона. Тогда я нарисовал удава изнутри, чтобы взрослым было понятнее. Им ведь всегда нужно всё объяснять. Вот мой рисунок № 2:

Взрослые посоветовали мне не рисовать змей ни снаружи, ни изнутри, а побольше интересоваться географией, историей, арифметикой и правописанием. Вот как случилось, что шести лет я отказался от блестящей карьеры художника. Потерпев неудачу с рисунками № 1 и № 2, я утратил веру в себя. Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им всё объяснять и растолковывать.

Итак, мне пришлось выбирать другую профессию, и я выучился на лётчика. Облетел я чуть ли не весь свет. И география, по правде сказать, мне очень пригодилась. Я умел с первого взгляда отличить Китай от Аризоны. Это очень полезно, если ночью собьёшься с пути.

На своём веку я много встречал разных серьёзных людей. Я долго жил среди взрослых. Я видел их совсем близко. И от этого, признаться, не стал думать о них лучше.

Когда я встречал взрослого, который казался мне разумней и понятливей других, я показывал ему свой рисунок № 1 — я его сохранил и всегда носил с собою. Я хотел знать, вправду ли этот человек что-то понимает. Но все они отвечали мне: «Это шляпа». И я уже не говорил с ними ни об удавах, ни о джунглях, ни о звёздах. Я применялся к их понятиям. Я говорил с ними об игре в бридж и гольф, о политике и о галстуках. И взрослые были очень довольны, что познакомились с таким здравомыслящим человеком.

II

Так я жил в одиночестве, и не с кем было мне поговорить по душам. И вот шесть лет назад пришлось мне сделать вынужденную посадку в Сахаре. Что-то сломалось в моторе моего самолёта. Со мной не было ни механика, ни пассажиров, и я решил, что попробую сам всё починить, хоть это и очень трудно. Я должен был исправить мотор или погибнуть. Воды у меня едва хватило бы на неделю.

Итак, в первый вечер я уснул на песке в пустыне, где на тысячи миль вокруг не было никакого жилья. Человек, потерпевший кораблекрушение и затерянный на плоту посреди океана, и тот был бы не так одинок. Вообразите же моё удивление, когда на расвете меня разбудил чей-то тоненький голосок. Он сказал:

— Пожалуйста... нарисуй мне барашка!

— А?..

— Нарисуй мне барашка...

Я вскочил, точно надо мною грянул гром. Протёр глаза. Начал осматриваться. И вижу — стоит необыкновенный какой-то малыш и серьёзно меня разглядывает.

Вот самый лучший его портрет, какой мне после удалось нарисовать:

Но на моём рисунке он, конечно, далеко не так хорош, как был на самом деле. Это не моя вина. Когда мне было шесть лет, взрослые внушили мне, что художника из меня не выйдет, и я ничего не научился рисовать, кроме удавов — снаружи и изнутри.

Итак, я во все глаза смотрел на это необычайное явление. Не забудьте, я находился за тысячи миль от человеческого жилья. А между тем ничуть не похоже было, чтобы этот малыш заблудился, или до смерти устал и напуган, или умирает от голода и жажды. По его виду никак нельзя было сказать, что это ребёнок, потерявшийся в необитаемой пустыне, вдалеке от всякого жилья.

Наконец ко мне вернулся дар речи, и я спросил:

— Но... что ты здесь делаешь?

И он опять попросил тихо и очень серьёзно:

— Пожалуйста... нарисуй барашка...

Всё это было так таинственно и непостижимо, что я не посмел отказаться. Хотя и нелепо это было здесь, в пустыне, на волосок от смерти, я всё-таки достал из кармана лист бумаги и вечное перо. Но тут же вспомнил, что учился-то я больше географии, истории, арифметике и правописанию, — и сказал малышу (немножко даже сердито сказал), что не умею рисовать. Он ответил:

— Всё равно. Нарисуй барашка.

Так как я никогда в жизни не рисовал баранов, я повторил для него одну из двух старых картинок, которые я только и умею рисовать, — удава снаружи. И очень изумился, когда малыш воскликнул:

— Нет, нет! Мне не надо слона в удаве! Удав слишком опасный, а слон слишком большой. У меня дома всё очень маленькое. Мне нужен барашек. Нарисуй барашка.

И я нарисовал.

Он внимательно посмотрел на мой рисунок и сказал:

— Нет, этот барашек совсем хилый. Нарисуй другого.

Я нарисовал.

Мой новый друг мягко, снисходительно улыбнулся.

— Ты же сам видишь, — сказал он, — это не барашек. Это большой баран. У него рога...

Я опять нарисовал по-другому.

Но он и от этого рисунка отказался.

— Этот слишком старый. Мне нужен такой барашек, чтобы жил долго.

Тут я потерял терпение — ведь надо было поскорее разобрать мотор — и нацарапал вот что:

И сказал малышу:

— Вот тебе ящик. А в нём сидит твой барашек.

Но как же я удивился, когда мой строгий судья вдруг просиял:

— Вот такого мне и надо! Как ты думаешь, много он ест травы?

— А что?

— Ведь у меня дома всего очень мало...

— Ему хватит. Я тебе даю совсем маленького барашка.

— Не такого уж маленького... — сказал он, наклонив голову и разглядывая рисунок. — Смотри-ка! Мой барашек уснул...

Так я познакомился с Маленьким принцем.

III

Не скоро я понял, откуда он явился. Маленький принц засыпал меня вопросами, но, когда я спрашивал о чём-нибудь, он будто и не слышал. Лишь понемногу, из случайных, мимоходом оброненных слов мне всё открылось. Так, когда он впервые увидел мой самолёт (самолёт я рисовать не стану, мне всё равно не справиться), он спросил:

— Что это за штука?

— Это не штука. Это самолёт. Мой самолёт. Он летает.

И я с гордостью объяснил, что умею летать. Тогда малыш воскликнул:

— Как! Ты упал с неба?

— Да, — скромно ответил я.

— Вот забавно!..

И Маленький принц звонко засмеялся, так что меня взяла досада: я люблю, чтобы к моим злоключениям относились серьёзно. Потом он прибавил:

— Значит, ты тоже явился с неба. А с какой планеты?

«Так вот разгадка его таинственного появления здесь, в пустыне!» — подумал я и спросил напрямик:

— Стало быть, ты попал сюда с другой планеты?

Но он не ответил. Он тихо покачал головой, разглядывая самолёт:

— Ну, на этом ты не мог прилететь издалека...

И надолго задумался о чём-то. Потом вынул из кармана барашка и погрузился в созерцание этого сокровища.

Можете себе представить, как разгорелось моё любопытство от странного полупризнания о «других планетах». И я попытался разузнать побольше:

— Откуда же ты прилетел, малыш? Где твой дом? Куда ты хочешь унести барашка?

Он помолчал в раздумье, потом сказал:

— Очень хорошо, что ты дал мне ящик: барашек будет там спать по ночам.

— Ну конечно. И если ты будешь умницей, я дам тебе верёвку, чтобы днём его привязывать. И колышек.

Маленький принц нахмурился:

— Привязывать? Для чего это?

— Но ведь если его не привязать, он забредёт неведомо куда и потеряется.

Тут мой друг опять весело рассмеялся:

— Да куда же он пойдёт?

- Мало ли куда? Всё прямо, прямо, куда глаза глядят.
Тогда Маленький принц сказал серьёзно:
— Это ничего, ведь у меня там очень мало места.
И прибавил не без грусти:
— Если идти всё прямо да прямо, далеко не уйдёшь...

IV

Так я сделал ещё одно важное открытие: его родная планета вся-то величиной с дом!

Впрочем, это меня не слишком удивило. Я знал, что кроме таких больших планет, как Земля, Юпитер, Марс, Венера, существуют ещё сотни других, которым даже имён не дали, и среди них такие маленькие, что их и в телескоп трудно разглядеть. Когда астроном открывает такую планетку, он даёт ей не имя, а просто номер. Например, астероид 3251.

У меня есть серьёзные основания полагать, что Маленький принц прилетел с планетки, которая называется «астероид В-612». Этот астероид был замечен в телескоп лишь один раз, в 1909 году, одним турецким астрономом. Астроном доложил тогда о своём замечательном открытии на Международном астрономическом конгрессе. Но никто ему не поверил, а всё потому, что он был одет по-турецки. Уж такой народ эти взрослые!

К счастью для репутации астероида В-612, правитель Турции велел своим подданным под страхом смерти носить европейское платье. В 1920 году тот астроном снова доложил о своём открытии. На этот раз он был одет по последней моде — и все с ним согласились.

Я вам рассказал так подробно об астероиде В-612 и даже сообщил его номер только из-за взрослых. Взрослые очень любят цифры. Когда рассказываешь им, что у тебя появился новый друг, они никогда не спросят о самом главном. Никогда они не скажут: «А какой у него голос? В какие игры он любит играть? Ловит ли он бабочек?». Они спрашивают: «Сколько ему лет? Сколько у него братьев? Сколько он весит? Сколько зарабатывает его отец?». И после этого воображают, что узнали человека. Когда говоришь взрослым: «Я видел красивый дом из розового кирпича, в окнах у него герань, а на крыше голуби», — они никак не могут представить себе этот дом. Им надо сказать: «Я видел дом за сто тысяч франков», — и тогда они восклицают: «Какая красота!».

Точно так же, если им сказать: «Вот доказательства, что Маленький принц на самом деле существовал — он был очень, очень славный, он смеялся, и ему хотелось иметь барашка. А кто хочет

барашка, тот уж конечно существует», — если сказать так, они только пожмут плечами и посмотрят на тебя как на несмышлёного младенца. Но если сказать им: «Он прилетел с планеты, которая называется астероид Б-612», — это их убедит, и они не станут докучать вам расспросами. Уж такой народ эти взрослые. Не стоит на них сердиться. Дети должны быть очень снисходительны к взрослым.

V

Каждый день я узнавал что-нибудь новое о его планете, о том, как он её покинул и как странствовал. Он рассказывал об этом понемножку, когда приходилось к слову. Так, на третий день я узнал о трагедии с баобабами.

Это тоже вышло из-за барашка. Казалось, Маленьким принцем вдруг овладели тяжкие сомнения, и он спросил:

— Скажи, ведь правда барашки едят кусты?

— Да, правда.

— Вот хорошо!

Я не понял, почему это так важно, что барашки едят кусты. Но Маленький принц прибавил:

— Значит, они и баобабы тоже едят?

Я возразил, что баобабы — не кусты, а огромные деревья, вышиной с колокольню, и если даже он приведёт целое стадо слонов, им не съесть и одного баобаба.

Услыхав про слонов, Маленький принц засмеялся:

— Их пришлось бы поставить друг на друга...

А потом сказал рассудительно:

— Баобабы сперва, пока не вырастут, бывают совсем маленькие.

— Это верно. Но зачем твоему барашку есть маленькие баобабы?

— А как же! — воскликнул он, словно речь шла о самых простых, азбучных истинах.

И пришлось мне поломать голову, пока я додумался, в чём тут дело.

На планете Маленького принца, как на любой другой планете, растут травы полезные и вредные. А значит, есть там хорошие семена хороших, полезных трав и вредные семена дурной, сорной травы. Но ведь семена невидимы. Они спят глубоко под землёй, пока одно из них не вздумает проснуться. Тогда оно пускает росток; он расправляется и тянется к солнцу, сперва такой милый, безобидный. Если это будущий редис или розовый куст, пусть его растёт на здоровье. Но если это какая-нибудь дурная трава, надо вырвать её с корнем, как только её узнаешь. И вот на планете

Маленького принца есть ужасные, зло- вредные семена... Это семена баобабов. Почва планеты вся заражена ими. А если баобаб не распознать вовремя, потом от него уже не избавишься. Он завладеет всей планетой. Он пронизет её насквозь своими корнями. И если планета очень маленькая, а баобабов много, они разорвут её на клочки.

— Есть такое твёрдое правило, — сказал мне после Маленький принц. — Встал поутру, умылся, привёл себя в порядок — и сразу же приведи в порядок свою планету. Непременно надо каждый день выпалывать баобабы, как только их уже можно отличить от розовых кустов: молодые ростки у них почти одинаковые. Это очень скучная работа, но совсем не трудная.

Однажды он посоветовал мне постараться и нарисовать такую картинку, чтобы и у нас дети это хорошо поняли.

— Если им когда-нибудь придётся путешествовать, — сказал он, — это им пригодится. Иная работа может и подождать немного — вреда не будет. Но если дашь волю баобабам, беды не миновать. Я знал одну планету, на ней жил лентяй. Он не выполол вовремя три кустика...

VII

На пятый день, опять-таки благодаря барашку, я узнал секрет Маленького принца. Он спросил неожиданно, без предисловий, точно пришёл к этому выводу после долгих молчаливых раздумий:

— Если барашек ест кусты, он и цветы ест?

— Он ест всё, что попадётся.

— Даже такие цветы, у которых шипы?

— Да, и те, у которых шипы.

— Тогда зачем шипы?

Этого я не знал. Я был очень занят: в моторе заело один болт, и я старался его отвернуть. Мне было не по себе, положение становилось серьёзным, воды почти не осталось, и я начал бояться, что моя вынужденная посадка плохо кончится.

— Зачем нужны шипы?

Задав какой-нибудь вопрос, Маленький принц уже не отступался, пока не получал ответа. Неподатливый болт выводил меня из терпения, и я ответил наобум:

— Шипы ни за чем не нужны, цветы выпускают их просто от злости.

— Вот как!

Наступило молчание. Потом он сказал почти сердито:

— Не верю я тебе! Цветы слабые. И простодушные. И они стараются придать себе храбрости. Они думают: если у них шипы, их все боятся...

Я не ответил. В ту минуту я говорил себе: «Если этот болт и сейчас не поддастся, я так стукну по нему молотком, что он разлетится вдребезги». Маленький принц снова перебил мои мысли:

— А ты думаешь, что цветы...

— Да нет же! Ничего я не думаю! Я ответил тебе первое, что пришло в голову. Ты видишь, я занят серьёзным делом.

Он посмотрел на меня в изумлении.

— Серьёзным делом?!

Он всё смотрел на меня: перепачканный смазочным маслом, с молотком в руках, я наклонился над непонятным предметом, который казался ему таким уродливым.

— Ты говоришь, как взрослые! — сказал он.

Мне стало совестно. А он беспощадно прибавил:

— Всё ты путаешь... ничего не понимаешь!

Да, он не на шутку рассердился. Он тряхнул головой, и ветер растрепал его золотые волосы.

— Я знаю одну планету, там живёт такой господин с багровым лицом. Он за всю свою жизнь ни разу не понюхал цветка. Ни разу не поглядел на звезду. Он никогда никого не любил. И никогда ничего не делал. Он занят только одним: складывает цифры. И с утра до ночи твердит одно: «Я человек серьёзный! Я человек серьёзный!» — совсем как ты. И прямо раздувается от гордости. А на самом деле он не человек. Он гриб.

— Что?

— Гриб!

Маленький принц даже побледнел от гнева.

— Миллионы лет у цветов растут шипы. И миллионы лет барашки всё-таки едят цветы. Так неужели же это не серьёзное дело — понять, почему они изо всех сил стараются отрастить шипы, если от шипов нет никакого толку? Неужели это не важно, что барашки и цветы воюют друг с другом? Да разве это не серьёзнее и не важнее, чем арифметика толстого господина с багровым лицом? А если я знаю единственный в мире цветок, он растёт только на моей планете, и другого такого больше нигде

нет, а маленький барашек в одно прекрасное утро вдруг возьмёт и съест его и даже не будет знать, что он натворил? И это всё, по-твоему, не важно?

Он густо покраснел. Потом снова заговорил:

— Если любишь цветок — единственный, какого больше нет ни на одной из многих миллионов звёзд, — этого довольно: смотришь на небо — и ты счастлив. И говоришь себе: «Где-то там живёт мой цветок...». Но если барашек его съест, это всё равно как если бы все звёзды разом погасли! И это, по-твоему, не важно!

Он больше не мог говорить. Он вдруг разрыдался. Стемнело. Я бросил работу. Я и думать забыл про злополучный болт и молоток, про жажду и смерть. На звезде, на планете — на моей планете по имени Земля, — плакал Маленький принц, и надо было его утешить. Я взял его на руки и стал баюкать. Я говорил ему: «Цветку, который ты любишь, ничто не грозит... Я нарисую твоему барашку намордник... Нарисую для твоего цветка броню... Я...». Я не знал, что ещё ему сказать. Я чувствовал себя ужасно неловким и неуклюжим. Как позвать, чтобы он услышал, как догнать его душу, ускользающую от меня... Ведь она такая таинственная и неизведанная, эта страна слёз...

VIII

Очень скоро я лучше узнал этот цветок. На планете Маленького принца всегда росли простые, скромные цветы — у них было мало лепестков, они занимали совсем мало места и никого не беспокоили. Они раскрывались поутру в траве и под вечер увядали. А этот пророс однажды из зерна, занесённого неведомо откуда, и Маленький принц не сводил глаз с крохотного ростка, не похожего на все остальные ростки и былинки. Вдруг это какая-нибудь новая разновидность баобаба? Но кустик быстро перестал тянуться ввысь, и на нём появился бутон. Маленький принц никогда ещё не видал таких огромных бутонов и предчувствовал, что увидит чудо. А неведомая гостья, скрытая в стенах своей зелёной комнатки, всё готовилась, всё прихорашивалась. Она заботливо подбирала краски. Она наряжалась неторопливо, один за другим примеряя лепестки. Она не желала явиться на свет встрёпанная, точно какой-нибудь мак. Она хотела показаться во всём блеске своей красоты. Да, это была ужасная кокетка! Таинственные приготовления длились день за днём. И вот однажды утром, едва взошло солнце, лепестки раскрылись.

И красавица, которая столько трудов положила, готовясь к этой минуте, сказала, позёывая:

— Ах, я насилу проснулась... Прошу извинить... Я ещё совсем растрёпанная...

Маленький принц не мог сдерживать восторга:

— Как вы прекрасны!

— Да, правда? — был тихий ответ. — И заметьте, я родилась вместе с солнцем.

Маленький принц, конечно, догадался, что удивительная гостья не страдает избытком скромности, зато она была так прекрасна, что дух захватывало!

А она вскоре заметила:

— Кажется, пора завтракать. Будьте так добры, позаботьтесь обо мне...

Маленький принц очень смутился, разыскал лейку и полил цветок ключевой водой.

Скоро оказалось, что красавица горда и обидчива, и Маленький принц совсем с ней измучился. У неё было четыре шипа, и однажды она сказала ему:

— Пусть приходят тигры, не боюсь я их когтей!

— На моей планете тигры не водятся, — возразил Маленький принц. — И потом, тигры не едят траву.

— Я не трава, — тихо заметил цветок.

— Простите меня...

— Нет, тигры мне не страшны, но я ужасно боюсь сквозняков. У вас нет ширмы?

«Растение, а боится сквозняков... очень странно... — подумал Маленький принц. — Какой трудный характер у этого цветка».

— Когда настанет вечер, накройте меня колпаком. У вас тут слишком холодно. Очень неудобная планета. Там, откуда я пришла...

Она не договорила. Ведь её занесло сюда, когда она была ещё зёрнышком. Она ничего не могла знать о других мирах. Глупо лгать, когда тебя так легко уличить! Красавица смутилась, потом кашлянула раз-другой, чтобы Маленький принц почувствовал, как он перед нею виноват:

— Где же ширма?

— Я хотел пойти за ней, но не мог же я вас не дослушать!

Тогда она закашляла сильнее: пускай его всё-таки помучит совесть!

Хотя Маленький принц и полюбил прекрасный цветок, и рад был ему служить, но вскоре в душе его пробудились сомнения. Пустые слова он принимал близко к сердцу и стал чувствовать себя очень несчастным.

— Напрасно я её слушал,— доверчиво сказал он мне однажды.— Никогда не надо слушать, что говорят цветы. Надо просто смотреть на них и дышать их ароматом. Мой цветок напоил благоуханием всю мою планету, а я не умел ему радоваться. Эти разговоры о когтях и тиграх... Они должны бы меня растрогать, а я разозлился...

И ещё он признался:

— Ничего я тогда не понимал! Надо было судить не по словам, а по делам. Она дарила мне свой аромат, озаряла мою жизнь. Я не должен был бежать. За этими жалкими хитростями и уловками надо было угадать нежность. Цветы так непоследовательны! Но я был слишком молод, я ещё не умел любить.

IX

Как я понял, он решил странствовать с перелётными птицами.

В последнее утро он старательней обычного прибрал свою планету. Он заботливо прочистил действующие вулканы. У него было два действующих вулкана. На них очень удобно по утрам разогревать завтрак. Кроме того, у него был ещё один потухший вулкан. Но, сказал он, мало ли что может случиться! Поэтому он прочистил и потухший вулкан тоже. Когда вулканы аккуратно чистишь, они горят ровно и тихо, без всяких извержений. Извержение вулкана — это всё равно что пожар в печной трубе, когда там загорится сажа. Конечно, мы, люди на Земле, слишком малы и не можем прочищать наши вулканы. Вот почему они доставляют нам столько неприятностей.

Потом Маленький принц не без грусти вырвал последние ростки баобабов. Он думал, что никогда не вернётся. Но в то утро привычная работа доставляла ему необыкновенное удовольствие. А когда он в последний раз полил чудесный цветок и собрался накрыть колпаком, ему даже захотелось плакать.

— Прощайте,— сказал он.

Красавица не ответила.

— Прощайте,— повторил Маленький принц.

Она кашлянула. Но не от простуды.

— Я была глупая,— сказала она наконец.— Прости меня. И постарайся быть счастливым.

И ни слова упрёка. Маленький принц очень удивился. Он застыл, растерянный, со стеклянным колпаком в руках. Откуда эта тихая нежность?

— Да, да, я люблю тебя, — услышал он. — Моя вина, что ты этого не знал. Да это и не важно. Но ты был такой же глупый, как я. Постарайся быть счастливым... Оставь колпак, он мне больше не нужен.

— Но ветер...

— Не так уж я простужена... Ночная свежесть пойдёт мне на пользу. Ведь я — цветок.

— Но звери, насекомые...

— Должна же я стерпеть двух-трёх гусениц, если хочу познакомиться с бабочками.

Они, наверно, прелестны. А то кто же станет меня навещать? Ты ведь будешь далеко. А больших зверей я не боюсь. У меня тоже есть когти.

И она в простоте душевной показала свои четыре шипа. Потом прибавила:

— Да не тяни же, это невыносимо! Решил уйти — так уходи.

Она не хотела, чтобы Маленький принц видел, как она плачет. Это был очень гордый цветок...

X

<...> На первом астероиде жил король. Облачённый в пурпур и горностаи, он восседал на троне, очень простом и всё же величественном.

— А, вот и подданный! — воскликнул король, увидав Маленького принца.

«Как же он меня узнал? — подумал Маленький принц. — Ведь он видит меня в первый раз!»

Он не знал, что короли смотрят на мир очень упрощённо: для них все люди — подданные.

— Подойди, я хочу тебя рассмотреть, — сказал король, ужасно гордый тем, что он может быть для кого-то королём.

Это был абсолютный монарх. Но он был очень добр, а потому отдавал только разумные приказания.

«Если я повелю своему генералу обернуться морской чайкой, — говаривал он, — и если генерал не выполнит приказа, это будет не его вина, а моя».

— Можно мне сесть? — робко спросил Маленький принц.

— Повелеваю: сядь! — отвечал король и величественно подобрал одну полу своей горностаевой мантии.

— С каждого надо спрашивать то, что он может дать. Власть, прежде всего, должна быть разумной. Если ты повелишь своему народу броситься в море, он устроит революцию. Я имею право требовать послушания, потому что веления мои разумны.

Маленький принц зевнул. Жаль, что тут не поглядишь на заход солнца, когда хочется! И, по правде говоря, ему уже стало скучновато.

— Мне пора, — сказал он королю. — Больше мне здесь нечего делать.

— Остайся! — сказал король: он был очень горд тем, что у него нашёлся подданный, и не хотел с ним расставаться. — Остайся, я назначу тебя министром.

— Министром чего?

— Ну... правосудия.

— Но ведь здесь некого судить!

— Тогда суди сам себя, — сказал король. — Это самое трудное. Себя судить куда труднее, чем других. Если ты сумеешь правильно судить себя, значит, ты поистине мудр.

— Сам себя я могу судить где угодно, — сказал Маленький принц. — Для этого мне незачем оставаться у вас.

Маленький принц уже совсем собрался в дорогу, но ему не хотелось огорчать старого монарха.

— Если вашему величеству угодно, чтобы ваши повеления беспрекословно исполнялись, — сказал он, — вы могли бы отдать мне благоразумное приказание. Например, повелите мне пуститься в путь, не мешкая ни минуты... Мне кажется, условия для этого самые что ни на есть благоприятные...

Король не отвечал, и Маленький принц немного помедлил в нерешимости, потом вздохнул и отправился в путь.

— Назначаю тебя послом! — поспешно крикнул вдогонку ему король.

И вид у него при этом был такой, точно он не потерпел бы никаких возражений.

«Станный народ эти взрослые», — сказал себе Маленький принц, продолжая путь. <...>

XIV

Пятая планета была очень занятная. Она оказалась меньше всех. На ней только и помещалось что фонарь да фонарщик. Маленький принц никак не мог понять, для чего на крохотной,

затерявшейся в небе планетке, где нет ни домов, ни жителей, нужны фонарь и фонарщик. Но он подумал:

«Может быть, этот человек и нелеп. Но он не так нелеп, как король, честолюбец, делец и пьяница. В его работе всё-таки есть смысл. Когда он зажигает свой фонарь — как будто рождается ещё одна звезда или цветок. А когда он гасит фонарь — как будто звезда или цветок засыпают. Прекрасное занятие. Это по-настоящему полезно, потому что красиво».

И, поравнявшись с этой планеткой, он почтительно поклонился фонарщику.

— Добрый день, — сказал он. — Почему ты сейчас погасил фонарь?

— Такой уговор, — ответил фонарщик. — Добрый день.

— А что это за уговор?

— Гасить фонарь. Добрый вечер.

И он снова засветил фонарь.

— Зачем же ты опять его зажёл?

— Такой уговор, — повторил фонарщик.

— Не понимаю, — признался Маленький принц.

— И понимать нечего, — сказал фонарщик. — Уговор есть уговор. Добрый день.

И погасил фонарь.

Потом красным клетчатым платком утёр пот со лба и сказал:

— Тяжкое у меня ремесло. Когда-то это имело смысл. Я гасил фонарь по утрам, а вечером опять зажигал. У меня оставался день, чтобы отдохнуть, и ночь, чтобы выспаться...

— А потом уговор переменялся?

— Уговор не менялся, — сказал фонарщик. — В том-то и беда! Моя планета год от года вращается всё быстрее, а уговор остаётся прежний.

— И как же теперь? — спросил Маленький принц.

— Да вот так. Планета делает полный оборот за одну минуту, и у меня нет ни секунды передышки. Каждую минуту я гашу фонарь и опять его зажигаю.

— Вот забавно! Значит, у тебя день длится всего одну минуту!

— Ничего тут нет забавного, — возразил фонарщик. — Мы с тобой разговариваем уже целый месяц.

— Целый месяц?!

— Ну да. Тридцать минут. Тридцать дней. Добрый вечер!

И он опять засветил фонарь.

«Вот человек, — сказал себе Маленький принц, продолжая путь, — вот человек, которого все стали бы презирать — и король, и честолюбец, и пьяница, и делец. А между тем из них всех он один, по-моему, не смешон. Может быть, потому, что он думает не только о себе».

Маленький принц вздохнул.

«Вот бы с кем подружиться, — подумал он ещё. — Но его планетка уж очень крохотная. Там нет места для двоих...».

Он не смел себе признаться в том, что больше всего жалеет об этой чудесной планетке ещё по одной причине: за двадцать четыре часа на ней можно любоваться закатом тысячу четыреста сорок раз! <...>

XVI

Итак, седьмая планета, которую он посетил, была Земля. Земля — планета непростая! На ней насчитывается сто одиннадцать королей (в том числе, конечно, и негритянских), семь тысяч географов, девятьсот тысяч дельцов, семь с половиной миллионов пьяниц, триста одиннадцать миллионов честолюбцев — итого около двух миллиардов взрослых.

Чтобы дать вам понятие о том, как велика Земля, скажу лишь, что, пока не изобрели электричество, на всех шести континентах приходилось держать целую армию фонарщиков — четыреста шестьдесят две тысячи пятьсот одиннадцать человек. <...>

XVII

Итак, попав на Землю, Маленький принц не увидел ни души и очень удивился. Он подумал даже, что залетел по ошибке на какую-то другую планету. Но тут в песке шевельнулось колечко цвета лунного луча.

— Добрый вечер, — сказал на всякий случай Маленький принц.

— Добрый вечер, — ответила змея.

— На какую это планету я попал?

— На Землю, — сказала змея. — В Африку.

— Вот как. А разве на Земле нет людей?

— Это пустыня. В пустынях никто не живёт. Но Земля большая. Маленький принц сел на камень и поднял глаза к небу.

— Хотел бы я знать, зачем звёзды светятся, — задумчиво сказал он. — Наверно, затем, чтобы рано или поздно каждый мог снова отыскать свою. Смотри, вот моя планета — прямо над нами... Но как до неё далеко!

— Красивая планета,— сказала змея.— А что ты будешь делать здесь, на Земле?

— Я поссорился со своим цветком,— признался Маленький принц.

— А, вот оно что...

И оба умолкли.

— А где же люди? — вновь заговорил наконец Маленький принц.— В пустыне всё-таки одиноко...

— Среди людей тоже одиноко,— заметила змея.

Маленький принц внимательно посмотрел на неё.

— Странное ты существо,— сказал он.— Не толще пальца...

— Но могущества у меня больше, чем в пальце короля,— возразила змея.

Маленький принц улыбнулся.

— Ну, разве ты уж такая могущественная? У тебя даже лап нет. Ты и путешествовать не можешь...

— Я могу унести тебя дальше, чем любой корабль,— сказала змея.

И обвилась вокруг щиколотки Маленького принца, словно золотой браслет.

— Всех, кого я коснусь, я возвращаю земле, из которой они вышли,— сказала она.— Но ты чист и явился со звезды...

Маленький принц не ответил.

— Мне жаль тебя,— продолжала змея.— Ты так слаб на этой Земле, жёсткой, как гранит. В тот день, когда ты горько пожалел о своей покинутой планете, я сумею тебе помочь. Я могу...

— Я прекрасно понял,— сказал Маленький принц.— Но почему ты всё время говоришь загадками?

— Я решаю все загадки,— сказала змея. И оба умолкли. <...>

XX

Долго шёл Маленький принц через пески, скалы и снега и наконец набрёл на дорогу. А все дороги ведут к людям.

— Добрый день,— сказал он.

Перед ним был сад, полный роз.

— Добрый день,— отозвались розы.

И Маленький принц увидел, что все они похожи на его цветок.

— Кто вы? — спросил он, поражённый.

— Мы — розы,— отвечали розы.

— Вот как...— промолвил Маленький принц.

И почувствовал себя очень-очень несчастным. Его красавица говорила ему, что подобных ей нет во всей Вселенной. И вот перед ним пять тысяч точно таких же цветов в одном только саду!

«Как бы она рассердилась, если бы увидела их! — подумал Маленький принц. — Она бы ужасно раскашлялась и сделала вид, что умирает, лишь бы не показаться смешной. А мне пришлось бы ходить за ней, как за больной, — ведь иначе она и вправду бы умерла, лишь бы унижить и меня тоже...»

А потом он подумал: «Я-то воображал, что владею единственным в мире цветком, какого больше ни у кого и нигде нет, а это была самая обыкновенная роза. Только всего у меня и было что простая роза да три вулкана ростом мне по колено, и то один из них потух, и, может быть, навсегда... Какой же я после этого принц?..»

Он лёг в траву и заплакал.

XXI

Вот тут-то и появился Лис.

— Здравствуй, — сказал он.

— Здравствуй, — вежливо ответил Маленький принц и оглянулся, но никого не увидел.

— Я здесь, — послышался голос. — Под яблоней...

— Кто ты? — спросил Маленький принц. — Какой ты красивый!

— Я — Лис, — сказал Лис.

— Поиграй со мной, — попросил Маленький принц. — Мне так грустно...

— Не могу я с тобой играть, — сказал Лис. — Я не приручен.

— Ах, извини, — сказал Маленький принц.

Но, подумав, спросил:

— А как это — приручить?

— Ты нездешний, — заметил Лис. — Что ты здесь ищешь?

— Людей ищу, — сказал Маленький принц. — А как это — приручить?

— У людей есть ружья, и они ходят на охоту. Это очень неудобно! И ещё они разводят кур. Только этим они и хороши. Ты ищешь кур?

— Нет, — сказал Маленький принц. — Я ищу друзей. А как это — приручить?

— Это давно забытое понятие, — объяснил Лис. — Оно означает: создать узы.

— Узы?

— Вот именно, — сказал Лис. — Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, точно такой же, как сто тысяч других мальчиков. И ты мне не нужен. И я тебе тоже не нужен. Я для тебя только лисица, точно такая же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственный в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете...

— Я начинаю понимать, — сказал Маленький принц. — Есть одна роза... Наверно, она меня приручила...

— Очень возможно, — согласился Лис. — На Земле чего только не бывает.

— Это было не на Земле, — сказал Маленький принц.

Лис очень удивился:

— На другой планете?

— Да.

— А на той планете есть охотники?

— Нет.

— Как интересно! А куры там есть?

— Нет.

— Нет в мире совершенства! — вздохнул Лис.

Но потом он опять заговорил о том же:

— Скучная у меня жизнь. Я охочусь за курами, а люди охотятся за мною. Все куры одинаковы, и люди все одинаковы. И живётся мне скучновато. Но если ты меня приручишь, моя жизнь словно солнцем озарится. Твои шаги я стану различать среди тысяч других. Заслышав людские шаги, я всегда убегаю и прячусь. Но твоя походка позовёт меня, точно музыка, и я выйду из своего убежища. И потом — смотри! Видишь, вон там, в полях, зреет пшеница? Я не ем хлеба. Колосья мне не нужны. Пшеничные поля ни о чём мне не говорят. И это грустно! Но у тебя золотые волосы. И как чудесно будет, когда ты меня приручишь! Золотая пшеница станет напоминать мне тебя. И я полюблю шелест колосьев на ветру...

Лис замолчал и долго смотрел на Маленького принца. Потом сказал:

— Пожалуйста... приручи меня!

— Я бы рад, — ответил Маленький принц, — но у меня так мало времени. Мне ещё надо найти друзей и узнать разные вещи.

— Узнать можно только те вещи, которые приручишь, — сказал Лис. — У людей уже не хватает времени что-либо узнавать. Они покупают вещи готовыми в магазинах. Но ведь нет таких магазинов, где торговали бы друзьями, и потому люди больше не имеют друзей. Если хочешь, чтобы у тебя был друг, приручи меня!

— А что для этого надо делать? — спросил Маленький принц.

— Надо запастись терпением, — ответил Лис. — Сперва сядь вон там, поодаль, на траву — вот так. Я буду на тебя искоса поглядывать, а ты молчи. Слова только мешают понимать друг друга. Но с каждым днём садись немножко ближе...

Назавтра Маленький принц вновь пришел на то же место.

— Лучше приходи всегда в один и тот же час, — попросил Лис. — Вот, например, если ты будешь приходить в четыре часа, я уже с трёх часов почувствую себя счастливым. И чем ближе к назначенному часу, тем счастливее. В четыре часа я уже начну волноваться и тревожиться. Я узнаю цену счастью! А если ты приходишь всякий раз в другое время, я не знаю, к какому часу готовить своё сердце...

Так Маленький принц приручил Лиса. И вот настал час прощанья.

— Прощай... — сказал он.

— Прощай, — сказал Лис. — Вот мой секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь.

— Самого главного глазами не увидишь, — повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

— Твоя роза так дорога тебе потому, что ты отдавал ей все свои дни.

— Потому что я отдавал ей все свои дни... — повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

— Люди забыли эту истину, — сказал Лис, — но ты не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил. Ты в ответе за твою розу.

— Я в ответе за мою розу... — повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

<...>

Он устал. Опустился на песок. Я сел рядом. Помолчали. Потом он сказал:

— Звёзды очень красивые, потому что где-то там есть цветок, хоть его и не видно...

— Да, конечно, — сказал я только, глядя на волнистый песок, освещённый луною.

— И пустыня красивая... — прибавил Маленький принц.

Это правда. Мне всегда нравилось в пустыне. Сидишь на песчаной дюне. Ничего не видно. Ничего не слышно. И всё же тишина словно лучится...

— Знаешь, отчего хороша пустыня? — сказал он. — Где-то в ней скрываются родники...

Я был поражён. Вдруг я понял, почему таинственно лучится песок. Когда-то, маленьким мальчиком, я жил в старом-престаром доме — рассказывали, будто в нём запрятан клад. Разумеется, никто его так и не открыл, а может быть, никто никогда его и не искал. Но из-за него дом был словно заколдован: в сердце своём он скрывал тайну...

— Да, — сказал я. — Будь то дом, звёзды или пустыня — самое прекрасное в них то, чего не увидишь глазами.

— Я очень рад, что ты согласен с моим другом Лисом, — отозвался Маленький принц.

Потом он уснул, я взял его на руки и пошёл дальше. Я был взволнован. Мне казалось, я несу хрупкое сокровище. Мне казалось даже, ничего более хрупкого нет на нашей Земле. При свете луны я смотрел на его бледный лоб, на сомкнутые ресницы, на золотые пряди волос, которые перебирал ветер, и говорил себе: всё это лишь оболочка. Самое главное — то, чего не увидишь глазами...

Его полуоткрытые губы дрогнули в улыбке, и я сказал себе: трогательней всего в этом спящем Маленьком принце его верность цветку, образ розы, который лучится в нём, словно пламя светильника, даже когда он спит... И я понял, он ещё более хрупок, чем кажется. Светильники надо беречь: порыв ветра может их погасить... <...>

XXVII

И вот прошло уже шесть лет... Я ещё ни разу никому об этом не рассказывал. Когда я вернулся, товарищи рады были вновь увидеть меня живым и невредимым. Грустно мне было, но я говорил им:

— Это я просто устал...

И всё же понемногу я утешился. То есть не совсем... Но я знаю: он возвратился на свою планетку, ведь, когда рассвело, я не на-

шёл на песке его тела. Не такое уж оно было тяжёлое. А по ночам я люблю слушать звёзды. Словно пятьсот миллионов бубенцов...

<...>

Это, по-моему, самое красивое и самое печальное место на свете. Этот же уголок пустыни нарисован и на предыдущей странице, но я нарисовал ещё

раз, чтобы вы лучше его разглядели. Здесь Маленький принц впервые появился на Земле, а потом исчез.

Всмотритесь внимательней, чтобы непременно узнать это место, если когда-нибудь вы попадёте в Африку, в пустыню. Если вам случится тут проезжать, заклинаю вас, не спешите, помедлите немного под этой звездой! И если к вам подойдёт маленький мальчик с золотыми волосами, если он будет звонко смеяться и ничего не ответит на ваши вопросы, вы, уж конечно, догадаетесь, кто он такой. Тогда — очень прошу вас! — не забудьте утешить меня в моей печали. Скорей напишите мне, что он вернулся...

(Перевод Норы Галь)

Обдумываем прочитанное, делимся впечатлениями

1. Какие чувства вы испытывали, когда читали повесть-сказку А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц»? Поделитесь своими впечатлениями с одноклассниками.
2. Автор очень часто говорит о своей любви к Маленькому принцу. А вы полюбили этого малыша? Если полюбили, то — за что?
3. О чём заставила задуматься повесть-сказка «Маленький принц»? Подготовьтесь к разговору об этом в классе.

Поразмышляем и поговорим о прочитанном

1. Кому посвящает свою сказочную повесть А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц»? В чём заключается своеобразие этого посвящения?
2. Как следует понимать рассказ автора-повествователя о своих детских рисунках и об отношении взрослых к ним? Почему он такого невысокого мнения обо всех взрослых, что они утратили с годами?
3. Подготовьте рассказ о планете Маленького принца, включите в него цитаты из текста. Раскройте значение образов вулканов, баобабов, определите, символами чего они являются. Выпишите слова Маленького принца о необходимости следить за своей планетой, ставшие крылатыми выражениями.
4. Расскажите о розе, выросшей на планете Маленького принца. Какую роль она сыграла в его решении покинуть родную планету? Почему поведение розы изменилось, когда она поняла, что Маленький принц решил улететь?
5. Издавна в сказках Лис является символом мудрости и знания жизни. В какой момент пребывания Маленького принца на Земле

появляется Лис и чему его учит? Какие слова Лиса можно считать афоризмами (они на самом деле ими стали!)? Выпишите те из них, которые вам больше всего понравились, объясните их аллегорический смысл.

6. Почему после путешествия по Земле Маленький принц чувствует себя очень несчастным и решает вернуться на свою планету?
7. Какую роль в повести играет образ лётчика? Почему автор сам создал иллюстрации к своему произведению? Помогло ли это вам лучше понять главные идеи сказки?
8. Найдите признаки сказки и признаки притчи в «Маленьком принце», расскажите о них.
9. Сформулируйте для себя нравственные правила, опираясь на содержание сказки «Маленький принц».
10. В повести А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» все образы символичны, обо всех можно долго рассуждать. Выберите один из них и напишите сочинение-рассуждение «Моё понимание образа ...».

Путешествуем по литературным местам

«Ваш сын жив, он среди людей!»¹

* * *

Пейзажная аллея — одно из самых популярных мест в Киеве. Сюда приходят взрослые и дети, чтобы насладиться панорамой города и увидеть уникальные фигуры героев сказок, созданные киевским скульптором К. Скретуцким. Особым вниманием пользуется мозаичная скульптура Маленького принца, воспетого знаменитым французским писателем А. де Сент-Экзюпери. Знаменитый золотоволосый мальчик стоит на каменной глыбе. У его ног сидит прирученный им друг — мудрый Лис.

* * *

В Центральном городском парке Днепропетровска установлен необычный фонтанный комплекс, названный его автором скульптором В. Наконечным «Маленький принц».

К. Скретуцкий.
Скульптура Маленького принца на Пейзажной аллее. Киев

¹ Слова из письма президента Франции генерала Шарля де Голля матери А. де Сент-Экзюпери (1959).

Герой одноимённой сказки Экзюпери Маленький принц одиноко сидит на своей «планетке» посреди озера и смотрит вдаль. Эта планета так хорошо вписалась в пейзажи парка, что заставляет вспомнить самые значимые моменты повести-притчи. А расположение скульптуры — планета в воде — вызывает самые добрые эмоции. В жаркую погоду её окружают брызги воды, а рядом, в озере, плавают лебеди.

Скульптура Маленького принца выполнена так реалистично, что кажется, будто он сейчас заглянет вам в глаза и спросит: «Ты нарисуешь мне барашка?».

В. Наконечный.
Фонтанный комплекс
«Маленький принц».
Днепропетровск

Обращаемся к интернету

Сайты, посвящённые А. де Сент-Экзюпери

- <http://chtoby-pomnili.com/> (Библиографический ресурс «Чтобы помнили»)
- <http://www.saint-exupery.ru/> (Благотворительный фонд «Мир Сент-Экзюпери в России»)

Взаимодействие искусств

Музыка. Песни: «Маленький принц» (сл. Н. Н. Добронравова, муз. М. Л. Таривердиева), «Маленький принц» (сл. и муз. А. А. Дольского). Мюзикл «Маленький принц» (комп. Р. Коччанте, Франция, 2002).

Кино, мультипликация. Художественный фильм «Маленький принц» (реж. А. П. Жебрюнас, СССР, 1966), мультипликационный фильм «Приключения Маленького принца» (реж. Т. Канда и Ё. Ясухико, Япония, 1978–1979).

Бросим мышку, возьмём книжку

- ◆ Прочитайте книги, рекомендованные для внеклассного и семейного чтения, оформите дневник читателя.
 - А. де Сент-Экзюпери «Ночной полёт», «Планета людей».

Аркадий Натанович Стругацкий 1925–1991

Борис Натанович Стругацкий 1933–2012

Уникальный тандем мировой фантастики

Писать должно либо о том, что ты знаешь очень хорошо, либо о том, что не знает никто.

А. и Б. Стругацкие

Писатели, сценаристы, классики современной научной и социальной фантастики, братья Аркадий Натанович и Борис Натанович Стругацкие относятся к самым известным представителям не только российской, но и мировой литературы. Их произведения изданы миллионными тиражами, переведены на десятки языков, по ним поставлены фильмы.

А. Н. и Б. Н. Стругацкие

Двух братьев-писателей разделяло многое: и возраст (разница в восемь лет), и профессия (Аркадий Натанович — переводчик с японского языка, Борис Натанович — астрофизик), и расстояние (первый жил в Москве, второй — в Санкт-Петербурге). Однако это не мешало им на протяжении 35 лет работать как уникальный творческий тандем¹ — «один писатель, состоящий из двух человек». Аркадий Натанович Стругацкий ушёл из жизни в 1991 году. Борис Натанович всё же продолжал писать фантастику и вести работу своего творческого семинара. Им учреждена литературная премия «АБС» («Аркадий и Борис Стругацкие»), присуждаемая ежегодно за лучшее произведение в жанре фантастики.

Родились братья в интеллигентной семье: мать — учительница, отец — искусствовед. Когда в воскресный полдень 22 июня началась война, Аркадию было шестнадцать лет без двух месяцев, его послали рыть окопы под Ленинградом.

¹ *Тандём* — двухместный двухколёсный велосипед; здесь (перен.) — совместная с кем-либо деятельность.

Потом была блокада. В повести «Град обречённый» есть полторы страницы о блокаде: «Вот в Ленинграде... был холод, жуткий, свирепый, и замерзающие кричали в обледеленных подъездах — всё тише и тише, по многу часов...». Братьям удалось вынести всё и остаться в живых, но бабушка и отец погибли, и ужас пережитого остался с ними на всю жизнь.

Братья Стругацкие в молодости

Пробовать писать Аркадий Натанович Стругацкий начал ещё до войны. Борис Натанович начал писать с начала 1950-х годов. В 1959 году вышла первая совместная книга Стругацких — повесть «Страна багровых туч». В ней действовали не манекены для испытания новой техники и научных идей, а живые люди, решающие не только технические, но и нравственные проблемы.

Связаны общими героями с этой повестью произведения «Путь на Амальтею», «Стажёры», а также рассказы первого сборника Стругацких «Шесть спичек» (1960-е). Эти довольно разноплановые произведения отражали напряжённые поиски смысла человеческой жизни авторами. Каждая новая книга Стругацких становилась событием, вызвала яркие и противоречивые дискуссии.

Романы 1960-х годов — «Возвращение», «Попытка к бегству», «Трудно быть богом», «Хищные вещи века» — ставят вопрос о допустимости улучшения человеческого (или инопланетного) общества насильственным путём. В творчестве писателей начался период ограничений и запретов, когда многие созданные произведения не имели надежды на публикацию. Но именно в эти глухие годы были написаны такие значимые произведения, как «Пикник на обочине», «За миллиард лет до конца света», «Улитка на склоне». Стругацких волнуют вопросы влияния инопланетян на сознание людей Земли, опасности формирования новой расы сверхлюдей, готовой равнодушно отодвинуть с пути отсталых предков. Эти вопросы вызвали живой отклик в обществе, и популярность Стругацких достигла высшего уровня, на котором держится до сих пор. Читатели требовали выхода произведений Стругацких, и молчание в конце концов было прервано. В середине 1980-х годов цензурные преграды рухнули и были изданы запрещённые прежде книги Стругацких. В 1989 году общий тираж книг Стругацких перевалил за миллион экземпляров.

Их книги о будущем, о мире и о человеке в нём для многих стали частью жизни, а для некоторых — и верными путеводителями. Они отвечают на вечные вопросы: как сделать правильный выбор, найти себя и не потеряться в этом огромном мире.

Аркадий и Борис Стругацкие признаны самым известным tandemом мировой фантастики. На сегодняшний день их произведения издавались в переводах на 42 языках в 33 странах мира (более 500 изданий), более 300 изданий за рубежом. Именем Стругацких названа малая планета № 3054, открытая 11 сентября 1977 года из Крымской астрофизической обсерватории.

Могил Аркадия и Бориса Стругацких не существует, так как оба брата завещали после кремации развеять их прах в небе над местом с точно указанными координатами — над Пулковской обсерваторией.

Вопросы и задания

1. Чем привлекает людей фантастика? Какие произведения писателей-фантастов вы знаете? Какие темы в них раскрываются?
2. Что в творчестве писателей братьев Стругацких заставило вас задуматься? Благодаря чему их творчество стало известным во всём мире?
3. Подготовьте презентационное сообщение о повести братьев Стругацких «Трудно быть богом». Постарайтесь заинтересовать одноклассников фактами, иллюстративным материалом.

Пришло время читать

Трудно быть богом (В сокращении)

То были дни, когда я познал, что значит: страдать; что значит: стыдиться; что значит: отчаяться.

Пьер Абеляр

Должен вас предупредить вот о чём. Выполняя задание, вы будете при оружии для поднятия авторитета. Но пускать его в ход вам не разрешается ни при каких обстоятельствах.

Ни при каких обстоятельствах. Вы меня поняли?

Эрнест Хемингуэй

Глава первая

Когда Румата миновал могилу святого Мики — седьмую по счёту и последнюю на этой дороге, было уже совсем темно. Хвалёный хамахарский жеребец, взятый у дона Тамэо за карточный долг, оказался сущим барахлом. Он вспотел, сбил ноги и двигался скверной, вихляющейся рысью. Румата сжимал ему коленями бока, хлестал между ушами перчаткой, но он только уныло мотал головой, не ускоряя шага. Вдоль дороги тянулись кусты, похожие в сумраке на клубы застывшего дыма. Нестерпимо звенели комары. В мутном небе дрожали редкие тусклые звёзды. Дул порывами несильный ветер, тёплый и холодный одновременно, как всегда осенью в этой приморской стране с душными, пыльными днями и зябкими вечерами.

Румата плотнее закутался в плащ и бросил поводья. Торопиться не имело смысла. До полуночи оставался час, а Икающий лес уже выступил над горизонтом чёрной зубчатой кромкой. По сторонам тянулись распаханые поля, мерцали под звёздами болота, воняющие неживой ржавчиной, темнели курганы и сгнившие частоколы времён Вторжения. Далеко слева вспыхивало и гасло угрюмое зарево: должно быть, горела деревушка, одна из бесчисленных однообразных Мертвожорок, Висельников, Ограбиловок, недавно переименованных по августейшему указу в Желанные, Благодатные и Ангельские. На сотни миль — от берегов Пролива и до сайвы¹ Икающего леса — простиралась эта страна, накрытая одеялом комариных туч, раздираемая оврагами, затопляемая болотами, поражённая лихорадками, морами и зловонным насморком.

У поворота дороги от кустов отделилась тёмная фигура. Жеребец шарахнулся, задирая голову. Румата подхватил поводья, привычно поддёргнул на правой руке кружева и положил ладонь на рукоятку меча, всматриваясь. Человек у дороги снял шляпу.

— Добрый вечер, благородный дон,— тихо сказал он.— Прошу извинения.

— В чём дело? — осведомился Румата, прислушиваясь.

Бесшумных засад не бывает. Разбойников выдаёт скрип тетины, серые штурмовички неудержимо рыгают от скверного пива, баронские дружинники алчно сопят и гремят железом, а монахи — охотники за рабами — шумно чешутся. Но в кустах было

¹ *Сайва* — наиболее дикая часть Икающего леса, где росли огромные деревья с твёрдыми белыми стволами; густой подлесок и высокие травы делали сайву труднопроходимой и опасной для человека.

тихо. Видимо, этот человек не был наводчиком. Да он и не был похож на наводчика — маленький плотный горожанин в небогатом плаще.

— Разрешите мне бежать рядом с вами? — сказал он, кланяясь.

— Изволь, — сказал Румата, шевельнув поводьями. — Можешь взяться за стремя.

Горожанин пошёл рядом. Он держал шляпу в руке, и на его темени светлела изрядная лысина. Приказчик, подумал Румата. Ходит по баронам и прасолам¹, скупает лён или пеньку. Смелый приказчик, однако... А может быть, и не приказчик. Может быть, книгочей. Беглец. Изгой. Сейчас их много на ночных дорогах, больше, чем приказчиков... А может быть, шпион.

— Кто ты такой и откуда? — спросил Румата.

— Меня зовут Киун, — печально сказал горожанин. — Я иду из Арканара.

— Бежишь из Арканара, — сказал Румата, наклонившись.

— Бегу, — печально согласился горожанин.

Чужак какой-то, подумал Румата. Или всё-таки шпион? Надо проверить... А почему, собственно, надо? Кому надо? Кто я такой, чтобы его проверять? Да не желаю я его проверять! Почему бы мне просто не поверить? Вот идёт горожанин, явный книгочей, бежит, спасая жизнь... Ему одиноко, ему страшно, он слаб, он ищет защиты... Встретился ему аристократ. Аристократы по глупости и из спеси в политике не разбираются, а мечи у них длинные, и серых они не любят. Почему бы горожанину Киуну не найти бескорыстную защиту у глупого и спесивого аристократа? И всё. Не буду я его проверять. Незачем мне его проверять. Поговорим, скоротаем время, расстанемся друзьями...

— Киун... — произнёс он. — Я знал одного Киуна. Продавец снадобий и алхимик с Жестяной улицы. Ты его родственник?

— Увы, да, — сказал Киун. — Правда, дальний родственник, но им всё равно... до двенадцатого потомка.

— И куда же ты бежишь, Киун?

— Куда-нибудь... Подальше. Многие бегут в Ирукан. Попробую и я в Ирукан.

— Так-так, — произнёс Румата. — И ты вообразил, что благородный дон проведёт тебя через заставу?

Киун промолчал.

— Или, может быть, ты думаешь, что благородный дон не знает, кто такой алхимик Киун с Жестяной улицы?

¹ *Прасол* — оптовый скупщик в деревнях мяса, рыбы, скота и сельскохозяйственного сырья для перепродажи.

Киун молчал. Что-то я не то говорю, подумал Румата. Он привстал на стременах и прокричал, подражая глашатаю на Королевской площади:

— Обвиняется и повинен в ужасных, непрощаемых преступлениях против бога, короны и спокойствия.

Киун молчал.

— А если благородный дон безумно обожает дону Рэбу? Если он всем сердцем предан серому слову и серому делу? Или ты считаешь, что это невозможно?

Киун молчал. Из темноты справа от дороги выдвинулась ломаная тень виселицы. Под перекладной белело голое тело, подвешенное за ноги. Э-э, всё равно ничего не выходит, подумал Румата. Он натянул повод, схватил Киуна за плечо и повернул лицом к себе.

— А если благородный дон вот прямо сейчас подвесит тебя рядом с этим бродягой? — сказал он, вглядываясь в белое лицо с тёмными ямами глаз. — Сам. Скоро и проворно. На крепкой арканарской верёвке. Во имя идеалов. Что же ты молчишь, грамотей Киун?

Киун молчал. У него стучали зубы, и он слабо корчился под рукой Руматы, как придавленная ящерица. Вдруг что-то с плеском упало в придорожную канаву, и сейчас же, словно для того, чтобы заглушить этот плеск, он отчаянно крикнул:

— Ну, вешай! Вешай, предатель!

Румата перевёл дыхание и отпустил Киуна.

— Я пошутил, — сказал он. — Не бойся.

— Ложь, ложь... — всхлипывая, бормотал Киун. — Всюду ложь!..

— Ладно, не сердись, — сказал Румата. — Лучше подбери, что ты там бросил, — промокнет...

Киун постоял, качаясь и всхлипывая, бесцельно похлопал ладонями по плащу и полез в канаву. Румата ждал, устало сгорбившись в седле. Значит, так и надо, думал он, значит, иначе просто нельзя... Киун вылез из канавы, пряча за пазуху свёрток.

— Книги, конечно, — сказал Румата.

Киун помотал головой.

— Нет, — сказал он хрипло. — Всего одна книга. Моя книга.

— О чём же ты пишешь?

— Боюсь, вам это будет неинтересно, благородный дон.

Румата вздохнул.

— Берись за стремя, — сказал он. — Пойдём.

Долгое время они молчали.

— Послушай, Киун,— сказал Румата.— Я пошутил. Не бойся меня.

— Славный мир,— проговорил Киун.— Весёлый мир. Все шутят. И все шутят одинаково. Даже благородный Румата.

Румата удивился.

— Ты знаешь моё имя?

— Знаю,— сказал Киун.— Я узнал вас по обручу на лбу. Я так обрадовался, встретив вас на дороге...

<...> Они миновали корчму и свернули к лесу.

— Я мог бы идти быстрее, если надо,— сказал Киун неестественно твёрдым голосом.

— Вздор! — сказал Румата, осаживая жеребца.— Было бы скучно проехать столько миль и ни разу не подражаться. Неужели тебе никогда не хочется подражаться, Киун? Всё разговоры, разговоры...

— Нет,— сказал Киун.— Мне никогда не хочется драться.

— В том-то и беда,— пробормотал Румата, поворачивая жеребца и неторопливо натягивая перчатки.

Из-за поворота выскочили два всадника и, увидев его, разом остановились.

— Эй ты, благородный дон! — закричал один.— А ну, предъяви подорожную!

— Хамьё! — стеклянным голосом произнёс Румата.— Вы же неграмотны, зачем вам подорожная?

Он толкнул жеребца коленом и рысью двинулся навстречу штурмовикам. Трусят, подумал он. Мнутся... Ну хоть пару оплеух! Нет... Ничего не выйдет. Так хочется разрядить ненависть, накопившуюся за сутки, и, кажется, ничего не выйдет. Останемся гуманными, всех простим и будем спокойны, как боги. Пусть они режут и оскверняют, мы будем спокойны, как боги. Богам спешить некуда, у них впереди вечность...

Он подъехал вплотную. Штурмовики неуверенно подняли топоры и попятились.

— Н-ну? — сказал Румата.

— Так это, значит, что? — растерянно сказал первый штурмовик.— Так это, значит, благородный дон Румата?

Второй штурмовик сейчас же повернул коня и галопом умчался прочь. Первый всё пятился, опустив топор.

— Прощенья просим, благородный дон,— скороговоркой говорил он.— Обознались. Ошибочка произошла. Дело государственное, ошибочки всегда возможны. Ребята малость подпили, горят рвением... — Он стал отъезжать боком.— Сами понимаете, время

тяжёлое... Ловим беглых грамотеев. Нежелательно бы нам, чтобы жалобы у вас были, благородный дон...

Румата повернулся к нему спиной.

— Благородному дону счастливого пути! — с облегчением сказал вслед штурмовик.

Когда он уехал, Румата негромко позвал:

— Киун!

Никто не отозвался.

— Эй, Киун!

И опять никто не отозвался. Прислушавшись, Румата различил сквозь комариный звон шорох кустов. Киун топорливо пробирался через поле на запад, туда, где в двадцати милях проходила ируканская граница. Вот и всё, подумал Румата. Вот и весь разговор. Всегда одно и то же. Проверка, настороженный обмен двусмысленными притчами... Целыми неделями тратишь душу на пошлую болтовню со всяким отребьем, а когда встречаешь настоящего человека, поговорить нет времени. Нужно прикрыть, спасти, отправить в безопасное место, и он уходит, так и не поняв, имел ли дело с другом или с капризным вырождаком. Да и сам ты ничего не узнаешь о нём. Чего он хочет, что может, зачем живёт...

Он вспомнил вечерний Арканар. Добротные каменные дома на главных улицах, приветливый фонарик над входом в таверну, благодушные, сытые лавочники пьют пиво за чистыми столами и рассуждают о том, что мир совсем не плох, цены на хлеб падают, цены на латы растут, заговоры раскрываются вовремя, колдунов и подозрительных книгочеев сажают на кол, король по обыкновению велик и светел, а дон Рэба безгранично умён и всегда начеку. «Выдумают, надо же!.. Мир круглый! По мне хоть квадратный, а умов не мути!..», «От грамоты, от грамоты всё идёт, братья! Не в деньгах, мол, счастье мужик, мол, тоже человек, дальше — больше, оскорбительные стишки, а там и бунт...», «Всех их на кол, братья!.. Я бы делал что? Я бы прямо спрашивал: грамотный? На кол тебя! Стишки пишешь? На кол! Таблицы знаешь? На кол, слишком много знаешь!», «Бина, пышка, ещё три кружечки и порцию тушёного кролика!» А по булыжной мостовой — грррум, грррум,

А. Спивак.

Иллюстрация к роману
А. Н. и Б. Н. Стругацких
«Трудно быть богом»

грррум — стучат коваными сапогами коренастые, красномордые парни в серых рубахах, с тяжёлыми топорами на правом плече. «Братья! Вот они, защитники! Разве эти допустят? Да ни в жисть! А мой-то, мой-то... На правом фланге! Вчера ещё его порол! Да, братья, это вам не смутное время! Прочность престола, благосостояние, незыблемое спокойствие и справедливость. Ура, серые роты! Ура, дон Рэба! Слава королю нашему! Эх, братья, жизнь-то какая пошла чудесная!..»

А по тёмной равнине королевства Арканарского, озаряемой заревами пожаров и искрами лучин, по дорогам и тропкам, изъеденные комарами, со сбитыми в кровь ногами, покрытые потом и пылью, измученные, перепуганные, убитые отчаянием, но твёрдые как сталь в своём единственном убеждении, бегут, идут, бредут, обходя заставы, сотни несчастных, объявленных вне закона за то, что они умеют и хотят лечить и учить свой изнурённый болезнями и погрязший в невежестве народ; за то, что они, подобно богам, создают из глины и камня вторую природу для украшения жизни не знающего красоты народа; за то, что они проникают в тайны природы, надеясь поставить эти тайны на службу своему неумелому, запуганному старинной чертовщиной народу... Беззащитные, добрые, непрактичные, далеко обогнавшие свой век...

Румата стянул перчатку и с размаху треснул ею жеребца между ушами.

— Ну, мёртвая! — сказал он по-русски.

Была уже полночь, когда он въехал в лес.

Теперь никто не может точно сказать, откуда взялось это странное название — Икающий лес. Существовало официальное предание о том, что триста лет назад железные роты имперского маршала Тоца, впоследствии первого Арканарского короля, прорубались через сайву, преследуя отступающие орды меднокожих варваров, и здесь на привалах варили из коры белых деревьев брагу, вызывающую неудержимую икоту. Согласно преданию, маршал Тоц, обходя однажды утром лагерь, произнёс, морща аристократический нос: «Поистине, это невыносимо! Весь лес икает и провялял брагой!». Отсюда якобы и пошло странное название.

Так или иначе, это был не совсем обыкновенный лес. В нём росли огромные деревья с твёрдыми белыми стволами, каких не сохранилось нигде больше в Империи — ни в герцогстве Ируканском, ни тем более в торговой республике Соан, давно уже пустившей все свои леса на корабли. Рассказывали, что таких лесов много за Красным Северным хребтом в стране варваров, но мало ли что рассказывают про страну варваров...

Через лес проходила дорога, прорубленная века два назад. Дорога эта вела к серебряным рудникам и по ленному праву¹ принадлежала баронам Пампа, потомкам одного из сподвижников маршала Тоца. Ленное право баронов Пампа обходилось арканарским королям в двенадцать пудов чистого серебра ежегодно, поэтому каждый очередной король, вступив на престол, собирал армию и шёл воевать замок Бау, где гнездились бароны. Стены замка были крепки, бароны отважны, каждый поход обходился в тридцать пудов серебра, и после возвращения разбитой армии короли Арканарские вновь и вновь подтверждали ленное право баронов Пампа наряду с другими привилегиями, как то: ковырять в носу за королевским столом, охотиться к западу от Арканара и называть принцев прямо по имени, без присовокупления титулов и званий.

<...>

Продравшись через заросли гигантского папоротника, Румата спешился у крыльца Пьяной Берлоги и обмотал повод вокруг одного из идолов. В избе горел свет, дверь была раскрыта и висела на одной петле. Отец Кабани сидел за столом в полной прострации. В комнате стоял могучий спиртной дух, на столе среди обглоданных костей и кусков варёной брюквы возвышалась огромная глиняная кружка.

— Добрый вечер, отец Кабани,— сказал Румата, перешагивая через порог.

— Я вас приветствую,— отозвался отец Кабани хриплым, как боевой рог, голосом.

Румата, звеня шпорами, подошёл к столу, бросил на скамью перчатки и снова посмотрел на отца Кабани. Отец Кабани сидел неподвижно, положив обвисшее лицо на ладони. Мохнатые полуседые брови его свисали над щеками, как сухая трава над обрывом. Из ноздрей крупнозернистого носа при каждом выдохе со свистом вылетал воздух, пропитанный неувоенным алкоголем.

<...>

Хрустя каблуками по битому стеклу, Румата пробрался в дальний угол и включил электрический фонарик. Там под грудой хлама стоял в прочном силикетовом сейфе малогабаритный полевой синтезатор «Мидас». Румата разбросал хлам, набрал на диске комбинацию цифр и поднял крышку сейфа. Даже в белом электрическом свете синтезатор выглядел странно среди развороченного

¹ *Ленное право* — свод правил, определявших взаимоотношения между вассалом и сеньором, а также закреплявших неотъемлемые права благородного сословия.

мусора. Румата бросил в приёмную воронку несколько лопат опилок, и синтезатор тихонько запел, автоматически включив индикаторную панель. Румата носком ботфорта придвинул к выходному жёлобу ржавое ведро. И сейчас же — дзинь, дзинь, дзинь! — посыпались на мягкое жестяное дно золотые кружочки с аристократическим профилем Пицца Шестого, короля Арканарского.

Румата перенёс отца Кабани на скрипучие нары, стянул с него башмаки, повернул на правый бок и накрыл облысевшей шкурой какого-то давно вымершего животного. При этом отец Кабани на минуту проснулся. Двигаться он не мог, соображать тоже. Он ограничился тем, что пропел несколько стихов из запрещённого к распеванию светского романса «Я как цветочек аленький в твоей ладошке маленькой», после чего гулко захрапел.

Румата убрал со стола, подмёл пол и протёр стекло единственного окна, почерневшее от грязи и химических экспериментов, которые отец Кабани производил на подоконнике. За облупленной печкой он нашёл бочку со спиртом и опорожнил её в крысиную дыру. Затем он напоил хамахарского жеребца, засыпал ему овса из седельной сумки, умылся и сел ждать, глядя на коптящий огонёк масляной лампы. Шестой год он жил этой странной, двойной жизнью и, казалось бы, совсем привык к ней, но время от времени, как, например, сейчас, ему вдруг приходило в голову, что нет на самом деле никакого организованного зверства и напирающей серости, а разыгрывается причудливое театральное представление с ним, Руматой, в главной роли. Что вот-вот после особенно удачной его реплики грянут аплодисменты и ценители из Института экспериментальной истории восхищённо закричат из лож: «Адекватно, Антон! Адекватно! Молодец, Тошка!». Он даже огляделся, но не было переполненного зала, были только почерневшие, замшелые стены из голых брёвен, заляпанные наслоениями копоти.

Во дворе тихонько ржанул и переступил копытами хамахарский жеребец. Послышалось низкое ровное гудение, до слёз знакомое и совершенно здесь невероятное. Румата вслушивался, приоткрыв рот. Гудение оборвалось, язычок пламени над светильником заколебался и вспыхнул ярче. Румата стал подниматься, и в ту же минуту из ночной темноты в комнату шагнул дон Кондор, Генеральный судья и Хранитель больших государственных печатей торговой республики Соан, вице-президент Конференции двенадцати негоциантов и кавалер имперского Ордена Десницы Милосердной.

Румата вскочил, едва не опрокинув скамью. Он готов был броситься, обнять, расцеловать его в обе щеки, но ноги, следуя

этикету, сами собой согнулись в коленях, шпоры торжественно звякнули, правая рука описала широкий полукруг от сердца и в сторону, а голова нагнулась так, что подбородок утонул в пенно-кружевных брыжах. Дон Кондор сорвал бархатный берет с простым дорожным пером, торопливо, как бы отгоняя комаров, махнул им в сторону Руматы, а затем, швырнув берет на стол, обеими руками расстегнул у шеи застёжки плаща. Плащ ещё медленно падал у него за спиной, а он уже сидел на скамье, раздвинув ноги, уперев левую руку в бок, а отставленной правой держась за эфес золочёного меча, вонзённого в гнилые доски пола. Был он маленький, худой, с большими выпуклыми глазами на узком бледном лице. Его чёрные волосы были схвачены таким же, как у Руматы, массивным золотым обручем с большим зелёным камнем над переносицей.

— Вы один, дон Румата? — спросил он отрывисто.

— Да, благородный дон, — грустно ответил Румата.

Отец Кабани вдруг громко и трезво сказал: «Благородный дон Рэба!.. Гиена вы, вот и всё».

Дон Кондор не обернулся.

— Я прилетел, — сказал он.

— Будем надеяться, — сказал Румата, — что вас не видели.

— Легендой больше, легендой меньше, — раздражённо сказал дон Кондор. — У меня нет времени на путешествия верхом. Что случилось с Будахом? Куда он делся? Да сядьте же, дон Румата, прошу вас! У меня болит шея.

Румата послушно опустил на скамью.

— Будах исчез, — сказал он. — Я ждал его в Урочище Тяжёлых Мечей. Но явился только одноглазый оборванец, назвал пароль и передал мне мешок с книгами. Я ждал ещё два дня, затем связался с доном Гугом, и дон Гуг сообщил, что проводил Будаха до самой границы и что Будаха сопровождает некий благородный дон, которому можно доверять, потому что он вдребезги проигрался в карты и продан дону Гугу телом и душой. Следовательно, Будах исчез где-то здесь, в Арканаре. Вот и всё, что мне известно.

— Не много же вы знаете, — сказал дон Кондор.

— Не в Будахе дело, — возразил Румата. — Если он жив, я его найду и вытащу. Это я умею. Не об этом я хотел с вами говорить. Я хочу ещё и ещё раз обратить ваше внимание на то, что положение в Арканаре выходит за пределы базисной теории... — На лице дона Кондора появилось кислое выражение. — Нет уж, вы меня выслушайте, — твёрдо сказал Румата. — Я чувствую, что по радио я с вами никогда не объяснюсь. А в Арканаре всё переменялось!

Возник какой-то новый, систематически действующий фактор. И выглядит это так, будто дон Рэба сознательно натравливает на учёных всю серость в королевстве. Всё, что хоть ненамного поднимается над средним серым уровнем, оказывается под угрозой. Вы слушайте, дон Кондор, это не эмоции, это факты! Если ты умён, образован, сомневаешься, говоришь непривычное — просто не пьёшь вина, наконец! — ты под угрозой. Любой лавочник вправе затравить тебя хоть насмерть. Сотни и тысячи людей объявлены вне закона. Их ловят штурмовики и развешивают вдоль дорог. Голых, вверх ногами... Вчера на моей улице забили сапогами старика, узнали, что он грамотный. Топтали, говорят, два часа, тупые, с потными звериными мордами... — Румата сдержался и закончил спокойно: — Одним словом, в Арканаре скоро не останется ни одного грамотного. Как в Области Святого Ордена после Барканской резни.

Дон Кондор пристально смотрел на него, поджав губы.

— Ты мне не нравишься, Антон, — сказал он по-русски.

— Мне тоже многое не нравится, Александр Васильевич, — сказал Румата. — Мне не нравится, что мы связали себя по рукам и ногам самой постановкой проблемы. Мне не нравится, что она называется Проблемой Бескровного Воздействия. Потому что в моих условиях это научно обоснованное бездействие... Я знаю все ваши возражения! И я знаю теорию. Но здесь нет никаких теорий, здесь типично фашистская практика, здесь звери ежеминутно убивают людей! Здесь всё бесполезно. Знаний не хватает, а золото теряет цену, потому что опаздывает.

— Антон, — сказал дон Кондор. — Не горячись. Я верю, что положение в Арканаре совершенно исключительное, но я убеждён, что у тебя нет ни одного конструктивного предложения.

— Да, — согласился Румата, — конструктивных предложений у меня нет. Но мне очень трудно держать себя в руках.

— Антон, — сказал дон Кондор. — Нас здесь двести пятьдесят на всей планете. Все держат себя в руках, и всем это очень трудно. Самые опытные живут здесь уже двадцать два года. Они прилетели сюда всего-навсего как наблюдатели. Им было запрещено вообще что бы то ни было предпринимать. Представь себе это на минуту: запрещено вообще. Они бы не имели права даже спасти Будаха. Даже если бы Будаха топтали ногами у них на глазах.

— Не надо говорить со мной, как с ребёнком, — сказал Румата.

— Вы нетерпеливы, как ребёнок, — объявил дон Кондор. — А надо быть очень терпеливым.

Румата горестно усмехнулся.

— А пока мы будем выжидать, — сказал он, — примериваться да нацеливаться, звери ежедневно, ежеминутно будут уничтожать людей.

— Антон, — сказал дон Кондор. — Во вселенной тысячи планет, куда мы ещё не пришли и где история идёт своим чередом.

— Но сюда-то мы уже пришли!

— Да, пришли. Но для того, чтобы помочь этому человечеству, а не для того, чтобы утолять свой справедливый гнев. Если ты слаб, уходи. Возвращайся домой. В конце концов ты действительно не ребёнок и знал, что здесь увидишь.

Румата молчал. Дон Кондор, какой-то обмякший и сразу постаревший, волоча меч за эфес, как палку, прошёлся вдоль стола, печально кивая носом.

— Всё понимаю, — сказал он. — Я же всё это пережил. Было время — это чувство бессилия и собственной подлости казалось мне самым страшным. Некоторые, послабее, сходили от этого с ума, их отправляли на Землю и теперь лечат. Пятнадцать лет понадобилось мне, голубчик, чтобы понять, что же самое страшное. Человеческий облик потерять страшно, Антон. Запаковать душу, ожесточиться. Мы здесь боги, Антон, и должны быть умнее богов из легенд, которых здешний люд творит кое-как по своему образу и подобию. А ведь ходим по краешку трясины. Оступился — и в грязь, всю жизнь не отмоешься. Горан Ируканский в «Истории Пришествия» писал: «Когда бог, спустившись с неба, вышел к народу из Питанских болот, ноги его были в грязи».

— За что Горана и сожгли, — мрачно сказал Румата.

— Да, сожгли. А сказано это про нас. Я здесь пятнадцать лет. Я, голубчик, уж и сны про Землю видеть перестал. Как-то, роюсь в бумагах, нашёл фотографию одной женщины и долго не мог сообразить, кто же она такая. Иногда я вдруг со страхом осознаю, что я уже давно не сотрудник Института, я экспонат музея этого Института, генеральный судья торговой феодальной республики, и есть в музее зал, куда меня следует поместить. Вот что самое страшное — войти в роль. В каждом из нас благородный подонки борется с коммунарком. И всё вокруг помогает подонку, а коммунарком один-одинёшенек — до Земли тысяча лет и тысяча парсеков. — Дон Кондор помолчал, глядя колени. — Вот так-то, Антон, — сказал он твердеющим голосом. — Останемся коммунарками.

Он не понимает. Да и как ему понять? Ему повезло, он не знает, что такое серый террор, что такое дон Рэба. Всё, чему он был свидетелем за пятнадцать лет работы на этой планете, так или иначе укладывается в рамки базисной теории. И когда я говорю

ему о фашизме, о серых штурмовиках, об активизации мещанства, он воспринимает это как эмоциональные выражения. «Не шутите с терминологией, Антон! Терминологическая путаница влечёт за собой опасные последствия». Он никак не может понять, что нормальный уровень средневекового зверства — это счастливый вчерашний день Арканара. Дон Рэба для него — это что-то вроде герцога Ришелье, умный и дальновидный политик, защищающий абсолютизм от феодальной вольницы. Один я на всей планете вижу страшную тень, наползающую на страну, но как раз я и не могу понять, чья это тень и зачем... И где уж мне убедить его, когда он вот-вот, по глазам видно, пошлёт меня на Землю лечиться. <...>

Глава восьмая

<...>

На площади перед входом, в тени квадратной Весёлой Башни, располагался отряд пеших монахов, вооружённых устрашающего вида узловатыми дубинками. Покойников убрали. От утреннего ветра на площади крутились жёлтые пыльные столбы. Под широкой конической крышей башни, как всегда, орали и ссорились вороны — там, с выступающих балок, свешивались вздёрнутые вниз головой. Башня была построена лет двести назад предком покойного короля исключительно для военных надобностей. Она стояла на прочном трехэтажном фундаменте, в котором хранились некогда запасы пищи на случай осады. Потом башню превратили в тюрьму. Но от землетрясения все перекрытия внутри обрушились, и тюрьму пришлось перенести в подвалы. В своё время одна из арканарских королев пожаловалась своему повелителю, что ей мешают веселиться вопли пытаемых, оглашающих округу. Августейший супруг приказал, чтобы в башне с утра и до ночи играл военный оркестр. С тех пор башня получила своё нынешнее название. Давно она уже представляла собой пустой каменный каркас, давно уже следственные камеры переместились во вновь открытые, самые нижние этажи фундамента, давно уже не играл там никакой оркестр, а горожане всё ещё называли эту башню Весёлой.

Обычно вокруг Весёлой Башни бывало пустынно. Но сегодня здесь царило большое оживление. К ней вели, тащили, волокли по земле штурмовиков в изодранных серых мундирах, вшивых бродяг в лохмотьях, полуодетых, пупырчатых от страха горожан, истошно вопящих девок, целыми бандами гнали угрюмо озирающихся оборванцев из ночной армии. И тут же из каких-то потайных выходов вытаскивали крючьями трупы, валили на телеги

и увозили за город. Хвост длиннейшей очереди дворян и зажиточных горожан, торчащий из отверстых дверей канцелярии, со страхом и смятием поглядывал на эту жуткую суету. <...>

Румата подождал, пока следующего отправили в коридор (это был известный рыботорговец, ему назначили пять розог без целования за невесторженный образ мыслей), протолкался к столу и бесцеремонно положил ладонь на бумаги перед чиновником.

— Прощу прощения,— сказал он.— Мне нужен приказ на освобождение доктора Будаха. Я дон Румата.

Чиновник не поднял головы.

— Дон Румата... дон Румата... — забормотал он и, отпихнув руку Руматы, повёл ногтем по списку.

— Что ты делаешь, старая чернильница? — сказал Румата.— Мне нужен приказ на освобождение!

— Дон Румата... дон Румата... — остановить этот автомат было, видимо, невозможно.— Улица Котельщиков, дом восемь. Номер шестнадцать, брат Тибак.

Румата чувствовал, что за его спиной все затаили дыхание. Да и самому ему, если признаться, стало не по себе. Потный и маленький брат Тибак встал.

— Номер шестнадцать, дон Румата, Котельщиков восемь, за специальные заслуги перед Орденом удостоен особой благодарности его преосвященства и благоволил получить приказ об освобождении доктора Будаха, с каковым Будахом поступит по своему усмотрению — смотри лист шесть—семнадцать—одиннадцать.

Чиновник немедленно извлёк этот лист из-под списков и протянул Румате.

— В жёлтую дверь, на второй этаж, комната шесть, прямо по коридору, направо и налево,— сказал он.— Следующий... <...>

Выйдя из канцелярии, Румата медленно направился к Весёлой Башне, защёлкивая по дороге браслеты на левой руке. Браслетов оказалось девять, и на левой руке уместилось только пять. Остальные четыре Румата нацепил на правую руку. На измор хотел меня взять епископ Арканарский, думал он. Не выйдет. Браслеты звякали на каждом шагу, в руке Румата держал на виду внушительную бумагу — лист шесть—семнадцать—одиннадцать, украшенный разноцветными печатями. Встречные монахи, пешие и конные, торопливо сворачивали с дороги. В толпе на почтительном расстоянии то появлялся, то исчезал неприметный шпион-телохранитель. Румата, немилосердно колотя замешкавшихся ножнами мечей, пробрался к воротам, грозно рыкнул на сунувшегося было стражника и, миновав двор, стал спускаться

по осклизлым, выщербленным ступеням в озарённый коптящими факелами полумрак. Здесь начиналась святая святых бывшего министерства охраны короны — королевская тюрьма и следственные камеры. <...>

— Вот он, Будах-то! — радостно закричал монах ещё издали. — И ничего он не на колу, живой Будах-то, здоровый! Маленько ослабел, правда, давно, видать, голодный сидит...

Румата шагнул им навстречу, вырвал верёвку из рук монаха и снял петлю с шеи старика.

— Вы Будах Ируканский? — спросил он.

— Да, — сказал старик, глядя исподлобья.

— Я Румата, идите за мной и не отставайте. — Румата повернулся к монахам. — Во имя господи, — сказал он.

Было уже далеко за полдень, когда Кира пригласила благородного господина и его высокоучёного друга к столу. Доктор Будах, отмывшийся, переодетый во всё чистое, тщательно побритый, выглядел очень внушительно. Движения его оказались медлительны и исполнены достоинства, умные серые глаза смотрели благосклонно и даже снисходительно. Прежде всего он извинился перед Руматой за свою вспышку на площади. «Но вы должны меня понять, — говорил он. — Это страшный человек. Это оборотень, который явился на свет только упущением божьим. Я врач, но мне не стыдно признаться, что при случае я охотно умертвил бы его. Я слышал, что король отравлен. И теперь я понимаю, чем он отравлен. (Румата насторожился.) Этот Рэба явился ко мне в камеру и потребовал, чтобы я составил для него яд, действующий в течение нескольких часов. Разумеется, я отказался. Он пригрозил мне пытками — я засмеялся ему в лицо. Тогда этот негодяй крикнул палачей, и они привели ему с улицы дюжину мальчиков и девочек не старше десяти лет. Он поставил их передо мной, раскрыл мой мешок со снадобьями и объявил, что будет пробовать на этих детях все снадобья подряд, пока не найдёт нужное. Вот как был отравлен король, дон Румата...» Губы Будаха начали подёргиваться, но он взял себя в руки. Румата, деликатно отвернувшись, кивал. Понятно, думал он. Всё понятно. Из рук своего министра король не взял бы и огурца. И мерзавец подsunул королю какого-то шарлатанчика, которому был обещан титул лейб-знахаря за излечение короля. И понятно, почему Рэба так возликовал, когда я обличал его в королевской опочивальне: трудно было придумать более удобный способ подsunуть королю лже-Будаха. Вся ответственность падала на Румату Эсторского, ируканского шпиона и заговорщика. Щенки мы, подумал он. В Институте надо

специально ввести курс феодальной интриги. И успеваемость оценивать в рэбах. Лучше, конечно, в децирэбах. Впрочем, куда там...

По-видимому, доктор Будах был очень голоден. Однако он мягко, но решительно отказался от животной пищи и почтил своим вниманием только салаты и пирожки с вареньем. Он выпил стакан эсторского, глаза его заблестели, на щеках появился здоровый румянец. Румата есть не мог. Перед глазами у него трещали и чадили багровые факелы, отовсюду несло горелым мясом, и в горле стоял клубок величиной с кулак. Поэтому, ожидая, пока гость насытится, он стоял у окна, ведя вежливую беседу, медлительную и спокойную, чтобы не мешать гостю жевать.

Город постепенно оживал. На улице появились люди, голоса становились все громче, слышался стук молотков и треск дерева — с крыш и стен сбивали языческие изображения. Толстый лысый лавочник прокатил тележку с бочкой пива — продавать на площади по два гроша за кружку. Горожане приспособлялись. В подъезде напротив, ковыряя в носу, болтал с тощей хозяйкой маленький шпион-телохранитель. Потом под окном поехали подводы, нагруженные до второго этажа. Румата сначала не понял, что это за подводы, а потом увидел синие и чёрные руки и ноги, торчащие из-под рогож, и поспешно отошёл к столу.

— Сущность человека, — неторопливо жуя, говорил Будах, — в удивительной способности привыкать ко всему. Нет в природе ничего такого, к чему бы человек не притерпелся. Ни лошадь, ни собака, ни мышь не обладают таким свойством. Вероятно, бог, создавая человека, догадывался, на какие муки его обрекает, и дал ему огромный запас сил и терпения. Затруднительно сказать, хорошо это или плохо. Не будь у человека такого терпения и выносливости, все добрые люди давно бы уже погибли, и на свете остались бы злые и бездушные. С другой стороны, привычка терпеть и приспособливаться превращает людей в бессловесных скотов, кои ничем, кроме анатомии, от животных не отличаются и даже превосходят их в беззащитности. И каждый новый день порождает новый ужас зла и насилия...

Румата поглядел на Киру. Она сидела напротив Будаха и слушала, не отрываясь, подперев щеку кулачком. Глаза у неё были грустные: видно, ей было очень жалко людей.

— Вероятно, вы правы, почтенный Будах, — сказал Румата. — Но возьмите меня. Вот я — простой благородный дон (у Будаха высокий лоб пошёл морщинами, глаза удивлённо и весело округлились), я безмерно люблю учёных людей, это дворянство духа. И мне невдомёк, почему вы, хранители и единственные обладатели

высокого знания, так безнадежно пассивны? Почему вы безропотно даёте себя презирать, бросать в тюрьмы, сжигать на кострах? Почему вы отрываете смысл своей жизни — добывание знаний — от практических потребностей жизни борьбы против зла?

Будах отодвинул от себя опустевшее блюдо из-под пирожков.

— Вы задаёте странные вопросы, дон Румата, — сказал он. — Забавно, что те же вопросы задавал мне благородный дон Гуг, постельничий нашего герцога. Вы знакомы с ним? Я так и подумал... Борьба со злом! Но что есть зло? Всякому вольно понимать это по-своему. Для нас, учёных, зло в невежестве, но церковь учит, что невежество — благо, а всё зло от знания. Для землепашца зло — налоги и засухи, а для хлеботорговца засухи — добро. Для рабов зло — это пьяный и жестокий хозяин, для ремесленника — алчный ростовщик. Так что же есть зло, против которого надо бороться, дон Румата? — Он грустно оглядел слушателей. — Зло неистребимо. Никакой человек не способен уменьшить его количество в мире. Он может несколько улучшить свою собственную судьбу, но всегда за счёт ухудшения судьбы других. И всегда будут короли, более или менее жестокие, бароны, более или менее дикие, и всегда будет невежественный народ, питающий восхищение к своим угнетателям и ненависть к своему освободителю. И всё потому, что раб гораздо лучше понимает своего господина, пусть даже самого жестокого, чем своего освободителя, ибо каждый раб отлично представляет себя на месте господина, но мало кто представляет себя на месте бескорыстного освободителя. Таковы люди, дон Румата, и таков наш мир.

— Мир всё время меняется, доктор Будах, — сказал Румата. — Мы знаем время, когда королей не было...

— Мир не может меняться вечно, — возразил Будах, — ибо ничто не вечно, даже перемены... Мы не знаем законов совершенства, но совершенство рано или поздно достигается. Взгляните, например, как устроено наше общество. Как радуется глаз эта чёткая, геометрически правильная система! Внизу крестьяне и ремесленники, над ними дворянство, затем духовенство и, наконец, король. Как всё продумано, какая устойчивость, какой гармонический порядок! Чему ещё меняться в этом отточенном кристалле, вышедшем из рук небесного ювелира? Нет зданий прочнее пирамидальных, это вам скажет любой знающий архитектор. — Он поучающе поднял палец. — Зерно, высыпавшееся из мешка, не ложится ровным слоем, но образует так называемую коническую пирамиду. Каждое зёрнышко цепляется за другое, стараясь не скатиться вниз. Так же и человечество. Если оно хочет быть неким целым, люди должны цепляться друг за друга, неизбежно образуя пирамиду.

— Неужели вы серьёзно считаете этот мир совершенным? — удивился Румата. — После встречи с доном Рэбой, после тюрьмы...

— Мой молодой друг, ну конечно же! Мне многое не нравится в мире, многое я хотел бы видеть другим... Но что делать? В глазах высших сил совершенство выглядит иначе, чем в моих. Какой смысл дереву сетовать, что оно не может двигаться, хотя оно и радо было бы, наверное, бежать со всех ног от топора дровосека.

— А что, если бы можно было изменить высшие предназначения?

— На это способны только высшие силы...

— Но всё-таки, представьте себе, что вы бог...

Будах засмеялся.

— Если бы я мог представить себя богом, я бы стал им!

— Ну, а если бы вы имели возможность посоветовать богу?

— У вас богатое воображение, — с удовольствием сказал Будах. — Это хорошо. Вы грамотны? Прекрасно! Я бы с удовольствием позанимался с вами...

— Вы мне льстите... Но что же вы всё-таки посоветовали бы всемогущему? Что, по-вашему, следовало бы сделать всемогущему, чтобы вы сказали: вот теперь мир добр и хорош?..

Будах, одобрительно улыбаясь, откинулся на спинку кресла и сложил руки на животе. Кира жадно смотрела на него.

— Что ж, — сказал он, — извольте. Я сказал бы всемогущему: «Создатель, я не знаю твоих планов, может быть, ты и не собираешься делать людей добрыми и счастливыми. Захоти этого! Так просто этого достигнуть! Дай людям вволю хлеба, мяса и вина, дай им кров и одежду. Пусть исчезнут голод и нужда, а вместе с тем и всё, что разделяет людей».

— И это всё? — спросил Румата.

— Вам кажется, что этого мало?

Румата покачал головой.

— Бог ответил бы вам: «Не пойдёт это на пользу людям. Ибо сильные вашего мира отберут у слабых то, что я дал им, и слабые по-прежнему останутся нищими».

— Я бы попросил бога оградить слабых. «Вразуми жестоких правителей», — сказал бы я.

— Жестокость есть сила. Утратив жестокость, правители потеряют силу, и другие жестокие заменят их.

Будах перестал улыбаться.

— Накажи жестоких, — твёрдо сказал он, — чтобы неповадно было сильным проявлять жестокость к слабым.

— Человек рождается слабым. Сильным он становится, когда нет вокруг никого сильнее его. Когда будут наказаны жестокие из сильных, их место займут сильные из слабых. Тоже жестокие. Так придётся карать всех, а я не хочу этого.

— Тебе виднее, всемогущий. Сделай тогда просто так, чтобы люди получили всё и не отбирали друг у друга то, что ты дал им.

— И это не пойдёт людям на пользу, — вздохнул Румата, — ибо когда получают они всё даром, без трудов, из рук моих, то забудут труд, потеряют вкус к жизни и обратятся в моих домашних животных, которых я вынужден буду впредь кормить и одевать вечно.

— Не давай им всего сразу! — горячо сказал Будах. — Давай понемногу, постепенно!

— Постепенно люди и сами возьмут всё, что им понадобится. Будах неловко засмеялся.

— Да, я вижу, это не так просто, — сказал он. — Я как-то не думал раньше о таких вещах... Кажется, мы с вами перебрали всё. Впрочем, — он подался вперёд, — есть ещё одна возможность. Сделай так, чтобы больше всего люди любили труд и знание, чтобы труд и знание стали единственным смыслом их жизни!

Да, это мы тоже намеревались попробовать, подумал Румата. Массовая гипноиндукция, позитивная реморализация. Гипноизлучатели на трёх экваториальных спутниках...

— Я мог бы сделать и это, — сказал он. — Но стоит ли лишать человечество его истории? Стоит ли подменять одно человечество другим? Не будет ли это то же самое, что стереть это человечество с лица земли и создать на его месте новое?

Будах, сморщив лоб, молчал обдумывая. Румата ждал. За окном снова тоскливо закрипели подводы. Будах тихо проговорил:

— Тогда, господи, сотри нас с лица земли и создай заново более совершенными... или ещё лучше, оставь нас и дай нам идти своей дорогой.

— Сердце моё полно жалости, — медленно сказал Румата. — Я не могу этого сделать.

И тут он увидел глаза Киры. Кира глядела на него с ужасом и надеждой.

Глава девятая

В кабинете за столом сидел, сгорбившись в кресле, положив руки на высокие подлокотники, чёрный монах в низко надвинутом капюшоне. Ловко, подумал Румата.

— Кто ты такой? — устало спросил он. — Кто тебя пустил?

— Добрый день, благородный дон Румата, — произнёс монах, откидывая капюшон.

<...>

Это был профессиональный бунтовщик, мститель божьей милостью, в средние века фигура довольно редкая. <...>

Румата глубоко вздохнул. После чудесного спасения на вертолёт Арата настоятельно потребовал объяснений. Румата попытался рассказать о себе, он даже показал в ночном небе Солнце — крошечную, едва видную звёздочку. Но мятежник понял только одно: проклятые попы правы, за небесной твердью действительно живут боги, всеблагие и всемогущие. И с тех пор каждый разговор с Руматой он сводил к одному: бог, раз уж ты существуешь, дай мне свою силу, ибо это лучшее, что ты можешь сделать.

И каждый раз Румата отмалчивался или переводил разговор на другое.

— Дон Румата, — сказал мятежник, — почему вы не хотите помочь нам?

— Одну минутку, — сказал Румата. — Прошу прощения, но я хотел бы знать, как вы проникли в дом?

— Это неважно. Никто, кроме меня, не знает этой дороги. Не уклоняйтесь, дон Румата. Почему вы не хотите дать нам вашу силу?

— Не будем говорить об этом.

— Нет, мы будем говорить об этом. Я не звал вас. Я никогда не молился. Вы пришли ко мне сами. Или вы просто решили позабыться?

Трудно быть богом, подумал Румата. Он сказал терпеливо:

— Вы не поймёте меня. Я вам двадцать раз пытался объяснить, что я не бог, — вы так и не поверили. И вы не поймёте, почему я не могу помочь вам оружием...

— У вас есть молнии?

— Я не могу дать вам молнии.

— Я уже слышал это двадцать раз, — сказал Арата. — Теперь я хочу знать: почему?

— Я повторяю: вы не поймёте.

— А вы попробуйте.

— Что вы собираетесь делать с молниями?

— Я выжгу золочёную сволочь, как клопов, всех до одного, весь их проклятый род до двенадцатого потомка. Я сотру с лица земли их крепости. Я сожгу их армии и всех, кто будет защищать их и поддерживать. Можете не беспокоиться — ваши молнии будут служить только добру, и когда на земле останутся только освобождённые рабы и воцарится мир, я верну вам ваши молнии и никогда больше не попрошу их.

Арата замолчал, тяжело дыша. Лицо его потемнело от прилившей крови. Наверное, он уже видел охваченные пламенем герцогства и королевства, и груды обгорелых тел среди развалин, и огромные армии победителей, восторженно ревущих: «Свобода! Свобода!».

— Нет,— сказал Румата.— Я не дам вам молний. Это было бы ошибкой. Постарайтесь поверить мне, я вижу дальше вас... (Арата слушал, уронив голову на грудь.) — Румата стиснул пальцы.— Я приведу вам только один довод. Он ничтожен по сравнению с главным, но зато вы поймете его. Вы живучи, славный Арата, но вы тоже смертны; и если вы погибнете, если молнии перейдут в другие руки, уже не такие чистые, как ваши, тогда даже мне страшно подумать, чем это может кончиться...

Они долго молчали. Потом Румата достал из погребца кувшин эсторского и еду и поставил перед гостем. Арата, не поднимая глаз, стал ломать хлеб и запивать вином. Румата ощущал странное чувство болезненной раздвоенности. Он знал, что прав, и тем не менее эта правота странным образом унижала его перед Аратой. Арата явно превосходил его в чём-то, и не только его, а всех, кто незваным пришёл на эту планету и полный бессильной жалости наблюдал страшное кипение её жизни с разрезанных высот бесстрастных гипотез и чужой здесь морали. И впервые Румата подумал: ничего нельзя приобрести, не утратив,— мы бесконечно сильнее Араты в нашем царстве добра и бесконечно слабее Араты в его царстве зла...

— Вам не следовало спускаться с неба,— сказал вдруг Арата.— Возвращайтесь к себе. Вы только вредите нам.

— Это не так,— мягко сказал Румата.— Во всяком случае, мы никому не вредим.

— Нет, вы вредите. Вы внушаете беспочвенные надежды...

— Кому?

— Мне. Вы ослабили мою волю, дон Румата. Раньше я надеялся только на себя, а теперь вы сделали так, что я чувствую вашу силу за своей спиной. Раньше я вёл каждый бой так, словно это мой последний бой. А теперь я заметил, что берегу себя для других боёв, которые будут решающими, потому что вы примете в них участие... Уходите отсюда, дон Румата, вернитесь к себе на небо и никогда больше не приходите. Либо дайте нам ваши молнии, или хотя бы вашу железную птицу, или хотя бы просто обнажите ваши мечи и встаньте во главе нас.

Арата замолчал и снова потянулся за хлебом. Румата глядел на его пальцы, лишённые ногтей. Ногти специальным приспособлением вырвал два года тому назад лично дон Рэба. Ты ещё

не знаешь, подумал Румата. Ты ещё тешишь себя мыслью, что обречён на поражение только ты сам. Ты ещё не знаешь, как безнадежно само твоё дело. Ты ещё не знаешь, что враг не столько вне твоих солдат, сколько внутри них. Ты ещё, может быть, свалишь Орден, и волна крестьянского бунта забросит тебя на Арканарский трон, ты сравнишь с землёй дворянские замки, утопишь баронов в проливе, и восставший народ воздаст тебе все почести, как великому освободителю, и ты будешь добр и мудр — единственный добрый и мудрый человек в твоём королевстве. И по доброте ты станешь раздавать земли своим сподвижникам, а на что сподвижникам земли без крепостных? И завертится колесо в обратную сторону. И хорошо ещё будет, если ты успеешь умереть своей смертью и не увидишь появления новых графов и баронов из твоих вчерашних верных бойцов. Так уже бывало, мой славный Арата, и на Земле, и на твоей планете.

Глава десятая

— Румата, — сказала Кира. — Я боюсь.

— Чего, маленькая?

— Ты всё молчишь и молчишь. Мне страшно...

Румата притянул её к себе.

— Хорошо, — сказал он. — Сейчас я буду говорить, а ты меня внимательно слушай. Далеко-далеко за сайвой стоит грозный, неприступный замок. В нём живёт весёлый, добрый и смешной барон Пампа, самый добрый барон в Арканаре. У него есть жена, красивая, ласковая женщина, которая очень любит Пампу трезвого и терпеть не может Пампу пьяного...

Он замолчал, прислушиваясь. Он услышал цокот множества копыт на улице и шумное дыхание многих людей и лошадей. «Здесь, что ли?» — спросил грубый голос под окном. «Вроде здесь...» — «Сто-ой!». По ступенькам крыльца загремели каблуки, и сейчас же несколько кулаков обрушились на дверь. Кира, вздрогнув, прижалась к Румате.

— Это за мной, — сказала Кира шёпотом. — Я так и знала!

В. И. Харламов.

Иллюстрация к роману
А. Н. и Б. Н. Стругацких
«Трудно быть богом»

Румата с трудом освободился из рук Киры и подбежал к окну. «Во имя господи! — ревели вниз. — Открывай! Взломаем — хуже будет!» Румата отдернул штору, и в комнату хлынул знакомый пляшущий свет факелов. Множество всадников топтались внизу — мрачных чёрных людей в остроконечных капюшонах. Румата несколько секунд глядел вниз, потом осмотрел оконную раму. По обычаю рама была вделана в оконницу намертво. В дверь с треском били чем-то тяжёлым. Румата нашарил в темноте меч и ударил рукояткой в стекло. Со звоном посыпались осколки.

— Эй, вы! — рявкнул он. — Вам что, жить надоело?

Удары в дверь стихли.

— И ведь всегда они напутают, — негромко сказали вниз. — Хозяин-то дома...

— А нам что за дело?

— А то дело, что он на мечах первый в мире.

— А ещё говорили, что уехал и до утра не вернётся.

— Испугались?

— Мы-то не испугались, а только про него ничего не велено.

Не пришлось бы убить...

— Свяжем. Покалечим и свяжем! Эй, кто там с арбалетами?

— Как бы он нас не покалечил...

— Ничего, не покалечит. Всем известно: у него обет такой — не убивать.

— Перебью как собак, — сказал Румата страшным голосом.

Сзади к нему прижалась Кира. Он слышал, как бешено стучит её сердце. Внизу скомандовали скрипуче: «Ломай, братья! Во имя господи!». Румата обернулся и взглянул Кире в лицо. Она смотрела на него, как давеча, с ужасом и надеждой. В сухих глазах плясали отблески факелов.

— Ну что ты, маленькая, — сказал он ласково. — Испугалась? Неужели этой швали испугалась? Иди одевайся. Делать нам здесь больше нечего... — Он торопливо натягивал металлопластовую кольчугу. — Сейчас я их прогоню, и мы уедем. Уедем к Пампе.

Она стояла у окна, глядя вниз. Красные блики бегали по её лицу. Внизу трещало и ухало. У Руматы от жалости и нежности сжалось сердце. Погоню как псов, подумал он. Он наклонился, отыскивая второй меч, а когда снова выпрямился, Кира уже не стояла у окна. Она медленно сползала на пол, цепляясь за портьеру.

— Кира! — крикнул он.

Одна арбалетная стрела пробила ей горло, другая торчала из груди. Он взял её на руки и перенёс на кровать. «Кира...» — позвал он. Она всхлипнула и вытянулась. «Кира...» — сказал он.

Она не ответила. Он постоял немного над нею, потом подобрал мечи, медленно спустился по лестнице в прихожую и стал ждать, когда упадёт дверь...

Эпилог

— А потом? — спросила Анка.

Пашка отвёл глаза, несколько раз хлопнул себя ладонью по колену, наклонился и потянулся за земляничкой у себя под ногами. Анка ждала.

— Потом... — пробормотал он. — В общем-то никто не знает, что было потом, Анка. Передатчик он оставил дома, и когда дом загорелся, на патрульном дирижабле поняли, что дело плохо, и сразу пошли в Арканар. На всякий случай сбросили на город шашки с усыпляющим газом. Дом уже догорал. Сначала растерялись, не знали, где его искать, но потом увидели... — Он замаялся. — Словом, видно было, где он шёл.

Пашка замолчал и стал кидать ягоды в рот одну за другой.

— Ну? — тихонько сказала Анка.

— Пришли во дворец... Там его и нашли.

— Как?

— Ну... он спал. И все вокруг... тоже... лежали... Некоторые спали, а некоторые... так... Дона Рэбу тоже там нашли... — Пашка быстро взглянул на Анку и снова отвёл глаза. — Забрали его, то есть Антона. Доставили на Базу... Понимаешь, Анка, ведь он ничего не рассказывает. Он вообще теперь говорит мало.

Анка сидела очень бледная и прямая и смотрела поверх Пашкиной головы на лужайку перед домиком. Шумели, легонько раскачиваясь, сосны, в синем небе медленно двигались пухлые облака. <...>

Обдумываем прочитанное, делимся впечатлениями

1. Поделитесь впечатлениями от прочитанного, организовав с одноклассниками диалоги.
2. Расскажите о героях, которые вызвали ваше удивление, восхищение или негодование. Объясните причины таких чувств.
3. Какие события романа заставили вас задуматься? Расскажите, о чём именно вы размышляли.

Поразмышляем и поговорим о прочитанном

1. Проанализируйте первую главу романа братьев Стругацких «Трудно быть богом», отвечая на вопросы и выполняя задания.

- Опишите пейзаж, нарисованный в первой главе; расскажите, какое впечатление это описание местности производит на вас как на читателей и как помогает почувствовать настроение главного героя; обратите внимание на художественные детали: кусты, похожие на клубы дыма, мутное небо, тусклые звёзды, угрюмое зарево и т. п.
 - Определите, какую роль в понимании идейного содержания текста играет образ книгочея Киуна, как приоткрывается характер Руматы в общении с ним.
 - Опираясь на текст, расскажите об Арканаре и Арканарском королевстве: о привычках, обычаях и взглядах местных жителей; найдите факты, раскрывающие отношение Руматы к этому народу, сделайте вывод о герое как о личности.
 - Подумайте, какое значение в романе имеет образ Икающего леса, его тёмных тайн и Пьяной Берлоги; постарайтесь раскрыть символическое значение возникающих в этом тексте образов.
2. В главе восьмой повествуется о событиях, происходящих после убийства короля Арканара, подстроенного епископом Арканарским — подлым Рэбой, и приходе к власти монашеского Святого Ордена во главе с ним. Выполняя задания и отвечая на вопросы, проанализируйте эту главу.
 - Опишите атмосферу в городе Арканаре после захвата власти Святым Орденом.
 - Дайте характеристику поступкам Руматы, освобождающего доктора Будаха.
 - Прокомментируйте разговор-спор Руматы и Будаха о добре и зле, о необходимости бороться со злом и сущности человека; объясните, как вы понимаете этот вопрос и как, на ваш взгляд, следует понимать слова Будаха: «Тогда, господи, сотри нас с лица земли и создай заново, более совершенными».
 3. В центре девятой главы находится философский разговор между доном Руматой и Аратой Красивым. Как вы думаете, в чём главный смысл этого разговора? Какие нравственные проблемы поднимаются в нём? Как возникает тема бога, его всемогущества? Почему Румата говорит в конце концов: «Трудно быть богом»?
 4. Изображая средневековую цивилизацию, писатели-фантасты имеют в виду современность. Как вы думаете, какую современность изобразили братья Стругацкие в романе «Трудно быть богом»? Какие нравственные и моральные вопросы они затронули в нём? Дайте своё толкование названию романа.
 5. В научно-фантастической литературе существует термин *прогрессоры*, что означает представителей высокоразвитых разумных рас, в чьи обязанности входит содействие историческому

прогрессу цивилизаций, находящихся на более низком уровне общественного развития. У Стругацких прогрессоры — это коллективное название сотрудников Института экспериментальной истории, профессионалов, которых специально готовят к их деятельности. Как вы думаете, кого в романе «Трудно быть богом» можно назвать прогрессором? Кто из них не выдержал и сломался? Какую идею таким образом выражают авторы?

Работаем творчески

- ◆ Подготовьте устное монологическое высказывание «Трудно быть богом, а Человеком легко?».
- ◆ Напишите сочинение-эссе на одну из тем:
 - «Там, где торжествует серость, к власти обязательно приходят чёрные»;
 - «Если бы я мог посоветовать богу...»;
 - «Стоит ли лишать человечество его истории?»;
 - «Друг наполовину — это всегда наполовину враг»;
 - «Всё дорогое должно быть внутри нас».

Обращаемся к интернету

Сайты, посвящённые А. Н. и Б. Н. Стругацким

- <http://www.personbio.com/> (Сайт «Биографии знаменитых людей»)
- <http://www.rusf.ru/abs/> (Официальный сайт «Аркадий и Борис Стругацкие»)
- http://sf.mksat.net/abs/encycly/abs_edd.htm (Сайт «Фантасты братья Стругацкие»)

Взаимодействие искусств

Музыка. Песня «Трудно быть богом» (сл. и муз. А. А. Ковалёва, исп. группа «Пилигрим»).

Кино. Художественный фильм «Трудно быть богом» (реж. П. Фляйшман, Германия—СССР—Франция—Швейцария, 1989).

Бросим мышку, возьмём книжку

- ◆ Прочитайте книги, рекомендованные для внеклассного и семейного чтения, оформите дневник читателя.
 - А. Н. и Б. Н. Стругацкие «Понедельник начинается в субботу», «Пикник на обочине», «Обитаемый остров».

Тренируем память, развиваем мышление

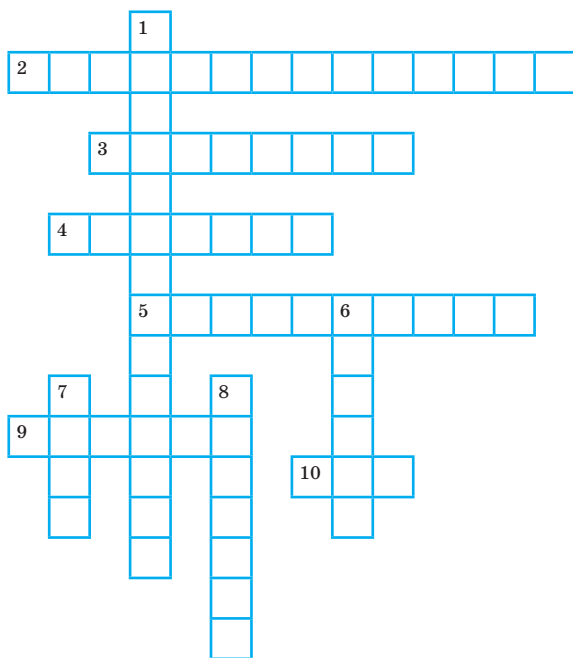
- ◆ Разгадайте кроссворд по повести-сказке А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц».

По горизонтали

2. Главный персонаж произведения. 3. Герой, у которого день и ночь длились всего одну минуту. 4. Герой, который представился Маленькому принцу как учёный, который знает, где находятся моря, города, горы и пустыни. 5. Тщеславный человек, которому постоянно кажется, что все им восхищаются. 9. Персонаж, которому нравилось постоянно всеми повелевать. 10. Очень мудрый герой, который давал Маленькому принцу советы.

По вертикали

1. Герой, который живёт на планете уже пятьдесят четыре года, и за всю жизнь в подсчётах ему помещали только три раза. 6. Кем был назван автор в произведении? 7. Персонаж, к которому Маленький принц был очень привязан. 8. Персонаж, который хотел забыть о том, что ему совестно.

- ◆ Составьте собственные кроссворды по изученным произведениям, предложите их своим одноклассникам.

Краткий словарь литературоведческих терминов

Автор (в переводе с лат. *создатель, сочинитель*) — создатель литературного произведения. Применительно к конкретному литературному произведению используется понятие «образ автора» — это условный представитель писателя в художественном мире произведения. Понятия «автор» и «образ автора» часто используются как синонимы.

Акт (от лат. *actus* — поступок, действие) — в драматургических произведениях и спектаклях законченная часть произведения, отдельное действие драмы или комедии.

Аллегория (от греч. *allegoria* — иносказание) — иносказательное изображение отвлечённого понятия или явления действительности при помощи конкретного жизненного образа, черты и признаки которого вызывают то представление о нём, которое хочет создать писатель. *Аллегория* часто применяется в баснях и сказках, где хитрость иносказательно изображают в образе лисы, жадность — в облики волка, коварство — в виде змеи и т. п.

Аннотация (от лат. *annotacio* — заметка) — краткая заметка, поясняющая содержание книги; такие аннотации печатаются в справочниках литературы, каталогах книг и т. п.

Антитеза (греч. *antithesis* — противоположное) — сопоставление резко отличных по смыслу слов или словесных групп, противопоставление; на антитезе строятся пословицы, напр.: «Мал золотник, да дорог».

Афоризм (от греч. *aphorismos* — изречение) — обобщённая, глубокая мысль автора, выраженная в лаконичной, отточенной форме, отличающаяся меткой выразительностью и явной неожиданностью суждения.

Баллада (от ит. *balar* — плясать) — один из видов лиро-эпической поэзии; небольшое сюжетное стихотворение фантастического, исторического или героического содержания, в котором поэт передаёт не только свои чувства и мысли, но и изображает то, что вызывает эти переживания; напр.: *английские народные баллады о Робине Гуде*.

Ба́сня — небольшое произведение повествовательного характера в стихах или — реже — в прозе с нравоучительным, сатирическим или ироническим содержанием, имеющее поучительный вывод — мораль; черты человеческого характера, поступки и отношения людей изображаются в *басне* иносказательно, отношения людей заменяются отношениями животных или вещей.

Биография (от греч. *bios* — жизнь и *graphō* — пишу) — последовательное изложение событий жизни человека начиная от его рождения в форме описания, повествования и т. п.

Вечные образы — художественные образы произведений мировой литературы, в которых писатель на основе жизненного материала своего времени сумел создать долговечное обобщение, применимое к жизни последующих поколений; эти образы приобретают нарицательный смысл и сохраняют художественное значение вплоть до нашего времени.

Геро́й литерату́рный — действующее лицо в художественном произведении, обладающее отчётливыми чертами характера и поведения, определённым отношением к другим действующим лицам и жизненным явлениям, показанным в произведении; героем часто называют всякое многосторонне изображённое действующее лицо в произведении.

Геро́й лири́ческий — то лицо в лирической поэзии, переживания, мысли и чувства которого выражены в стихотворении, от имени которого оно написано; художественный образ *лирического героя* возникает в представлении читателя и после того, как он познакомился с рядом стихотворений поэта или всем его лирическим творчеством; напр.: *лирический герой А. С. Пушкина*.

Гипе́рбола (от греч. *hyperbolē* — преувеличение) — непомерное, чрезмерное преувеличение свойств изображаемого предмета; к *гиперболе* писатель прибегает для усиления впечатления, для заострения образа; *гипербола* часто встречается в устном народном творчестве, например в былинах.

Гротеск (от франц. *grotesque* — смешной, необычайный) — художественный приём в литературе и искусстве, изображение человека или картин человеческой жизни в намеренно преувеличенном или преуменьшённом, уродливо-комическом виде, где реальное переплетается с фантастическим, пугающее, страшное с необычайно смешным и т. п.

Гуманизм, гуманность (от лат. *humanus* — человеческий) — любовь к человеку, человечность, сострадание к человеку в беде, в угнетении, стремление помочь ему.

Деталь (от франц. *détail* — подробность) — выразительная подробность в произведении; деталь помогает острее и глубже представить читателю, зрителю время, место действия, внешний облик персонажа, характер его мыслей, понять авторское отношение к изображаемому.

Диалог (от греч. *dialogos* — разговор, беседа) — разговор двух или нескольких лиц в художественном произведении; в драматургическом произведении *диалог* действующих лиц — одно из основных художественных средств для создания образа, характера.

Драма (от греч. *drama* — действие) — литературное произведение, написанное в форме разговора действующих лиц, без авторской речи, предназначенное для постановки на сцене.

Жанр (франц. *genre* — род, вид) — вид художественного произведения: басня, лирическое стихотворение, рассказ, повесть.

Идея (от греч. *idea* — понятие, представление) — основная мысль художественного произведения.

Ирония (от греч. *eironeia* — притворство, насмешка) — выражение насмешки.

Катарсис (греч. *katharsis* — очищение) — душевное волнение, пережитое зрителем, которое очищает его душу, возвышает, воспитывает его.

Комедия (от греч. *kōmōdia* — весёлое представление) — один из видов драматургических произведений, в котором отражается смешное и несообразное в жизни, осмеивается какое-либо плохое общественное или бытовое явление, смешные черты человеческого характера.

Композиция (от лат. *compositio* — составление, упорядочение) — построение произведения, расположение его составных частей, порядок изложения событий.

Контекст (от лат. *contextus* — соединение) — законченный в смысловом отношении отрывок литературного произведения, определяющий смысл отдельного слова или фразы, взятых из этого отрывка.

Контраст (от франц. *contraste* — резкое отличие) — резко выраженная противоположность черт, качеств, свойств одного человеческого характера, предмета, явления другому.

Конфликт (от лат. *conflictus* — столкновение) — разногласие, столкновение, лежащее в основе борьбы действующих лиц в художественном произведении (драме, рассказе, повести, поэме и т. д.).

Крылатые слова — меткие выражения; кратко, в художественной, образной форме выраженные мысли, ставшие пословицами, известными в народе изречениями.

Легенда (от лат. *legenda* — то, что должно быть прочитанным) — произведение, созданное народной фантазией, в котором сочетается реальное и фантастическое.

Лирика (от греч. *lyra* — древнегреческий струнный музыкальный инструмент, под звуки которого исполнялись песни-стихотворения) — один из трёх основных родов литературы: эпос, лирика, драма.

Метафора (от греч. *metaphora* — перенос) — употребление слова в переносном его значении для определения какого-либо предмета или явления, схожего с ним отдельными чертами или сторонами.

Монолог (от греч. *monos* — один, *logos* — слово) — речь действующего лица в произведении, обращённая к собеседнику или к себе самому, а в драматургическом произведении на сцене — иногда к зрителям.

Олицетворение — перенесение свойств человека на неодушевлённые предметы и отвлечённые понятия, часто применяется в поэтической речи.

Пафос (от греч. *pathos* — чувство, страсть) — страстное воодушевление; *пафос* произведения — захватившая писателя идея, большое чувство, проникающее всё произведение.

Пейзаж (от франц. *paysage*, от *païs* — местность, страна) — картины природы в художественном произведении; изображая пейзаж, писатель выражает своё отношение к природе, раскрывает её мощь, красоту, характерные черты природы данной местности, области, страны; *пейзаж* также может служить в художественном произведении дополнительным средством выразительного изображения действующих лиц.

Персонаж (от лат. *persona* — лицо) — действующее лицо в произведении, не влияющее на ход событий в нём.

Повесть — один из видов эпической, повествовательной литературы; в *повести* выступает обычно несколько персонажей, сгруппированных вокруг героя; таким образом, она отражает жизнь в большей её сложности, чем она отражена в рассказе, но с меньшим многообразием характеров и событий, чем в романе; по объёму *повесть* больше, чем рассказ, и меньше, чем роман.

Портрет (от франц. *portrait*) — изображение в художественном произведении внешности человека, его лица, его одежды и т. п.

Послание — литературное произведение, написанное в виде обращения к какому-либо лицу или лицам.

Поэма (от греч. *poiēma*) — один из видов лиро-эпического повествовательного рода литературы — стихотворное сюжетное повествование, стихотворная повесть или рассказ в стихах.

Псевдоним (от греч. *pseudos* — вымысел и *onoma* — имя) — вымышленное имя или фамилия, которым и подписывают некоторые писатели свои произведения в печати или под которыми выступают иные актёры на сцене.

Пьеса (от франц. *piece*) — общее название для драматургических произведений различных видов (трагедия, драма, комедия).

Рассказ — один из видов эпической, повествовательной литературы, малая её форма; небольшое художественное произведение, посвящённое обычно отдельному событию в жизни человека, без детального изображения того, что с ним было до и после этого события.

Ремарка (от франц. *remarque*) — авторское пояснение в драматургическом произведении, описывающее внешность, возраст, поведение, чувства, жесты, интонации действующих лиц, обстановку на сцене.

Рэплика (от франц. *replique*) — краткий ответ действующего лица в произведении на речь другого участника изображённой сцены, а также последние слова актёра, вслед за которыми другой актёр в пьесе произносит слова из своей роли.

Роман (от франц. *roman* — романский рассказ) — один из видов эпической, повествовательной литературы; произведение, которое отражает сложный жизненный процесс, большой круг жизненных явлений, показанных в их развитии; в событиях, изображённых в *романе*, обычно принимает участие много действующих лиц, судьбы и интересы которых сталкиваются и переплетаются.

Рубай — одна из распространённых стихотворных форм лирической поэзии народов Ближнего Востока — стихотворное четверостишие, в котором рифмуются первая, вторая и четвёртая строки.

Сатира (от греч. *satura* — разное, смесь) — художественные произведения различных родов и видов (роман, повесть, рассказ, пьеса, стихотворение), в которых гневно осуждаются и резко осмеиваются порочные явления общественной и личной жизни.

Сравнение — изображение одного явления с помощью сопоставления его с другим.

Стихотворение — написанное стихами произведение, преимущественно небольшого объёма, часто лирическое, выражающее душевные переживания.

Стихотворение в прозе — небольшое произведение лирического характера, написанное прозой, приближающейся по эмоциональности речи и своеобразию ритма к стихотворной речи.

Сюжет (от франц. *sujet* — предмет) — ряд связанных между собой и последовательно развивающихся (от завязки до развязки)

жизненных событий, составляющих непосредственное содержание эпического, лиро-эпического или драматургического произведения.

Тема (от греч. *thema*) — круг жизненных явлений, отобранный и освещённый писателем в художественном произведении с определённых идейно-политических позиций.

Трагедия (греч. *tragōdia* — буквально «козлиная песнь») — вид драматургических произведений, в котором характер героя раскрывается в безвыходном положении, в неравной, напряжённой борьбе, обрекающей его на гибель.

Фабула (от лат. *fabula* — басня) — последовательное изложение событий или происшествий, изображённых в художественном произведении.

Фантазия (от греч. *phantasia* — представление, изображение) — творческое воображение, а также образ, созданный творческим воображением, мечта, всё, существующее лишь в представлении человека и не существующее в реальной жизни, но являющееся своеобразным отражением действительности в его сознании.

Фантастика (от греч. *phantastikē* — способность воображать) — разновидность художественной литературы, в которой авторский вымысел простирается до создания вымышленного, нереального, «чуждого» мира.

Характер (от греч. *charaktēr* — черта, особенность) — совокупность душевных, психических особенностей человека, которые проявляются в его поведении в различных обстоятельствах — в его отношениях с людьми, различным явлениям общественной и личной жизни.

Характеристика действующего лица в художественном произведении — это сведения о его происхождении, деятельности, моральных качествах, воле, способностях, интересах, внешности, которые показывает автор в поведении действующего лица, его переживаниях и сообщает о них в своей авторской речи.

Шаири — четырёхстишия в древнегрузинской поэзии, связанные в строфу одной чередующейся рифмой.

Эзопов язык (от имени древнегреческого баснописца *Эзона*) — нарочито затемнённый, полный намёков и недомолвок язык писателя, вынужденного выражать свою мысль иносказательно, чтобы избежать запрета цензуры и преследования власти.

Эпиграф (от греч. *epigraphē* — надпись) — короткий отрывок из произведения другого автора, фраза, стихи, которые помещает писатель в начале своего произведения или в начале отдельных его глав для пояснения основной мысли, содержания, темы.

Эпизод (от греч. *episodion* — буквально *вставка*) — одно из связанных между собой событий в сюжете художественного произведения, имеющее в нём более или менее самостоятельное значение.

Эпитет (от греч. *epitheton* — приложение) — слово, определяющее, поясняющее, характеризующее какое-нибудь свойство или качество понятия, явления, предмета.

Эпос (от греч. *epos* — слово, рассказ, песня) — повествовательный род литературы, один из основных её родов (эпос, драма, лирика).

Эссе (от франц. *essai* — попытка, проба, очерк) — прозаическое сочинение небольшого объёма и свободной композиции, выражающее индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу.

Юмор (от лат. *humor* — буквально *влага*) — в художественной литературе — произведения, в которых отражается комическое, смешное в жизни.

Список произведений для внеклассного и семейного чтения

Из литературы эпохи Возрождения

Гораций. Ода «К Мельпомене».
Эсхил. «Прометей прикованный» (отрывки).
Вергилий. «Энеида» (отрывки).
Сайгё. Танка.
Ф. Петрарка. Сонеты.

Из литературы XVII–XVIII веков

Д. И. Фонвизин. «Недоросль».
П. Бомарше. «Безумный день, или Женитьба Фигаро».
Ж. Б. Мольер. «Скупой».
Лопе де Вега. «Собака на сене».
К. Гольдони. «Слуга двух господ».
Н. М. Карамзин. «Бедная Лиза».

Из литературы XIX века

В. А. Жуковский. «Море», «Песня», «Желание».
Дж. Г. Н. Байрон. Лирика. «Паломничество Чайльд-Гарольда», «Корсар», Гяур».
В. Гюго. «Собор Парижской Богоматери».
Э. Т. А. Гофман. «Крошка Цахес по прозванию Циннобер».
А. Мицкевич. «Крымские сонеты».
А. С. Пушкин. «Пиковая дама», «Цыганы», «Борис Годунов», «Медный всадник», «Маленькие трагедии».
М. Ю. Лермонтов. «Демон», «Маскарад»
Н. В. Гоголь. «Мёртвые души», «Портрет», Нос».
Н. С. Лесков. «Очарованный странник».
Ги де Мопассан. Новеллы.
П. Мериме. «Кармен», «Венера Илльская», «Маттео Фальконе».

Из литературы XX — начала XXI веков

Р. Акутагава. «Бататовая каша», «Нос», «Бал».

М. М. Зощенко. Рассказы.

Н. М. Рубцов. Лирика.

И. А. Ефремов. «Лезвие бритвы».

Борис Акунин. «Аزازель».

В. С. Токарева. «Самый счастливый день в моей жизни (Рассказ акселератки)».

С. Д. Довлатов. «Счастливчик».

С. С. и М. Ю. Дяченко. «Ритуал», «Подземный ветер».

М. Павич. «Пёстрый хлеб. Невидимое зеркало».

Отвѣты на кроссворды

«Жизнь и творчество Омара Хайяма»

По горизонтали: 1. Поэт. 2. Календарь. 3. Нишапур. 4. Философ. 5. Ибрагим. 6. Медресе.

По вертикали: 4. Фитцджеральд. 7. Хадж. 8. Обсерватория. 9. Хорасан. 10. Рубаи. 11. Академия. 12. Малик. 13. Учёный.

А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц»

По горизонтали: 2. Маленький принц. 3. Фонарщик. 4. Географ. 5. Честолюбец. 9. Король. 10. Лис.

По вертикали: 1. Деловой человек. 6. Лётчик. 7. Роза. 8. Пьяница.

Навчальне видання

ХАЛАБАДЖАХ Інна Михайлівна

ЛІТЕРАТУРА (РОСІЙСЬКА ТА ЗАРУБІЖНА) Підручник для 8 класу загальноосвітніх шкіл з російською мовою навчання (російською мовою)

Редактор *М. В. Коновалова*
Технічний редактор *Ю. О. Неджеря*
Комп'ютерне верстання *Є. С. Островський*

Підп. до друку 15.01.2016. Формат 60×90/16. Папір офсет.
Гарнітура Шкільна, Аріал. Друк офсет. Ум. друк. арк. 27,0 + 0,25 форзац.
Наклад прим. Зам. № 16—01/18—05.

ТОВ «Видавнича група «Основа»».
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 2911 від 25.07.2007.
Україна, 61001 Харків, вул. Плеханівська, 66.
Тел. (057) 731-96-32. E-mail: russ@osnova.com.ua